

И. Ю. Винокурова. ВОДА В ВЕПССКИХ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ О ЖИЗНИ И СМЕРТИ.	66
Н. А. Криничная. ДЕРЕВО-ЧЕЛОВЕК: К ПРОБЛЕМЕ СИНКРЕТИЗМА И ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ФИТОАНТРОПОМОРФНОГО ОБРАЗА (ПО МАТЕРИАЛАМ НАРРАТИВНОГО ФОЛЬКЛОРА КАРЕЛИИ).	77
У. С. Конкка, А. П. Конкка. АРХИППА ПЕРТТУНЕН И ЭЛИАС ЛЕННРОТ: ТАК СОЗДАВАЛАСЬ «КАЛЕВАЛА»	86
М. В. Пулькин. ПРИХОДСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ И КАРЕЛЬСКИЕ ЭПИЧЕСКИЕ ПЕСНИ	97
История науки	
С. Н. Филимончик. РОЛЬ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ИНСТИТУТОВ КАРЕЛИИ В РАЗВИТИИ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК В 1930-е ГОДЫ	103
Т. Г. Иванова. РОЛЬ ЛЕНИНГРАДСКИХ УЧЕНЫХ В СТАНОВЛЕНИИ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ В КАРЕЛЬСКОМ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ ИНСТИТУТЕ	115
Тапио Хямюнен. 40 ЛЕТ ИЗУЧЕНИЯ КАРЕЛИИ И РОССИИ НА ГУМАНИТАРНОМ ФАКУЛЬТЕТЕ УНИВЕРСИТЕТА ЙОЭНСУУ	123
И. Ю. Винокурова, К. К. Логинов. Р. Ф. НИКОЛЬСКАЯ И СТАНОВЛЕНИЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ В КАРЕЛИИ	132
Юбилей и даты	
Ю. А. Савватеев. Григорий Александрович Панкрушев и археология в Карелии	141
Э. П. Степанова. Александра Степановна Степанова (к 80-летию со дня рождения)	145
Рецензии и библиография	
А. В. Голубев. Концепции истории Советской Карелии в 1920–1930-е годы в исследованиях М. Кангаспуру и Н. Барона	149
С. М. Лойтер. Былина-панегирик, плач-панегирик, сказка-панегирик	154
Правила для авторов	158

Труды

КАРЕЛЬСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

№ 4, 2010

ISSN 1997-3217

transactions.krc.karelia.ru

Серия ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ Выпуск 1

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	3
Методы и подходы в гуманитарных исследованиях	
Н. В. Лобанова. ПРОБЛЕМЫ ДОКУМЕНТИРОВАНИЯ ПЕТРОГЛИФОВ КАРЕЛИИ	4
Н. В. Ениосова, С. И. Кочкуркина. ДРЕВНЕКАРЕЛЬСКИЕ ЮВЕЛИРНЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ ЦВЕТНОГО И ДРАГОЦЕННОГО МЕТАЛЛА X–XV ВЕКОВ: АРЕАЛ, ДАТИРОВКА, ХИМИЧЕСКИЙ СОСТАВ	24
Н. Г. Зайцева. ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИЕ ЯЗЫКИ В ЗЕРКАЛЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ	34
Е. И. Маркова. ПРИНЦИПЫ СОЗДАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РОДОСЛОВНОЙ В ТВОРЧЕСТВЕ НИКОЛАЯ КЛЮЕВА	48
История и культура Европейского Севера	
А. Ю. Тарасов, А. Крийска, Ю. Кирс. СВИДЕТЕЛЬСТВА ОБМЕНА МЕЖДУ НАСЕЛЕНИЕМ КАРЕЛИИ И ЭСТОНИИ В ФИНАЛЬНОМ КАМЕННОМ ВЕКЕ: ПО РЕЗУЛЬТАТАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО И ПЕТРОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ РУБЯЩИХ ОРУДИЙ РУССКО-КАРЕЛЬСКОГО ТИПА С ТЕРРИТОРИИ ЭСТОНИИ	56

Карельский научный центр
Российской академии наук

ТРУДЫ

КАРЕЛЬСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Серия ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
Выпуск 1

Петрозаводск
2010

**Труды Карельского научного центра
Российской академии наук**

№ 4, 2010. Серия ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, вып. 1

Главный редактор
А. Ф. Титов

Редакционный совет

В. Т. Вдовицын, Т. Вихавайнен, А. В. Воронин, С. П. Гриппа, Э. В. Ивантер, А. С. Исаев, В. И. Крутов, А. М. Крышень (зам. главного редактора), В. В. Мазалов, Ф. П. Митрофанов, И. И. Муллонен, Н. Н. Немова, В. В. Окрепилов, О. Н. Пугачев, Н. Н. Филатов, А. И. Шишкин, В. В. Щипцов

Editor-in-Chief
A. F. Titov

Editorial Council

V. T. Vdovitsyn, T. Vihavainen, A. V. Voronin, S. P. Grippa, E. V. Ivanter, A. S. Isaev, V. I. Krutov, A. M. Kryshen' (associate editor), V. V. Mazalov, F. P. Mitrofanov, I. I. Mullonen, N. N. Nemova, V. V. Okrepilov, O. N. Pugachev, N. N. Filatov, A. I. Shishkin, V. V. Schiptsov

Редакционная коллегия серии «Гуманитарные исследования»

А. В. Антощенко, И. Ю. Винокурова, А. С. Герд, Н. Г. Зайцева, О. П. Илюха (зам. отв. редактора), С. В. Ковалева (отв. секретарь), Н. А. Кораблев, С. И. Кочкуркина, Н. А. Криничная, Е. И. Маркова, И. И. Муллонен (отв. редактор), А. В. Пигин, Т. Хямюнен

Editorial board of the «Humanitarian studies» series

A. V. Antoshchenko, I. J. Vinokurova, A. S. Gerd, N. G. Zaitseva, O. P. Ilyukha (Deputy Editor-in-Charge), S. V. Kovaleva (Executive Secretary), N. A. Korablev, S. I. Kochkurkina, N. A. Krinichnaya, E. I. Markova, I. I. Mullonen (Editor-in-Charge), A. V. Pigin, T. Hämynen

ISSN 1997-3217

Зав. редакцией Н. В. Михайлова
Адрес редакции: 185910 Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11
тел. (8-8142)780109; (8-8142)769600
E-mail: trudy@krc.karelia.ru
Электронная полнотекстовая версия: <http://transactions.krc.karelia.ru>

ОТ РЕДАКТОРА

Уважаемые коллеги!

Данный номер открывает серию «Гуманитарные исследования» обновленных «Трудов Карельского научного центра Российской академии наук». При этом сама серия выросла из одноименного продолжающегося издания, которое на протяжении последних лет публиковалось в Институте языка, литературы и истории КарНЦ РАН, а также из выходявших в предшествующие годы других серийных изданий института: «Археология Карелии», «Обряды и верования народов Карелии», «Прибалтийско-финское языкознание», «Фольклористика Карелии», «Проблемы литературы Карелии и Финляндии» и др. В журнале на материале Европейского Севера обсуждается широкий круг историко-филологических проблем. Основная его проблематика – этнокультурная и социальная история Севера, а также анализ современных этно- и социокультурных процессов в регионе, прибалтийско-финское языкознание и языковые контакты в северо-западном регионе, духовные и эстетические ценности фольклора и литературы Европейского Севера.

Первый номер журнала приурочен к 80-летию Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. Созданный в 1930 г. для изучения языков, истории и культуры Карелии, институт является ведущим гуманитарным научным центром края. Среди наиболее существенных результатов его научной деятельности – создание российского кареловедения и вепсологии, включающих широкий спектр аспектов исследования (язык, в том числе проблемы создания письменности, изучение традиционной культуры, история, анализ современной этнополитической ситуации, устное народное творчество и литература). Усилиями работающих в институте специалистов исторического профиля наук раскрыты основные аспекты формирования этноисторической карты Карелии и сопредельных территорий, ведется работа по изучению края в контексте истории России и Европейского Севера. В связи с юбилейной датой в журнале публикуется несколько материалов по истории гуманитарной науки, а также ряд статей, в которых обобщены результаты исследований по важнейшим направлениям деятельности института.

В дальнейшем планируется выпускать один номер журнала в год. Приглашаем к сотрудничеству специалистов, работающих в области гуманитарных наук.

*Ответственный редактор
д. ф. н. И. И. Муллонен*

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала:
transactions.krc.karelia.ru

Адрес редакции:

185910, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, д. 11, редакция Трудов КарНЦ РАН,
серия «Гуманитарные исследования». Электронный адрес: trude@krc.karelia.ru

МЕТОДЫ И ПОДХОДЫ В ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

УДК 902.2

ПРОБЛЕМЫ ДОКУМЕНТИРОВАНИЯ ПЕТРОГЛИФОВ КАРЕЛИИ

Н. В. Лобанова

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

В статье рассматриваются проблемы источниковедческого изучения петроглифов Карелии, дан критический обзор принципов и методов полевого документирования памятников на протяжении более чем 150-летнего периода. Такие материалы (безусловно, с учетом широкого природного и культурного контекста) являются первичным и очень важным источником для дальнейшего анализа и интерпретационных построений, для сохранения и популяризации объектов наскального искусства. Автор акцентирует внимание на основных достижениях и новшествах последнего времени в данной области знаний.

Ключевые слова: петроглифоведение, Онежские и Беломорские петроглифы, принципы и методы документирования наскальных изображений.

N. V. Lobanova. PROBLEMS OF DOCUMENTING ROCK ART IN KARELIA

The paper deals with the problems of documenting Karelian rock art. A critical review of more than 150 years of field studies of petroglyphs (principles and methods of their documentation) is presented. Such materials, certainly with due regard of the overall cultural and natural context, are a primary and importance source for further analysis and interpretations, and for preservation and presentation of rock art sites. The author focuses on the main achievements and latest innovations in this field of research.

Key words: rock art study, petroglyphs of Lake Onego and Vyg River, principles and methods of documenting carvings.

В последние десятилетия наблюдается устойчивый интерес к памятникам древнего наскального искусства, прежде всего связанный с новыми, порой весьма впечатляющими открытиями в разных регионах мира. Им посвящена обширная научная и научно-популярная

литература. Древнее наскальное творчество широко популяризируется в средствах массовой информации, созданы и успешно функционируют музеи петроглифов, некоторые из них признаны объектами Всемирного наследия ЮНЕСКО [Helskog, 1999; <http://www.ssfpa.se/>

uk/tanummuseum.html]. В предлагаемой статье автор обобщает опыт работы нескольких поколений исследователей на Онежских и Беломорских петроглифах (рис. 1), начавшийся с момента открытия первых памятников в XIX в., акцентируя внимание на достижениях последнего времени и возможностях дальнейших перспектив источниковедческого анализа памятников.

Петроглифоведение в рамках археологической науки является особой субдисциплиной со своими принципами и методами, которые в России формируются на протяжении последних 70–80 лет в ходе изучения крупных изобразительных комплексов [Равдоникас, 1936, 1938; Савватеев, 1970; Шер, 1980, Poikalainen, Ernits, 1998]. Осознавая важность достоверного документирования памятников наскального искусства для их последующей интерпретации, исследователи разрабатывали принципы и методы изучения с учетом специфики конкретного местонахождения, опираясь на собственные эксперименты, пробуя на практике самые разнообразные, в том числе не самым положительным образом влиявшие на степень сохранности объектов приемы [Дэвлет, 2002. С. 79–80]. Тем не менее сама методика и методология не имеют установленной и принятой научной стратегии, не всегда уделяется должное внимание и качеству исследовательских процедур [Lewis-Williams, 1995. P. 409–415]. Возможно, это связано и с тем, что способы документирования скальных поверхностей с петроглифами не устанавливаются раз и навсегда; они совершенствуются, меняются, могут быть различными в разных районах. Эти вопросы редко рассматриваются специально в научных публикациях и, как правило, освещаются достаточно бегло [Равдоникас, 1936, 1938; Линевский, 1939; Хельберг, 1998. С. 30–41; Пойкалайнен, Эрнитс, 2001. С. 7–20; Taskinen, 2005; Савватеев, 2007]. В качестве исключения можно отметить книгу Е. Г. Дэвлет, где обобщены различные аспекты изучения и сохранения наскального искусства в России и за рубежом [Дэвлет, 2002].

Вместе с тем в настоящее время стремительно растет число работ, связанных с интерпретацией, поиском смысла наскальных рисунков, и, к сожалению, их качественная сторона оставляет желать много лучшего. Чаще всего выводы авторов основываются на поверхностных и зачастую дальних аналогиях, подборе мифологических, фольклорных и этнографических фактов, не имеющих прямого отношения к изучаемым источникам, а потому в немалой степени основанных на фантазиях и домыслах; для обоснования того или иного серьезного вы-

вода используются неточные или даже совершенно недостоверные копии изображений. Показательным примером недостаточности исследовательского опыта и знания материала, на наш взгляд, служит недавно вышедшая научно-популярная книга о петроглифах Карелии [Жульников, 2006], которой присущи упомянутые выше недостатки. Пытаясь предложить «комплексную мифологическую реконструкцию на основе образов наскального творчества», автор опирается в основном на результаты документирования петроглифов семидесятилетней давности [Равдоникас, 1936, 1938]. Между тем многие опубликованные данные о петроглифах Карелии (особенно Онежского комплекса) уже существенно изменены, уточнены и дополнены в результате многолетних полевых работ последнего времени [Лобанова, отчеты за 1999–2008 гг.; рис. 2: 1–3, 6–8]. Справедливости ради следует заметить, что в отдельных случаях (Лебединый Нос, Эрмитажная «крыша») в упомянутой работе используются и собственные полевые наблюдения [Жульников, 2006. С. 61, рис. 55; С. 177, рис. 20], но и тогда приведенные сведения противоречат действительной ситуации (рис. 2: 5, 7). В результате многие выводы и умозаключения автора невозможно считать достоверными уже на основании качества приложенной графической документации, оставляя в стороне прочие аспекты его аргументации.

Очевидно, что изучение этого своеобразного пласта древностей требует не только иной методики и исследовательской процедуры, чем обычные археологические объекты, но и очень кропотливой и продолжительной полевой деятельности, в процессе которой отрабатываются приемы поиска и фиксации изображений, их расположение относительно друг друга, выясняется природный и культурный контекст памятников.

Любой исследователь, приступающий к изучению петроглифов, может проверить степень достоверности предыдущего документирования памятников* (разумеется, кроме уже утраченных вследствие разрушительных природных или антропогенных факторов), выбрать и освоить наиболее приемлемую для данного типа скал и фигур методику. Безусловно, при изучении петроглифов (как и любых других памятников) фактор субъективности нельзя исключать, так как никакие самые совершенные приемы не могут гарантировать абсолютной надежности, однако повторение документирования в разные

* Уже имеющаяся документация, кроме того, является крайне важной в дальнейшем, так как она может быть использована для выяснения динамики факторов разрушения памятников (природных или антропогенных).

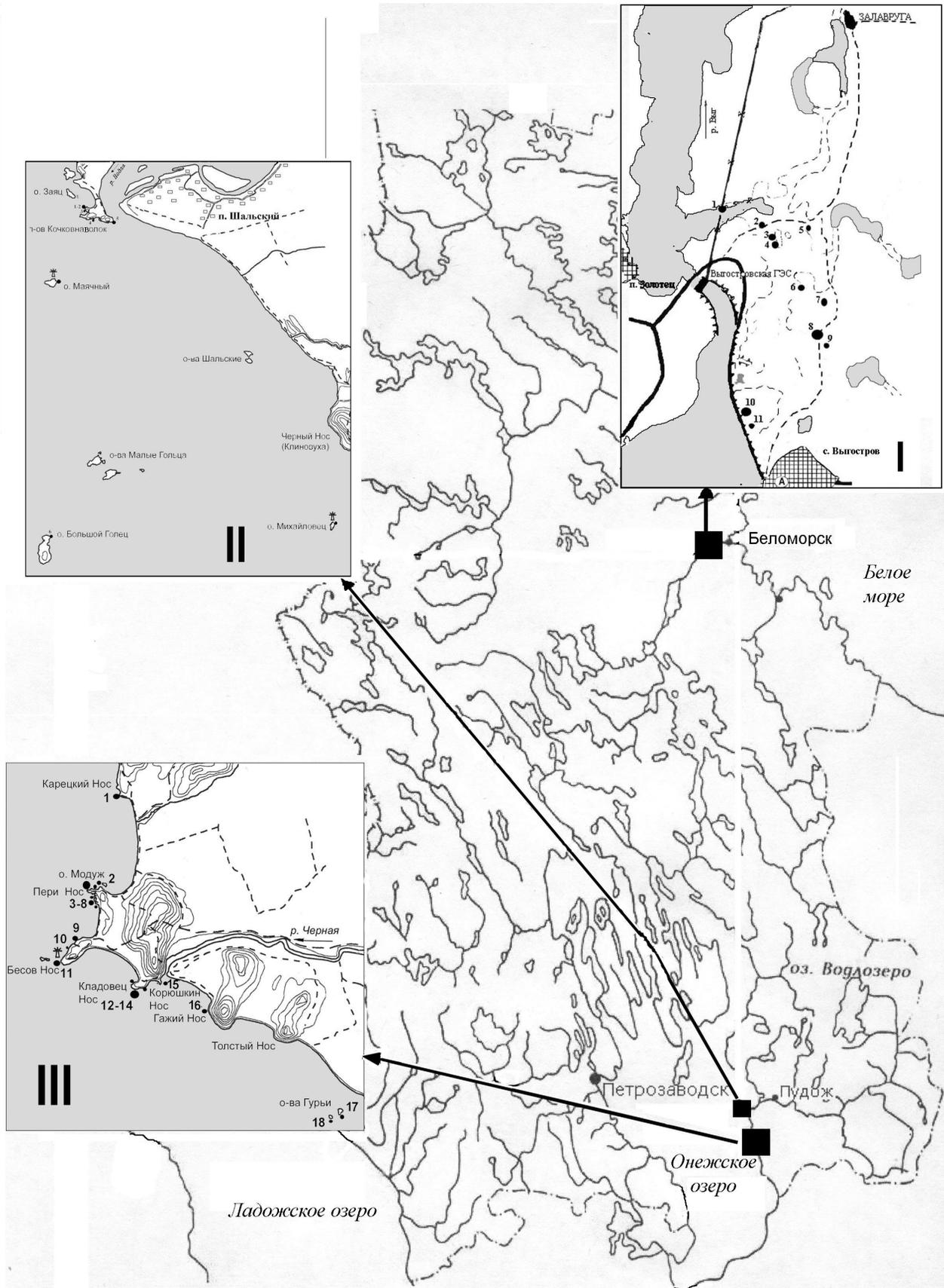
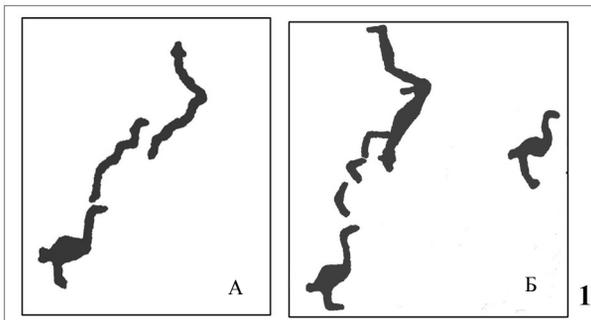
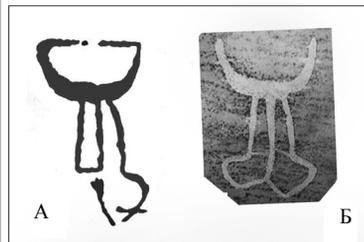

Рис. 1. Карта Карелии с пунктами расположения петроглифов:

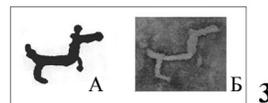
I – низовья р. Выг: 1 – Золотец I, 2–5 – безымянные о-ва, 6–9 – Ергин Пудас, 10–11 – Бесовы Следки; II – северная часть онежского наскального комплекса; III – южная часть онежского наскального комплекса

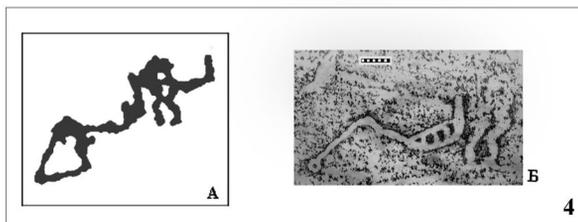
1 А – Старая Залавруга, фрагмент южной группы петроглифов (Равдоникас, 1938, табл. 19); Б – документирование тех же петроглифов с помощью черной пленки и графитных протирок (Лобанова, 2008, рис. 22–23)

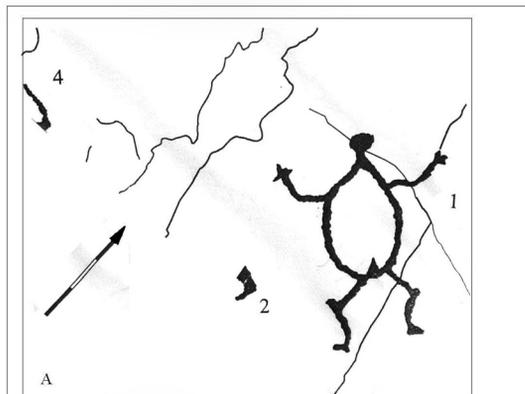
2 Карецкий Нос: А – копия В. И. Равдоникаса, табл. 4, фиг. 54; Б – копия Н. В. Лобановой (отчет за 2002 г.)

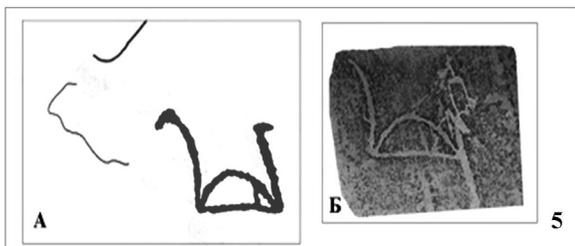
3 Пери Нос III: А – копия В. И. Равдоникаса, 1936, табл. 16, фиг. 148; Б – копия Н. В. Лобановой (отчет за 2002 г.)

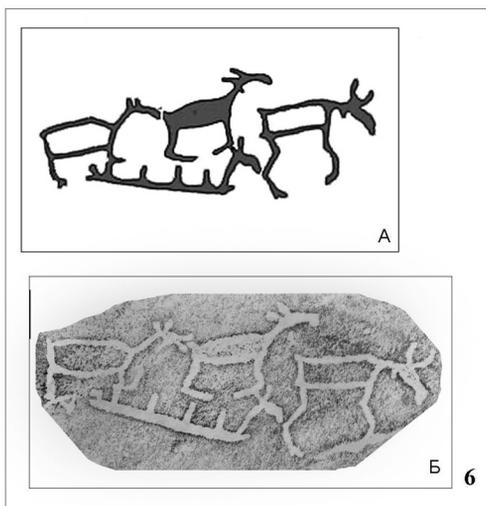
4 Старая Залавруга: А – копия 1930-х гг. (Равдоникас, 1938, табл. 2); Б – копия Н. В. Лобановой (отчет за 2005 г.)

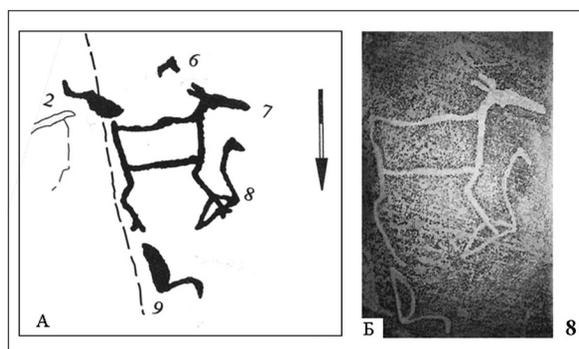
5 Кочковнаволоок, Лебединый Нос: А – (Poikalainen, Ernits, 1998, р. 143); Б – графитная копия (Лобанова, 2001, отчет о полевых работах)

6 А – Кочковнаволоок, группа Лебединый Нос (Poikalainen, Ernits, 1998, р. 165); Б – графитная копия того же петроглифа (Лобанова, отчет за 2002 г.)

7 Копии петроглифов Эрмитажной «крыши»: А – М. Беркитт, 1921, табл. XLVII; Б – Ю. А. Саватеев (фондохранилище ИЯЛИ)

8 А – Кочковнаволоок, группа Лебединый Нос (Poikalainen, Ernits, 1998); Б – графитная копия Н. В. Лобановой (отчет за 2002 г.)

Рис. 2. Прорисовки и графитные копии петроглифов, сделанные разными исследователями

годы и в разных природно-климатических условиях, сочетание разных методов заметно повышают степень достоверности данных. Таким образом, специалист, занимающийся наскальным искусством, обязан опираться на проверенные сведения, для этого и собственный практический опыт совершенно необходим.

Иногда копии или фотографии остаются единственным источником сведений об изображениях. К примеру, от утраченной в 1934 г. уникальной сцены деторождения с Эрмитажной «крыши» сохранилась весьма неплохая фотография А. М. Линевского (рис. 3). А южная группа петроглифов Бесовы Следки, засыпанная в 1960-х гг. дамбой плотины Выгостровской ГЭС, доступна для изучения лишь по графическим прорисовкам [Равдоникас, 1938, табл. 1]. Известны также случаи, когда исследователи делали поспешные выводы о полной утрате каких-то выявленных прежде фигур, в то время как они просто не были ими найдены. Так, заключение группы работавших на Старой Залавруге специалистов из Москвы гласило, что многие фигуры здесь уже полностью разрушены, особенно в северном скоплении [Фараджев, Пчелкин и др., отчет за 1993 г.; <http://www.ecosystema.ru/07referats/pchelkin/poplich06.html>]. То же самое еще ранее отмечал Ю. А. Савватеев [Савватеев, 1970. С. 59–61]. Недавние полевые работы с использованием более эффективных и точных методов поиска подтвердили не только наличие большинства опубликованных в 1930-х гг. петроглифов в первой группе Старой Залавруги, но и позволили выявить новые гравировки здесь и в других скоплениях [Лобанова, отчеты за 2005–2008 гг.; Лобанова, 2007] (рис. 4).

Рис. 3. Мыс Пери Нос III. Фотография утраченной сцены [Линевский, 1939]

Петроглифы Онежского озера и Белого моря входят в число самых крупных пунктов монументального наскального творчества Северной Фенноскандии, наряду с Альтой (Норвегия), Немфорсеном (Швеция), Канозером (Кольский п-ов). Они находятся на горизонтальных или немногo наклонных (в среднем не превышающих 15–20°) участках скал восточного побережья Онежского озера и низовий р. Выг. Время появления и функционирования гравировок связано, скорее всего, с эпохой неолита – серединой – второй половиной АТ [Лобанова, 1993. С. 39–49; 2007]. Рисунки на скалах выбиты кварцевыми инструментами с помощью техники пикетажа, сходной в обоих пунктах, на глубину от 1 до 3,5 мм. Степень их сохранности значительно варьирует [Лобанова, отчет за 2002 г.].

История открытия памятников длительная и достаточно сложная, она началась еще в 1848 г. и продолжается до сих пор. Эта тема в деталях уже достаточно хорошо представлена [Савватеев, 1970, 2007], поэтому здесь специально не рассматривается. В рамках данного исследования есть необходимость дать характеристику кристаллических пород, послуживших «холстами» для древних гравиров, степени сохранности петроглифов и анализ самих способов их полевого документирования, предлагаемых разными исследователями. Для начала приведем основные, недавно уточненные статистические сведения. Согласно им наскальные изображения Онежского озера насчитывают 1159 отдельных фигур в 23 группах, занимая в целом площадь около 90 км² (рис. 1: II–III). Опубликовано немногим более 800 петроглифов. В низовьях р. Выг их число приближается к 2400. Петроглифы зарегистрированы здесь в одиннадцати пунктах (рис. 1: I), а территория распространения охватывает примерно 6,5 тыс. м² [Лобанова, отчеты за 2002–2009 гг.]. В последние годы в этом районе обнаружены новые группы Золотец I и Ерпин Пудас IV с общим числом выявленных изображений не менее 120 [Лобанова, отчеты за 2007–2008 гг.]. Пополнились неизвестными прежде фигурами (их количество, по всей вероятности, превышает 200) и

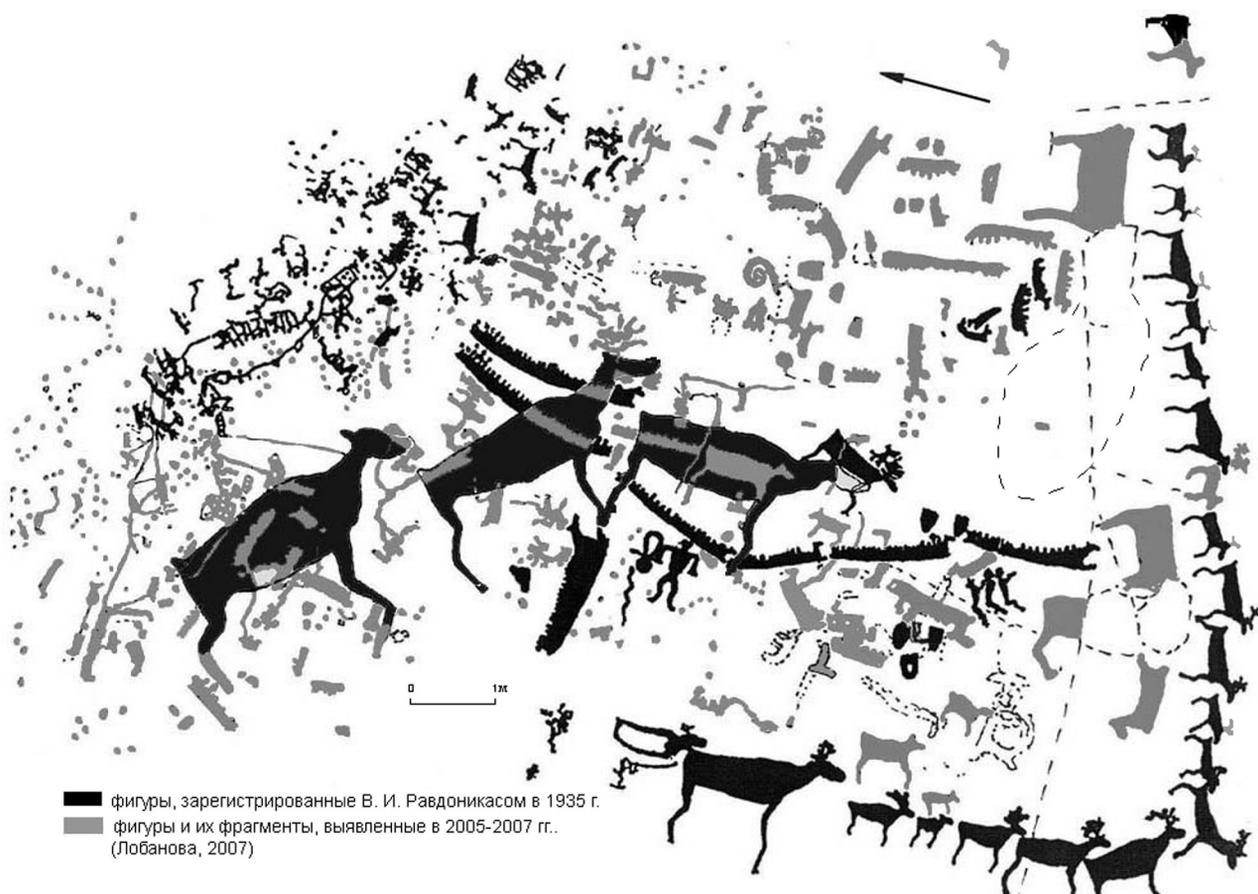

Рис. 4. Старая Залавруга

почти все известные скопления, в числе которых представлены редкие и даже уникальные сюжеты [Лобанова, 2007; Лобанова, отчеты за 2005–2008 гг.]. Следует добавить, что количественный (а, возможно, и качественный) потенциал наскальных памятников Карелии все еще не исчерпан в полной мере, об этом свидетельствуют ежегодные находки новых изображений. В районе Онежских петроглифов, кроме того, немало выбивок находится на дне водоема на отколовшихся скальных блоках, часть которых уже зафиксирована исследователями [Савватеев, 2007. С. 36–37; Лобанова, 2009].

Для создания наскальных рисунков в первую очередь были нужны подходящие скалы – гладкие и ровные, отполированные волнами и льдами. Именно такие поверхности и находятся на восточном побережье Онежского озера. Они сложены преимущественно различными по возрасту, составу и генезису гранито-гнейсами – так называемый Водлозерский блок, тянувшийся вдоль берега почти на 100 км и имеющий возраст пород не менее 3,5 млрд лет [Костин, 1989. С. 6–12]. Данные горные породы серого или красноватого цвета отличаются высокой износостойкостью к погодным и механиче-

ским воздействиям: процессы растворения минералов этих пород идут очень медленно как в воде, так и под действием органических кислот, выделяемых лишайниками. Эти свойства позволили достаточно хорошо сохраниться наскальным гравировкам. В низовьях р. Выг петроглифы, имеющие примерно тот же возраст, выбиты на частично мигматизированных биотитовых гнейсах [Геология Карелии, 1987. С. 21] несколько меньшей прочности, чем на восточном побережье Онего. Они светло-серые с хорошо выраженной отдельностью – характерной формой блоков, образующейся при естественном раскалывании в верхней части. Описанные горные породы, как и любые другие, в той или иной степени подвержены выветриванию – физическому и химическому разрушению минералов в результате воздействия солнечного тепла, воды, воздуха и организмов. Неравномерное поступление солнечного тепла в разное время года и в разное время суток способствует периодическому нагреванию и охлаждению данных метаморфических пород. Колебания температуры приводят к образованию трещин, часто группирующихся в системы. Некоторые трещины, вероятно, возникли в результате тектонических напряжений. Они играют большую

роль в процессах выветривания. Одной из причин образования трещин является периодическое увлажнение скал, вызываемое дождями. Вода и корни растений, проникающие в трещины, расширяют и углубляют их. Вода вызывает и химическое разложение минералов. Немаловажную роль в разрушении породообразующих минералов, а следовательно, и горных пород играют лишайники. Лихенологические исследования, проведенные на петроглифах Онежского озера, дали основание предположить, что степень деструктивного воздействия лишайников на скалах в Карелии связана скорее с механической дезагрегацией породы, чем с химическим действием [Фадеева, Сони́на, 2000].

Задача как можно точного выявления очертаний отдельных петроглифов, взаиморасположения их групп и скоплений довольно сложна. На Онежском озере рисунки доступны для наблюдения и фиксации с мая до ранней осени (сентябрь), исключая дни сильного волнения на озере в течение летнего сезона и регулярные шторма второй половины августа и сентября. Для наскальных памятников низовьев р. Выг этот период шире, по сути, все бесснежное время года, к тому же они более доступны для безопасного посещения. Контуры самых низко расположенных онежских выбивок сильно сглажены волнами, иногда они почти не фиксируются на графитных копиях, хотя в отдельных случаях визуально вполне различимы [Лобанова, отчет за 2002 г., фото 15]. Выше находящиеся рисунки в обоих скоплениях зарастают разного вида лишайниками, в отдельных случаях покрылись мхами или водорослями. Часть скальных блоков с сохранившимися на них рисунками откололась. Большая их часть оказалась под водой – причем не только вблизи мысов, но и на отдалении от берега (например, на мысе Кладовец в 10 м). В устье р. Водлы кусок скалы с изображениями лебедей был, видимо, напором льда сдвинут с места и поставлен в вертикальное положение [Poikalainen, Ernits, 1998. P. 404]. Несколько обломков весом от 100 кг до 2 тонн находятся на мысе Пери Нос VI выше места их первоначального расположения на 11–12 м* (рис. 5). Пока сложно однозначно сказать, какие природные процессы вызвали такие перемещения скальных блоков и когда это произошло. Необходимы специальные исследования с участием геологов. Имеются лишь некоторые основания предполагать, что это случилось еще в доисторическую эпоху.

Петроглифы Беломорья (ряд групп на Залавруге, о. Ерпин Пудас и др.) в течение длитель-

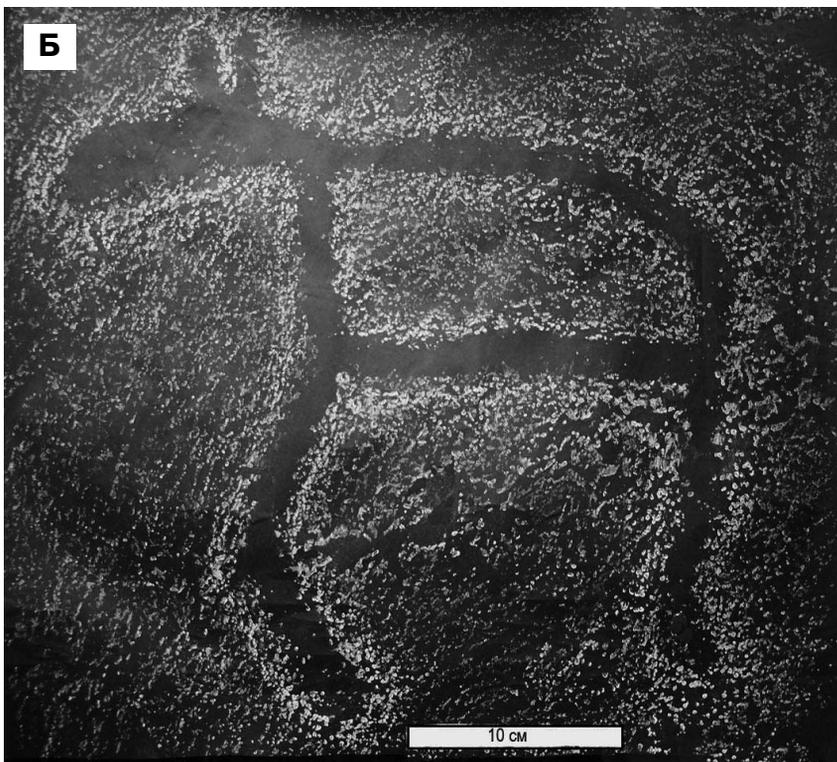
ного периода находились под слоем почвы, в результате чего они частично разрушены почвенной кислотой. Откол кусков скал с гравировками от основного массива наблюдается и там – в группе Ерпин Пудас I [Равдоникас, 1938, табл. 9].

Однако в целом наскальные изображения Карелии, периодически подвергаясь негативному природному воздействию, все же успешно противостоят стихии. Сравнение собранных исследователями в разное время полевых материалов (копий, фотографий петроглифов) показывает незначительные изменения, связанные с природной деструкцией объектов. Гораздо больше на уровень их сохранности влияют деструктивные процессы антропогенного характера. В течение последних 70–80 лет археологи периодически фиксируют следы современного вандализма – надписи и фигуры – как по соседству от древних фигур, так и непосредственно на них [Lobanova, 2006. P. 171–182]. В 1920–1930-х гг. часть изображений с мыса Пери Нос III была вывезена в музей. При отделении массива скалы с помощью взрывчатки погибло более десятка фигур [Савватеев, 2007. С. 28–29]. Несмотря на утраты, степень сохранности петроглифов Карелии сравнительно высокая и значительно превышает данные по многим группам наскальных изображений Фенноскандии. Так, например, в северной Норвегии поврежденные рисунки составляют более 88 % из общего числа. В южной Норвегии этот же показатель в среднем превышает 92 % [Хельберг, 1998. С. 30–41]. В Карелии полная инвентаризация памятников еще не завершена, но уже сейчас можно сказать, что средняя степень сохранности – не менее 50 % общего числа фигур.

Распространенные в настоящее время методы документирования петроглифов в разных странах примерно сходны: это копирование на бумагу, фотографирование, описание [Anati, 1977]. Для скандинавских петроглифов даже разработаны специальные инструкции по изготовлению графитных копий, определены общие стандарты и подходы по подготовке баз данных наскальных рисунков [Andreassen, 2007]. Не менее важным направлением в Скандинавии считаются и оценка состояния памятников, меры по их консервации, предложения по использованию [Hugen, 2006]. Аналогичная работа начала проводиться не так давно и на территории Карелии [Helskog et al., 2008].

Говоря о трудностях поиска и выявления петроглифов, все исследователи петроглифов Карелии акцентировали внимание на то, что они хорошо заметны лишь при боковом солнечном

* В 2009 г. два из них были вывезены в Карельский государственный краеведческий музей и включены в музейную экспозицию.

Рис. 5. Мыс Пери Нос VI:

А – обломки скал с петроглифами (фото Н. В. Лобановой); Б – копия одной из фигур на обломке скалы

свете в ранние утренние или поздние вечерние часы. Вместе с тем иногда создавались особые условия, позволявшие вдруг разглядеть невидимые прежде изображения. А. Я. Брюсов пишет о большом дожде и последовавшем за ним

сильном ветре, который быстро высушил гладкие поверхности скал, но оставил на некоторое время в углублениях участки более темного цвета, что позволило ему зафиксировать незаметные до этого изображения [Брюсов, 1940.

С. 212]. Аналогичная ситуация недавно была зафиксирована во время документирования группы петроглифов Золотец I, когда ниже изображения лося вдруг проявилась невидимая прежде фигура белухи (рис. 6). Поздней осенью 2002 г. на полуострове Кочковнаволок (эти петроглифы относятся к числу наиболее плохо со-

хранившихся в Карелии, хотя и самых, пожалуй, глубоко выбитых) нам довелось наблюдать на скале «снежные копии» изображений. Тонкий слой снега покрывал скалы с гравировками, но на месте контуров фигур он имел более темный оттенок. В результате глубоко выбитые петроглифы стали хорошо заметны (рис. 7).

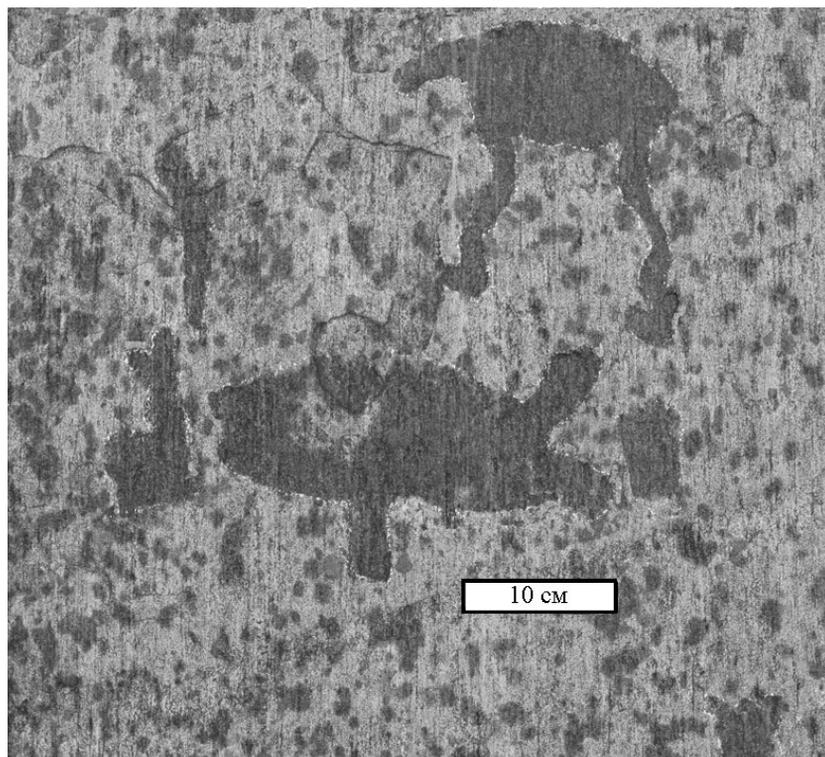

Рис. 6. Фотография фрагмента группы Золотец I (фото И. Ю. Георгиевского)

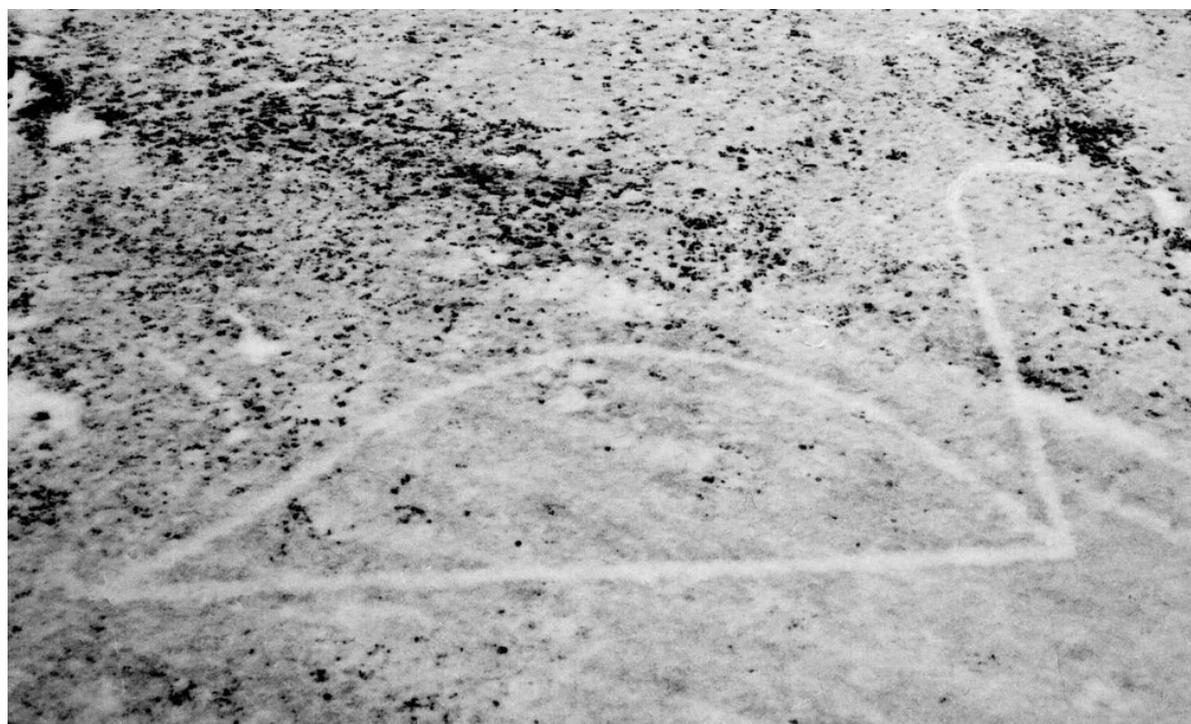

Рис. 7. Изображение лебедя (п-ов Кочковнаволок, Лебединый Нос) (фото Н. В. Лобановой)

Впервые копирование Онежских петроглифов было проведено К. Гревингом и П. Шведом в 1848 г. [Швед, 1850; Grewingk, 1855], а в 1849 г. Пудожским уездным землемером Н. В. Юматовым [Савватеев, 2007. С. 16–18]. Все они делали зарисовки карандашом, на глаз, естественно часто искажая реальные очертания фигур, однако рисунки середины XIX в. представляют сейчас не только историографический интерес, они могут быть полезны и для проведения мониторинга скальной поверхности. К сожалению, графические материалы Н. В. Юматова не сохранились. Имеется только 4 опубликованных рисунка геолога К. Гревинга и учителя П. Шведа – весьма неточные и неполные; в них представлены копии почти одних и тех же изображений, которые и показаны в одинаковом ракурсе, впрочем, с некоторыми количественными различиями. У П. Шведа на мысе Пери Нос зафиксировано всего лишь 38 отдельных фигур, а у К. Гревинга – на 12 больше. Вероятнее всего, второй исследователь дополнил свои прорисовки после сверки их с рисунками П. Шведа, включив туда несколько несуществующих гравировок. В верхнем левом углу копий у обоих показано странное изображение в виде большого контурного круга с дополнительной линией слева, как бы образующей контурный серп, и маленьким силуэтным кружком внутри большого круга, а рядом стандартный «солярный» знак. К настоящему моменту этот участок скалы утрачен, поэтому судить о достоверности этих выбивок сложно. На мысе Бесов Нос первыми исследователями скопировано 31 (П. Швед) и 32 (К. Гревинг) фигуры, причем расхождений почти нет. Тот и другой в числе выбитых фигур обнаружили нечто вроде большого изогнутого пера чуть левее правой ноги «Беса» и ниже стерляди – в действительности это не выбивка, а включение горной породы более темного цвета. Кроме того, в верхнем левом углу копий находится еще одна непонятная и вряд ли правильно зафиксированная фигура в форме крупного контурного полуовала правильной формы с острыми углами (напоминает лук), дополненная прямоугольным «домиком» внутри его. На поверхности скалы на данном месте сейчас находится крупный скальный выкол. Выше изображения лося с изогнутыми конечностями К. Гревинг заметил выбивку, которую показал в виде геометрической фигуры. На самом деле это непонятая исследователем известная сцена ловли осетра с гарпуном. Таким образом, сравнивая два рисунка петроглифов, можно сказать, что К. Гревинг заметил больше изображений, однако передал их общие очертания и детали куда более небрежным образом, чем П. Швед.

После середины XIX и до начала XX в. петроглифы восточного берега Онежского озера не вызывали особого интереса среди ученых. Во всяком случае, никто не стремился посетить их и исследовать на месте более детально, чем это было сделано первооткрывателями. В начале XIX в. появились первые фотографии петроглифов Онежского озера, автором которых являлся В. Иванов [Шидловский, 1914]. Первым археологом, изучавшим эти памятники в 1910 и 1914 гг., был швед Г. Халльстрем, который вместе с коллегами М. Беркиттом и Б. Шниттгером за два полевых сезона сфотографировал и скопировал 412 фигур в 7 группах и 25 подгруппах. Только малая часть полученных в процессе полевых изысканий материалов была опубликована [Hallström, 1960. P. 337–359, pl. XXVIII; Burkitt, 1925. P. 302–305]. Для нас эти публикации до сих пор важны, поскольку в них помещены довольно качественные фотографии и более или менее точные прорисовки петроглифов, утраченных на местности или частично сохранившихся на вывезенных в музеи скальных блоках. Одни из них сделаны с помощью прозрачной кальки (Hallström), другие от руки (Burkitt,) с разбивкой площади изображений на квадраты.

В 20–30-х гг. XX в. наскальные изображения Карелии активно документировали А. М. Линевский и основоположник отечественного петроглифоведения В. И. Равдоникас. У А. М. Линева была весьма сложная, но, на его взгляд, довольно точная методика: он размечал участок скалы на равные квадраты (по размеру стандартного листа бумаги), затем смачивал его водой и обводил контуры фигур химическим карандашом. После этого на квадраты накладывалась бумага и прижималась к скале ладонью или щеткой. В результате исследователь получал зеркально отображение петроглифа, которое уже в домашних условиях обводилось по левой стороне через копировальную бумагу на другой чистый лист бумаги [Линевский, 1929; 1939. С. 19–52]. К сожалению, этот способ воспроизведения часто не был достаточно надежным, к тому же позволял копировать лишь небольшие по размеру фигуры. Критикуя его, археологи справедливо отмечали, что некоторые копии «с натурой не имеют решительно ничего общего... только вводят в заблуждение как читателей, так даже и самого исследователя» [Равдоникас, 1938. С. 16]*. Вместе с тем немало полевых наблюдений, сделанных А. М. Линева во время пребывания на территории петроглифов Онежского озера и низовьев р. Выг в

* Не случайно А. М. Линевский в своих научных работах все же предпочитал использовать материалы В. И. Равдоникаса.

разные сезоны (поздней весной, летом и ранней осенью), интересны и сейчас. Импонирует сам подход А. М. Линевского, для которого тщательный источниковедческий анализ рисунков (топография наскальных групп, последовательность появления, статистические данные, фиксация многих деталей гравировок и т. п.) был основой дальнейшей работы. Экспедиция В. И. Равдоникаса использовала иной, действительно более точный на тот момент скандинавский способ, дававший возможность фиксировать сравнительно большие участки гравированных скал: петроглифы, тщательно промазанные меловым раствором, копировались на большие листы кальки, которые затем фотографировались [Равдоникас, 1938. С. 21]. В целом качество таких копий хорошее, хотя иногда взаимное расположение петроглифов на крупных панелях (как, например, на Старой Залавруге) не удавалось показать правильно, не всегда достоверно определены абрисы фигур, не отображался и природный контекст (выбоины, сколы, трещины). Бумажные копии В. И. Равдоникаса и А. М. Линевского дополнялись фотографиями некоторых петроглифов, гипсовыми и бумажными эстампажами отдельных, наиболее интересных фигур [Равдоникас, 1938, табл. 77–80]. В ряде случаев исследователи выявляли петроглифы и под слоем лишайников [Равдоникас, 1936. С. 21]. Как показали наши полевые наблюдения, именно очищенные скалы с гравировками в настоящее время являются наиболее сложными для копирования, так как они к настоящему времени заросли особенно плотным и толстым слоем лишенобиоты.

В 1960–1970-х гг. на качественно новом уровне участники экспедиций под руководством Ю. А. Савватеева документировали новые и уже открытые ранее петроглифы в низовьях р. Выг и на восточном побережье Онежского озера. Они изготавливали графитные протирки на длинных рулонных листах белой бумаги, используя графитный порошок или графитовые стержни [Савватеев, 1970. С. 5; 2007. С. 315–325]. Копирование одного и того же участка скалы проводилось неоднократно, чтобы добиться как можно более четких очертаний фигур. Поскольку на графитных копиях проявляются отпечатки не только петроглифов, но и окружающих их или налегающих на них природных выбоин и трещин, прямо на месте природные и искусственные отпечатки сравнивались и отделялись одни от других. Нередко с помощью протирок наскальные рисунки находили на шероховатых, изъеденных эрозией участках скал, где попытки визуального поиска были совершенно тщетны (так, например, совершенно не-

ожиданно были открыты уникальные петроглифы на переходе между мысами Пери Нос II и III) [Савватеев, 2007. С. 164]. Аналогичным способом сделана попытка скопировать найденные под водой петроглифы у мыса Кладовец Нос. Для этого на деревянную рамку натянули и закрепили кусок белой полиэтиленовой пленки, а копирование производилось толстым мастиковым стержнем [Цуцкин, 1974. С. 34]. В дополнение к бумажным протиркам Ю. А. Савватеевым были проведены эксперименты по изготовлению полимерных копий-эстампажей (из искусственного каучука), от которых вскоре пришлось отказаться, так как после них на скале оставались несмываемые в течение нескольких лет темные прямоугольники [Савватеев, 2007. С. 320].

Большой опыт полевого и камерального документирования петроглифов Онежского озера был накоплен и обобщен эстонскими исследователями в 80–90-х гг. XX в. В их работах принимали участие представители разных профессий: инженеров, геодезистов, художников, фотографов, профессиональные навыки которых были использованы в полной мере. Отметим впервые использованный метод фотометрической документации [Poikalainen, Ernits, 1998; Пойкалайнен, Эрнитс, 2001] с помощью нанесения отметок координатной сети на скалу (1×1 м). Съемка велась с высоты 2,5–3 м (с лестницы). Крупные фигуры снимали по частям, используя вспомогательную координатную сеть (0,5×0,5 м). Обработка фотографий проводилась позже на компьютере.

Другим новшеством стал способ выявления гравировок, предложенный художницей по ткани Эве Селисаар и опубликованный в специализированном журнале по наскальному искусству [Selisaar, 1991. P. 136–137]. Он состоит в следующем. Кусок влажной тонкой хлопчатобумажной ткани светлого цвета кладется на заранее очищенный от песка, мусора и лишайников гравированный участок скал, обязательно горизонтальный и ровный, предпочтительно во время теплой и солнечной погоды. В этих условиях ткань сохнет быстрее в пределах абриса гравировки, и петроглиф проявляется на ткани более светлым пятном на фоне более темного окружающего. Особенности скальной поверхности (следы эрозии, шрамы, выбоины) также заметно детализируются. В результате образ, запечатленный на ткани, достоверно, по мнению автора, отражает оригинал, но, к сожалению, существует недолго, исчезая после высыхания полотна. Заметим, что ни сам автор, ни другие участники эстонской экспедиции данный не вполне удобный в полевых условиях

метод документирования практически не использовали.

Основным результатом работы эстонских исследователей стало издание современного каталога петроглифов устья р. Водлы (детальные графические материалы и описания в широком контексте), составляющих по количеству примерно шестую часть от всех наскальных памятников Онежского озера [Poikalainen, Ernits, 1998]. Структура его базируется на графической информации разных иерархических уровней – от основных планов групп петроглифов к отдельным гравировкам, которые объединены общей системой привязок на всех уровнях. Здесь представлены довольно точные карты территории и схемы размещения памятников, с привязкой гравировок друг к другу и к сторонам света, отмечены детали микрорельефа, отмечены выбоины и шрамы на скальных поверхностях. Такая полная информация отсутствовала в предыдущих работах.

Однако необходимо отметить, что фиксация петроглифов не всегда была корректной: плохо сохранившиеся или слабо выбитые фигуры, случаи палимпсестов (наложения одних изображений на другие) документированы неточно или неполно, встречаются ошибочно выявленные или, наоборот, пропущенные гравировки [Лобанова, отчет за 2002 г., рис. 12–16]. Можно полагать, что это было вызвано, во-первых, слабой степенью сохранности гравировок полуострова Кочковнаволоок, во-вторых, недостаточным использованием метода графитного копирования, а в-третьих, и самим объективным ходом исследовательского процесса, при котором каждое новое посещение памятников добавляет информацию. Петроглифы фиксировались в основном с помощью фотоаппарата, а уточнение их контуров производилось уже не на месте, а в Эстонии на компьютере, где уже невозможно было отличить естественные повреждения от рукотворных. В дальнейшем в ходе полевых работ карельских исследователей на Кочковнаволоке эти недостатки были устранены, выявлены отдельные погрешности в очертаниях ряда изображений, отмечены природные выбоины и повреждения скалы, трактуемые как искусственные выбивки. Более 100 петроглифов на Кочковнаволоке, зарегистрированные эстонскими исследователями, признаны нами после многократных проверок природными повреждениями. Все они обычно представляют собой непонятные, бесформенные выбивки или полосы (рис. 8).

Целенаправленное и комплексное документирование наскальных памятников Карелии ведется экспедициями под руководством автора

данной статьи с конца 1990-х гг. и до настоящего времени. Применяются методики, адаптированные к местным особенностям расположения, качеству скальной поверхности и степени сохранности объектов, часто дополняющие и уточняющие друг друга [Лобанова, отчеты за 1999–2009 гг.; Лобанова, 2008, 2009]. Полноценное исследование петроглифов не может ограничиваться изучением собственно изображений, важен и широкий контекст, изучению которого уделялось не меньшее внимание. Учитывая, что часть Онежских петроглифов перемещена и находится сейчас на отколовшихся кусках скал на суше и в воде либо в музейных экспозициях, следует обратить внимание и на интересную задачу, связанную с реконструкцией их первоначального местоположения. В отдельных случаях это вполне достижимо.

В 1997–2001 и 2007–2008 гг. в рамках двухэтапного международного карельско-норвежского проекта «Сохранение петроглифов Карелии» и микропроекта ТАСИС «Каменная книга Беломорья» (2006 г.) была проведена большая работа по документированию петроглифов Карелии, близлежащих археологических памятников, а также по комплексному обследованию окружающей их территории [<http://petroglyphs.ru/>]. В проектах приняли участие представители разных профессий, в том числе лишенологи. Их целью было выяснить влияние эпилитных лишайников на скальную поверхность с гравировками и предложить способы избежать или снизить степень их негативного воздействия на памятники. Мониторинг лишенобиоты позволил выделить самые проблемные группы на Онежском озере [Фадеева, Сониная, 2000]. На полуострове Кочковнаволоок значительная часть рисунков покрыта различными видами лишайников. Исследователями выделена зона 3, где необходимо начинать защитные мероприятия от биодеструкторов. Очистка скал не рекомендуется, так как это может привести к изменению физического состояния субстрата. Кустистые или листоватые лишайники не являются сильными деструкторами, но после их удаления рисунки будут заселяться накипными формами лишайников, которые характеризуются сильными биодеструктивными свойствами. Таким образом, меры сохранения петроглифов от негативных природных воздействий следует выбирать индивидуально, с учетом всех факторов, влияющих на развитие лишенобиоты.

Главным результатом упомянутого проекта стала система управления базой данных «Петроглифы Карелии» [Лобанова, 2003]. В ней содержатся разномасштабные топографические планы, фотографии и графитные копии изобра-

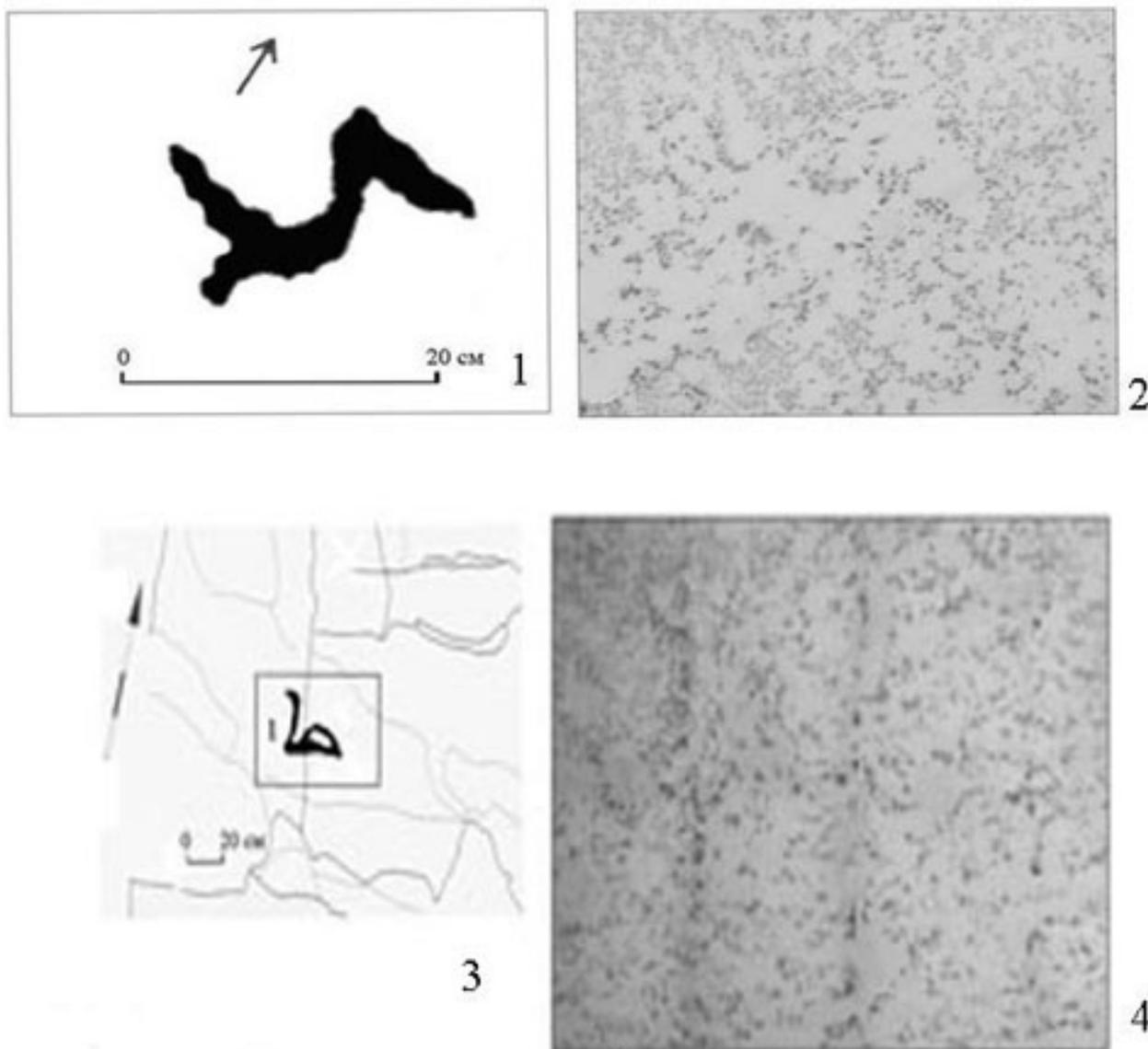

Рис. 8. Невыявленные изображения п-ова Кочковнаволок:

1 – А-I-3 по: Poikalainen, Ernits, 1998, p. 73; 3 – E-XV-1: *ibid.*, p. 394; 2, 4 – графитные копии их мест расположения

жений, их детальное описание по группам петроглифов и условно выделенным в них скоплениям. Описание включает ряд параметров: общую характеристику участка скалы с рисунками, идентификацию образа, классификацию по принятой схеме, ориентацию его по сторонам света, качество выбивки и глубину, степень сохранности, наличие или отсутствие лишайников, высоту над современным урезом воды, возможную интерпретацию образов, связь с соседними изображениями.

В настоящее время в Институте языка, литературы и истории КарНЦ РАН совместно с математиками из Петрозаводского государственного университета идет разработка информационной системы петроглифов Северной Финляндии, которая позволяет хранить, управлять

и анализировать коллекции графических объектов [Лобанова и др., 2009. С. 71–77].

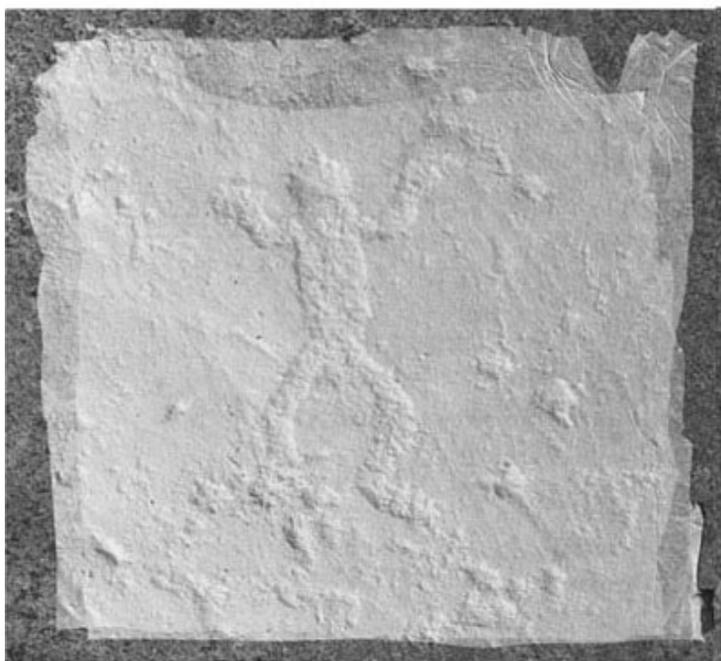
В ходе практической деятельности последних лет методам документирования наскальных рисунков и выработке единых стандартов уделялось особое внимание. Нами был учтен многолетний опыт Ю. А. Савватеева, полученный в низовьях р. Выг*, сибирских и норвежских исследователей наскального искусства. Традиционные приемы поиска и выявления очертаний гравировок, их анализ и классификация были успешно дополнены новыми методами (черная полиэтиленовая пленка, микалентные копии,

* К примеру, графитные копии Ю. А. Савватеева и наши чаще всего совпадают, а разница иногда прослеживается в восприятии очертаний фигур, что отражается в прорисовках, сделанных по копиям.

площадная фотографическая фиксация, видеосъемка) [Лобанова, 2007, 2009].

Изготовление графитных копий (протирок) – по-прежнему один из самых объективных способов фиксации, однако оно обязательно должно быть параллельно дополнено другими методами, прежде всего фотофиксацией и описанием. Отличить искусственную выбивку от природных повреждений скалы на протирках часто невозможно, поэтому данную процедуру следует делать на месте расположения гравировок. Прежде всего, следует обратить внимание на сам ее характер. У петроглифов края обычно довольно ровные, а внутри фигуры просматри-

ваются точки от ударов примерно одной глубины. У природной выбоины внутри ее контура глубина разная, края неровные, как бы рваные, пикетаж не просматривается. Использование для протирок петроглифов микалентной бумаги – способ, столь популярный в Сибири [Пяткин, Мартынов, 1985; Дэвлет, 2002; Миклашев, 2004], практикуется нами сравнительно недавно [Лобанова, отчеты за 2006–2008 гг.]. Отличие микалентной копии от обычной лишь в том, что на бумаге проявляются рельеф и изображений, и окружающего его скального пространства (рис. 9–10). Такие протирки очень популярны для музейных экспозиций и выставок.

Рис. 9. Микалентная копия без подкраски (Новая Залавруга, группа II) (фото И. Ю. Георгиевского)

Рис. 10. Микалентная копия петроглифов с подкраской (Новая Залавруга, группа IV) (фото И. Ю. Георгиевского)

Исследование скальных полотен под черной полиэтиленовой пленкой ведется в Карелии с 2004 г., и в результате выявлено немало новых

петроглифов, уточнены очертания прежних [Лобанова, 2007] (рис. 11–13). В сущности, этот на сегодня самый эффективный метод,

Рис. 11. Бесов Нос, центральное панно. Разновременные изображения, перекрывающие друг друга (палимпсесты) (фото Н. В. Лобановой)

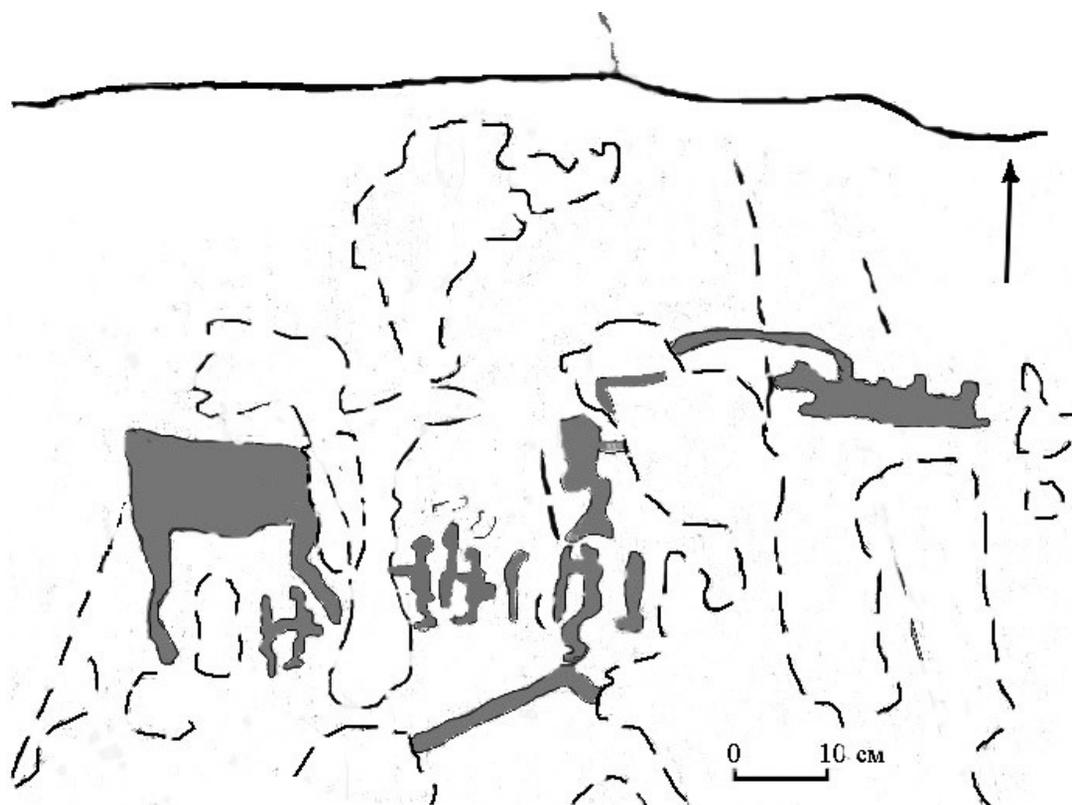

Рис. 12. Фрагмент прорисовки фигур группы Золотец I, выявленных под черной пленкой

Группа петроглифов Ерпин Пудас IV, открытая Н. В. Лобановой в 2008 г.

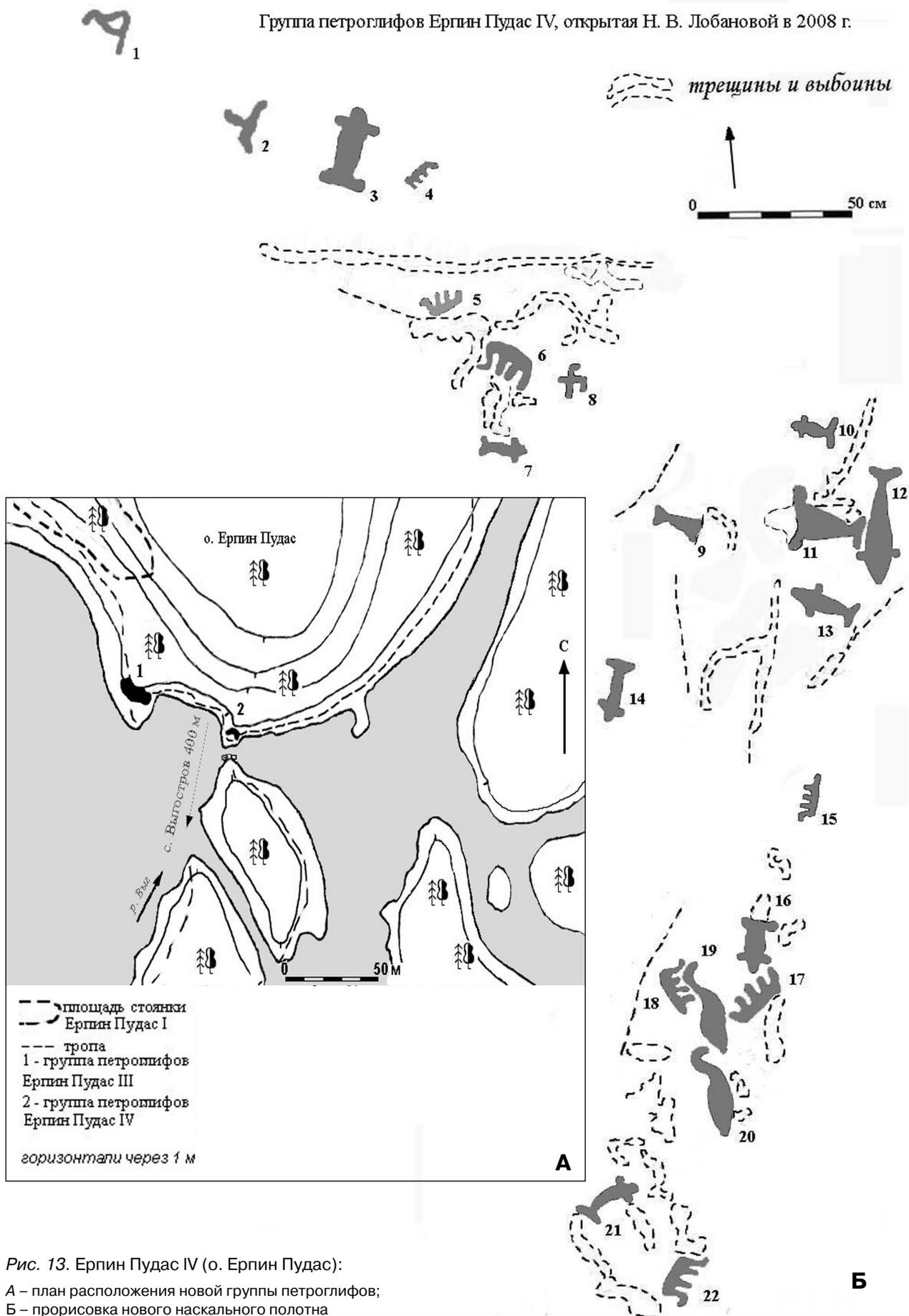

Рис. 13. Ерпин Пудас IV (о. Ерпин Пудас):
 А – план расположения новой группы петроглифов;
 Б – прорисовка нового наскального полотна

заимствованный нами у норвежских коллег, дает тот же самый эффект зеркала и затенения, однако в данном случае не нужна солнечная погода, она может быть практически любой. Кроме того, под черной пленкой можно спокойно и методично осмотреть любые скальные поверхности, а не только те, что ограничены размером зеркала. Конечно, немаловажными факторами являются хорошее зрение у исследователя и продолжительный опыт работы подобным способом. Наилучшие результаты дает и фотография выбитых фигур, закрытых этой пленкой (рис. 14).

Как уже указывалось, одним из самых главных способов документирования наскальных памятников всегда оставалась фотографическая фиксация. При фотографировании наскальных объектов важную роль имеет боковой свет, который делает контрастными фигуры, поэтому исследователи в солнечную погоду затеняли участок скалы с петроглифами куском чер-

ной ткани и наводили на него большое зеркало (трюмо). Регулируя наклон зеркала, можно было получить отчетливые рельефные снимки петроглифов. Тот же эффект достигался темной ночью с помощью большого прожектора [Савватеев, 2007. С. 320]. Начиная с 1970-х гг. все большую популярность приобретала цветная фотосъемка, которая в XXI в. приобрела особую значимость в связи с бурно развивающимися цифровыми информационными технологиями. В последние годы в Карелии осуществляется площадная (мозаичная) фотосъемка групп наскальных изображений. Автором метода является фотограф И. Ю. Георгиевский. Работа начинается с разметки скалы на равные фрагменты размером от 40 × 60 до 80 × 100 см. Далее эти фрагменты нумеруются и фотографируются, желательно в одинаковых условиях (погода, освещенность). Затем происходит компьютерная обработка и монтаж, т. е. склейка снятых фрагментов в единый файл (рис. 15). Как результат,

Рис. 14. Фотографии петроглифов, сделанные под черной пленкой

Рис. 15. Площадная фотосъемка петроглифов группы Золотец I

мы имеем фотографию всей группы петроглифов, где довольно точно показано их взаимное расположение на скале [Лобанова, 2009. С. 15]. Сходным образом документируют писаницы Финляндии [Taskinen, 2005. P. 420]. В настоящее время завершена площадная фотосъемка целого ряда крупных местонахождений: на Онежском озере это Бесов Нос (центральная группа), Карецкий Нос, Кладовец Нос, Пери Нос VI, остров Малый Гурий; в Беломорье – Золотец I (рис. 15), Старая Залавруга, Новая Залавруга (группы I, IV, XIII). В перспективе подобную работу необходимо провести на всех группах петроглифов Карелии. Исходный материал фотосъемки позволяет в дальнейшем использовать его в разных целях, в том числе для мониторинга скальных поверхностей с гравировками.

Необходимо также упомянуть об исследовании подводных петроглифов, обнаруженных на отколовшихся скальных блоках в 1970-х гг. По сведениям Ю. А. Савватеева, всего пока обнаружено 14 искусственных выбивок, большая часть зафиксирована на мысе Кладовец Нос [Савватеев, 2007. С. 37]. Первая подводная фотография (при подсветке фонариком в боксе) была сделана Е. В. Цуцкиным [Цуцкин, 1974]. В 2008 г. этот опыт повторили дайверы из Санкт-Петербурга, но для съемки уже использовалась цифровая видеокамера [Дранкевич, 2008].

В нашем распоряжении имеется уникальная фотокопия единственной графитной протирки подводных изображений, происходящих с Кладовца. Она была сделана еще во время первых подводных исследований. Качество протирки позволяло различить на ней только одну явную фигуру лебедя, а теперь, с учетом данных недавней цифровой видеосъемки, удалось восстановить еще два изображения (рис. 16).

Весьма актуальной задачей, на наш взгляд, является не только сбор, но учет и хранение собранной документации по петроглифам, тем более что далеко не все полевые материалы опубликованы. В Карелии эта деятельность только начинается. Старые фотографии и графитные копии петроглифов разного времени переводятся на цифровые носители. К сожалению, часть материалов находится в очень плохом состоянии из-за качества носителей – светочувствительной рулонной бумаги (так называемая «синька»), на которой обычно и воспроизводились изображения в 1960–1970-х гг. По прошествии 30–40 лет бумага стала ломкой, при разворачивании рулона она рвется на узкие ленты; безусловно, в этих случаях требуется особая осторожность и реставрационные меры.

Таким образом, проблема детального и многопланового изучения наскальных памятников (полевое документирование и последующая

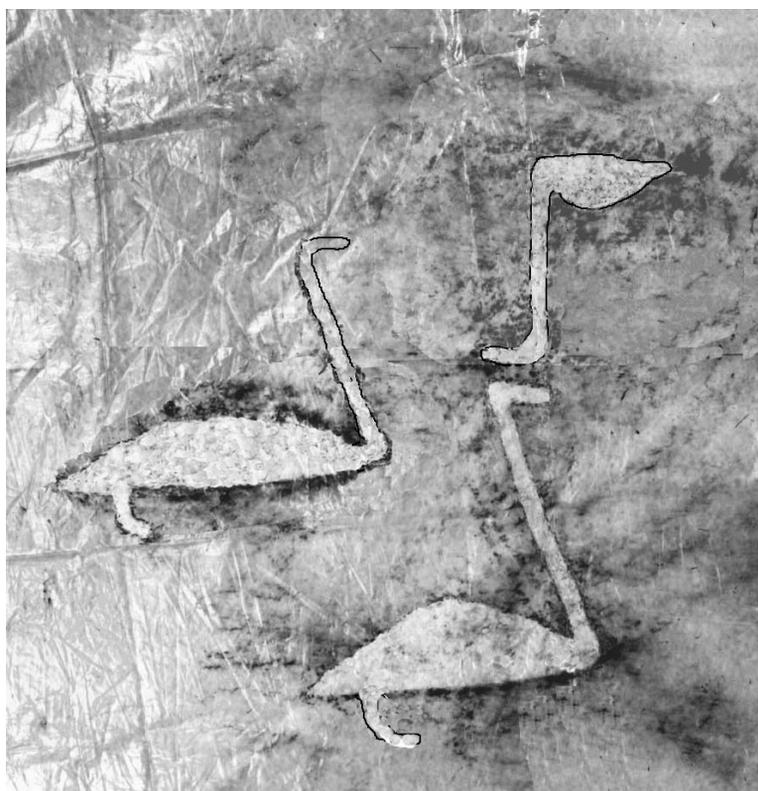

Рис. 16. Мыс Кладовец Нос. Протирка на полиэтиленовой пленке, сделанная под водой

тщательная обработка полученной информации) является первоочередной в ходе научных исследований. Подобные исторические источники требуют полной творческой самоотдачи, длительных полевых наблюдений и комплексного рассмотрения самого широкого круга связанных с ними вопросов. Применение разных способов документирования наскального искусства (черная пленка, копирование на обычную и микалентную бумагу, последовательная фотофиксация с последующим соединением элементов в единый снимок) позволяет выявить памятники с большой степенью достоверности. Полученные материалы являются хорошей основой для дальнейших исследований, связанных с интерпретацией гравировок и мониторингом их состояния. Они также могут быть использованы для музейных экспозиций, научных и научно-популярных публикаций.

Учет, классификация и анализ собранной полевой документации по петроглифам Карелии с помощью современных информационных технологий также становится все более насущной задачей, создает реальные предпосылки для публикации полного свода петроглифических материалов. Документирование наскального искусства включает и такие немаловажные аспекты, как разработка действенных мер по их консервации, мониторингу и презентации. Данные направления определялись в качестве приоритетных в деятельности нескольких недавних совместных проектов с Норвегией и Финляндией.

Архивные материалы

Отчет А. А. Фараджева, А. В. Пчелкина и др. Защита археологического памятника Залавруга // Республиканский центр по государственной охране объектов историко-культурного наследия Министерства культуры и по связям с общественностью РК. № 1–137. 1993.

Отчет Н. В. Лобановой о полевых работах на территории Онежских петроглифов в 1998–1999 гг. // Там же. № 1–195.

Отчет Н. В. Лобановой о полевых работах на территории Беломорских петроглифов в 2000 г. // Там же. № 1–198.

Отчет Н. В. Лобановой по карельско-норвежскому проекту «Сохранение петроглифов Карелии» за 2001 г. // Там же. № 1–208.

Отчет Н. В. Лобановой по карельско-норвежскому проекту «Сохранение петроглифов Карелии» за 2002 г. // Там же. № 1–229.

Отчет о полевых археологических исследованиях в Пудожском, Лоухском, Кемском и Беломорском районах Республики Карелия в 2005 г. // Архив Карельского научного центра РАН. Ф. 1, оп. 6; ф. 1, оп. 6.

Отчет о полевых археологических исследованиях в Беломорском и Пудожском районах Республики Карелия в 2006 г. // Там же. Ф. 1, оп. 6.

Отчет о полевых археологических исследованиях в Беломорском и Пудожском районах Республики Карелия в 2007 г. // Там же. Ф. 1, оп. 6.

Отчет Н. В. Лобановой о полевых археологических исследованиях в Пудожском, Муезерском и Беломорском районах Республики Карелия в 2008 г. // Там же. Ф. 1, оп. 6.

Литература

Брюсов А. Я. Древняя история Карелии. М.: Гос. Ист. Музей, 1940. 320 с.

Геология Карелии / Отв. ред. В. А. Соколов. Л.: Наука, 1987. 231 с.

Дранкевич И. Онега – Белое море – 2008 // Octorus. Октябрь – ноябрь.

Дэвлет Е. Г. Памятники наскального искусства. Изучение, сохранение, использование. М.: Научный мир, 2002. 239 с.

Жульников А. М. Образ мира и миры образов. Петрозаводск: Скандинавия, 2006. 222 с.

Костин В. А. Гранитоиды и метасоматиты Водлозерского блока. Петрозаводск: КФ АН СССР, 1989. 164 с.

Линевский А. М. К вопросу о петроглифах Карелии // Сб. Ленингр. об-ва исследователей культуры финно-угорских народностей (ЛОИКФУН). 1929. Т. 1. С. 53–95.

Линевский А. М. Петроглифы Карелии. Петрозаводск: Каргосиздат, 1939. 193 с.

Лобанова Н. В. К вопросу о датировке наскальных изображений побережья Онежского озера (по материалам ближайших археологических памятников) // Вестник Карельского краеведческого музея. Вып. 1. Петрозаводск: ПетрГУ, 1993. С. 39–49.

Лобанова Н. В. Электронная база данных по петроглифам Карелии // Тез. докл. на 9-й междунар. археологической конф. Европейской Ассоциации Археологов (10–14 сент. 2003 г. в г. С.-Петербурге). СПб.: СПбГУ, 2003. С. 30.

Лобанова Н. В. Петроглифы Карелии как ресурс культурного туризма на Северо-Западе России // Петроглифы Канозера. Наскальная летопись Канозера: 50 веков создания, 10 лет со дня открытия. Междунар. конф. по наскальному искусству в г. Кировске. Мурманск: ГУК Мурманский обл. центр по сохранению историко-культурного наследия Мурманской обл., группа компаний «Гамас», 2007а.

Лобанова Н. В. Петроглифы Старой Залавруги: новые данные – новый взгляд // Археология, этнография и антропология Евразии. № 1 (29). Новосибирск: СО РАН, 2007б. С. 127–135.

Лобанова Н. В. Документирование петроглифов Карелии и вопросы их сохранения // Петроглифы: прошлое, настоящее, будущее. Докл. науч.-практ. конф., посвящ. 160-летию открытия Онежских наскальных рисунков (26–27 нояб. 2008 г.). Пудож, 2009. С. 13–16.

Лобанова Н. В., Рогова К. А., Кириков П. В. Информационно-поисковая система «Петроглифы Северной Фенноскандии» // Гуманитарные науки в регионах России: состояние, проблемы, перспективы. Материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 15-летию РГНФ (1–3 июня 2009 г.). М., 2009. С. 71–77.

Миклашевич Е. А. Памятники Минусинской котловины (Республика Хакасия, Красноярский край) // Памятники наскального искусства Центральной Азии. Общественное участие, менеджмент, консервация, документация. Алматы: Респ. НИПИ ПМК Мин-ва культуры Казахстана, 2004. С. 15–28.

Пойкалайнен В., Эрнитс Э. Система документации наскальных рисунков Онежского озера // Археология в пути или путь археолога. Ч. 2. СПб.: СПб. философск. об-во, 2001. С. 7–20.

Пяткин Б. Н., Мартынов А. И. Шалаболинские петроглифы. Красноярск: КГУ, 1985.

Равдоникас В. И. Петроглифы Онежского озера. М.; Л.: АН СССР, 1936.

Равдоникас В. И. Петроглифы Белого моря. М.; Л.: АН СССР, 1938.

Савватеев Ю. А. Залавруга. Ч. 1: Петроглифы. Л.: Наука, 1970.

Савватеев Ю. А. Вечные письма. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2007. 462 с.

Фадеева М. А., Сонина А. В. Лихенологические исследования Онежских петроглифов в связи с оценкой их состояния // Тр. 1-й Рос. лихенологической школы. Апатиты, 2000. С. 238–250.

Хельберг Б. Х. Описание и сохранение наскальных рисунков в Северной Норвегии // Материалы семинара, посвящ. 150-летию открытия Онежских петроглифов. Петрозаводск, 1998. С. 30–41.

Швед П. Крестовый и Пелий мысы // Известия Императорского Русского геогр. об-ва. 1850. С. 68–71.

Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980.

Шидловский А. Доисторические памятники на восточном берегу Онежского озера // Изв. Об-ва изучения Олонецкой губернии. 1914. № 1–2. С. 1–10, 7.

Цуцкин Е. В. Подводные исследования в районе Онежских петроглифов // Археологические открытия 1973 г. М.: Наука, 1974. С. 34.

Anati E. Methods of recording and analyzing rock engravings // Studi Camuni Capo di Ponte. 1977. Vol. 7.

Andreassen R.-L. Managing World Heritage Sites – the Rock Art of Alta. Norway, Oslo: Riksantikvaren, 2007. P. 50–52.

Burkitt M. C. Prehistory. A study of early cultures in Europe and Mediterranean basin. 2nd ed. Cambridge: the University Press, 1925. P. 302–305.

Ernits E., Poikalainen V. On the documentation of rock carvings at Lake Onega // Kalliotaidetta – tutkimusta ja tulkintaa. Hälliristningar – forskning och tolkning. Åbo landskapsmuseum, rapport 11. 1990. P. 52–64.

Grewingk G. Über die in Granit geritzten Bildergruppen am Ostufer des Onega-Sees // Bull. cl. sc. Hist., phil. et polit. Acad. Sc. St. Peterbourg, 1855. N 271–273, t. XII, N 7–8. P. 97–103.

Hallström G. Monumental art of Northern Sweden from the Stone Age. Nämforsen and other localities. Stockholm: Almqvist and Wiksell, 1960. P. 337–359.

Helskog K. Helleristingene i Hjemmeluft. Jepmaluokta. Alta. Alta Museum, 1999.

Helskog K., Lobanova N., Hygen A.-S. Protection and presentation of rock art in the Republic of Karelia, the Russian Federation // The Norwegian-Russian cultural heritage co-operation 1995–2008. Oslo: Riksantikvaren, 2008. P. 94–108.

Hygen A.-S. Protection of Rock Art. The rock art project 1996–2005. Final Report from Directorate for Cultural Heritage. Oslo, 2006.

Lobanova N. Karelian petroglyphs: problems of protection and reasonable use // Vesa-Pekka Herva (ed.). People, material culture and environment in the North. Proceedings of the 22nd Nordic Archaeological Conference University of Oulu, 18–23 August 2004. Gummerus kirjapaino OY, 2006.

Lewis-Williams J. D. ACRA: a retrospect // Perceiving Rock Art: Social and Political Perspectives. K. Helskog and B. Olsen (ed.). Oslo, 1995.

Poikalainen V., Ernits E. The Rock Carvings of Lake Onega: the Vodla region. Tartu: Estonian Society of Prehistoric Art, Tähetorn, 1998.

Poikalainen V., Ernits E. Estonian Society of Prehistoric Art – appearance and activities // Aurinkopeura 2. Tallinn: Tallinna Raamatutruükikoda, 2004. P. 13.

Selisaar E. A new petroglyph recording method // Rock Art Research. Vol. VIII, number 2. Melbourne: IFRAO, 1991. P. 136–137.

Taskinen H. The documentation of rock paintings – practices and problems in Finland // Мир наскального искусства: Сб. докл. междунар. конф. М.: Ин-т археологии РАН, 2005.

<http://www.ssfpa.se/uk/tanummuseum.html>.

<http://www.ecosystema.ru/07referats/pchelkin/poplich06.html>.

<http://petroglyphs.ru/>.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Лобанова Надежда Валентиновна

старший научный сотрудник, к. и. н.
Институт языка, литературы и истории Карельского научно-го центра РАН
ул. Пушкинская, 11, Петрозаводск, Республика Карелия, Россия, 185910
эл. почта: nlobanova@sampo.ru
тел.: (8142) 760336

Lobanova, Nadezhda

Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Science
11 Pushkinskaya St., 185910 Petрозаводск, Karelia, Russia
e-mail: nlobanova@sampo.ru
tel.: (8142) 760336

УДК 39 (470.22)

ДРЕВНЕКАРЕЛЬСКИЕ ЮВЕЛИРНЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ ЦВЕТНОГО И ДРАГОЦЕННОГО МЕТАЛЛА X–XV ВЕКОВ: АРЕАЛ, ДАТИРОВКА, ХИМИЧЕСКИЙ СОСТАВ

Н. В. Ениосова¹, С. И. Кочкуркина²

¹ *Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова*

² *Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН*

В процессе раскопок древнекарельских городищ – Тиверск, Хямеенлахти, Соскуа, Терву-Линнасаари, Паасо – собрана значительная коллекция предметов из цветных и драгоценных металлов X–XV вв., насчитывающая более 150 единиц. Цель настоящей работы – представить некоторые предварительные результаты ED XRF анализа химического состава предметов из раскопок городищ (76 проб). Получены результаты по 10 группам, среди которых присутствует «чистая» медь и сплавы на основе меди и серебра. Медно-цинковые сплавы использовались главным образом в X–XI вв. В изделиях северо-западного региона России, включая Новгород, явно преобладают изделия из латуни. Свинцово-оловянные бронзы с высоким содержанием свинца и средним содержанием олова являются наиболее типичными сплавами, используемыми в Карелии с конца XI в. Бронзовые сплавы из этого региона отличаются от бронз Новгорода и от северо-западных бронз, для которых характерно низкое содержание олова. В целом состав древнекарельского цветного металла указывает на торговые связи с Новгородом и западными странами.

Ключевые слова: энергодисперсный рентгенофлюоресцентный безэталонный анализ, особенности химического состава древнекарельских ювелирных изделий, источники поступления цветных металлов.

N. V. Eniosova, S. I. Kochkurkina. OLD KARELIAN NON-FERROUS AND PRECIOUS METAL JEWELLERY OF THE 10th–15th CENTURIES: DISTRIBUTION, CHRONOLOGY AND CHEMICAL COMPOSITION

An impressive collection of non-ferrous and precious metal items has been discovered during the field works at the Old Karelian hillforts: Tiversk, Hämeelahti, Soskua, Tervu-Linnasaari and Paaso. It comprises more than 150 artefacts dated to the 10th–15th centuries. The aim of this paper is to present some initial results of the ED XRF studies on the chemical composition of 76 samples from the hillforts excavations. There are 10 basic groups of pure metals, copper-based and silver-based alloys. Copper-zinc alloys were mostly in use in the 10th–11th centuries. Brasses clearly dominated in the metalwork of the North-western region of Russia including Novgorod. Tin-lead bronzes with high content of tin and medium content of lead are the most typical alloys used in Karelia since the late 11th century. Bronze alloys from this region differ from the Novgorod and Northwestern bronzes, which are characterized by low concentration of tin. On the whole, Old Karelian non-ferrous metal composition evidences trade contacts with Novgorod and Western countries.

Key words: energy dispersive X-ray fluorescence technology (ED XRF), distinctive features of the chemical composition of Old Karelian jewellery, sources of non-ferrous metals.

Впервые результаты спектрального анализа химического состава металла 55 находок из археологических раскопок на городищах Тиверск и Паасо были опубликованы в приложении к монографии С. И. Кочуркиной «Древняя Корела» в 1982 г. [Васильева, 1982. С. 185–188]. Несмотря на то что автор использовала качественный метод оценки концентрации химических элементов, эти данные позволили определить набор цветных металлов и сплавов, характерных для карельских памятников, и высказать суждения относительно источников поступления ювелирного сырья на эту территорию. Сопоставив полученные результаты с новгородской выборкой, Э. С. Васильева сделала осторожный вывод о совпадающей динамике употребления сплавов в Новгороде и на карельских городищах. По ее справедливому мнению, для более широких обобщений требовались количественные данные по представительной серии образцов.

Спустя почти тридцать лет в практику археологических исследований вошли более совершенные методы определения химического состава древних металлов и сплавов. С их помощью получают информацию о количественном содержании элементов без отбора проб и ущерба для сохранности изучаемых объектов [Енисосова и др., 1997. С. 107–121]. Неразрушающий энергодисперсный рентгенофлуоресцентный безэталонный анализ (РФА) был применен для изучения химического состава 76 находок с древнекарельских городищ*. Этот метод позволяет быстро исследовать большое количество предметов, определяя одновременно до 30 элементов.

Анализ выборки показывает, что половина исследованных образцов изготовлена из тройных бронз – сплава меди, олова и свинца. Тройные латуни – сплав меди, цинка и свинца – представлены 12 образцами. Из многокомпонентных сплавов, содержащих помимо меди три легирующих компонента в разных концентрациях, изготовлено 14 изделий. Из «чистой» меди, двойной бронзы и латуни, свинцовой бронзы и сплавов на основе серебра выполнены единичные образцы выборки. Рассмотрим каждую из групп в отдельности.

К группе «**чистая медь**» принадлежат два образца – спираль из Хямеенлахти и игла овально-выпуклой фибулы из Тиверска. По химическому составу они относятся к очень чистой меди. Суммарное содержание элементов-примесей в одном случае не превышает десятых до-

* Исследование выполнено заведующим рентгено-спектральной лабораторией кафедры геохимии геологического факультета МГУ кандидатом геолого-минералогических наук Р. А. Митояном.

лей процента, в другом их концентрация ниже предела обнаружения методом РФА. Оба предмета изготовлены с помощью формообразующейковки, для которой пластичная медь является наиболее подходящим материалом.

Свинцовые бронзы (Cu-Pb) представлены тремя пробами. Содержание свинца в металле проволочного кольца в виде спирали составляет 2,84 %, другие элементы в этой пробе не обнаружены. В этом случае трудно определить, является ли свинец искусственной добавкой или естественной примесью к меди. По формальным признакам металл такого типа принадлежит к бронзам, но по сути это загрязненная свинцом медь, полученная в результате выплавки из определенных сортов руды, добываемой, например, в некоторых рудниках Германии [Вальтер, 1988. С. 286–293]. Почти 6 % свинца зафиксировано в металле литого костылька цепи (рис. 1). И в этом случае нам трудно судить об умышленном введении свинца в сплав, хотя известно, что этот компонент улучшает жидкотекучесть металла, т. е. вполне пригоден для отливки мелких предметов. В том же образце обнаружены элементы-примеси – серебро и мышьяк, содержание которого превышает 1 %. В третьей пробе (рис. 2) – игле фибулы – концентрация свинца превышает 12 %, зафиксированы также примеси серебра, мышьяка и сурьмы. Такой сплав редко использовали дляковки, так как свинец снижает пластичность меди [Мальцев и др., 1955. С. 130–134]. Пока невозможно говорить об особенностях употребления этого сплава карельскими ювелирами из-за малого числа образцов в выборке. Во всех трех случаях его использовали для изготовления простых кованых или литых изделий.

В группу **двойных латуней (Cu-Zn)** попал единственный образец – литая подковообразная фибула (рис. 3). Количество цинка в сплаве составляет 6,59 %. Их производили с помощью литья в разъемные глиняные формы, чаще всего полученные копированием готовых изделий, что приводило к появлению экземпляров с расплывчатым, нечетким орнаментом [Авдусина, Енисосова, 2001. С. 100]. Такие подковообразные фибулы широко распространены на территории Скандинавских стран и Финляндии, а также на Севере европейской части России [Лехтосало-Хиландер, 1979, рис. 7]. Типология фибул, их датировка и центры производства определены Х. Салмо [Salmo, 1956] и Э. Кивикоски [Kivikoski, 1939. S. 142]. В приладожских курганах основная масса фибул датируется X в., фибулы без шипов на концах – X – началом XI в. [Кочуркина, 1970. С. 158–159].

Судя по данным Э. С. Васильевой, к этой же группе бинарных сплавов можно отнести копоушку и два браслета с городища Тиверск; пластину и круглую привеску с городища Паасо.

Группа **свинцовых латуней (Cu-Zn-Pb)** объединяет 12 образцов. Содержание цинка зафиксировано в интервале от 1,83 до 13,77 %, свинца – от 1,63 до 36,14 %. Из этого сплава изготовлены подковообразные и равноплечие фибулы (6), браслеты (2), копоушки (2), игольник ливского типа, спиралька (рис. 4–8).

Среди изученных украшений преобладают литые изделия, но копоушки, спираль и некоторые подковообразные фибулы получили конечную форму в процессе пластической деформации. В выборке Э. С. Васильевой также присутствуют свинцовые латуни (10 образцов), включая готовые изделия – браслеты, равноплечую фибулу, копоушку и колоколовидную подвеску, а также сырьевые продукты – пластины и стержни. Она вполне справедливо отмечала, что украшения из латуни чаще относятся к раннему периоду [Васильева, 1982. С. 187]. Три экземпляра (два целых, фрагмент третьего) равноплечих фибул обнаружены на городище Паасо. Они, видимо, сделаны по различным скандинавским образцам, поскольку не идентичны друг другу. Одна фибула скандинавского происхождения соответствует группе 2, по классификации Кивикоски [Kivikoski, 1938. S. 27]. Массивных бронзовых браслетов с полый средней частью, закрывающейся ажурной вставкой, в северо-западном Приладожье и в Саво найдено 19 экз. По этой причине финляндская исследовательница К. Коркеакоски-Вяйсänen [Korkeakoski-Väisänen, 1981] полагает, что эти изделия (по ее терминологии энколпиобраслеты) можно считать чисто карельским типом, поскольку за пределами Карелии и Саво не встречены. Но вопрос о происхождении этого типа браслетов нельзя считать решенным, поскольку наиболее выразительные экземпляры, например, с раздвоенными концами и запором к ним представлены в юго-восточном Приладожье в погребениях Хв. [Кочкуркина, 1973. С. 40]. На карельских городищах найдены только вставки, закрывающие полую часть браслета: Тиверск, Паасо (4 экз.). Горизонтальный трубчатый игольник с верхним ажурным овалом, так называемые игольники ливского типа, обнаруженный на городище Паасо, датируется XI–XII вв. [Кочкуркина, 1973. С. 44].

Двойные бронзы (Cu-Sn) представлены двумя образцами – овално-выпуклой фибулой С1 и Ф-образной пронизкой (рис. 9, 10). Оба украшения получены в процессе литья из сплава со средним и высоким содержанием олова.

Для литья можно применять бронзу с любым содержанием олова. Однако в зависимости от его концентрации меняются жидкотекучесть и цвет сплава. Несмотря на то что в металле фибулы зафиксировано менее высокое содержание олова, чем у пронизки (12 и 22 % соответственно), она имеет серебристо-серую поверхность, характерную для высокооловянных бронз. О первоначальном цвете металла пронизки судить трудно, так как она сильно оплавлена.

Оловянно-свинцовые бронзы (Cu-Sn-Pb) занимают половину нашей выборки, они представлены 38 образцами со всех древнекарельских городищ: 7 овальных, подковообразная и кольцевидная фибулы, подвески (7), ременная гарнитура (5), рукояти и оковки ножей (3), копоушки (4), пронизки (2), цепедержатели и фрагменты цепей (5), игольники (2) и орнаментированная пластина (рис. 11–22). Концентрация олова варьирует от 6,93 до 61 %, свинца от 1,5 до 20,38 %, цинк в этих образцах не обнаружен. Огромная разница в содержании олова и свинца требует разделения полученных данных на группы с различными интервалами концентраций этих элементов.

В первую группу вошли образцы с низким (до 10 %) содержанием олова и свинца. Доля образцов этой группы – 5 %. Вторая группа отличается низкой концентрацией олова (Sn 1–10 %) и высокой концентрацией свинца (Pb > 10 %). Она занимает 3 % в выборке. Третья группа – высокооловянные бронзы (Sn > 20 %) со свинцом от 1 до 10 %. Эта группа доминирует среди оловянно-свинцовых бронз (66 %). Четвертая группа состоит из проб, содержащих от 10 до 20 % олова и свинец, не превышающий 10 %. Образцы с таким составом занимают 16 % выборки. Пятая группа – высокооловянные бронзы (Sn > 20 %) с высокой концентрацией свинца (Pb > 10 %). Доля этой группы – 10 %.

Для многих образцов оловянно-свинцовых бронз карельских памятников характерен стабильный набор элементов-примесей – серебра (от 0,13 до 1,09 %), мышьяка (от 0,1 до 1,77 %) и сурьмы (от 0,1 до 2,68 %). Они зафиксированы в 26 из 38 образцов, принадлежащих к этому сплаву. Вероятнее всего, эти примеси свидетельствуют о едином рудном источнике меди – блеклых рудах. Несмотря на широкое распространение минералов этого типа в различных горнорудных областях, мы можем предположить, что медь с примесями серебра, мышьяка и сурьмы происходит из месторождений на территории Германии. Кроме того, сурьма могла попадать в сплавы вместе с оловом или свинцом [Forshell, 1992. P. 28]. Повышенное содержание сурьмы и мышьяка обнаружено в высоко-

оловянных бронзах XI–XII вв. памятников белозерско-кубенозерского региона (Тихманьга), Заволочья (Усть-Пуя) и Городка на Ловати [Горюнова, 1985. С. 56; Галибин и др., 1986. С. 49].

В группе бронз с высоким содержанием олова есть украшения, полученные с помощью литья: овальные (5) и кольцевидная (1) фибулы, ажурные цепедержатели и звено цепи (5), зооморфные привески, ажурная подвеска и бубенчик (5), копоушки (3); ременная гарнитура (5), рукояти ножей (2), игольники (2). Только два предмета из 32 изготовлены с помощью других операций – ковки и гравировки (пластина),ковки и пайки (бусина). На некоторых украшениях не удалены литейные дефекты – остатки литников и литейные швы, возникшие из-за неплотного совмещения створок литейной формы. Для белых бронз характерна необычайная хрупкость, которая не дает возможности применить даже самые простые кузнечные операции для улучшения качества изделия. Мастер не мог исправить пороки отливок механической обработкой из-за опасности их повреждения: успешное изготовление украшения целиком зависело от мастерства литейщика [Равич, 1995. С. 162–163].

Выбор сырья для изготовления литых украшений с поверхностью, имитирующей серебро, вероятно, был осознанным. Невысокая температура плавления, прекрасные литейные качества и серебристо-серый цвет металла способствовали широкому использованию оловянно-свинцовых бронз для производства изделий, не требующих дополнительной обработки после отливки.

В группу бронз с низким и средним содержанием олова попали литые овальные (2) и подковообразная (1) фибулы, копоушка, цепь от хороса и косорешетчатая привеска. Почти все эти изделия отличаются по цвету от украшений предыдущей группы. Исключение составляет подковообразная фибула с серебристой поверхностью, несмотря на то, что ее сплав содержит не более 13 % олова. Единственное изделие, выполненное в сложной технике просечнойковки и украшенное гравированным орнаментом, – ножны ножа. Для их изготовления мастер выбрал материал, подходящий для холоднойковки с невысоким содержанием олова (11 %) и свинца (6,38 %).

Свинцово-оловянные бронзы карельских памятников отличает стабильный набор элементов-примесей – серебра (от 0,13 до 1,09 %), мышьяка (от 0,1 до 1,77 %) и сурьмы (от 0,1 до 2,68 %). Они зафиксированы в 26 из 38 образцов, принадлежащих к этому сплаву. Вероятнее всего, эти примеси свидетельствуют о едином

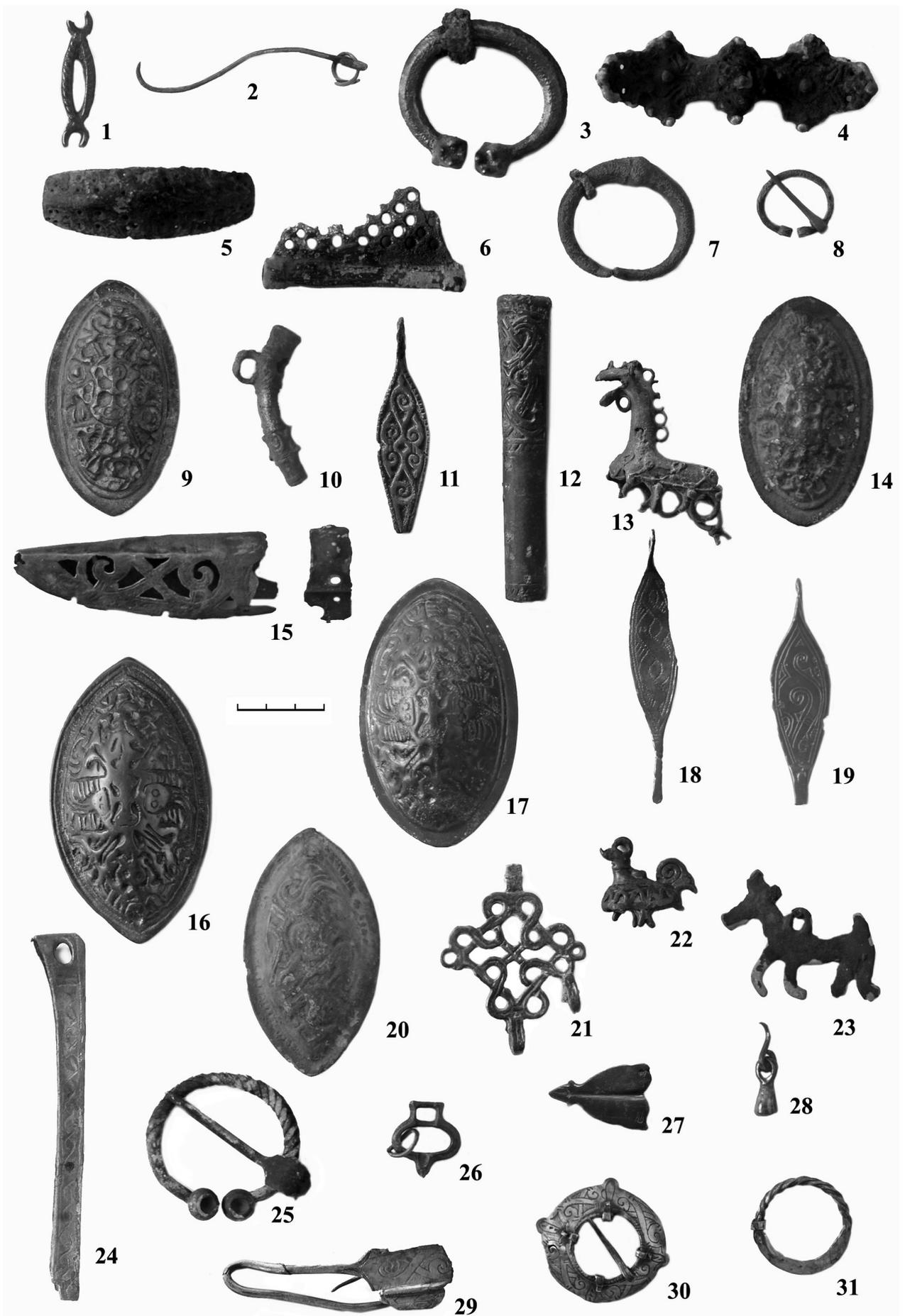
рудном источнике меди – блеклых рудах. Несмотря на широкое распространение минералов этого типа в различных горнорудных областях, мы можем предположить, что медь с примесями серебра, мышьяка и сурьмы происходит из месторождений на территории Германии. Кроме того, сурьма могла попадать в сплавы вместе с оловом или свинцом [Forshell, 1992. P. 28].

Многокомпонентные бронзы и латуни объединяют сплавы с одинаковым набором легирующих элементов: олово, цинк и свинец. Различаются они лишь содержанием олова и цинка: в бронзах преобладает олово, в латунях – цинк. Эти сплавы рассматриваются исследователями как индикаторы многократных переплавок лома, вышедших из употребления изделий. Они представлены в карельской выборке 13 образцами. В группу многокомпонентных латуней входят подковообразная фибула с маковидными головками, игла от подковообразной фибулы, коньковая подвеска, накладка рукояти ножа, перстень и поясная накладка (рис. 23–25). Цинк в образцах варьирует от 3,99 до 12,36 %, олово – от 1,23 до 5,3 %, свинец – от 2,37 до 14,85 %. Фибула с маковидными головками и крученой средней частью имеет обширные аналогии на восточнобалтийских территориях [Selirand, 1974. S. 332], в северо-западных областях Восточной Европы [Мальм, 1967. С. 163], в приладожском кургане XI в. [Кочкуркина, 1989. С. 167–168], в Финляндии и на Готланде [Salmo, 1956. S. 56; Kivikoski, 1973. Abb. 700]. Остальные изделия единичны.

Группа многокомпонентных бронз объединяет овальную фибулу, раскованный слиток, поясные украшения (4) и миниатюрную колоколообразную подвеску (рис. 26–28). Почти во всех образцах обнаружено среднее и высокое (от 10,02 до 35,38 %) содержание олова. Только в металле овальной фибулы из Линнасаари концентрация олова составляет 5 %. Цинк присутствует в низких концентрациях (2,29–4,62%), содержание свинца – от 1,15 до 33,89 %. Примечательно, что в этой группе представлен сырьевой продукт – раскованный слиток с высоким содержанием олова.

По данным Э. С. Васильевой, в ее выборке представлено 11 образцов, относящихся к многокомпонентным сплавам. Среди них есть спирали, браслет, оковки и ножны, перстень и другие украшения [Васильева, 1982. С. 186–187].

Серебро представлено тремя пробами (рис. 29–31). Круглая фибула с гравированным орнаментом (Паасо) выполнена из двухкомпонентного высокопробного драгоценного металла, который содержит не более 5 % меди. Менее

высокая проба обнаружена у серебра, из которого сделана длинная игла подковообразной фибулы (Тиверск) и круглая застежка, у которой половина дуги ложновитая (Паасо). Серебряный прут из Тиверска был исследован Э. С. Васильевой. Помимо меди и свинца в металле этого предмета есть цинк и олово. Различные комбинации легирующих компонентов в серебре, как правило, свидетельствуют о том, что к драгоценному металлу добавлялись в виде лома бронзовые, медные или латунные изделия, а также свинец в чистом виде.

В небольшой выборке анализов серебра, опубликованной Л. Томантеря, представлены калачевидная серьга из клада Рауту (дата зарытия 1070 или 1075 г.), крестовидные подвески из древнекарельских погребений XII–XIII вв. (Ряйсяля, Каукола). Среди них есть высокопробный образец (Рауту), сплав с содержанием серебра 92 % и низкопробное серебро ($Ag < 70 \%$), в которые, судя по присутствию свинца, олова и цинка, добавляли не только чистую медь, но и латунь, бронзу и многокомпонентные сплавы [Tomanterä, 1989. S. 65–87].

В целом набор сплавов карельских памятников почти не отличается от цветного металла Новгорода, Пскова, Новогрудка, Торопца и других поселений Древней Руси по разнообразию представленных в нем материалов. Исключение составляют лишь чистые металлы – олово, свинец и их сплавы, отсутствующие в карельской выборке.

Разнообразие карельских сплавов объясняется прежде всего многократной переплавкой изделий и сырьевых продуктов, поступавших из различных источников. На это указывает отсутствие образцов с высоким ($>20 \%$) содержанием цинка. Такой состав свидетельствует о многократном высокотемпературном воздействии на металл, так как при каждой плавке латуни теряют от 1 до 10 % цинка из-за летучести этого элемента [Forshell, 1992. P. 61]. «Свежие» порции медно-цинковых сплавов поступали на территорию Скандинавии и Прибалтики из европейских центров, производящих латуни из медного сырья и рудного минерала каламина, содержали больше цинка, чем образцы из Карелии и многих памятников Древней Руси [Ениосова и др., 2008. С. 134–135]. На многочислен-

ные переплавки и разбавление ценных и относительно дорогих материалов – меди, бронзы, латуни – более дешевым оловом и свинцом указывают многокомпонентные сплавы, суммарная доля которых в карельской выборке составляет 18 %.

Для характеристики ювелирного ремесла карельских поселений важно установить соотношение между отдельными категориями находок и химическим составом сплавов, использованных для их производства. Так, все овально-выпуклые фибулы изготовлены из бронз: двойных (1), оловянно-свинцовых (8) и многокомпонентных (1). Оловянно-свинцовые бронзы были основным материалом для производства цепедержателей и деталей цепей, игольников, зооморфных подвесок. Из десяти ремесленных украшений девять сделаны из оловянно-свинцовых и многокомпонентных бронз. Для изготовления равноплечих и подковообразных фибул, а также браслетов использовали преимущественно латуни. Изделия из этого сплава есть среди копоушек, игольников и спиралей.

Три четверти находок из двойных и свинцовых латуней происходит с городища Паасо и представлены хронологически более ранними предметами выборки (равноплечие фибулы, крышка браслета, игольник ливского типа). Не вызывает удивления и тот факт, что из латуней сделаны шесть из семи изученных подковообразных фибул. Как показало исследование 59 новгородских застежек-подков X–XV вв., 80 % из них оказались латунными, причем для изделий из ранних слоев этот показатель составляет 100 % [Коновалов, 2008. С. 30–33]. Такая же картина характерна для памятников Швеции, Латвии, Восточной Пруссии, курганов Приладжья и Ижорского плато и даже левобережья Днепра. Мы наблюдаем очевидную корреляцию между типом изделия и материалом изготовления: для использования этих фибул в качестве застежек большое значение имели пружинящие свойства дуги. Среди сплавов, известных средневековым мастерам, наилучшими физическими свойствами обладали именно латуни, которые применяли для производства фибул-подков в мастерских памятников, удаленных друг от друга территориально и хронологически [Авдусина, Ениосова, 2001. С. 99].

Химический состав цветного и драгоценного металла:

1–4 – свинцовые бронзы; 3 – двойные латуни; 4–8 – свинцовые латуни; 9–10 – двойные бронзы; 11–22 – оловянно-свинцовые бронзы; 23–25 – многокомпонентные латуни; 26–28 – многокомпонентные бронзы; 29–31 – серебро. 1 – костылек цепи; 2 – игла от фибулы; 3 – подковообразная фибула; 4 – равноплечая фибула; 5 – фрагмент браслета; 6 – игольник; 7, 8, 31 – кольцевидные застежки; 9, 14, 16, 17, 20 – овально-выпуклые фибулы; 10 – Ф-образная пронизка; 11, 18, 19 – копоушки; 12 – рукоять ножа; 13, 22 – шумящие подвески; 15 – ножны; 26, 27 – поясные пряжка и накладка; 21 – цепедержатель; 23 – зооморфная подвеска; 24 – оковка ножен; 25 – фибула с макровидными концами; 28 – подвеска; 29 – игла от застежки; 30 – круглая орнаментированная фибула

Представительный фонд анализов по химическому составу металла Восточной Европы, созданный к настоящему времени, позволяет провести сравнение карельского металла со сплавами других регионов и определить возможные пути поступления ювелирного сырья в северо-западное Приладожье [Ениосова и др., 2008. С. 109–112].

В ювелирных мастерских Северо-Запада и Северо-Востока Руси VIII–XI столетий латуни были главным материалом для изготовления украшений и бытовых изделий. В материалах Городка на Ловати, Приладожских курганов, Сарского городища и курганов Ижорского плато сплавы меди с цинком составляют более половины выборки. К ним примыкают Гнездово, Подболотьевский и Лядинский могильники, Рюриково городище, Старая Ладога, Псков, Новгород и памятники Белозерского края, где латуни составляют не менее трети исследованных образцов. За пределами Древней Руси латунь характерна для Восточной Пруссии, Прибалтики, Швеции. В самой представительной серии анализов, новгородской, доля латуней в X – начале XII в. составляет 67 % [Ениосова и др., 2008. С. 133–135, табл. 3.1]. В северо-западном Приладожье доля латуней не превышает 18 %. Главной причиной заметных различий между металлом этого региона и других памятников Севера Руси является сравнительно малое число находок X–XI вв. среди исследованных карельских образцов.

Возможно, в X–XI вв. Карелия принадлежала к огромной по территории зоне распространения латунных сплавов: в нее входили материковая Швеция и Готланд, Прибалтика, северо-западные и северо-восточные регионы Древней Руси. Вероятнее всего, медно-цинковые сплавы, полученные из сырья рудников в районе Верхнего Мааса и Вестфалии, поступали на Русь через Скандинавию и Прибалтику [Ениосова и др., 2008. С. 155]. Связи Карелии с Прибалтикой и Швецией в IX–XI вв. документируются многочисленными находками вещей западного происхождения из погребальных памятников Карельского перешейка [Кочуркина, 1982. С. 18–25].

Сплавы на основе меди, легированные оловом и свинцом, в эпоху Средневековья были распространены не менее широко, чем латуни, но пик их употребления приходится на конец XI–XII–XIII вв. Так, например, на Северо-Западе Руси в материалах могильника Залахтове X–XIV вв. бронзы составляют 40 %, а в Торопце их доля превышает 60 %. Оловянно-свинцовые бронзы использовали для отливки украшений, обнаруженных в городских слоях Белоозера

XII–XIII вв., есть они и среди сырьевых продуктов ювелирного ремесла этого памятника [Ениосова, Сарачева, 2008. С. 266–267]. Бронзовые сплавы с низким и высоким содержанием олова представлены в материалах поселений и погребальных памятников Белозерской округи, Заволочья и среднего течения р. Шексны конца XI – середины XIII в. [Галибин и др., 1986. С. 51, табл. 1; Зайцева, 2003. С. 57–60]. Очевидное преобладание высокооловянных бронз в металлообработке указывает на общий сырьевой источник, снабжавший Белозерье, Заволочье и древнекарельскую территорию.

Принято считать, что Новгород был основным поставщиком цветных металлов на Северо-Запад Руси: динамика употребления сплавов в столичных и периферийных ювелирных мастерских этого региона в целом совпадает [Ениосова и др., 2008. С. 154–155]. Однако анализ распределения бронз в северо-западных материалах демонстрирует своеобразие местных традиций выбора сырья и составления сплавов. Установлен низкий показатель сходства металла изделий Водской пятины и Новгорода. В новгородской выборке многокомпонентные сплавы, составленные из различного по происхождению сырья, практически не встречаются. Новгородцы использовали металлы и сплавы, подвергнутые минимальной переплавке. В выборке по курганам Ижорского плато многокомпонентные сплавы – индикаторы многократных переплавок – составляют 21 %. На основе этих данных А. А. Коновалов предположил, что украшения из курганов Ижорского плато произведены не в Новгороде, а местными мастерами [Коновалов, 2008. С. 25]. На этой территории археологически зафиксирован сбыт массовой продукции новгородских ремесленников, но региональная культура сохранила свою специфику благодаря традиционным связям с Прибалтикой и ижоро-карельским населением. Ювелиры Северо-Запада создали некоторые разновидности украшений, почти не представленные в Новгороде [Рябинин, 2001. С. 110–111]. Не имея доступа к крупным рынкам сырья, они использовали лом украшений «местных» типов, смешивая его с металлом изделий, полученных из Новгорода.

Древнекарельская выборка занимает особое место среди памятников Северо-Запада по доле высокооловянных бронз в выборке. Очевидно, что в мастерских Новгорода таких сплавов не употребляли. Конечно, нельзя исключить, что на территорию летописной корелы попадали изделия, изготовленные новгородскими ювелирами [Кочуркина, 1982. С. 80]. Карельские украшения найдены на усадьбах

Троицкого и Неревского раскопов в слоях XII и XIII вв. [Седова, 1981. С. 84; Покровская, 1992. С. 59]. Тем не менее пока нет никаких оснований считать, что украшения, обнаруженные на городищах северо-западного Приладожья, производили в Новгороде. Об этом свидетельствуют кардинальные различия в составе металла сходных типов изделий. Зооморфные привески, найденные в Паасо и Тиверске, отлиты из оловянно-свинцовых бронз с высоким содержанием олова. Они имеют близкие параллели в новгородском материале, но отличаются по составу металла от исследованных экземпляров с Неревского раскопа. Последние изготовлены из «чистой» меди и низкооловянной бронзы (Sn 1,0–1,4 %); из «чистой» меди отлита и рукоять ножа карельского типа [Коновалов, 2008. Приложение 1. С. 56]. Аналогичная рукоять с городища Паасо выполнена из оловянно-свинцовой бронзы с высоким содержанием олова. Зафиксированная разница в составе бронз со всей очевидностью указывает на различные традиции употребления сплавов в северной столице Руси и северо-западном Приладожье.

Разыскивая источники поступления высокооловянных бронз на территорию Древней Руси в XI–XIII вв., обычно называют Волжскую Болгарию. На территории этого государства были распространены сплавы с высоким содержанием олова, откуда они попадали в землю вятичей и Владимиро-Суздальское княжество. Считается, что находки болгарской медной посуды в Новгороде и Пскове документируют факт поступления цветных металлов на Северо-Запад из Поволжья. Несмотря на то что связи этого региона с Волжской Болгарией находят подтверждение и в других категориях болгарского импорта, вопрос об атрибуции медной посуды является спорным и не изученным с точки зрения сходства металла двух регионов [Ениосова и др., 2008. С. 158]. Судя по последней сводке восточных металлических изделий из раскопок в Новгороде, в коллекции находок доминируют предметы золотоордынского времени; импорты из Волжской Болгарии представлены единичными образцами [Козлова, 2004. С. 188–207; 2005. С. 172–185].

Не исключая Волжскую Болгарию из списка возможных источников оловянных бронз и чистого олова для Северо-Запада Древней Руси, необходимо учитывать, что, согласно письменным свидетельствам, основными поставщиками меди, латуни, олова и свинца были купцы Северной Европы: в XII в. – готландцы, в XIII в. – Любек, а с XIV в. – Ганзейский союз [Рыбина, 2001. С. 232–233]. Возможно, получая из Нов-

города чистые металлы, среди которых была медь из Швеции, свинец из Польши и олово с Британских островов, карельские ювелиры самостоятельно создавали сплавы с различным содержанием олова и свинца в зависимости от технологических и эстетических задач и исходя из принципа экономии более дорогих металлов.

Нельзя отрицать также, что на территорию северо-западного Приладожья металлическое сырье могло поступать благодаря прямому участию корелы в торговле с готландскими и немецкими купцами [Кочкуркина, 1982. С. 167]. Для создания сплавов с серебристой поверхностью местные ювелиры могли использовать олово, полученное в результате торговых контактов с саамами Лапландии [Кочкуркина, 1982. С. 165]. Как показало исследование И. Закриссон, для изготовления украшений местных типов, которые саамы оставляли в местах жертвоприношений с начала XI до середины XIV столетия, они использовали очень чистое олово [Zachrisson, 1984. S. 51–55, tab. 3–7]. Источником этого металла был, вероятно, Корнуолл. Благодаря международной торговле олово поступало с Британских островов на север Норвегии, а затем в обмен на пушнину – к саамам. Шведская исследовательница приводит отрывок из саги XIV в. о норвежском магнате Ингемунде, который в качестве платы дает саамам масло и олово. Из чистого олова отлита также подвеска – подражание «Ярославию серебру» из Унна Сайва [Zachrisson, 1984. S. 81, 82]. Кроме вещей древнерусского и карельского происхождения, а также местных украшений жертвоприношения содержат изделия североевропейского облика. Они изготовлены из свинцово-оловянного сплава, содержащего от 20 до 90 % свинца. Происхождение этого металла И. Закриссон связывает с немецкими источниками свинца и олова. Таким образом, легкоплавкие металлы и их сплавы поступали в Лапландию из разных западноевропейских стран при посредничестве скандинавских и ганзейских купцов. Не исключено, что благодаря северной торговле эти металлы попадали и в северо-западное Приладожье.

Подводя итог предпринятому в настоящее время исследованию, можно заключить, что карельская выборка имеет много общих черт с новгородской и в целом вписывается в картину распространения ювелирного сырья на Северо-Западе в X–XV столетиях. Однако состав цветного металла Карелии отражает специфическую ситуацию этого региона, вовлеченного в торговые и политические контакты как с Новгородом, так и с Западом.

На территории Северо-Запада наибольшее сходство зафиксировано между металлом памятников корелы и могильников, расположенных в белозерско-кубенозерском районе (Тихманьга) и Заволочье (Усть-Пуя). Среди сплавов, распространенных на этих территориях, доминируют оловянные и оловянно-свинцовые бронзы с высоким содержанием олова. Они отличаются большим разбросом свинца и схожим набором элементов-примесей – сурьмы и мышьяка в концентрациях от 0,1 до 2–3 %. Возможно, этот факт свидетельствует в пользу предположения, согласно которому с X в. отдельные группы корелы перемещаются на восток и юго-восток в районы, заселенные весью [Кочуркина, 1982. С. 166].

Следует признать, что для подтверждения высказанных предположений следовало бы продолжить изучение химического состава металла поселений и погребальных памятников северо-западного Приладожья. Кроме того, необходимо проанализировать украшения карельского происхождения из Новгорода, число которых увеличивается с каждым годом раскопок.

Литература

- Авдусина С. А., Ениосова Н. В. Подковообразные фибулы Гнездова // Гнездово. 125 лет исследования памятника. Тр. ГИМ. 2001. Вып. 124. С. 93–101.
- Вальтер Г. В. Минеральные месторождения ФРГ // Минеральные месторождения Европы. Т. 3. М.: Мир, 1988. С. 286–293.
- Васильева Э. С. Характеристика медных сплавов с городищ Тиверск и Паасо // Кочуркина С. И. Древняя Корела. Л.: Наука, 1982. С. 185–188.
- Галибин В. А., Овсянников О. В., Рябинин Е. А. Характер сплавов бронзовых изделий из средневековых финноугорских областей восточноевропейского Севера // Финно-угры и славяне (проблема историко-культурных контактов). Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1986. С. 41–66.
- Горюнова В. М. Цветной металл городка на р. Ловати (X–XIII вв.): спектральный анализ и технология // Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л.: Наука, 1985. С. 56–61.
- Ениосова Н. В., Митоян Р. А., Сарачева Т. Г. О применении рентгенофлуоресцентного энергодисперсного анализа в археологии // Вестник МГУ, сер. История. 1997. № 1. С. 107–121.
- Ениосова Н. В., Митоян Р. А., Сарачева Т. Г. Химический состав ювелирного сырья эпохи средневековья и пути его поступления на территорию Древней Руси // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья. М.: Вост. лит-ра РАН, 2008. С. 107–188.
- Ениосова Н. В., Сарачева Т. Г. Цветной металл Северо-Восточной Руси в IX–XV вв. // Сельская Русь в IX–XIV вв. М.: Наука, 2008. С. 265–275.
- Зайцева И. Е. Сплавы цветных металлов сельских памятников северо-восточных окраин Древней Руси // РА. 2003. № 4. С. 53–70.
- Козлова А. В. Украшение ремня, сбруи и сумок восточного происхождения из раскопок в Великом Новгороде // Новгород и Новгородская земля. История и археология: Материалы науч. конф. Вып. 18. Великий Новгород: Новгородский гос. объединенный музей-заповедник, 2004. С. 188–207.
- Козлова А. В. Восточные предметы быта, ремесла и торговли из раскопок в Великом Новгороде // Новгород и Новгородская земля. История и археология: Материалы науч. конф. Вып. 19. Великий Новгород: Новгородский гос. объединенный музей-заповедник, 2005. С. 172–185.
- Коновалов А. А. Цветной металл (медь и ее сплавы) в изделиях Новгорода X–XV вв. // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья. М.: Вост. лит-ра РАН, 2008. С. 7–106.
- Кочуркина С. И. Связи Юго-Восточного Приладожья с западными странами в X–XI вв. // Скандинавский сб. Т. 15. Таллинн: Тартуский ГУ, 1970. С. 145–163.
- Кочуркина С. И. Юго-Восточное Приладожье в X–XIII вв. Л.: Наука, 1973. 150 с.
- Кочуркина С. И. Древняя Корела. Л.: Наука, 1982. 215 с.
- Кочуркина С. И. Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья. Петрозаводск: Карелия, 1989. 348 с.
- Лехтосало-Хиландер П.-Л. Связи западных финнов с Восточной Европой в эпоху викингов // Финно-угры и славяне. Л.: Наука, 1979. С. 81–92.
- Мальм В. А. Подковообразные и кольцевидные застежки-фибулы // Тр. ГИМ. 1967. Вып. 43. С. 149–190.
- Мальцев М. В., Теплинская В. М., Степанова М. В. Исследование влияния свинца и висмута на свойства меди и α -латуней // Исследование сплавов цветных металлов. 1955. № 1. С. 128–138.
- Покровская Л. В. Прибалтийско-финские украшения Древнего Новгорода (X–XV вв.) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 9. Новгород: [б. и.], 1992. С. 57–60.
- Равич И. Г. Особенности состава и технологии изготовления миниатюрных сарматских зеркал из «белой бронзы» // СА. 1995. № 3. С. 157–164.
- Рыбина Е. А. Торговля средневекового Новгорода. Великий Новгород: Новгородский ГУ, 2001. 390 с.
- Рябинин Е. А. Водская земля Великого Новгорода. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 261 с.
- Седова М. В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. 196 с.
- Forshell H. The inception of copper mining in Falun // Arkeologiska Forskningslaboratoriet. Stockholms Universitet, 1992. 189 p.
- Kivikoski E. Likarmade spännen från vikingatiden // FM. 1938. N 45. S. 27–28.
- Kivikoski E. Die Eisenzeit im Aurafussgebiet // SMYA. 1939. N 43. S. 131–213.
- Kivikoski E. Die Eisenzeit Finnlands. Bildwerk und Text. Helsinki, 1973. 150 s.
- Korkeakoski-Väisänen K. Myöhäisrautakautinen nauhaornamentti kansantaitteessa // Karhunhammas. 1980. N 4. 159 s.

Salmo H. Finnische Hufeisenfibeln // SMYA. 1956.N 56. S. 30–106.

Selirand J. Eestlaste matmiskombed varafeodaalsete suhete tärkamise perioodil (11–13 sajand.). Tallinn: Eesti Raamat, 1974. 376 s.

Tomanterä L. «Gott» och «dåligt» silver – eller vem

lurade vem? // Finskt Museum. (Helsingfors.) 1989. N 96. S. 65–87.

Zachrisson I. De samiska metalldepåerna år 1000–1350 i ljuset av fyndet från Mörtråsket, Lappland // Archaeology and Environment 3. University of Umeå, Sweden, 1984. 133 s.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Ениосова Наталья Валерьевна

старший научный сотрудник, к. и. н.
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Ломоносовский пр., 27, корп. 4, Москва, 119992
эл. почта: eniosova@inbox.ru

Кочкуркина Светлана Ивановна

зав. сектором археологии, д. и. н.
Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН
ул. Пушкинская, 11, Петрозаводск, Республика Карелия, Россия, 185910
эл. почта: babkin@karelia.ru

Eniosova, Natalia

Lomonosov Moscow State University
Lomonosovsky Av. 27, build. 4, 119992 Moscow
e-mail: eniosova@inbox.ru

Kochkurkina, Svetlana

Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Science
11 Pushkinskaya St., 185910 Petrozavodsk, Karelia, Russia
e-mail: babkin@karelia.ru

УДК 809.454 (084.4)

ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИЕ ЯЗЫКИ В ЗЕРКАЛЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

Н. Г. Зайцева

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

В статье представлены некоторые результаты комплексного исследования международного коллектива авторов из Финляндии, Эстонии и Карелии, воплощенные в трех томах «Лингвистического Атласа прибалтийско-финских языков» [Atlas Linguarum Fennicarum = ALFE]. Карты атласа и комментарии к ним через посредство языковых фактов позволяют реконструировать некоторые особенности материальной и духовной культуры исследуемых народов и служить источником материала не только для лингвистов, но и для представителей многих смежных наук.

Ключевые слова: прибалтийско-финские языки, лингвистическая география, атлас, лексика.

N. G. Zaitseva. BALTO-FENNIC LANGUAGES AS MIRRORED BY LINGUISTIC GEOGRAPHY

The paper presents a comprehensive study by the international team of authors from Finland, Estonia and Karelia embodied in three volumes of the «Linguistic Atlas of Balto-Fennic Languages» [Atlas Linguarum Fennicarum = ALFE]. Through the mediation of linguistic facts, the maps of the atlas and the corresponding comments provide an insight into the material and spiritual culture of the peoples in question, and act as a source of material not only for linguists, but also for representatives of many adjacent disciplines.

Key words: Balto-Fennic languages, linguistic geography, atlas, vocabulary.

Лингвистическое картографирование, или нанесение на карту языковых явлений, получило название лингвогеографического метода исследования языков. С его помощью изучается территориальное распространение элементов языка, которые определяют его диалектные ареалы и разновидности. Использование лингвогеографического метода сочетается с иными методами и методиками исследования, с помощью которых можно выйти в различные области науки. В комплексе со сравнительным исследованием структуры родственных языков, сопоставлением и анализом фактов неродственных языков, историческим подходом,

этимологической реконструкцией ареальная лингвистика при использовании метода лингвистического картографирования способствует решению многих проблем исторического и синхронного языкознания, а также пониманию историко-культурного контекста языкового развития. По картам возможно проследить процесс номинации предметов, проиллюстрировать мотивы именовании и сравнить их возникновение и проявление в языках разных систем. В свою очередь, сравнение разных вариантов именовании и их мотивов, рассмотрение их функционирования позволяет отчасти восстановить характер мышления и связать его с

лингвистической психологией, которая призвана исследовать внутреннюю структуру языковых явлений, а также с лингвистическими универсалиями, так как дает возможность увидеть, что же присуще большому количеству говоров, диалектов, языков или групп языков, а что присуще только внутренней структуре одного языка или диалекта. В методе лингвистической географии широко представлена лингвистическая статистика, поскольку на карте можно наглядно отразить частотность и повторяемость тех или иных форм, моделей, конструкций, что позволяет накладывать языковые ареалы на ландшафтно-топографическую, административную карту, определяя границы этнических и иных историко-культурных зон.

Составление лингвистического атласа требует серьезной подготовительной работы. Атласы иногда считают венцом лингвистической науки, поскольку уже при отборе материала для них следует принимать во внимание все стороны функционирования языка. Самим авторам идеи должны быть известны многие теоретические и практические проблемы, которые должны решаться в атласе. От этого зависит подбор материала для составления вопросника, по которому должен собираться языковой материал.

Прибалтийско-финские языки находятся в поле зрения исследователей более трех сотен лет. Уже в XVII в. появились первые публикации, например, о родстве финского, эстонского и ливского языков. Стали готовиться многоязычные словари, которые были своеобразными прообразами лингвистических атласов. Одним из ярких образцов словаря подобного типа является сравнительный словарь П. С. Палласа. Примером подобного словаря в современной прибалтийско-финской науке является «Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепсского, саамского языков», подготовленный в Институте языка, литературы и истории КарНЦ РАН (издание словаря было осуществлено значительно позднее его создания, лишь в 2007 г.). В данном словаре, посвященном северной группе прибалтийско-финских языков, представлен уникальный материал, собранный в конце 1970-х гг. (1979–1981 гг.) в полевых условиях, позволяющий выявить в общих чертах единый словарный фонд, элементы схождения и расхождения названных языков и диалектов, уточнить распределение многих заимствований по диалектам карельского, вепсского и саамского языков [Словарь, 2007. С. 3]*.

Идея лингвистического атласа, охватывающего территорию распространения всех при-

балтийско-финских языков, возникла еще в конце 1970-х гг. Отправной точкой стала работа в Лингвистическом Атласе Европы [Atlas Linguarum Europe = ALE], составление которого ведется уже более двух с половиной десятилетий и на картах которого финно-угорские и прибалтийско-финские явления не всегда выглядят яркими и показательными, так как здесь в фокусе находится, прежде всего, индоевропейская семья языков, и в Атласе представлены более универсальные явления, свойственные языкам Европы. Прибалтийско-финский же материал для ALE оказался во многих случаях излишне экзотичным, не вписывающимся в европейский языковой контекст.

Основой общего прибалтийско-финского лингвистического атласа стали атласы, посвященные одному языку и его диалектной системе: это Атлас эстонского языка Андруса Саарестэ [1924], Атлас финского языка Лаури Кеттунена [1930–1940], Атлас карельского языка Д. В. Бубриха, А. А. Белякова, А. В. Пунжиной [1997]. Опыт составления названных атласов, их материалы помогли определить круг вопросов для нового прибалтийско-финского атласа, ставшего коллективной трехсторонней темой, в которой участвовали ученые Финляндии, Эстонии и Карелии.

При формировании вопросника составители атласа ориентировались на ту речевую практику, которая сложилась в прибалтийско-финских языках до конца 1939 г. [ALFE-I, 2004. S. 60]. В начале XX в. все прибалтийско-финские народы жили в обществе, где преобладало сельское хозяйство, в свою очередь, для сельской среды была характерна незначительная мобильность. Во второй же половине XX в. относительно единый ареал был нарушен последствиями Второй мировой войны, приведшей и к нарушению языковой ситуации. Попытка воссоздать языковую ситуацию начала XX в. давала возможность обойти более поздние языковые изменения, которые вносились индустриальной культурой и культурными инновациями как в прибалтийско-финские, так и в иные языки. Быстрое развитие техники повлияло тотально на разные сферы и культуры народов и привело к серьезным изменениям в языках, особенно в лексике: вслед за изменениями в реальном мире часть лексики вышла из употребления, а для обозначения новых предметов и понятий появилось много заимствований или изменений в значениях исконных лексем. Это стало отдалять язык друг от друга.

Обсуждение проблем сбора материала являлось одним из ключевых, поскольку именно диалектный материал – это основа атласа.

* Позднее материалы словаря активно использовались карельскими языковедами в работе над ALFE.

Трудно было представить, что в конце XX в. есть возможность собрать диалектный материал в полевых условиях полностью. Эти же проблемы еще раньше вставали и при сборе материала для Лингвистического атласа Европы. Известный финский лингвист Терхо Итконен, который на первом этапе руководил работой ALE в области финно-угорского языкознания, в свое время говорил, что это было бы невозможно, исходя даже из экономических предпосылок. Он совершенно справедливо отмечал, что ранее собранные большие коллекции материалов для атласов и диалектных словарей, которые составили базу диалектных материалов многих языков, могут быть использованы при работе над любым атласом [Itkonen, 1978. S. 255]. Основой для отражения в «Лингвистическом атласе прибалтийско-финских языков» более древнего положения вещей было также существование богатейших языковых архивов в Финляндии и Эстонии, в которых хранятся сведения и по многим родственным языкам (например, картотека языковых материалов в Финляндии – 8,5 млн словарных карточек, в Эстонии – 3 млн карточек). В Институте языка, литературы и истории КарНЦ РАН не имелось столь богатых коллекций материалов, однако в Карелии и сопредельных областях еще возможно было собрать материал у носителей языков, диалектов и говоров. Кроме того, Фонограммархив института содержит уникальные записи карельской и вепсской речи, которые стали собираться с конца 1930-х гг. Проведенные в последнее время подробные электронные описи материалов показали, что архив обладает богатой фонотекой карельских материалов, которые записаны практически во всех пунктах проживания карелов от лучших знатоков языка. Коллекция насчитывает около 2100 единиц хранения, что составляет более 4000 часов записей. Фонотека вепсских материалов не столь обширна, но, тем не менее, и она является, очевидно, одной из самых представительных в мире хранилищ вепсских текстов разного характера (около 300 единиц хранения, ~ 400 часов магнитофонных записей). Часть этих материалов была расшифрована и введена в научный оборот в виде образцов карельской и вепсской речи, а также диалектных словарей, материалы которых исключительно богаты и являются своеобразными энциклопедиями материальной и духовной жизни народов. Они активно использовались и в работе при сборе материалов для атласа.

Тематика привлеченных для картографирования в ALFE понятий разнообразна и отражает многие стороны жизни прибалто-финнов. Все-

го представлено 12 разделов: жилье, жизнь, строение; занятия, народные промыслы (земледелие; животноводство; рыболовство; охота; кустарные ремесла, приготовление пищи; человек (анатомия и физиология; духовная и эмоциональная сфера и ее особенности; названия и термины родства); фауна; флора; средства передвижения; страны света; географические термины, рельеф; время; местоимения, союзы, частицы; имена общего характера; глаголы общего характера. Из перечня тем ясно, что для картографирования привлечен большой пласт лексики, отражающий различного рода явления материальной и духовной культуры, а также окружающей среды. Вопросник включил в себя первоначально 317 вопросов [см. Kyselysarja, 1989], но впоследствии по ряду причин несколько вопросов было изъято. Всего было подвергнуто обследованию 259 опорных населенных пунктов, расположенных в прибалтийско-финском ареале: по финскому – 185 пунктов, по карельскому – 29, по вепсскому – 7, по ижорскому – 3, по водскому – 3, по эстонскому – 30 и по ливскому – 2.

Одна из задач, которая исключительно важна для всех ономаσιологических атласов (она была первоочередной и в прибалтийско-финском атласе), заключалась в том, чтобы на поставленные вопросы были получены идентичные ответы, иначе сравнение было бы невозможным. Так, например, понятие «дом» само по себе размыто, в нем на прибалтийско-финской почве есть, по крайней мере, два момента, которые вступают друг с другом в противоречие: дом как «строение» и дом как «родной дом». Поэтому была поставлена задача максимально точно очертить основное значение понятия: например, понятие «серый» было определено, как «цвет золы от сгоревших березовых дров» [Kyselysarja, 1989. S. 7], а понятие «горячий» – как «горячая вода», поскольку состояние других предметов при нагревании могло называться иными словами [Kyselysarja, 1989. S. 30]. Названные моменты, как оказалось впоследствии, были исключительно важными, поскольку оплошности при определении понятий привели к недопониманию и неправильному сбору материала. Так, понятие «дрожжи», сбор наименований которого отнял много времени, оказалось не востребованным для атласа, поскольку в говорах были собраны как из картотек, так и в полевых условиях именованная дрожжей для различных видов теста, кваса, пива и т. д., а собиратель был в замешательстве, на чем же ему сосредоточить свое внимание. Данные слова не могли быть размещены на картах, так как определяли разные типы и разные виды дрожжей.

Карты «Прибалтийско-финского лингвистического атласа» носят различный характер: ономазиологические, семантические, мотивационные, частотные, карты формативов, а также карты-реконструкции, посвященные некоторым наиболее древним элементам [ALFE-1, 2004. S. 67]. Исключительно важны карты, которые посвящены непосредственно прибалтийско-финской языковой общности и ее сложению. Несмотря на достаточно «солидный» возраст исследования прибалтийско-финских языков, многие ключевые моменты до сих пор не находят своего решения. Даже вопрос о количестве языков (не говоря уже о количестве диалектов), входящих в прибалтийско-финскую языковую ветвь финно-угорской языковой семьи, постоянно дискутируется: по разным точкам зрения среди них выделяется от шести до девяти языков [ALFE-I, 2003. S. 53–54]:

а) с одной стороны, не все выделяют язык ижор в качестве самостоятельного языка (например, финляндская школа в противовес эстонской и российской);

б) с другой стороны, язык сету в Эстонии и южноэстонский диалект часто считают отдельными языками;

в) финляндская школа язык карелов-людиков, которые живут в Карелии в Пряжинском, Олонецком, Кондопожском районах (Святозеро, Пряжа, Михайловское и т. д.), считает самостоятельным языком, и во всех основополагающих исследованиях людиковские материалы даются отдельно. Ученые полагают, что изначально отнесение ижорского, ливвиковского и людиковского языков к отдельным языкам или диалектам одного языка зависело от воли случая и с трудом поддается лингвистическому обоснованию. Поэтому в атласе много лингвистических карт, которые проливают свет именно на родство языков и групп языков и диалектов, что непременно будет принято во внимание при последующих исторических изысканиях с использованием материалов ALFE.

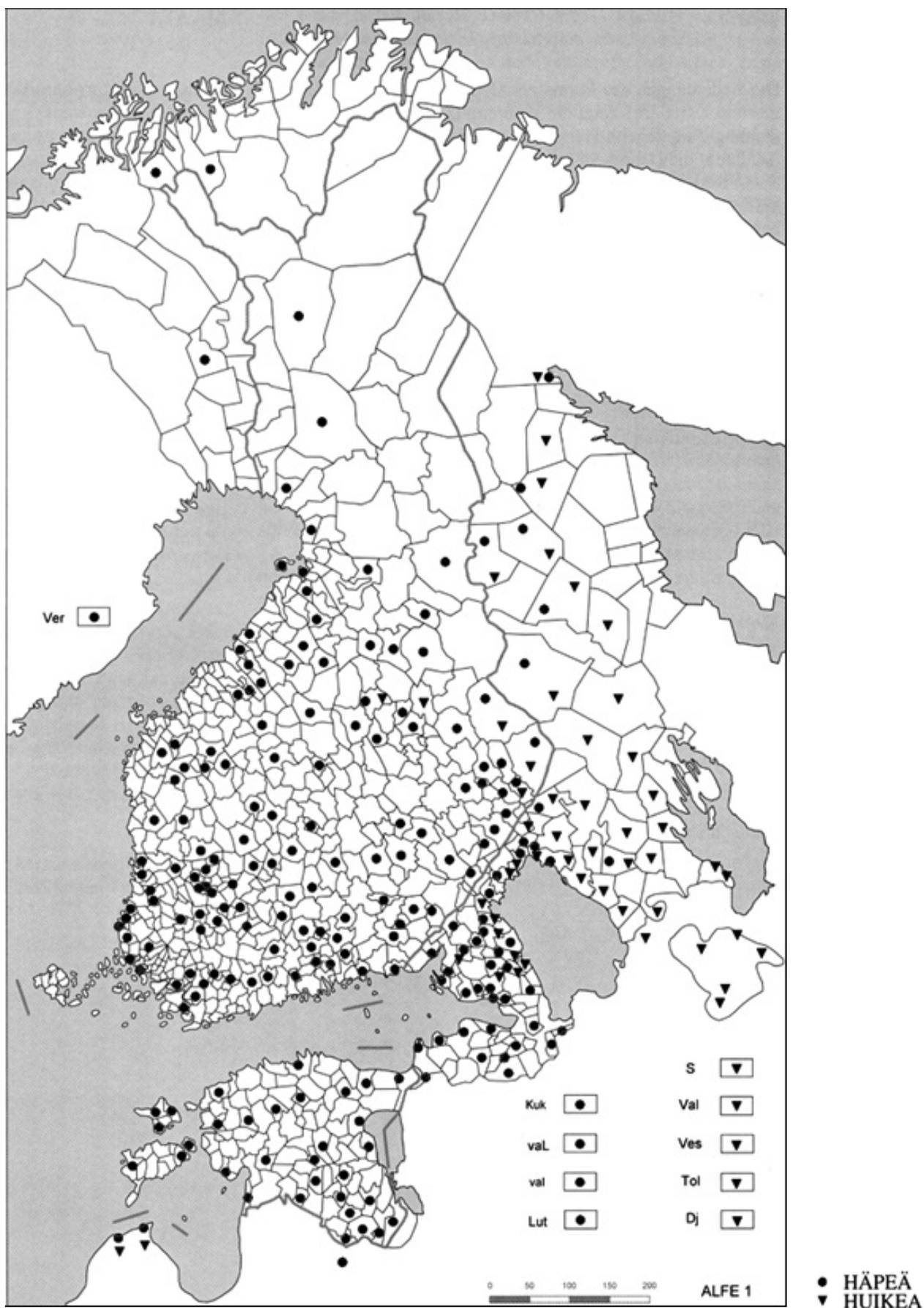
В данной статье приведены некоторые примеры лингвистических карт, позволяющие делать предварительные выводы о развитии языков, групп языков и диалектов, их взаимовлиянии и направлении языковых контактов.

На наш взгляд, несомненный интерес представляют карты-формативы, которые уже сами по себе предполагают, что та или иная лексема существует в родственных языках, но каков ее внешний облик и где непосредственно она существует, следовало установить путем

точного сбора. Так, карта-форматив HÄPEÄ/HUIKEA* «чувство стыда и состояние раскаяния из-за неприличного поступка» [см.: ALFE-I, 2004. S. 138–139], посвященная этим древним исконным лексемам, делит прибалтийско-финский ареал на две зоны: западную (HÄPEÄ) и восточную (HUIKEA). Между ними есть небольшая зона взаимопроникающих контактов. Эта карта иллюстрирует наиболее близкое родство диалектных ареалов карельского и вепсского языков, причем материал всех карельских диалектов, включая и людиковские, исключительно однороден (см. карта 1). Этимологи полагают, что обе лексемы могли быть заимствованиями из германских (*hāpeä* < *χāwpa* «насмешка» [см. Häkkinen, 2004. S. 239]) и скандинавских (*huikea* < древне-норв. *hvika* «быть в нерешительности; сторониться, отступать; сомневаться» [см. SSA-I, 1992. S. 178]) языков. Правда, последняя этимология находится до сих пор под вопросом; большей поддержкой пользуется идея об исконности лексемы, имеющей дескриптивное происхождение. Тем не менее карта дает возможность предполагать, что древние заимствования уже делили прибалтийско-финский ареал на те две группы, которые и сегодня именно в этом составе противостоят друг другу.

Карты атласа, которые посвящены результатам языковых контактов, несомненно, исключительно интересны, поскольку в них нашли отражение многие моменты развития материальной и духовной культуры народов. Каждая подобная карта давала материал для научных размышлений, изысканий и углубления в проблему. Достаточно показательны в этом плане карты, на которых представлены именованные понятия «штаны/брюки» [см.: Zajceva, 2009. S. 237–243]. Этнографических исследований по одежде, как оказалось, не так уж и много. Причем в них практически нет рассуждений о связи самих предметов одежды с их названиями; они лишь сообщают, что мужчины носили верхние и нижние штаны/брюки, которые в языке назывались каким-то образом, из чего может сложиться впечатление о том, что эти предметы всегда существовали и пришли к нам из древности. Однако в работе «Прибалтийско-финские народы России» совершенно справедливо отмечено, что «...к сожалению, между описываемыми археологическими материалами об одежде и этнографическими данными... существует пробел в несколько веков» [Клементьев, 2003. С. 242].

* Все карты технически подготовлены Аннели Хянинен, НИЦ языков Финляндии, Хельсинки.

Карта 1. Название чувства стыда, раскаяния

Брюки, как показывает языковой материал, относительно молодое явление. Некоторые источники сообщают, что в Древнем Риме штаны до колен стали носить вначале воины. Однако уже во времена древнеримского императора Адриана (117–138 гг.) появились и длинные брюки [Manninen, 1927]. В Малой Азии и в скифских находках обнаружены длинные брюки, которые относят к последним столетиям до нашей эры [Sirelius, 1921. S. 401]. По мнению Сирелиуса, живущие в России прибалтийско-финские народы стали носить длинные брюки уже тогда, когда на западе еще ходили в полубрюках. Восточный тип брюк состоял из трех частей: двух штанин и объединяющей их верхней части. Такие брюки были распространены в южной и средней России еще в XVIII в. Предмет мужского туалета, обозначенный карельским и вепским словами *koatiet-kadjad* (< древнерусск. *gatja [см.: SSA-II, 1995. S. 268]; ср. также русск. диал. *гати, гащи, гачи* «портки, штаны, колоши, штанины, сополи» [см.: Даль, 2006, т. I. С. 327]), представлял именно подобный тип брюк.

В Финляндии брюки стали частью мужского туалета в Средние века (Talve, 1979. S. 129), и они состояли из двух своеобразных длинных шерстяных щитков для ног (отметим, что лексема *housut* (< шведск. *hosor*) обладает формой мн. числа, обозначая некую совокупность; ср. также древнешведск., древненорв. *hosa* «прикрытие для ног, чулок» [см.: SSA-I, 1992. S. 176]).

Эстонские мужчины летом носили штаны, сшитые из льняной или жесткой конопляной, а зимой из шерстяной ткани. По своему виду они напоминали восточноевропейский тип брюк; об этом говорят и их наименования, которые имеют славянское происхождение (*kaatsad, kaltsad* < древнерусск. *колоша, сколоша* «одна штанина, длинный чулок»). Эстонцам был свойствен и другой тип брюк, именование которого *uusad*; как и финское *housut*, имеет германское происхождение [Voolma, 1977. С. 23]. В XVII в. брюки эстонцев стали все больше приобретать западный вид. В северной и средней Эстонии появились широкие брюки, собранные ниже колен в складки. Для них стало употребляться новое именование *püksid*, заимствованное из германских языков (< древнешведск. *böxa* «брюки» [см. SSA-I, 1992. S. 466]). В карельский и вепский языки пришло и более молодое заимствование из русского языка: *štanit, štanad* < русск. штаны.

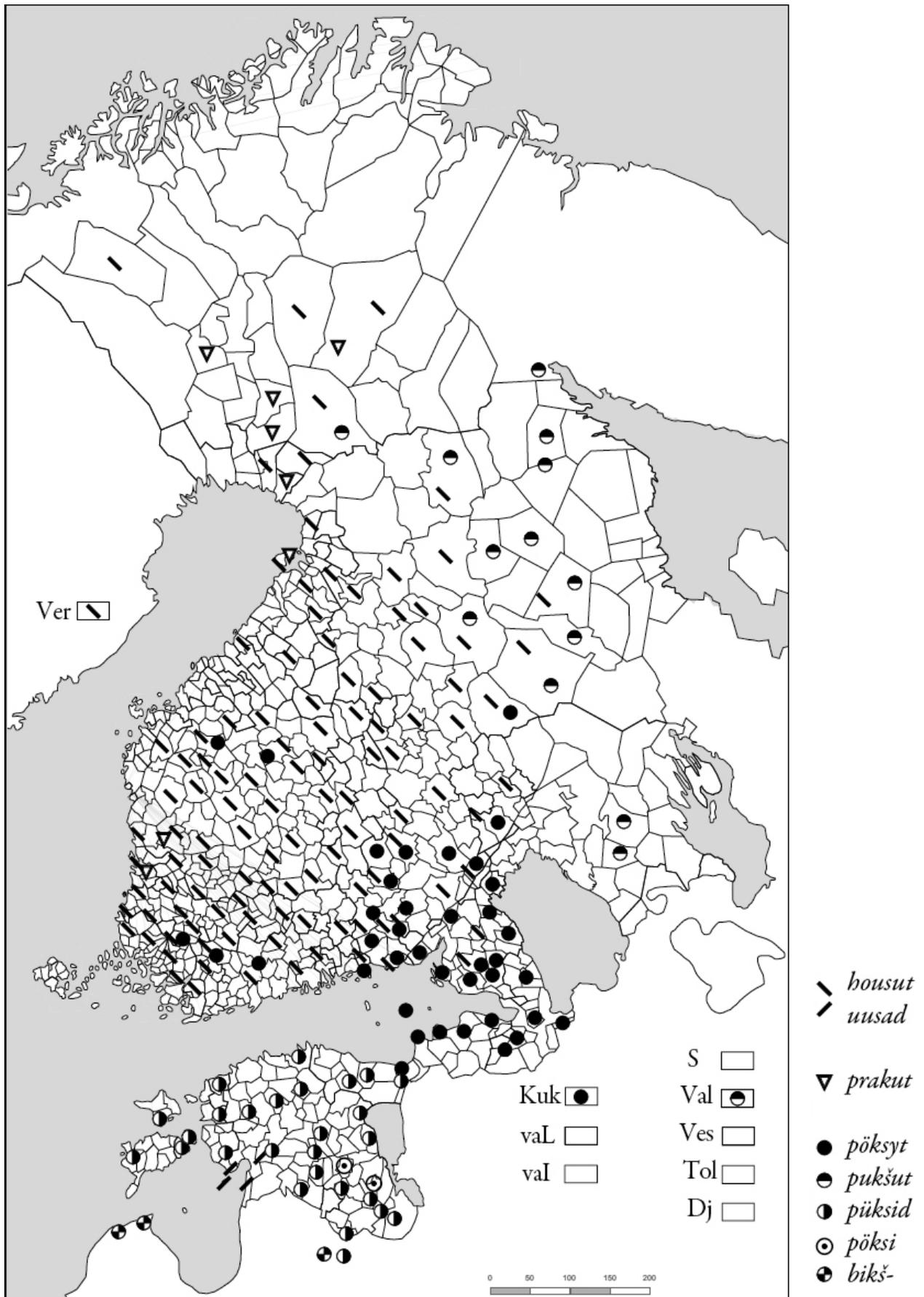
Так что же носили прибалтийско-финские мужчины? Не ходили ли они, как швейцарцы, в длинных платьях, которые русские соседи стали называть балахонами, а носителей этой оде-

жды – балахонниками; причем такие наименования сохранились, и иногда так называли вепсов [Винокурова, 2003. С. 390]. Как считают этнографы, и карельские мужчины носили очень длинные рубахи, которые могли отчасти заменять брюки. Подобные рубахи, как пишет в работе «Прибалтийско-финские народы России» Е. И. Клементьев, карелы могли носить раньше до самой свадьбы [Клементьев, 2003. С. 248].

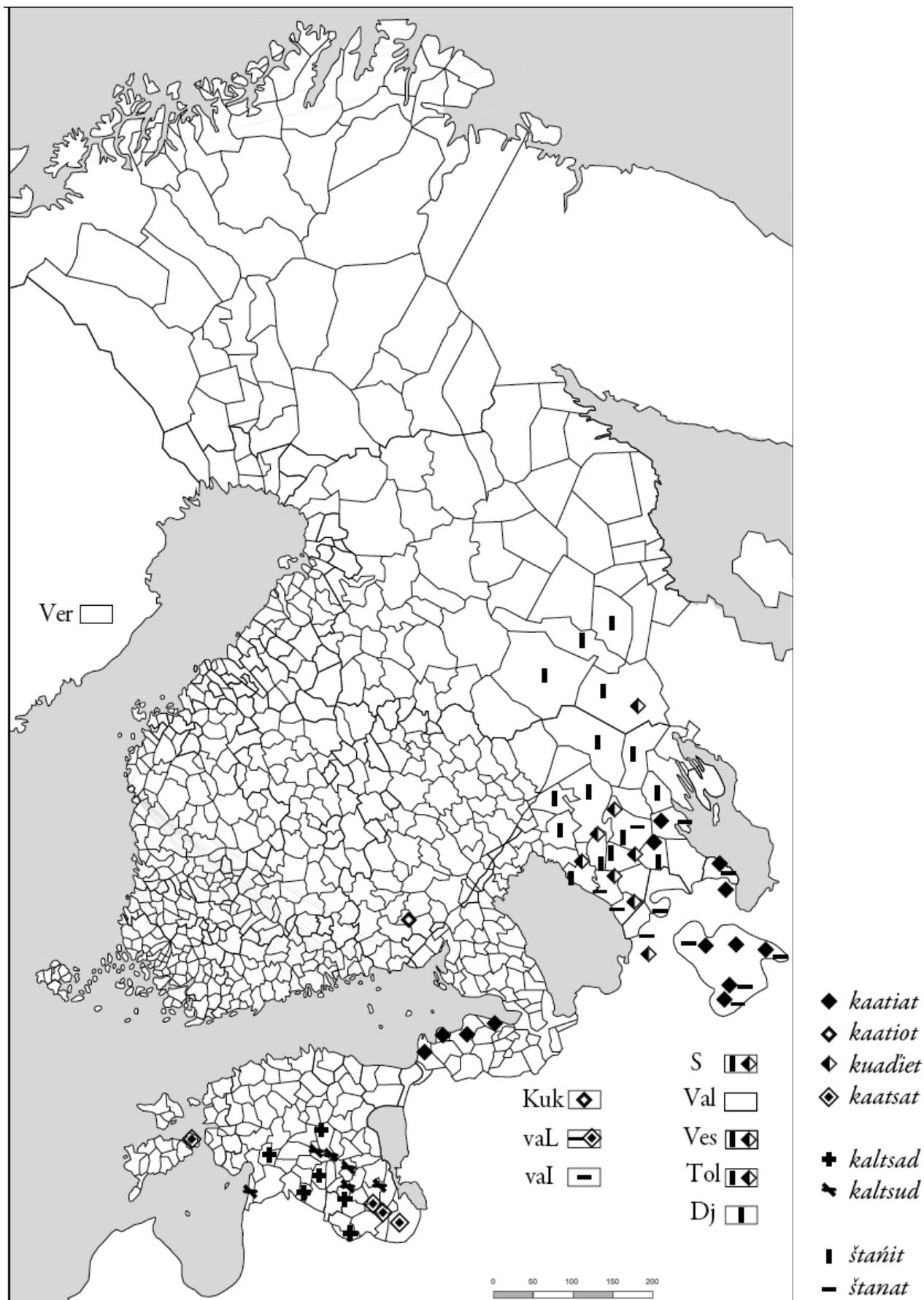
Таким образом, собранный для исследования материал по названию штанов/брюк в прибалтийско-финских языках показал, что в них нет ни одной исконной лексемы для наименования этого предмета одежды. Все названия брюк являются заимствованиями. Они поделили прибалтийско-финский ареал на две части: заимствования из русского и древнерусского языка и заимствования из древнешведского и шведского языка. Причем карты, посвященные именованию данного понятия, наглядно иллюстрируют, где проходила граница влияния востока и запада на прибалтийско-финский ареал (см. карты 2, 3, 4).

Материалы атласа позволяют заглянуть и в духовную культуру прибалто-финнов. В качестве примера можно привести данные лингвистических карт, посвященных именованию понятия «волк». С волком у прибалтийско-финских народов связано много различных легенд и поверий. Как свидетельствуют исследования, волка боялись даже больше, чем медведя, поскольку именно волк представлял угрозу для пасущегося скота. Его считали кровожадным существом, средоточием агрессивности, считали, что вой волка предвещает смерть или войну [Nirvi, 1944. S. 82; Винокурова, 2006. С. 118]. Иногда утверждали, что волк – это животное, которое соединяет два мира: наш и потусторонний, считали, что волк мог прийти на свадьбу в образе жениха, а невеста была его добычей [Сурхаско, 1977. С. 172]. Все это нашло отражение в мотивации именовании волка, большая часть которых – табуированные названия. Возникновение табуированных названий опирается чаще всего на метонимию (напр. волк: *hännikäs* букв. «хвостатый», *pitkähändä* букв. «длиннохвостый»; олень: *šarvikko* букв. «рогатый»; заяц: *pitkäkorva* букв. «длинноухий»), метафору (волк: *hukka* букв. «пропажа, утрата», медведь: *mečänkingas* букв. «король леса»), а также на некоторые эвфемические замены (выдра: *ošto* < *Osmund*; медведь: *mihalivanič* < *Михаил Иванович*) [Жаринова, 2006. С. 19–21]. Именовании волка было ранее значительно больше, однако истребление зверя привело постепенно к забвению отдельных из них.

Карта 3. Штаны/брюки. Древнегерманские и шведские заимствования

Карта 4. Штаны/брюки. Древнерусские и русские заимствования

Как показал материал атласа, одним из наиболее распространенных слов для именовании волка является лексема *hukka*, которая свойственна финскому и карельскому языкам. В данном случае карельский язык противопоставлен вепсскому, в котором она сейчас неизвестна. Впрочем, можно предположить, что и вепсскому языку лексема *hukka* была в прошлом свойственна, поскольку она отмечена в топонимии вепсского края, например, *Hukgär'v*, *Hukoja* [Муллонен, 1994. С. 32].

Исследователи полагают, что табу *hukka* «утрата, потеря» возникло, прежде всего, в речи пастухов, которые не смели произносить имя волка, чтобы тем самым не накликать на стадо беду [Nirvi, 1944. S. 111]. Стремление уберечь стадо от потерь требовало новых слов-замен. Волка во многих языках стали называть собакой, заимствовав для этого лексемы из языков-соседей. В финских говорах появилось древнее русское заимствование *hurttä* (< русск. хорт «борзая» [SSA-I. S. 192], *хортая*, т. е. быстрая [Фасмер-IV, 1987. С. 288]). Данная лексема пришла в язык достаточно давно, а в финском литературном языке впервые появилась в 1642 г. в переводах Библии [Häkkinen, 2007. S. 225]. Даже у лексемы *susi*, которая исключительно широко представлена в финском языке, предполагаются индоевропейские корни со значением «собака» [SSA-III, 2000. S. 222; ср. также латышск. *suntene* «большая собака»: Häkkinen, 2007. S. 1218]. Представители многих эстонских говоров также склонны были называть волка собакой – *huntti*, заимствовав для этой цели немецкую лексему *Hunt* «собака», обладающую общей с лексемой *susi* германской этимологией.

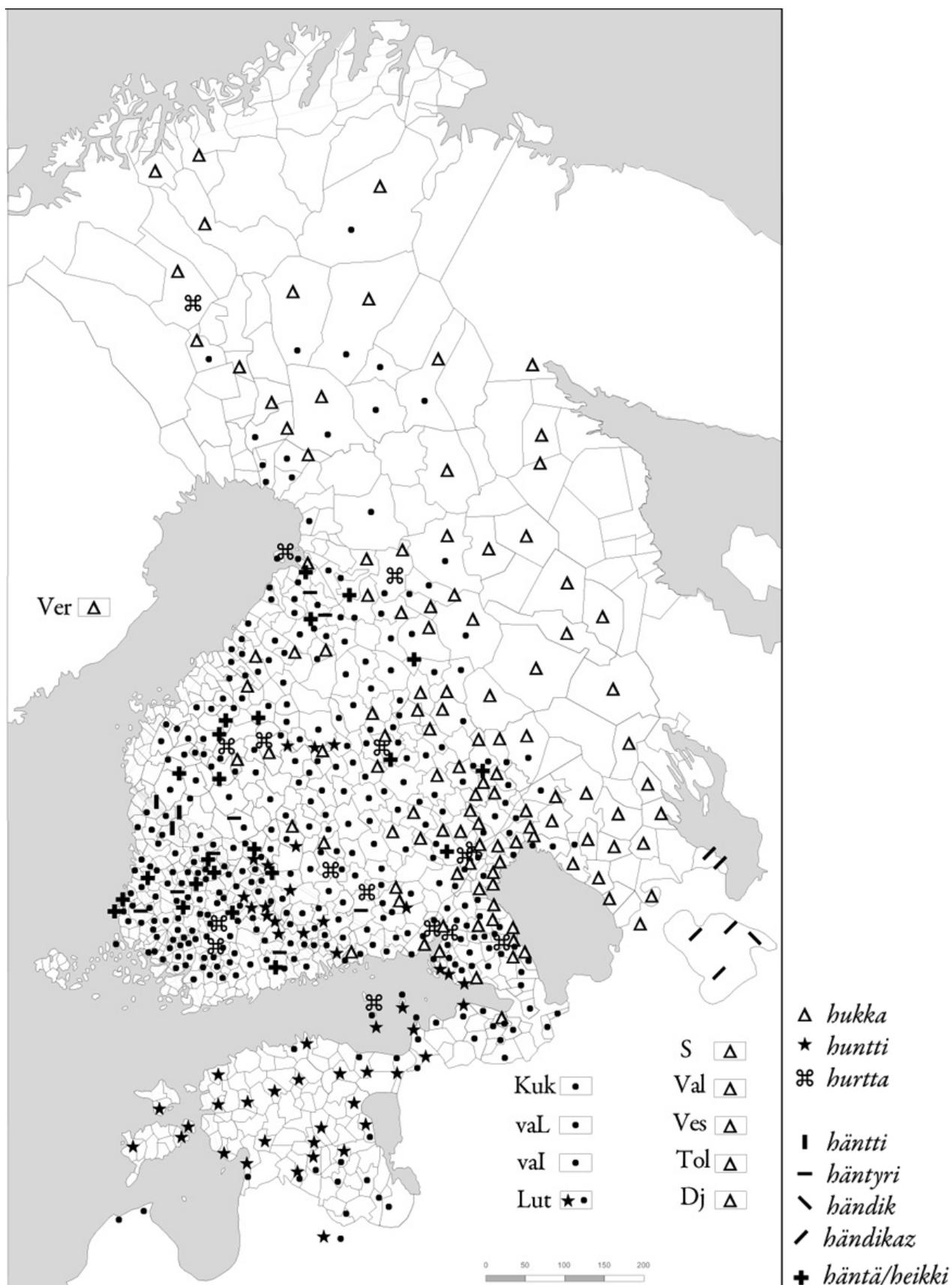
Хвост волка (финск. *häntä*) в вепсском, карельском, финском языках также стал предметом внимания при именовании волка: с помощью суффиксов в языках было образовано много производных – *händikaz*, *häntyri*, *hännti*, *hänntäheikki* и т. д. Кроме того, было собрано немало менее распространенных наименований, которые также являются эвфемизмами: *laskupää*, *mulskosilmä*, *pötkö*, *metsäpeto*, *metsänheikki*, *vanha ukko*, *vihollinen*, *mustalainen* и т. д.

Таким образом, карта 5 иллюстрирует распространенные именовании волка, а на карте 6 показаны три основных наиболее широко представленных на прибалтийско-финской территории мотива, которые легли в основу именовании волка: 1) «собака» (*susi*, *hurttä*, *huntti*), 2) «хвостатый, обладающий хвостом» (*hännikäs*, *häntyri* и т. д.) и 3) «утрата, потеря» (*hukka*), которые отчасти отвечают на вопрос,

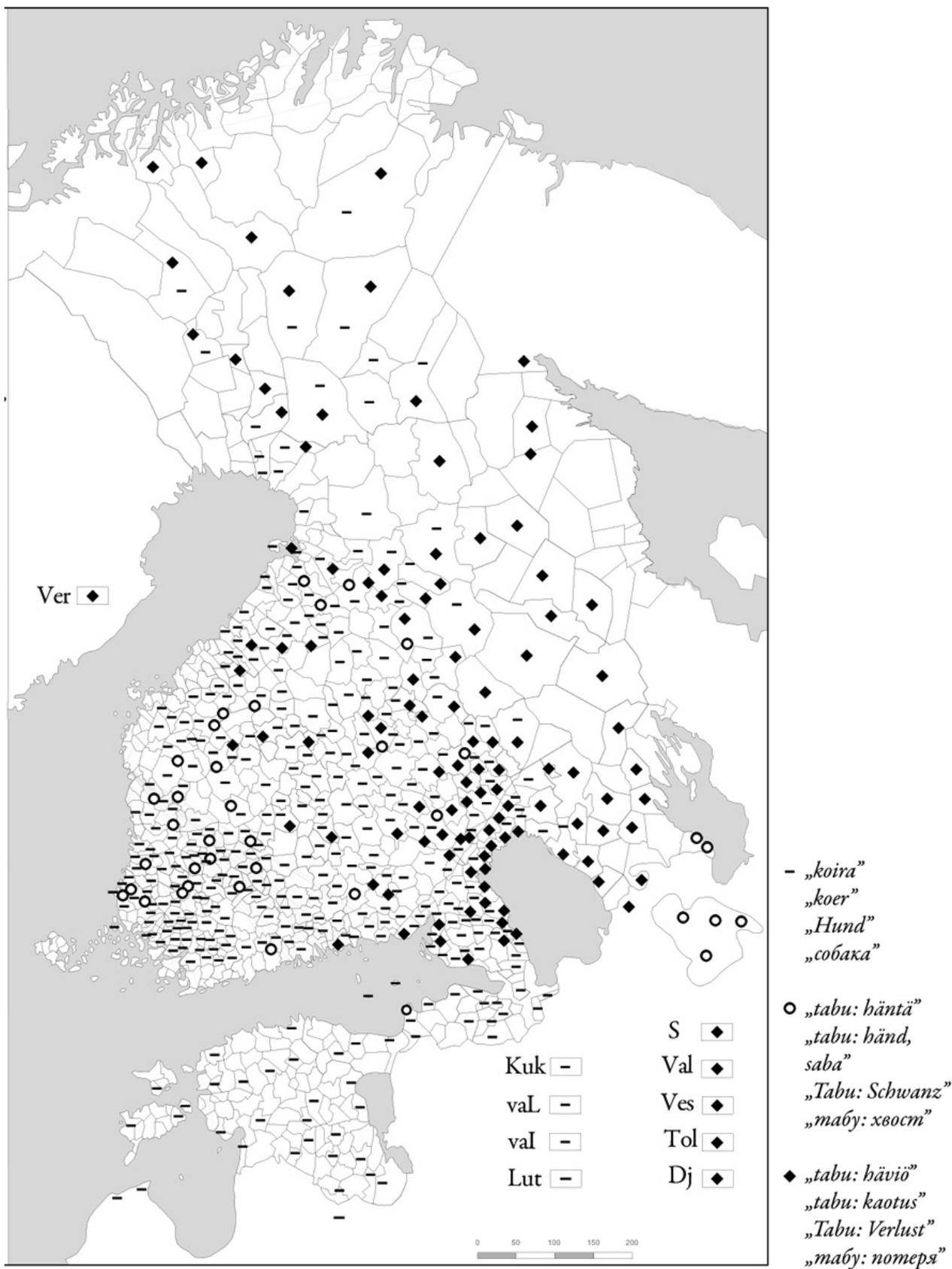
каким образом шло возникновение языковых образов и символов у прибалто-финнов. Употребление эвфемизмов в наименованиях волка из-за стремления обезопасить скот привело к тому, что исконные древние названия волка в современных прибалтийско-финских языках совсем не сохранились. Думается, что волки были известны прибалто-финнам, и его исконное именование не могло не существовать, поскольку образ волка прочно вошел в мифологию народов.

Общие усилия лингвистов и этнографов позволяют глубже проникнуть в мир духовной культуры, в происхождение различных обрядов и верований, что, в свою очередь, даст возможность выявлять и универсалии в развитии языков, народов и их культур. У каждого народа свой опыт и своя мудрость. При исследовании мотивов номинации для карт ALFE удалось отчасти проникнуть и вглубь мыслительных процессов человека, выявить, какие же стороны предметов, явлений, реалий, действий представители того или иного народа выделяли в качестве главного признака и выносили их как наименования. В этом отношении показательны именовании понятия «земляника» – *Fragaria* [ALFE-I, 2004. S. 459], которое в прибалтийско-финских языках обладает многими фонетическими вариантами одной и той же лексемы, звучащей по-фински *mansikka*, примерно так же и во всех родственных языках. Предполагается, что лексема может восходить к основе **mantikka*, *manner*, *mantu* «материк; почва» [SSA-II, 1995. S. 147]. По-русски данная ягода называется «земляничкой», т. е. ее именование также связано с понятием «земля», по-польски, например, *poziomka*, по-немецки *Erdbeere* букв. «земляная ягода» и т. д. В языках различных групп существовал один и тот же мотив именовании: близость к земле, почве. Человеческая мысль в именовании двигалась одинаково, выделив наиболее характерный признак, а звуковой облик, звуковая оболочка получились различными, соответствующими разным языкам.

Именовании предметов, явлений и т. д., корни которых кроются в ассоциации, нередкое явление. Так, например, в названиях картофеля, ввезенного из Америки в XVI в., в качестве мотивов в прибалтийско-финском ареале выступили такие предметы, как груша (финск. *peruna*), яблоко (эст. *maa/dün*, ливск. *maa/ubin* букв. «земляное яблоко»), репа (ливск. *maa/na'ggörz* букв. «земляная репа») и даже яйцо [финск., ижорск, водск. *maa/muna* букв. «земляное яйцо»: см. ALFE-II, 2007. S. 53].

Карта 5. Волк. Общая карта наименований

Карта 6. Волк. Карта мотивов наименований

Но далеко не всегда мотив номинации очевиден. Кроме того, иногда мотивы бывают на первый взгляд ясно выраженными, но абсолютно непонятными с точки зрения их выбора. Например, в прибалтийско-финских языках имеется много различных наименований ягоды *поленика* – *Rubus arcticus* [ALFE-II, 2007. S. 468]. Большинство из них – это сложные слова. Семантически мотивы частей композиций связаны, например, с «медом» (*mesimarja* «медовая ягода»), формой (*maarain* «морощка», *mansikka* «земляника», *vattu* «малина»), местом произрастания (*luhdikka* < *luhta* «прибрежный луг, заливаемый вешней водой, низкое мокрое место») [SSA-II, 1995. S. 98]. Они достаточно понятны и объяснимы. Но один из мотивов заключается в том, что во внимание принят внешний вид, некая внешняя ворсистость ягоды, на основании чего в финских говорах возникли именованно-сложные слова, типа: *karva/hurri*, *karva/ressu*, *karva/mansikka*, где первая часть слова – *karva*- имеет значение «волос, шерсть, ворсинка». В собственно-карельском наречии и в вепсском языке поленику называют *hebočaine*, *hepokka* и в ливвиковском наречии карельского языка – *or'hoi*. Отметим, что близкое сходство между собственно-карельским наречием и вепсским языком в именованьях предметов, явлений и т. д. в ALFE отмечается не столь часто. В данном случае и вепсское *hebočaine*, и собственно-карельское *hepokka*, *hepokkani* связаны этимологически с лексемами *hebo*, *heponi* «лошадь», а ливвиковское *or'hoi* с лексемой *orih* (деминутивная форма) «жеребец». Ворсистость ягоды здесь связали с лошадью, т. е. мотив налицо. Отметим, что в некоторых севернорусских говорах поленику называют *куманицей*, *куманкой* [см.: Словарь, 2006. С. 223], где прослеживается связь с древнерусской лексемой *комонь* «конь» [Фасмер-II, 1986. С. 304–305]. Знатоки и исследователи лексического финно-угорского субстрата в русских говорах Северо-Запада С. А. Мызников отмечает, что нередко наличие семантических соответствий в ряде наименований трудно трактовать однозначно. Не всегда возможно определить, появилось ли наименование прямым заимствованием, или способом калькирования, либо каким-то иным способом [Мызников, 2009. С. 189]. В данном же случае можно утверждать, что факт существования одного и того же мотива в вепсском (*hebo* «лошадь»), собственно-карельском (*hepo~heponi* «лошадь») и ливвиковско-карельском (*or'hoi* «жеребец»), а также древнерусском (*комонь* «конь») наименовании поленики выявляется достаточно четко.

В статье представлена лишь малая толика моментов, подвергнутых анализу и картографированию в Лингвистическом атласе прибалтийско-финских языков, который, на наш взгляд, может служить источником материала для многих смежных наук.

Литература

Бубрих Д. В., Беляков А. А., Пунжина А. В. Диалектологический атлас карельского языка. Хельсинки: Финно-угорское об-во, 1997.

Винокурова И. Ю. Вепсы: Одежда // Прибалтийско-финские народы России. М.: Наука, 2003. С. 388–396.

Винокурова И. Ю. Животные в традиционном мировоззрении вепсов. Петрозаводск: ПетрГУ, 2006. 447 с.

Жаринова О. М. Зоонимическая лексика карельского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2006. 24 с.

Клементьев Е. И. Карелы: Одежда, обувь // Прибалтийско-финские народы России. М.: Наука, 2003. С. 241–250.

Муллонен И. И. Очерки вепсской топонимии. СПб.: Наука, 1994. 154 с.

Мызников С. А. Калькирование как вид межъязыковых взаимодействий // Диалектная лексика. СПб.: Наука, 2009. С. 183–192.

Словарь 2006 = Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П. А. Дилакторского. СПб.: Наука, 2006. 677 с.

Словарь 2007 = Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепсского, саамского языков. Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 2007. 346 с.

Сурхаско Ю. Ю. Карельская свадебная обрядность (конец XIX – начало XX в.). М.: Наука, 1977. 235 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. М.: Прогресс, 1986–1987.

ALFE = Atlas Linguarum Fennicarum, I–II // Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia, 800. Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja, 118. Helsinki, 2004–2007.

Häkkinen K. Nykysuomen etymologinen sanakirja. Juva: WS Bookwell Oy, 2007. 1633 s.

Itkonen T. Kieliatlastyön näkymiä // Virittäjä. Helsinki, 1978. S. 254–270.

Kettunen L. Suomen murteet, I–II // Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia, 188. Helsinki, 1930.

Kyselysarja = Itämerensuomalaisen Kielikartaston Kyselysarja. Helsinki: Kotimaisten kielten tutkimuskeskus, 1989. 100 s.

Manninen I. Eeste rahvariite ajalugu // Eesti Rahva Muuseumi aastaraamat, 3. Tartu, 1927. Lp. 338–350.

Nirvi R. E. Sanankieltoja ja niihin liittyviä kielenilmijöitä itämerensuomalaisissa kielissä. Riista- ja kotieläintalous // Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia, 223. Helsinki, 1944.

Saareste A. Eesti murdeatlas, I–II. Tartu, 1938–1941.

Sirelius U. T. Suomen kansanomaista kulttuuria. Esineellisen kansantieteen tuloksia, 2. Helsinki: Otava, 1921.

SSA = Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja, I–III // Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Tomituksia, 556. Helsinki, 1992–2000.

Talve I. Suomen kansankulttuuri // Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Tomituksia, 305. Helsinki, 1979.

Voolma A. Meestepüksid eesti rahvarõivastes // Etnograafimuseumi aastaraamat, XXX. Tallinn, 1977.

Zajceva N. Pari pientä kuvaa aineellisesta ja henkisestä elämästä ALFEn peilaamana // Kodukeel ja keele kodu. Eesti keele instituudi toimetised, 13. Tallinn, 2009. Lk. 237–249.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Зайцева Нина Григорьевна

зав. сектором языкознания, д. филол. наук
Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН
ул. Пушкинская 11, Петрозаводск, Республика Карелия, Россия, 185610
эл. почта: zaitseva@sampo.ru
тел.: (8142) 781886

Zaitseva, Nina

Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Science
11 Pushkinskaya St., 185910 Petrozavodsk, Karelia, Russia
e-mail: zaitseva@sampo.ru
tel.: (8142) 781886

УДК 822

ПРИНЦИПЫ СОЗДАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РОДОСЛОВНОЙ В ТВОРЧЕСТВЕ НИКОЛАЯ КЛЮЕВА

Е. И. Маркова

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

Статья посвящена принципам создания художественного родословия в творчестве Н. Клюева. Показывается, как «ретроспективное» мышление поэта позволяет ему связывать воедино различные символические ряды (евангельские, из народного православия, иконографические, финно-угорские, языческие) и благодаря этому вписать частную жизнь в историческое бытие России.

Ключевые слова: родословие, евангельский текст, икона Феодоровской Богородицы, христианская триада, «Калевала».

E. I. Markova. PRINCIPLES OF BUILDING ARTISTIC GENEALOGY IN THE WORKS OF NIKOLAI KLYUEV

The paper dwells upon the principles of building artistic genealogy in the works of N. Klyuev. We show how the poet's «retrospective» thinking enables him to link various symbolic series (evangelic, from folk Orthodoxy, iconographic, Finno-Ugrian, pagan) together, and thus integrate personal life into the historical existence of Russia.

Key words: genealogy, evangelic text, Our Lady of Fyodor icon, Christian triad, «Kalevala».

Парадоксальное стихотворение Николая Клюева о родословии тулупа («Вылез тулуп из чулана», между 1916 и 1918) как нельзя лучше характеризует поэта, для которого память является краеугольным камнем его философии истории. Кажется, эта доминанта очевидна и тривиальна. Однако Клюев творил в эпоху трех революций и построения нового социалистического государства, когда призыв: «Во имя нашего Завтра сожжём Рафаэля!» – воспринимается как вполне адекватный эпохе. И, наоборот, постулирование памяти в качестве опорной философско-эстетической категории для большинства его современников означало разрыв с настоящим. Поэтому взгляды Клюева выпадали из системы социально-политических и философско-эстетических представлений времени

и характеризовались поначалу как консервативные, впоследствии – как реакционные, за что писатель поплатился свободой и жизнью.

Писать по-иному Клюев не мог и не хотел, ибо обладал от природы «ретроспективным» [Базанов, 1990. С. 194] типом художественного мышления, порожденным и взращённым культурой Русского Севера – «страны классического фольклора» и памятников древнерусской письменности.

Напомним не раз цитированные нами рассуждения С. В. Поляковой об архетипичности языка Клюева. Анализируя его тексты на уровне «человек – Вселенная», исследовательница показала наличие элементов космогонического мифа о происхождении Вселенной в его творчестве. Она подчеркнула, что данная мифоло-

гема представлена в стертом виде, воспроизводится «по частям», звучит как «с трудом различимый отголосок» [Полякова, 1986. С. 158]. Это позволило ей сделать вывод относительно того, что «сознание современного человека полностью не освободилось от каких-то элементов наследия первобытных мифологических структур и сплошь и рядом надпонятийно повторяет их» [Полякова, 1986. С. 159].

Полагаем, что «ретроспективное» мышление Клюева функционировало на уровне «человек – история», и, работая над родословием поэта и родословной Матери-Руси, писатель в стертом («смутно», «будто во сне») виде воспроизводил генеалогическое древо идеального христианина и идеальной православной страны. Поэтому не случайны признания героини: «Как сквозь сон помню, поскольку ребяческий разум крепок, приходила к нам из Лексинских скитов старица в каптыре, с железной панагией на персях, отца моего Митрия в правоверии утверждать и гостила у нас долго... Вот от этой старицы и живет памятование, будто род наш от Аввакумова кореня повелся...»*.

Способность сопрягать настоящее с «досяжными» временами определяет отбор языковых «форм уже отягченных смыслом, наполненных им» [Бахтин, 1979. С. 232], приумноженных включением в широкое поле фольклорно-мифологических, евангельских и литературных контекстов.

Образы и мотивы клюевских творений так глубоко укорены в тьму времен, так переплетены корнями в поисках своих и всеобщих истоков, что легко группируются в циклы (авторские и реконструированные дотошными филологами) и потому являют в конечном счете единый текст – Столикую Книгу [Маркова, 1997. С. 163–209], макросюжет которой в каждой своей части и во всей полноте воссоздает биологически и исторически «жизненный цикл» Матери-Руси.

Однако под пером поэта традиционная схема, воплощенная в системе национальных обрядов (родильно-крестильном, свадебном, похоронно-погребальном), зачастую подвергается перекодировке. Так, в функции начального звена выступает смерть, что связано и с клюевским восприятием трагедии «смутных времен» (именно эти эпохи находятся в поле его зрения), и с осознанием порождающей роли смерти, и с осмыслением смерти как концентрированной памяти: что исчезло как некая субстанция, то осталось как слепок в сердцах и умах, предметах и процессах.

* Клюев Н. Словесное древо. Проза / Вступ. ст. А. И. Михайлова; сост., подгот. текста и примеч. В. П. Гарнина. СПб.: Росток, 2003. С. 44. Далее цитирую по этому изданию, указывая в тексте в скобках номер страницы.

Память, являясь основой любой родословной, стимулирует возможность биологического продолжения рода и восстановления его духовного поля даже после колоссальных катастроф. Таким образом, схема «жизненного цикла», по Клюеву, предполагает дополнительный этап – воскрешение, а значит, и веру в национальное бессмертие.

Столикая Книга позволяет вычленить родословие множества сущностей, но остановимся на главных: родословиях Матери и Сына, реконструкции которых представлены нами в исследованиях «Творчество Николая Клюева в контексте севернорусского словесного искусства» (Петрозаводск, 1997) и «Родословие Николая Клюева. Тексты. Интерпретации. Контексты» (Петрозаводск, 2009).

Предметом нашего анализа стали монументальная поэма «Песнь о Великой Матери» (между 1929 и 1934), опубликованная после «заточения» на Лубянке писателем В. А. Шенталинским в 1991 г., и восемь лаконичных текстов (1919–1930), включенных филологом В. П. Гарниным в книгу прозаических сочинений поэта «Словесное древо» (2003) под общим названием «Раздел I. Автобиографические штрихи». Задача статьи – показать характерные для Клюева принципы построения художественного родословия прежде всего на примере его работы с иконографическими текстами.

Уже из названий следует, что в центре прозаического родословия стоит образ сына, поэтического – образ матери. Появление первого обусловлено эпохой: новый мир рождается. Кто только не озабочен идеей его переустройства! У поэта тоже есть свой план, который он излагает не в программах и документах, а в «песнях, где каждое слово оправдано опытом, где всё пронизано рублёвским певческим заветом, смысловой графьей, просквозило ассис<т>ом любви и усыновления» (31).

Чтобы быть услышанным, надо доказать, что именно ты – избранный, «посвященный от народа»* , что твоя миссия predeterminedлена предками и путём, по которому ты идешь, дабы «во Христа облечься, Христовым хлебом стать и самому Христом быть» (33).

Уже в предшествующем родословию поэта цикле «Спас» (между 1916 и 1918) декларируется идея вечно рождающегося Христа. Но она не тождественна идее воскресения Спасителя. Речь идет о другом: человек, рожденный по образу и подобию Божию, должен возвращать в

* Клюев Н. Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы / Предисл. Н. Н. Скатова; вступ. ст. А. И. Михайлова; сост., подгот. текста и примеч. В. П. Гарнина. СПб.: Росток, 1999. № 323. С. 391. Далее цитирую по этому изданию, указывая в тексте в скобках номер произведения и номер страницы.

себе этот образ, должен в течение жизни сам родиться как Христос и породить Сына Христа.

Клюев – первый, но не единственный. Не случайно в 4-м стихотворении цикла «В дни по вознесении Христа» поэт дает Его имя во множественном числе: «И познать, что оспенный трактир для Христов усладнее Софии» (286, 346). В его стихах действуют не только отдельные герои-Христы, но и «народы-Христы» («Песнь Солнценосца», 1917). Им надо сплотиться во имя создания нового мира как единой христианской Церкви.

Собственно, она уже есть, но явлена только посвященному: «Познал я, что невидимый народный Иерусалим – не сказка, а близкая родимая подлинность, познал я, что кроме видимого устройства жизни русского народа как государства или вообще человеческого общества существует тайная, скрытая от гордых взоров, иерархия, церковь невидимая – Святая Русь, что везде, в поморской ли избе, в олонцкой ли позёмке или в закаспийском кишлаке есть души, связанные между собой клятвой спасения мира, клятвой участия в плане Бога. И план этот – усовершенствование, раскрытие красоты лика Божия» (35).

Миссия Клюева была изначально обречена: его ждала не победа, а Голгофа. Да, подобно Христу, сказавшему: «... на сём камне Я создал церковь мою» (Мф. 10: 18), он указал на свою. Памятуя, что «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин. 1: 1), он принес миру свою песнь. Если земная жизнь Спасителя отражена в четырех родословиях, ставших основой Нового Завета, то путь поэта к спасению описан в его родословии – его «народном завете».

Но властители нового мира исповедовали не теоцентрическую, а антропоцентрическую доктрину, идею не усовершенствования мира, а полного отречения от прошлого, поэтому судьба Клюева, как поэта, мешающего «триумфальному шествию советской власти», была решена.

Предчувствуя неминуемую гибель, он пишет свое духовное завещание – «Песнь о Великой Матери», где пишет об эпохе, когда «церковь невидимая – Святая Русь» была зримой. Поскольку образ России ассоциируется с женским началом, представлением, что страна находится под защитой – покровом самой Божией Матери, то поэт и создает образ Матери-Руси, символическим воплощением которого являлась его мать Парасковья Дмитриевна Клюева.

Уже в родословии Клюева образ матери проецируется не только на образ святой Параске-

вы-Пятницы, но и на образ самой Богородицы. «Отроковицей видение ей было: дуб малиновый, а на ней птица в женьчужном оплечье с ликом Пятницы-Параскевы. Служила птица канон трем звездам, что на богородичном плате пишутся...» (30).

Это слияние характерно для национальной традиции. Оно обусловлено тем, что великомученица в ряде случаев выполняла те же функции, что и Богородица, поэтому в духовных стихах пели:

Ему Пятница во сне приснилась
И Богородица появилась.
(Федотов, 1991. С. 57)

А «на старых севернорусских иконах (в частности, на новгородской иконе второй половины XIII века, предназначенной для женского монастыря) Пятница может изображаться на обороте образа Богородицы» [Мифологический словарь, 1991. С. 459].

Как и в первом родословии, образ героини трехипостасен: она является воплощением Матери Сырой Земли, Божией Матери, Матери Человеческой. Родословие Богоматери описано в «Протоевангелии», поэтому «Песнь...» объединяет клюевские варианты протоевангельского и евангельского текстов.

Как гласит сакральный текст, Господь вознаградил бездетных супругов Иоакима и Анну за благочестие и даровал им дитя. В благодарность мать обещала посвятить девочку Богу, и посему Мария в трехлетнем возрасте была введена во храм.

Этот мотив по-своему трансформирован Клюевым в «Песни...», где сама севернорусская сторона введена во храм. Это священнодействие и открывает главу первую <части первой> поэмы. Речь здесь идет о строительстве древними мастерами первого православного собора на Севере – храма Покрова Божией Матери. В числе безымянных строителей только мастера Зяблецова зовут по имени «Аким», которое является производным от «Иоаким». Воистину Аким-Иоаким и должен был построить храм Марии – воспеть хвалу Господу на Руси.

С товарищи мастер Аким Зяблецов
Воздвиг акафист из рудых столпов,
И, тепля ущербы, – Христова рука
Крестом увенчала труды мужика.
(519, 705)

Свой главный храм – «Покров у Лебяжьих догров» (519, 707) – Клюев описывает через излюбленную в народном православии христианскую триаду: Богоматерь – Николай Чудотворец – Георгий Победоносец [Федотов, 1991. С. 61], которая является эмблемой соборной Руси.

Николин придел – брёвна рублены в крюк,
Чтоб капали вздохи и тонок был звук.
Егорью же строят сусеком придел,
Чтоб конь-змееборец испил и поел.
Всепетая в недрах соборных живет...
(519, 706)

Значимость этой триады в поэзии Клюева нами была доказана не раз [Маркова, 1997. С. 221–265, 303; 2009. С. 345–351]. Однако впервые этот формульный ряд был представлен в его родословии. На образ Богородицы здесь проецируется образ Параскевы, на образ Николая Чудотворца – образ самого героя. Что касается Георгия, то его образ таится в подтексте.

Говоря о месте рождения отца, Клюев называет Сить-реку, причем это сообщение звучит в его устах весьма своеобразно: «... родом я по матери прионежский, по отцу же из-за Сити-реки...» (43), т. е. породнен через родителей с этими северными водами и землями. Как через родителей знатные люди породнены с древними родами, так через названные локусы поэт породнился с историческими событиями, что проходили в этом пространстве.

Сить-река, как известно, вошла в древнерусские летописи и в знаменитые исторические сочинения: «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина и «Историю России с древних времен» С. М. Соловьева, так как здесь в сражении с татарами пал великий князь Юрий (в крещении Георгий) и пленён князь Василий.

Называя вместо конкретного места рождения место историческое, летописное, легендарное, поэт вписывает свою родословную в историю. Таким образом происходит типичное для художественного мышления Клюева «собрание русской истории» [Маркова, 1997. С. 222] в лице представителей его рода.

Поэт ни в коей мере не называет себя «княжичем», но для него значимо ощущение родства через принадлежность к историческому месту с одним из замечательных русских Георгиев.

При князе Ярославле Мудром – Георгии произошла христианизация Руси, при князе Юрии Великом произошло страшное надругательство над русскими святынями, и поэтому душа Святой Руси – ее чудесный град Китеж – ушел в воды Светлояра. Чтобы вернуть истинное положение вещей, надо вновь пройти по той, по тропе Батыевой («Жизнь моя, – пишет он в родословии, – тропа Батыева...» (30, 46)). И кто, как не потомок воинов-русичей, должен взыскать сей сокровенный град!

Доказывая наличие в тексте родословия образа Победоносца, мы убедились, насколько тесно в текстах Клюева один формульный ряд («георгиевский») тесно связан с другим («ки-

тежским»), благодаря чему происходит постоянное приумножение смыслов: Крещение Егорием Руси/поражение князя Георгия; историческое событие на Руси/история клюевского рода; Успение Китежа/тропа Батыя, по которой герой держит путь в святой град.

Этот невидимый град вспыхивает в сиянии пудожских изб и олонецких монастырей в родословии поэта, всплывает дивным храмом в «Песни...»:

Над глыбкой чернью брезг креста
Гранёным бледным изумрудом.
Святой Покров, где церковь – чудо!
(519, 720)

Безусловно, Клюев помнил о главном Покровском соборе (известном под именем Василия Блаженного) России, что стоит в древней столице на Красной площади между Кремлем и Лобным местом (русской Голгофой). Вот они – главные национально-государственные символы России!

Однако и в родословии поэта, и в «Песни...» представлена другая национально-государственная триада: невидимый град Китеж, Царско-сельский Феодоровский государев собор и между ними – вся страна, которую олицетворяет русская деревня, ставшая в начале XX в. национальной Голгофой.

В «Песни...» путь героя лежит от Покрова к Феодоровскому собору, от северной поморской земли – к Царскому Селу. Хотя северное китежское пространство у Клюева в родословии не означено образом Покровского собора, тем не менее этот вектор автором уже задан. Путь в Феодоровский собор будто лежит через Покров, петербургский храм, что расположен на улице Садовой.

Родословие поэта, повторяем, предельно лаконично, его информационное полотно редуцировано, свёрнуто. Только благодаря тому, что автор оперирует словесными формулами, отягченными многовековым смыслом, оно вызывает у читателя ответный поток ассоциаций и разворачивается перед ним как потаённый древний свиток. Если современник Клюева, воспитанный на христианской культуре, легко находил ключ к глубинному познанию ее творений, то сегодняшнему читателю, безусловно, нужен посредник, хотя и доступный ему первичный слой каждого произведения поэта достаточно ярок и богат.

Рассмотрим сложность и глубину клюевских ассоциативных связей на примере образа Феодоровского собора. На первый взгляд, это одна из географических точек героя-странника. Однако, напомним, что государев собор наречен в

честь иконы Феодоровской Божией Матери. Согласимся с В. Лепахиным, что Клюев поначалу стихийно, но со временем осознанно поставил перед собой «задачу изображения мира, прежде всего России, *через икону и как икону*» [Лепахин, 2002. С. 510]. Пример тому – образ Феодоровской Божией Матери, таящийся в подтексте обоих родословий и организующий один из главных сюжетных узлов произведений.

Как следует из родословия поэта, в царско-сельском дворце он читал императрице свои стихи, что не подтверждено документами. Однако, следуя логике отождествления героя и Христа, это не могло не случиться: Клюев должен был быть представлен ко двору. Незримая связь поэта и царствующего дома обозначена и на символическом уровне, ибо, как уже сказано, его родословие проецируется на образ Параскевы-Пятницы. На этот же образ проецируется родословие государей Романовых.

Поможет доказать эту связь сказание «Об иконе Феодоровской Богоматери» в издании 1905 г. (репринт 2000 г.) «Благодеяния Богоматери роду христианскому через Ее святые иконы»: будем привлекать факты из «жития» иконы в порядке, удобном для интерпретации клюевского замысла.

Для нас значимо, что на другой стороне иконы Богоматери с Предвечным Младенцем в правой руке изображена святая мученица Параскева-Пятница [Благодеяния..., 2000. С. 211], т. е. происходит слияние образов, на которое мы уже указывали.

Именно с этой иконой пришли послы к юному Михаилу Феодоровичу Романову с просьбой заступиться на царство после польской смуты. После его отказа архиепископ Рязанский Феодорит, передав образ его матери Марфе Иоанновне, умоляет ее благословить сына на служение России, что она и сделала, обратясь к Феодоровской Богоматери со словами: «Да будет святая воля Твоя, Владычице! В Твои руки передаю сына моего, поставь его на путь истины, на благо себе и отечеству». И этот день, 14 марта, стал днем возведения первого Романова на престол и днем празднования иконы Феодоровской Богоматери [Благодеяния..., 2000. С. 217–219]. Налицо две триады – мужская и женская, объединяющие историю русского государства и историю русской православной церкви.

Женская: Богородица – Параскева-Пятница – царица – почти зеркально повторяется в «Гагарьей судьбине», ударном тексте родословия поэта. Образ императрицы удваивается образом ее сестры, расспрашивавшей поэта о его матери. На бытовом уровне это свидетельствует о добросердечии и простоте великой княгини;

на сакральном – о символической связи крестьянки (земной Пятницы, земной Богородицы) и представительницы царской власти. «Глубокая скорбь» (42), запечатленная на лице императрицы, говорит о предчувствии ею страшной беды. Любопытно, что образ «дивного Феодоровского собора» (42) вписан в «Гагарьей судьбине» между двумя ликами: последней императрицы и ее сестры великой княгини Елизаветы Феодоровны. Обе они носят то же имя, что собор («Феодоровна» – отчество, характерное для русских императриц).

В «Песни...» этот храм также ассоциируется с двумя женскими образами: цветка и княгини.

Феодоровский собор –
Кувшинка со дна Светлояра,
Ярославны плакучий взор
В путивльские выюги да хмары.
(519, 799)

В четырех строках образы спрессованы так, что вызывают в памяти трагедию на Сити-реке, повлекшую исчезновение града Китежа в водах Светлояра, символичной предтечей которой стал бесславный поход князя Игоря. Ярославна же оплакивает не только свою женскую долю, но и осиротевшую Землю Русскую.

Что касается мужской триады, то очевидна взаимосвязь Михаила и Сына Господня (Предвечного Младенца). Срединным звеном может являться архиепископ Феодорит, образ которого в подтексте удвоен образом Феодора (патриарха Филарета), покойного отца Михаила, но явно в унисон женской триаде напрашивается образ святого.

Как гласит сказание, икона получила имя – Феодоровская – вследствие того, что она была поставлена в 1239 г. в костромском соборе св. великомученика Феодора Стратилата благодаря князю Василию Георгиевичу, по прозванию Квашня. Еще до того, как икона была явлена ему в лесу, жители Костромы видели, как ее нес по городу «человек в богатой воинской одежде», похожий на образ великомученика Феодора Стратилата [Благодеяния..., 2000. С. 210–212]. Соответственно, мужская триада в сказании представлена образами Христа – Феодора Стратилата – царя, подчеркивая тем самым связь русского монарха с прародиной православия – Византией.

В родословии поэта эта триада трансформирована. Безусловно, образ Спасителя и явно, и тайно присутствует в тексте. Но в данном случае он удваивается образом героя – нового Христа, которого в Соловецком монастыре представляет «старец и строитель Феодор» (30, 32), образ которого, скорее, близок по функции образу архиепископа Феодорита. Образ самого

св. Феодора Стратилата, как сказано ранее, за-
явлен в тексте через упоминание Феодоров-
ского собора. На образ царя проецируются ис-
токи клюевского родословия: «Родовое древо
мое замглено корнем во временах царя Алек-
сия...» (43). (Образ последнего царя Николая II
упоминается только в диалоге Клюева и Распу-
тина.) Таким образом, налицо та же триада:
Христос (новый Христос) – Феодор Стратилат –
царь. И налицо та же связка – «Параскева –
Феодор», позволяющая связать родословие
поэта и родословие монарха.

В «Песни...» духовным отцом Клюева также
является Феодор, образ которого проецирует-
ся на образ его матери. Здесь именно связка
«Параскева – Феодор» приобретает чрезвычай-
но значимый характер, становится ударным
звеном свадебного сюжета поэмы. Учитывая,
что под данным углом произведение нами уже
анализировалось, то, не останавливаясь на
подробностях, напомним метафизическую ос-
нову брака Параскевы и Феодора. Последний
предстал перед девушкой в облике поморского
парня Феди Калистратова. В нем девушка узре-
ла святого, иконе которого была поклонны.

«Люблю я Федю Стратилата
В наряде, убранном богато
Топазами и бирюзой!..»
(519, 715)

Обратимся вновь к сказанию. Из него явст-
вует, что в древности этот святой соединился с
богородичной иконой, дабы помочь Владычице
защитить Землю Русскую. И действительно, уз-
нав о нашествии татар, благоверный князь Ва-
силий Георгиевич через молитву просит заступ-
ничества у Спасителя, Пречистой Его Матери,
великомученика Феодора Стратилата и всех
святых. Мало того: с чудотворной иконой пошел
он на врага. «Едва войска сошлись и татары об-
нажили мечи, как от Св. Образа воссияли боже-
ственные, пресветлые лучи, которые, как опа-
ляющий огонь, устремились на татар и пожига-
ли их» [Благодеяния..., 2000. С. 215]. Так, Кост-
рома избежала трагической участи большинст-
ва городов русских.

В «Песни...» неприятельские силы персонифицированы в образе медведя, предъявляющего супружеские права на Парашу. Защищая любимую, защищая христианку, Федя погибает, успеваает перед кончиной обвенчаться с ней.

В сказании отмечается: на месте, где стояла во время битвы икона, был поставлен крест. В «Песни...» же на месте пролитых Парашей слез вырос «слезный крин, На нём с лицом Федюши, Чтоб жальче было слушать, малиновый павлин» (519, 749).

Итак, мужская триада в поэме задана через образы героя поэмы (его образ ассоциируется с Христом) – Феодора Стратилата – царя Николая. С последним герой встречается в царско-сельском саду. Государь, казалось, был под стать и этому саду, и дивному собору, и своему народу: «...ласков, в кителе простом»; «...говорил тепло с развальцем, Купецкий сын перед зеркальцем» (519, 803). Но «зеркальце» будто отражает не живой лик, а лицо человека, еще до смерти усопшего.

Напрасно ставнями ушей
Я хлопал, напрягая слух, –
В дом головы не лился дух...
(519, 804)

Духовная связь между царем и народом исчезла:

Душа же рощею берез
Шумела в поисках луча,
Бездомной иволгой крича,
Но между рощей и царем
Лежал багровый липкий ком!
(519, 805)

Хотя, казалось, сама земля, сам Феодоровский собор, что пророс «Кувшинкой со дна Светлояра» (519, 799), оберегает эту связь, образуя заповедное китежское пространство. То, что сокровенный град соотносится не с одним местом на Руси, заявлено поэтом еще в его родословии, где он описывает поиски Китежа на Онего [Маркова, 2009. С. 224–278, 325]. Ассоциативная связь Феодоровского собора с Китежем в поэме не случайна. Именно туда хотел перенести икону Феодоровской Божией Матери псковский князь Георгий Всеволодович, но она не сдвинулась с места, будто предчувствуя судьбу града.

Но почему Богоматерь и Феодор Стратилат спасли Кострому, город Георгиевича, и не помогли ни Городцу Волжскому, где была впервые явлена икона, ни его строителю князю Георгию?.. Может, жители Городца не были крепки в вере?

Не случайно у Клюева в одной строфе сопряжены Феодоровский собор, Светлояр и «Ярославны плакучий взор...» (519, 799). Святая Русь терпела мучительные поражения, когда утрачивала свое единство, свою соборность.

Связь богородичной чудотворной иконы с Феодоровским собором символизирует связь русских с «мати верой», утверждает право православной Руси быть преемницей Византии. Ту же функцию в обоих родословиях выполняет связка «Параскева/Феодор». Таким образом, раздвигаются временные рамки произведений. Но расширение границ идет не только по верти-

кали, но и по горизонтали, ибо Святая Русь объединяет многие народы, и многие народы названы в обоих текстах, в их числе и самые близкие северянам – финно-угорские.

Но эти племена обитали (и проживают) не только у северных озер, но и на великой русской реке Волге, где впервые была явлена икона Феодоровской Божией Матери. В сказании этот факт никак не обозначен, так как для верующих значима не национальная, а конфессиональная принадлежность. Поэт же акцентирует финно-угорскую «прописку» великомученика Феодора Стратилата.

Лицом жених Параши схож с византийским святым, одеянием – с лопарями (старое прозвание саамов и сегозерских карелов): «Обут дедушка в пимы, и по рубахе две каймы Испещрены лопарским швом» (519, 725). Мало того: земляки героя, представляясь царскосельскому начальству, величают себя «русскими лопарцами» (519, 798). Сам царский дворец, как и государев собор, находятся на исконной земле еще одного финно-угорского народа – чухонцев (старое прозвание финнов-ингерманландцев).

Обращаясь к храму, автор вопрошает: «Какой метелицей ты занесен в чухонское поле?» (519, 799). Собственно, ответ на этот вопрос был дан чуть ранее: «Царь-от живет в селе, Как мужик... на живой земле!..» (519, 798). Хотя чухонцы принадлежат к другой (лютеранской) ветви христианского древа, они не только не враждебны православным, а, наоборот, как крестьяне являют собой пример любовного возделывания земли, на которой с 1905 г. и до момента ссылки постоянно проживала царская семья.

Клюев не просто называет другие российские народы, но они будто прорастают в его текстах через знаки своих культур. Если в родословия поэта мотив обретения героем певчего пера, восходящий к калевальскому мотиву о происхождении кантеле, «спрятан» в подтексте произведения [Маркова, 2009. С. 261–269], то в прологе «Песни...» Клюев чуть ли не дословно цитирует строки из сорок первой руны «Калевалы» (книги, сотворенной Элиасом Лённротом на основе карельских и ингерманландских эпических песен). Сравним:

«Калевала»

Собрались, приплыли щуки,
Псы нескладные морские;
Собрались от рифов сёмги,
Из глубин сиги приплыли,
Выплыл окунь красноглазый
Корюшки приплыли стаей,
Вместе все в камыш уткнулись...

[Калевала, 1985. С. 314]

«Песнь о Великой Матери»

Эти вести – рыба стая,
Что плывет резвясь, играя,
Лосось с Ваги, язь из Водлы,
Лещ с Мегры, где ставят мёрды,
Бок изодран в лютой драке
За лазурную плотицу...

(519, 702)

Оба фрагмента совпадают по размеру, по потоку параллелизмов, которые у Клюева, как и у Л. Бельского, переводчика «Калевалы», идут без соединительного союза «и» (подсказка А. И. Мишина), подчеркивая густую динамику великого эпоса.

Если в «Калевале» рыбы вместе со всеми земными и небесными созданиями внимают вещему певцу, то в «Песни...» подводные твари приносят ему вести, которые, сливаясь с притчами кижских соборов, создают новый – христианский – эпос: поэт Николай Клюев принимает эстафету у своего языческого преемника – вещего певца Вяйнямёйнена.

Но если Лённрот расшил свою книгу жемчужинами народной поэзии, то Клюев не имел подобного аналога в русском фольклоре. Однако он создает иллюзию изустного происхождения своего творения, тем самым подчеркивая его подлинность.

Изуственность и вариативность характеризуют и родословие поэта, в котором ни один из восьми текстов полностью не совпадает с другим. Шесть написаны с его слов, а два малых, совпадая в деталях с основными текстами, являются документами, не предназначенными для печати. В первом родословии Клюев сознательно ориентировался на Новый Завет, включающий четыре Евангелия и ряд сопутствующих сакральных текстов, во втором – на народную эпическую традицию (русскую и инонациональную), разумеется, переплавляя ее с евангельскими и другими сакральными текстами, подчеркивая самим языком описания монументальность России-храма и гигантский масштаб вселенской катастрофы, разразившейся, когда храм этот рухнул.

Хотя в поэме упоминаются многие битвы с иноверцами, но не они являются ее главными врагами. Каждого человека и народ в целом подстерегает «духовный Мамай» (519, 805). Наиболее полно образ «духовного Мамаю» воплощен в Григории Распутине. Этот «змеиный барс» (519, 804) встал между царем и народом. Он опасен тем, что похож на Спасителя, что и показано в «Гагарьей судьбине», где он действительно спасает гибнущих в буре паломников и ведет их ладью к заповедному граду.

Но в «Судьбине» же показано, что он не выдержал искушение «медными трубами» и обернулся в беса. Таким он и предстал в «Песни...», где описаны последние дни Распутина и его страшная гибель, увы, не ставшая для России спасением, ибо процесс подмены подлинных ценностей на мнимые зашел слишком далеко [Маркова, 1997. С. 211–264]. Поэтому родословие поэта завершается предвидением крестных мук нового Христа и Матери-Руси.

«Песнь...» же дает веру в воскресение, которую символизирует образ внучки Параши со значимым именем Анастасия (переводится как «воскресение»). Этот образ входит в женскую триаду «Песни...»: Богородица – Параскева – Анастасия. Он и заменяет образ последней царицы, о которой в поэме говорится вскользь, и в то же время проецируется на образ Анастасии Романовны, любимой жены Ивана Грозного.

Б. А. Филиппов, анализируя «Погорельщину», связал это имя на символическом уровне с идеей русской государственности [Филиппов, 1969. С. 127]. Справедливости ради заметим, что там героиня носит и имя, и отчество этой царицы. Здесь же отчество героини не названо, так как целый фрагмент, указанный в плане рукописи [Клюев, 1999. С. 979], выпал из произведения: либо был утрачен, либо не написан автором.

Но то, что место в знаковой триаде принадлежит Анастасии, безусловно. Героиня описана в пути, в поисках жениха – нового Феодора Стратилата. Важно отметить, что героиня идет через лес. Напомним, что Феодоровская икона была найдена в лесу на сосне. Но конец поэмы утрачен, поэтому состоялся ли спасительный для Русской Земли брак, неизвестно. Неизвестно, кто конкретно в названной триаде будет выполнять функции царя. Из данного текста и из творчества Клюева в целом ясно одно, что во главе Святой Руси должен быть крестьянин. Но, повторяем, символические цепочки либо претерпели подмену, либо разорваны. И все же писатель оставляет читателю надежду: открытый финал «Песни...», как и открытый финал родо-

словия поэта, принципиально важны для Клюева, ибо подчеркивают, что жизнь Духа бесконечна и бесконечна история России...

В заключение отметим, что намеченный в родословии поэта «феодоровский комплекс» в «Песни...» представлен в развернутом виде и в системе сложных ассоциативных связей, позволивших углубить символическое значение поэмы.

Литература

Клюев Н. Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы / Предисл. Н. Н. Скатова; вступ. ст. А. И. Михайлова; сост., подгот. текста и примеч. В. П. Гарнина. СПб.: Росток, 1999. 1072 с.

Клюев Н. Словесное древо. Проза / Вступ. ст. А. И. Михайлова; сост., подгот. текста и примеч. В. П. Гарнина. СПб.: Росток, 2003. 686 с.

Базанов В. Г. С родного берега. О поэзии Николая Клюева. Л.: Наука (Ленингр. отд.), 1990. С. 194.

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 232.

Благодеяния Богоматери роду христианскому чerez Ее святые иконы. М.: Паломник, 2000. С. 210–221.

Калевала / Сост. Э. Лённрот. Пер. Л. П. Бельского. Петрозаводск: Карелия, 1985. 381 с.

Лепяхин В. В. Икона в русской художественной литературе. М.: Паломник, 2002. С. 510.

Маркова Е. И. Творчество Николая Клюева в контексте севернорусского словесного искусства. Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 1997. 319 с.

Маркова Е. И. Родословие Николая Клюева. Тексты. Интерпретации. Контексты. Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 2009. 354 с.

Мифологический словарь / Под ред. Е. М. Мелетинского. М.: Сов. энциклопедия, 1991. С. 459.

Полякова С. В. О внешнем и внутреннем портрете Н. Клюева (К вопросу об архетипичности поэтического языка) // Блок и основные тенденции развития литературы начала XX века. Блоковский сб. 7. Тарту, 1986. С. 150–161.

Федотов Г. П. Стихи духовные. Русская народная вера по духовным стихам. М.: Прогресс, Гнозис, 1991. С. 49–64.

Филиппов Б. А. Погорельщина // Клюев Н. Сочинения: В 2 т. Мюнхен, 1969. Т. II. С. 113–138.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Маркова Елена Ивановна

зав. сектором литературы и фольклора, д. филол. н.
Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН
ул. Пушкинская, 11, Петрозаводск, Республика Карелия, Россия, 185910
эл. почта: illh@krc.karelia.ru
тел.: (8142) 781886

Markova, Elena

Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Science
11 Pushkinskaya St., 185910 Petrozavodsk, Karelia, Russia
e-mail: illh@krc.karelia.ru
tel.: (8142) 781886

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА

УДК 902/904

СВИДЕТЕЛЬСТВА ОБМЕНА МЕЖДУ НАСЕЛЕНИЕМ КАРЕЛИИ И ЭСТОНИИ В ФИНАЛЬНОМ КАМЕННОМ ВЕКЕ: ПО РЕЗУЛЬТАТАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО И ПЕТРОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ РУБЯЩИХ ОРУДИЙ РУССКО-КАРЕЛЬСКОГО ТИПА С ТЕРРИТОРИИ ЭСТОНИИ

А. Ю. Тарасов¹, А. Крийска², Ю. Кирс³

¹ *Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН*

² *Тартуский университет, Институт истории и археологии*

³ *Тартуский университет, Институт экологии и наук о земле*

Серия рубящих орудий так называемого русско-карельского типа, найденных на территории Эстонии, была проанализирована с использованием археологических (технологический и типологический анализ) и геологических (петрография) методов. Полученные результаты подтвердили предположение о том, что эти орудия были произведены в мастерских на территории современной Карелии и попали в древности в Эстонию путем обмена. Индустрия орудий русско-карельского типа связана с периодом энеолита в Карелии (памятники с асбестовой керамикой) и представляет собой весьма высокоразвитую технологическую традицию. Стоянки-мастерские известны на западном побережье Онежского озера (устье р. Шуи).

Ключевые слова: археология, каменный век, энеолит, Карелия, Эстония, рубящие орудия, русско-карельский тип, обмен, петрография, метатиф.

A. Yu. Tarasov, A. Kriiska, Yu. Kirs. EVIDENCES OF EXCHANGE BETWEEN INHABITANTS OF KARELIA AND ESTONIA IN THE FINAL STONE AGE: BASING ON ARCHAEOLOGICAL AND PETROGRAPHICAL STUDY OF WOOD-CHOOPING TOOLS OF THE RUSSIAN-KARELIAN TYPE FROM THE TERRITORY OF ESTONIA

A series of wood-chopping implements of the so-called Russian Karelian type originating from archaeological sites in Estonia has been analyzed using both archaeological (technological and typological analyses) and geological (petrography) methods. The

results proved the proposition that these tools were produced in workshop sites in the present-day Karelia and were transported to the Estonian territory in the ancient times through exchange routes. The industry of Russian-Karelian type is connected to the Eneolithic period in Karelia (sites with the Asbestos Ware) and presents quite highly developed technological tradition. Workshop sites are known on the western coast of Onega Lake (outlet of Shuya River).

Key words: archaeology, Stone Age, Eneolithic, Karelia, Estonia, wood-chopping tools, Russian-Karelian type, exchange, petrography, metatuff.

Русско-карельский тип рубящих орудий входит в число наиболее известных и показательных явлений, определяющих облик карельского археологического комплекса. Крупные, отличающиеся строгой геометрической формой и очень качественной обработкой инструменты этого типа были замечены на самом начальном этапе изучения археологии Карелии, еще в период деятельности коллекционеров XIX в. Особенно большую активность в собирании коллекций каменного века в Карелии проявили члены организации «Финское Общество Любителей Древностей». В 1880–1890-х гг. ими, особенно школьным учителем Л. В. Пякконеном, на территории Карелии было собрано около 3000 предметов [Åugräå, 1944. S. 55–55; Nordquist, Seitsonen, 2008. P. 30–32]. Они образовали своего рода образцовую коллекцию для различия и сравнения рубящих орудий каменного века.

Для данных изделий предлагались различные названия. В конце XIX – начале XX в. поздние предметы русско-карельского типа обозначались как восточнофинляндский, карельский и аунуский (олонецкий) тип [Heikkurinen, 1980. S. 1–2]. В докторской диссертации Ю. Айлио, опубликованной в 1909 г., они были обозначены как орудия русско-карельского типа [Ailio, 1909. S. 26]. В 1940-х гг. А. Эйряпя предложил называть данные типы предметов в Финляндии восточнокарельскими. Это наименование используется в археологических изданиях Финляндии и по сей день [Heikkurinen, 1980. S. 2 и литература, на которую даны ссылки; Edgren, 1984. S. 42].

В начале XX в. в Финляндии было разработано несколько типологий рубящих орудий русско-карельского типа [Heikkurinen, 1980. S. 3, 10–19]. Важным признаком данного типа признано треугольное или трапециевидное поперечное сечение.

В российской археологии, вслед за работами А. Я. Брюсова [1940, 1947, 1952], название «русско-карельский тип» закрепилось за топорами и тёслами, имеющими «трапециевидное поперечное сечение и две резко выраженные,

сближающиеся сверху боковые грани на лицевой стороне» [Брюсов, 1947. С. 16]. Брюсов считал тип местным по происхождению и одним из основных, определяющих своеобразие выделенной им «карельской культуры» [Брюсов, 1952. С. 103–104]. При этом он отмечал, что орудия русско-карельского типа встречаются и далеко за пределами собственно Карелии, вплоть до Урала [Брюсов, 1947. С. 16].

Впоследствии данный тип выделяли все российские исследователи, работавшие с материалами каменного века в Карелии и предлагавшие типологии карельских макроформ [Филатова, 1971; Панкрушев, 1978. С. 6; Жульников, 1999. С. 61]. После того как стало ясно, что единой карельской культуры каменного века не существует, В. Ф. Филатова предложила связывать возникновение типа с пришлой культурой ямочно-гребенчатой керамики. Исследовательница представила сводку об известных к тому времени находках изделий данного типа в Карелии и за ее пределами и предложила считать его чужеродным для карельской территории, так же как и саму культуру [Филатова, 1971. С. 37–38].

Однако количество памятников с чистыми комплексами различных культур каменного века, представленных в регионе, в тот момент было еще недостаточным для убедительных заключений. В течение 80–90-х гг. прошлого века, главным образом благодаря работам А. М. Жульникова [1999], была исследована серия чистых комплексов периода энеолита с керамикой с примесью органики и асбеста. Оказалось, что орудия русско-карельского типа почти в обязательном порядке входят в состав инвентаря этих памятников. При этом на памятниках с чистыми комплексами других культур Карелии такие изделия отсутствуют [Тарасов, 2008]. Таким образом, в настоящее время можно утверждать, что русско-карельский тип орудий существовал в эпоху энеолита с асбестовой керамикой, которая по имеющимся радиоуглеродным датам датируется в диапазоне от 4410 ± 50 лет назад* (ТА 1748, поселение

* Некалиброванный C^{14} возраст.

Войнаволок XXVII) до 3150 ± 100 лет назад (ТА 1007, поселение Палайгуба II), всего 23 даты [Жульников, 1999. С. 75–79].

Проблема русско-карельского типа изначально оказалась тесно связана с вопросом о так называемом «олонецком зеленом сланце», а также с вопросом о связях и обмене в среде древнего населения, поскольку изделия из этого зеленого сланца встречены далеко за пределами Карелии. Еще Л. В. Пяакконен обратил внимание на особое значение района в устье р. Шуи вблизи г. Петрозаводска, из которого происходило очень значительное количество находок крупных сланцевых орудий.

Во второй половине XIX в. под руководством Ю. Айлио начался анализ находок из Карелии, собранных в Национальном музее Финляндии. Тогда же геологом Э. Мякиненем был произведен петрографический анализ каменных изделий, который показал, что большая часть предметов была изготовлена из туфа, происходящего из района северо-западного побережья Онежского озера [Äyräpää, 1944. S. 57–59]. В археологической литературе данную породу начали называть аунуским (олонецким) или онежским зеленым сланцем, потому что она часто бывает пластинчатой или сланцевидной [Äyräpää, 1944. S. 58].

В 1943 г., во время финской оккупации, этот район обследовал А. Эйряпя. Исследователь пришел к выводу о существовании здесь крупного центра по изготовлению орудий из местного «зеленого сланца», представленного в виде крупных галек и валунов. Производившиеся здесь вещи, по его мнению, предназначались для торговли [Äyräpää, 1944. S. 60]. Эта идея, которая осталась в рукописной статье [Äyräpää, 1944], стала общепринятой в финской археологии, а также была использована в книге Дж. Г. Д. Кларка «Доисторическая Европа» [Кларк, 1953. С. 246–247]. Несмотря на ее опровержение, сделанное А. Я. Брюсовым в виде примечания к русскому изданию книги Кларка [Кларк, 1953. С. 246], позже она была повторена Н. Н. Гуриной [1974. С. 15].

Однако новые исследования в данном районе продолжились только в 90-е гг. прошлого века [Жульников, 1999], когда были вновь локализованы стоянки-мастерские в устье р. Шуи и проведены новые сборы. В 2000 г. А. М. Жульников провел первые раскопки одной из мастерских – Фофаново XIV. Новые материалы позволили установить, что на памятниках этого района, которые могут считаться стоянками-мастерскими, изготавливались преимущественно орудия русско-карельского типа, и существовали они в период энеолита с асбестовой кера-

микой. Результаты анализа всего технологического контекста, полученного в результате новых исследований, включая материалы с мастерских и постоянных поселений периода энеолита, представлены в ряде работ одного из авторов этой статьи [Тарасов, 2002, 2003, 2004а, б, 2006, 2008].

В настоящее время можно утверждать, что рубящие орудия русско-карельского типа связаны с очень развитой для своего времени технологической традицией, существовавшей в южной Карелии в период энеолита. Для энеолитической индустрии макроорудий Карелии характерно использование *сырья* почти исключительно высокого качества (с твердостью, часто превышающей 6 по шкале Мооса), изготовление орудий на специализированных *мастерских*, а не на постоянных поселениях, с использованием сложной *технологии* расщепления и очень качественной завершающей *абразивной обработки*, высокое *качество* большинства готовых изделий и высокая степень морфологической *стандартизации*. Все эти признаки не были характерны для более ранней индустрии макроорудий в Карелии. Перечисленные особенности индустрии позволяют предполагать зарождение специализации в данном виде производства. Находки орудий русско-карельского типа на значительном удалении от единственного известного на данный момент производственного центра, в том числе далеко за пределами современных административных границ Карелии, также позволяют предполагать, что существенная часть орудий производилась для обмена.

Вопрос об участии орудий русско-карельского типа в процессах обмена, имевших место в среде древнего населения восточнобалтийского региона, находится в центре внимания данной статьи. Исследователями неоднократно отмечалась интенсификация такого рода контактов в позднем неолите и энеолите. Наиболее заметным фактом в этом смысле являлось распространение прибалтийского янтаря в центральной полосе и в северо-западных регионах России и Финляндии [Гурина, 1974; Вуоринен, 1984; Лозе, 1985; Zhulnikov, 2008]. Орудия русско-карельского типа могли быть одной из тех ценностей, которая поступала в прибалтийские регионы в обмен на янтарь. Нельзя исключать того, что подобные контакты имели место еще до возникновения индустрии русско-карельского типа в Карелии. Также несомненно, что в таком обмене участвовали не только янтарные изделия и каменные топоры.

Тем не менее на данном этапе мы ограничили свой поиск рубящими русско-карельскими

орудиями. Это связано с тем, что они могут быть легко выделены в материале на основании одного типологического критерия. Присутствие в коллекциях находок с территории Эстонии каменных орудий, предположительно импортированных из Карелии, было отмечено еще в первой половине прошлого века, когда финскими исследователями было произведено картографирование находок изделий из «олонецкого зеленого сланца» [Tallgren, 1922. Lk. 58; Äyräpää, 1944. S. 59]. Часть найденных в Эстонии рубящих орудий из сланца, как и в Финляндии, считались происходящими из Карелии [например: Moora, 1935. Lk. 46; Янитс, 1959. С. 216; Kriiska, Tvauri, 2002. Lk. 64]. На сегодняшний день значительно увеличилось количество источников и были существенно уточнены вопросы хронологии и культурного членения археологических комплексов восточнобалтийского региона. В настоящее время назрела необходимость составления максимально полного каталога находок изделий русско-карельского типа и уточнения их культурно-хронологического контекста. Необходима проверка предположения о том, что такие вещи являются импортом из южной части Карелии, и установление направлений, форм и особенностей такого обмена, если он действительно имел место. В качестве начального этапа такой работы нами был составлен каталог находок орудий русско-карельского типа на территории Эстонии.

Для выполнения этой задачи нами были просмотрены коллекции основных эстонских памятников, содержащих материалы каменного века и эпохи раннего металла, а также коллекции случайных находок Исторического института Таллиннского университета, Института истории и археологии Тартуского университета, Пярнуского, Нарвского и Тартуского музеев. Существует большая вероятность, что рубящие орудия русско-карельского типа имеются также в маленьких музеях Эстонии, в коллекциях Латышского исторического музея в Риге, в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого в Петербурге, материалы которых еще предстоит проанализировать. Однако материал, собранный к настоящему моменту, уже вполне репрезентативный для обобщения.

Всего в базу данных были включены описания 40 предметов (рис. 1). Они обнаружены во всех регионах Эстонии, где имело место интенсивное сельскохозяйственное освоение территории (способствовавшее обнаружению случайных находок) и где имеются памятники, исследованные на значительной площади (рис. 2).

Большинство стоянок, на которых найдены такие вещи, содержат смешанные разновременные комплексы, включающие гребенчато-ямочную керамику, в том числе позднюю гребенчато-ямочную керамику [Янитс, 1959; Jaanits et al., 1982. Lk. 60–61, 67–72, 78–82, 83, 105, 130, 136–146, 172–174; Kriiska, 1996. P. 366–367], данные комплексы частично синхронны [Lang, Kriiska, 2001. Lk. 92] с асбестовой керамикой в Карелии. Исключением является укрепленное поселение Асва, археологический материал которого, за исключением нескольких черепков шнуровой керамики, относится в основном к периоду ранней бронзы и железного века [Jaanits et al., 1982. Lk. 136–146, 172–174; Lang, 2007. P. 60–63].

По результатам первичного визуального морфологического анализа данная совокупность была разбита на ряд групп:

I Орудия русско-карельского типа (23 экз.). Группа включает предметы, степень сохранности которых позволяет определить все диагностические типологические признаки, и эти признаки позволяют трактовать их как изделия русско-карельского типа (рис. 1).

1. Целые орудия, т. е. предметы, у которых, несмотря на некоторые повреждения, сохранились лезвийная, средняя и обушная части. Выделены 13 экз., включая 2 тесла, 2 топора, 8 желобчатых тёсел и одно орудие с затупленным лезвием, вид которого невозможно определить. Почти все они являются случайными находками. Только два изделия, оба желобчатые тёсла, происходят из контекста поселений: Валма и Наакамяэ.

2. Орудия с отломанной обушной частью, использование которых в качестве инструментов после разлома было продолжено (об этом позволяют судить следы износа на плоскости разлома в обушной части, возникшие в результате трения о рукоять). Имеются три предмета. Два тесла происходят из контекста поселений: Акали (до 1955 г. известное как Конса) и Асва. Одно желобчатое тесло является случайной находкой. Все имеют трапециевидное сечение.

3. Мелкие обломки орудий, не имеющие следов вторичного (после разлома) использования в древности. Имеются 7 экз., среди них два тесла, одно из которых является случайной находкой, второе происходит из поселения Тамула I, два желобчатых тесла, одно из Тамулы I и одно из поселения Кунда Ламмасмяги, а также три обломка обушных частей орудий, два из Тамулы I и одно из поселения Вилла. Сечение почти у всех предметов четко трапециевидное, у обуха из Вилла оно треугольное.

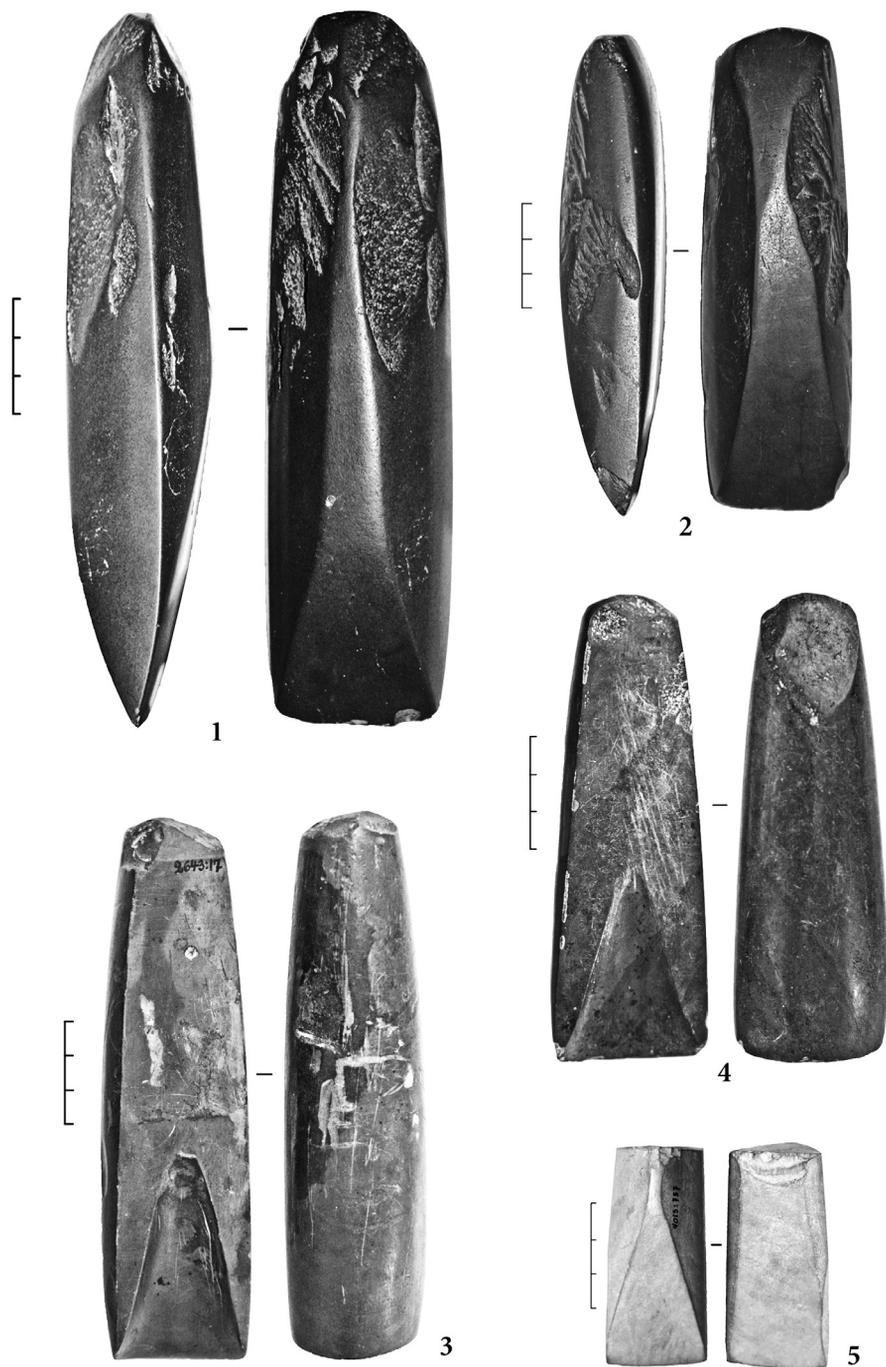

Рис. 1. Орудия русско-карельского типа, найденные на территории Эстонии: 1 – топор, случайная находка (метатиф слюдистый); 2 – тесло, случайная находка (метатиф); 3 – желобчатое тесло, случайная находка (метатиф); 4 – желобчатое тесло, случайная находка (метатиф); 5 – тесло, стоянка Акали (метатиф риолитовый)

II. Орудия других типов, которые предположительно также могли быть связаны с индустрией макроорудий в энеолите южной Карелии. Такое заключение делается на основании сходства материала (по цвету и по твердости), особенностей абразивной обработки и качества орудий. Учтены два экземпляра, один крупный топор овального сечения, вероятнее всего

изготовленный с использованием бифасиальной схемы, являющийся случайной находкой, и небольшое тесло с сечением в виде нечеткого параллелограмма из поселения Валма.

Предметов такого рода может быть несколько больше, при подготовке данного списка были учтены только наиболее показательные.

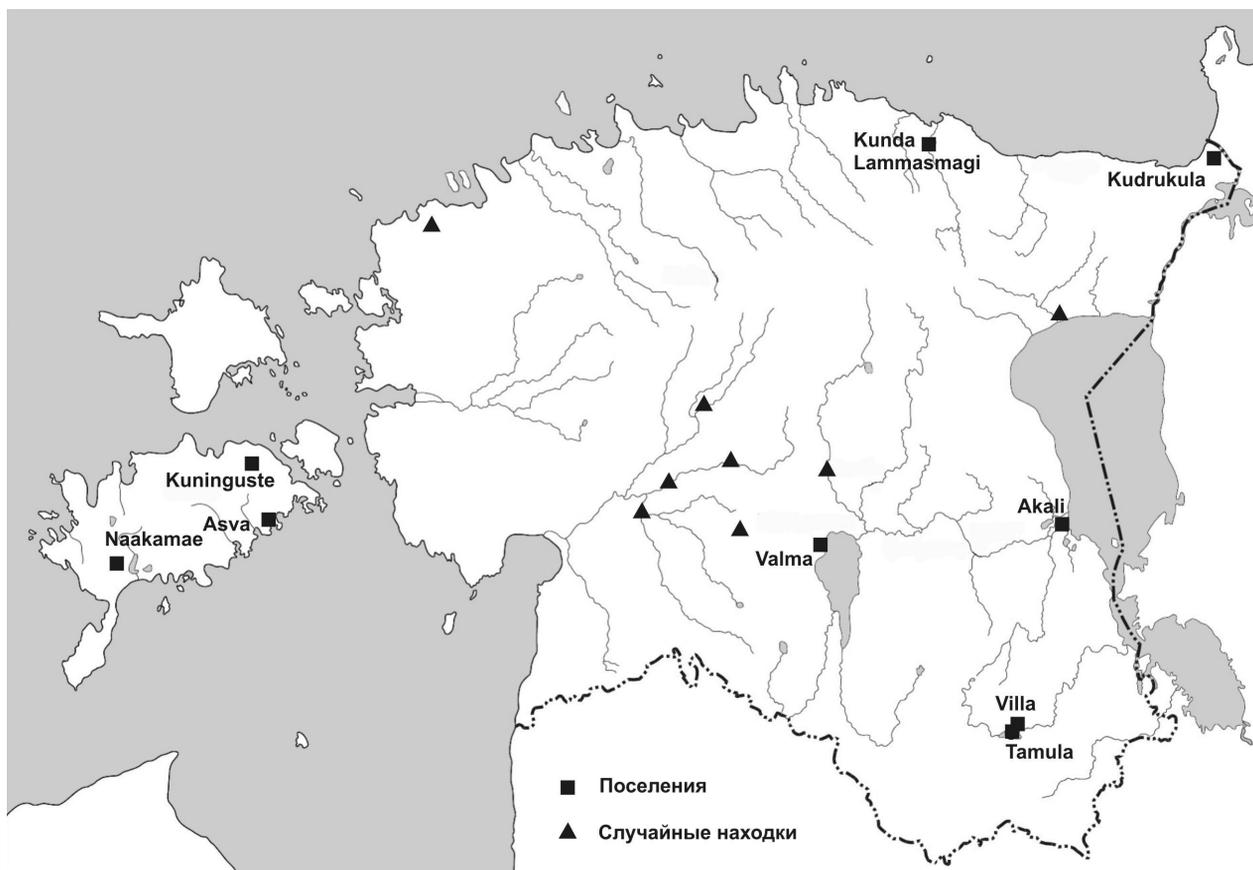

Рис. 2. Находки орудий русско-карельского типа на территории современной Эстонии

III. Орудия, соответствующие русско-карельскому типу по основным морфологическим признакам, однако отличающиеся по сырью и (или) технологии. Учтены три предмета: тесло, являющееся случайной находкой, изготовленное из необычного серого ноздреватого материала, желобчатое тесло из поселения Кудрукюла, отличающееся маленькими размерами и изготовленное, насколько можно судить, из толстого отщепы с помощью шлифовки, что необычно для орудий русско-карельского типа, и обломок обушной части орудия из поселения Кунингусте, сделанного из мягкого материала коричневатого-серого цвета.

Дать оценку таким предметам в настоящий момент сложно. Наверное, нельзя исключать, что они являлись местными подражаниями импортным изделиям, изготовленными из местных материалов или же из обломков импортных орудий (как, например, желобчатое тесло из Кудрукюла). Однако утверждать это сейчас тоже не представляется возможным.

IV. Мелкие фрагменты лезвий и сколы со шлифованных орудий. Их принадлежность к русско-карельскому типу очень вероятна, однако в связи с очень небольшими размерами

фрагментов этого нельзя утверждать наверняка. Учтены такие фрагменты, которые с очень большой степенью вероятности были отколоты от изделий с трапециевидным поперечным сечением, всего в группе 12 предметов.

1. Мелкие фрагменты лезвий. Имеются 5 экз., включая одно тесло из поселения Акали и два желобчатых тесла – из поселений Тамула I и Валма. Еще два фрагмента с равной вероятностью могли принадлежать теслу или топору – один из поселения Кудрукюла и второй из поселения Валма.

2. Сколы со шлифованных орудий. Выделены 7 экз., включая один круммейсель, предположительно изготовленный из скола со шлифованного орудия с трапециевидным сечением, и скол с лезвия тесла или топора. Круммейсель происходит из поселения Кудрукюла, скол с лезвия – из Тамулы I, остальные предметы – из поселений Кудрукюла (1 экз.), Наакамая (1 экз.) и Валма (3 экз.).

Все описанные предметы, происходящие с территории Эстонии, относятся исключительно к контексту использования орудий русско-карельского типа: готовые орудия со следами использования, целые и обломки, мелкие фрагменты, сколы со шлифованных орудий.

Не встречено ни одной заготовки или скола-отхода производства таких инструментов, т. е. технологический контекст отсутствует полностью. В то же время на территории Карелии очень хорошо представлен как контекст использования таких орудий, так и контекст, связанный с их изготовлением: заготовки, относящиеся ко всем стадиям технологического процесса, и сколы-отходы. Главным образом, они сосредоточены на специализированных стоянках-мастерских, но встречаются и на поселениях. Таким образом, уже на основании технико-типологического анализа можно было утверждать, что орудия русско-карельского типа на территории Эстонии не производились. Показательно также и то, что все несомненные находки этого типа с территории Эстонии составили лишь 7 % от количества таких изделий, происходящих из памятников с чистыми комплексами на территории Карелии.

Наблюдения, сделанные на основании изучения археологического контекста, были под-

тверждены с помощью петрографического анализа. Петрографические определения сделаны для 22 предметов из представленной серии. В основном, это предметы из группы I, а также два изделия из группы III и три изделия из группы IV (табл.). В качестве эталонов для сравнения использовалась коллекция отходов производства (отщепов и обломков заготовок) со стоянки-мастерской Фофаново XIII в устье р. Шуи на западном побережье Онежского озера, на которой очень хорошо представлен технологический контекст изготовления орудий русско-карельского типа [Тарасов, 2003].

Материал находок из Эстонии в 19 случаях определен как метатиф, в основном, серо-зеленый. В 4 случаях это белый или бежевый, с большим содержанием силиция (риолитовый) метатиф. Пластинчатая или сланцеватая минеральная масса указывает на темный метатиф с повышенным содержанием биотитовой слюды (4 предмета). 2 предмета изготовлены из темно-зеленого кавернозного сланца – один

Орудия русско-карельского типа, найденные на территории Эстонии (включены только предметы, для которых сделано петрографическое определение)

Группа	Наименование	Сохранность	Контекст, коллекционный номер	Горная порода	
Орудия русско-карельского типа	Желобчатое тесло	Целое изделие	Случайная находка из Jändja (AI 2643:17)	Метатиф	
	Желобчатое тесло	Целое изделие	Случайная находка из Jändja (AI 2643:18)	Метатиф	
	?	Целое изделие	Случайная находка из Alliklepa (AI 2835)	Метатиф биотитовый, сланцеватый	
	Желобчатое тесло	Целое изделие	Случайная находка из Sagrivaja/Kondusi (AI 3872)	Метатиф сланцеватый	
	Желобчатое тесло	Целое изделие	Случайная находка из Uusküla (AI 3873)	Метатиф	
	Желобчатое тесло	Целое изделие	Случайная находка из Umbusi (PäMu 3 A 646)	Метатиф сланцеватый	
	Тесло	Целое изделие	Случайная находка из Nurmeküla (PäMu 3 A 538)	Метатиф	
	Топор	Целое изделие	Случайная находка из Muraka (PäMu 3 A 571)	Метатиф слюдистый	
	Желобчатое тесло	Целое изделие	Случайная находка, нижнее течение р. Пярну (PäMu 2900 A2301/85)	Метатиф	
	Тесло	Целое изделие	Случайная находка, нижнее течение р. Пярну (PäMu 1 A 422)	Биотит-мусковитовый сланец, кавернозный	
	Тесло	Без обуха	Поселение Асва (AI 3994:557)	Метадиабаз	
	Тесло	Без обуха	Поселение Акали (AI 4013:737)	Метатиф риолитовый	
	Желобчатое тесло	Фрагмент лезвия	Поселение Тамула I (AI 3932:80)	Метатиф	
	Морфологически соответствующие	?	Фрагмент обуха	Поселение Тамула I (AI 4118:324)	Метатиф риолитовый
		?	Фрагмент обуха	Поселение Тамула I (AI 4118:1804)	Метатиф
Желобчатое тесло		Фрагмент лезвия	Поселение Кунда Ламмасмяги (AI 4284:415)	Метатиф	
Тесло		Лезвийная часть	Случайная находка из Riisa (PäMu 3 A 534)	Метатиф сланцеватый	
?		Обушная часть	Поселение Кунингусте (AI 4560:137)	Метатиф риолитовый	
Тесло		Целое изделие	Случайная находка из Mustivere (PäMu 3 A A653)	Биотит-роговообманковый сланец, кавернозный	
Сколы со шлифованных орудий		Скол со шлиф. орудия		Поселение Кунда Ламмасмяги (AI 4284:325)	Метатиф
		Тесло	Фрагмент лезвия	Поселение Акали (AI 4013:663)	Метатиф риолитовый
		Желобчатое тесло	Фрагмент лезвия	Поселение Тамула I (AI 4118:1187)	Метатиф

Примечание. AI = Institute of History, University of Tallinn; PäMu = Museum of Pärnu.

биотит-мусковитовый сланец, второй – биотит-роговообманковый сланец. Материалом для изготовления одного из орудий был темно-зеленый метадиабаз. В сравнительной коллекции из стоянки-мастерской Фофаново XIII, в свою очередь, также представлен метатиф – темно-зеленый, скрытокристаллический с раковистым изломом.

В Эстонии, где кристаллический фундамент находится на глубине нескольких сотен метров, под отложениями эдиакарского, кембрийского, ордовикского, силурийского, девонского и четвертичного периодов, магматические и метаморфические горные породы встречаются только на поверхности земли в виде обломочного материала – валунов, принесенных ледником со дна Балтийского моря и из Южной Финляндии [Raukas, Teedumäe, 1997]. Туфов с такой низкой степенью метаморфизма, как у проанализированного материала каменных орудий, в Эстонии не встречается.

Для сравнения необходимо указать, что материал, характерный для каменных топоров и тёсел, изготавливавшихся в Эстонии и Финляндии, отличается от материала орудий русско-карельского типа. Основную часть рубящих орудий Эстонии изготавливали из местных валунов, среди которых преобладают гнейсы с высокой степенью метаморфизма, реже порфирит и диабаз [Suuroja, 1996. Lk. 30].

До сих пор петрографический анализ рубящих орудий русско-карельского типа в больших масштабах производился только в Финляндии, где были сделаны определения материала рубящих орудий, найденных как на территории Финляндии, так и на территории Карелии. Как уже было сказано ранее, работы по изучению каменного материала начались в первой половине XX в., когда Э. Мякинен определил найденные в XIX в. в Карелии и хранящиеся в Национальном музее Финляндии рубящие орудия, среди которых также были и орудия русско-карельского типа [Äyräpää, 1944. S. 58].

Среди исследуемого материала, по мнению Мякинена, доминировал туф [Äyräpää, 1944. S. 58]. Рубящие орудия русско-карельского типа с промежуточной территории Финляндии и Карелии были определены в конце 1970-х гг. Т. Хейккуринен и О. Няюкки [Heikkurinen, 1980. S. 6]. Материал большинства из более 500 предметов был определен как «олонецкий зеленый сланец» [Heikkurinen, 1980. S. 6] – метатиф зеленого оттенка. Отдельные экземпляры были изготовлены из хлоритового сланца, слюдистого сланца и диабазы [Heikkurinen, 1980. S. 6–7].

Метатиф, использовавшийся для изготовления рубящих предметов русско-карельского типа, в природе встречается на ограниченной территории. Геолог В. Рамзай в начале XX в. локализовал эту территорию в Карелии, на побережье Онежского озера. Причем разновидность зеленого оттенка (так называемый онежский зеленый сланец) локализуется еще уже – в районе севернее Петрозаводска (включая устье р. Шуи), откуда он был принесен ледником в виде валунов на южные территории [Äyräpää, 1944. S. 59; Heikkurinen, 1980. S. 5]. Если не рассматривать некоторые исключения, все проанализированные до настоящего момента рубящие орудия русско-карельского типа были изготовлены из породы, происходящей из Карелии, из района северо-западного побережья Онежского озера, где распространены слабометаморфизованные отложения (включая метатиф) вулканического происхождения Онежской долины, датируемые ранним протерозоем, 2,3–1,7 млрд лет (так называемые комплексы ятулия – вепсия) [Геология Карелии, 1987].

Таким образом, на основании изучения технико-типологических особенностей и результатов петрографического анализа серии орудий русско-карельского типа можно утверждать, что такие орудия не были произведены на территории Эстонии. Материал, из которого изготовлено большинство этих изделий, не встречается в этом регионе. При этом он полностью соответствует тому материалу, из которого делались орудия указанного типа на мастерских в устье р. Шуи на западном побережье Онежского озера. Поскольку это единственный известный на данный момент производственный центр, в котором велось изготовление таких орудий из данного материала, можно с очень большой степенью вероятности утверждать, что предметы из эстонской серии также были изготовлены на западном побережье Онежского озера. Обнаружение таких предметов в контексте археологических памятников Эстонии, несомненно, свидетельствует о существовании сетей обмена между населением финального каменного века Карелии и Эстонии, являвшихся составной частью обширной системы контактов и взаимодействий восточнобалтийского населения.

Исследование осуществлено при поддержке гранта Эстонского научного фонда «Побережье и континентальная территория. Дуалистическое заселение восточной части Балтийского моря времен каменного века и периода раннего металла», совместного гранта Эстонского научного фонда и Российского

гуманитарного фонда «Население Нарвско-Лужского региона в каменном веке и периоде раннего металла» и Европейского Фонда регионального развития ЕС (Центр теории культуры СЕСТ).

Литература

Вуоринен Ю. Торговля кремнем и янтарем в Финляндии в эпоху неолита // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л.: Наука, 1984. С. 54–60.

Брюсов А. Я. Археологические памятники III–I тысячелетий до нашей эры в Карело-Финской ССР // Археологический сборник. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1947. С. 9–34.

Брюсов А. Я. История древней Карелии // Труды ГИМ. М., 1940. Вып. IX.

Брюсов А. Я. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М.: Наука, 1952. 264 с.

Геология Карелии / Отв. ред. В. А. Соколов. Л.: Наука, 1987. 231 с.

Гурина Н. Н. К вопросу об обмене в неолитическую эпоху // КСИА. 1974. Вып. 138: Торговля и обмен в древности. С. 12–23.

Жульников А. М. Обмен янтарем в Северной Европе в III тыс. до н. э. как фактор социального взаимодействия // Проблемы биологической и культурной адаптации человеческих популяций. СПб.: Наука, 2008. Т. 1: Археология: Адаптационные стратегии древнего населения Северной Евразии: сырье и приемы обработки. С. 134–145.

Жульников А. М. Энеолит Карелии: Памятники с пористой и асбестовой керамикой. Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 1999.

Кларк Дж. Г. Д. Доисторическая Европа: Экономический очерк. М.: Наука, 1953.

Лозе И. Об основных центрах обработки и путях распространения восточнобалтийского янтаря в период среднего неолита // Новое в археологии Прибалтики и соседних территорий. Таллинн, 1985. С. 58–77.

Панкрусев Г. А. Мезолит и неолит Карелии. Ч. 2: Неолит. Л.: Наука, 1978.

Тарасов А. Ю. Изменчивость метрических признаков каменных орудий с поселений Карелии (неолит – ранний железный век) // Вестник КГМ. 2002. Вып. 4. С. 70–87.

Тарасов А. Ю. Центр изготовления каменных макроорудий энеолитического времени на территории Карелии // Археологические Вести. СПб.: ИИМК РАН, 2003. Вып. 10. С. 60–74.

Тарасов А. Ю. Изменения сырьевой базы индустрии макроорудий в неолите – раннем железном веке на территории Карелии // Российская археология. 2004а. № 1. С. 77–83.

Тарасов А. Ю. Энеолитическая индустрия каменных макроорудий на территории Карелии: К вопросу о специализации в производстве // Евразия: этнокультурное взаимодействие и исторические судьбы. М.: Наука, 2004б. С. 94–97.

Тарасов А. Ю. Некоторые особенности социально-экономического развития населения Карелии в

неолите – раннем железном веке // Проблемы этнокультурной истории населения Карелии (мезолит – средневековье). Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 2006. С. 73–112.

Тарасов А. Ю. Энеолитическая индустрия каменных макроорудий Карелии в ряду европейских индустрий позднего каменного века // Хронология, периодизация и кросс-культурные связи в каменном веке. СПб.: Наука, 2008. Вып. 1. С. 190–201.

Филатова В. Ф. Русско-карельский тип орудий в неолите Карелии // СА. 1971. № 2. С. 32–38.

Янитс Л. Ю. Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыги (Эстонская ССР). Таллинн, 1959.

Ailio J. Die steinzeitlichen Wohnplatzfunde in Finland, I–II. Helsingfors, 1909.

Edgren T. Kivikausi // Suomen historia, 1. Espoo, 1984. S. 18–95.

Heikkurinen T. Itäkarjalaiset tasa- ja kourutaltat. Helsingin yliopiston arkeologian laitos. Moniste n:o 21. Helsinki, 1980.

Jaaniits L., Laul S., Lõugas V., Tõnisson E. Eesti esiajalugu. Tallinn, 1982.

Kriiska A. Stone Age Settlements in the Lower Reaches of the Narva River, North-eastern Estonia. // Coastal Estonia. Recent Advances in Environmental and Cultural History. PACT 51. Rixensart 1996. P. 359–369.

Kriiska A., Tvauri A. Eesti muinasaeg. Tallinn: Avita, 2002.

Lang V. The Bronze Age and Early Iron Ages in Estonia. Estonian Archaeology, 3. Tartu: Tartu University Press. Humaniora: archaeologica, 2007.

Lang V., Kriiska A. Eesti esiajaloo periodiseering ja kronoloogia // Eesti Arheoloogia Ajakiri. 2001. 5/2. Lk. 83–109.

Moora H. Kiviaeg // Esiajalugu ja muistne vabadusvõitlus. Eesti ajalugu, I. Tartu, 1935. Lk. 10–62.

Nordquist K., Seitsonen O. Finnish Archaeological Activities in the Present-Day Karelian Republic until 1944 // Fennoscandia Archaeologica. 2008. Vol. XXV. P. 27–60.

Raukas A., Teedumäe A. (eds.). Geology and mineral resources of Estonia. Tallinn: Estonian Academy Publisher, 1997.

Suuroja T. Eesti põhjaranniku mesoliitiliste ja neoliitiliste asulakohtade kiviaines // Stilus, 6. Eesti Arheoloogia Seltsi Teated, 1. Tallinn, 1996. Lk. 30–36.

Tallgren A. M. Zur Archäologie Eestis, I. Vom anfang der Besiedlung bis etwa 500 n. Chr. Acta et Commentationes Universitatis Tartuensis (Dorpatensis), III: 6. Dorpat, 1922.

Zhulnikov A. Exchange of Amber in Northern Europe in the III Millennium BC as a Factor of Social Interactions // Estonian Journal of Archaeology. 2008. 12/1. P. 3–15.

Äyräpää A. Itä-Karjala kivikaution asekaupan keskustana. Tuloksia Kansallismuseon itäkarjalaisten kokoelmien tutkimuksista // Muinaista ja vanhaa Itä-Karjalaa. Tutkielmia Itä-Karjalan esihistorian, kulttuurihistorian ja kansankulttuurin alalta. Korrehtuurivedos. 1944. S. 55–73.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Тарасов Алексей Юрьевич

научный сотрудник
Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН
ул. Пушкинская, 11, Петрозаводск, Республика Карелия, Россия, 185910
эл. почта: taleksej@drevlanka.ru
тел.: +79114016414

Крийска Айвар

директор института, профессор лабораторной археологии
Тартуский Университет, Факультет философии, Институт истории и археологии
Ülikooli 18, Тарту, Эстония, 50090
эл. почта: aivar.kriiska@ut.ee
тел.: +372 5527615

Кирс Юхо

научный сотрудник
Тартуский Университет, Факультет науки и технологии, Институт экологии и наук о земле
Ülikooli 18, Тарту, Эстония, 50090
эл. почта: juho.kirs@ut.ee
тел.: +372 7375834

Tarasov, Alexey

Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Science
11 Pushkinskaya St., 185910 Petrozavodsk, Karelia, Russia
e-mail: taleksej@drevlanka.ru
tel.: +79114016414

Kriiska, Aivar

Institute of History and Archaeology, Faculty of Philosophy, University of Tartu
Ülikooli 18, 50090 Tartu, Estonia
e-mail: aivar.kriiska@ut.ee
tel.: +372 5527615

Kirs, Juho

Institute of Ecology and Earth Sciences, Faculty of Science and Technology, University of Tartu
Ülikooli 18, 50090, Tartu, Estonia
e-mail: juho.kirs@ut.ee
tel.: +372 7375834

УДК 581.8

ВОДА В ВЕПСКИХ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ О ЖИЗНИ И СМЕРТИ

И. Ю. Винокурова

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

Настоящая статья посвящена рассмотрению комплекса вепсских представлений о такой важнейшей составляющей мироздания, как вода. С помощью структурно-семантического анализа основных типов вепсских ритуалов (обряды жизненного цикла, календарные, лечебные) и некоторых произведений фольклора предпринимается попытка расшифровать многочисленные ответы на вопрос, что такое вода, данные народом в древности. Анализ вепсских обрядовых и фольклорных текстов, связанных с водой, показал, что в них наиболее ярко представлены воззрения о жизни и смерти. Вода в ритуале могла обладать как однозначной символикой (либо положительной, либо отрицательной), так и двойственной.

Ключевые слова: вепсская традиционная культура, вепсская мифология, верования, ритуалы, фольклор.

I. Yu. Vinokurova. WATER IN VEPSIAN MYTHOLOGICAL IDEAS OF LIFE AND DEATH

The paper deals with the set of Vepsian ideas about such a crucial component of the universe as water. We used structural semantic analysis of the main types of Vepsian rites (life cycle-, calendar-related, medical) and works of folklore in the attempt to decipher the numerous answers the people gave in ancient times to the question of what is water. Analysis of Vepsian ritual and folklore texts associated with water shows they most vividly represent ideas about life and death. Water in a rite could bear either unequivocal (either positive or negative) or dual symbolism.

Key words: Vepsian traditional culture, Vepsian mythology, beliefs, rites, folklore.

Мифология – основа любой национальной культуры. Под мифами в широком значении понимаются различные представления народа, объясняющие окружающий мир, самобытные и заимствованные, которые оставили отпечаток не только в рассказах людей о различных духах и божествах, но и отразились в самых разнообразных сферах материальной и духовной культуры народа. Отзвуки мифологического мировосприятия открываются в самых неожиданных явлениях. Какие-либо названия географиче-

ских объектов, животных, растений, бытовых предметов; декор домов, орнамент народной одежды, запреты, обряды, игры, произведения фольклора (даже частушки), танцы и многое другое могут оказаться связанными с господствовавшими когда-то мифологическими представлениями.

При обращении к вепсской мифологии исследователь сразу сталкивается с большими трудностями из-за почти полного отсутствия вепсских повествовательных мифологических

текстов. В настоящее время возможна реконструкция лишь некоторых фрагментов вепсской мифологии с помощью комплексного использования источников – позднейших этнографических и фольклорных собраний, данных лингвистики, отчасти археологии, сравнительных материалов по родственным и соседним народам.

Настоящая статья представляет собой первый опыт реконструкции вепсских мифологических представлений о такой важнейшей многозначной составляющей мироздания, как вода, на основе структурно-семантического анализа. Что такое вода? Многочисленные ответы на этот вопрос, данные народом в древности, закодированы, прежде всего, в вепсской обрядовой системе. Их нам и предстоит расшифровать.

В ритуалах вепсов вода оказалась едва ли не самым распространенным символом, к тому же обладающим множеством разнообразных значений. Чаще всего прослеживаются очистительные, целительные, продуцирующие и апотропеические свойства воды, которые порою практически невозможно разграничить. Примечательно, что для каждого ритуала было характерно применение далеко не всякой воды, а воды чем-либо особенной. Сакральность воды в различных ритуалах зависела от следующих условий: 1) пространственных параметров воды (сосуд, колодец, лужа, родник, ручей, река, озеро, море, небесная вода – дождь и т. д.); 2) времени совершения водных процедур (восход солнца, полночь, церковная дата и т. д.); 3) температурного состояния воды и окружающей среды (роса, пар, лед, снег и т. д.); 4) различных предметов, опущенных в нее (например, хлеб, монеты, мусор, соль, камень и т. д.). Иногда все эти условия тесно переплетались в обряде.

У вепсов были известны разные формы водных ритуалов: умывание, окропление, обливание, купание, катание по росе, паренье в бане и т. д.

По отношению к воде в вепсской культуре прослеживаются также жертвоприношения и другие культовые обряды, запреты – яркие следы бывшего почитания этой стихии. Так, у шимозерских вепсов рыбак, наловивший много рыбы, обязательно должен был поблагодарить воду: зачерпнуть ее пригоршней и поцеловать [Петухов, 1995. С. 439]. Нельзя было беспокоить «отдыхающую» воду после захода солнца: бросать в нее камешки. До сих пор в с. Пяжозеро сохраняется жертвоприношение воде: 24.06 / 7.07, в день Рождества Иоанна Предтечи (вепс. *Üunanpäi* или *Üunanpei*), местные жители собираются у ручья и бросают в него серебряные монеты.

За непочтительное отношение вода могла наказывать болезнями. Строго запрещалось как-либо осквернять воду: плевать в нее, мочиться, выливать помои, мыть грязные сапоги в «чистом» водоеме, а не в луже. Нарушение этих запретов становилось причиной появления кожной болезни *vezipagan* (букв. «водяная болезнь»). По представлениям южных вепсов, болезнью от воды могла быть также *vodänka* (ср. русск. *водянка*). В случае ее возникновения больной ходил к оскверненному им водоему и просил у воды прощения. У средних вепсов был распространен запрет ругаться «на воде», иначе возникала болезнь *veziehtind* (букв. «водяная ругань»).

1. Вода и жизнь.

Жизнь без воды невозможна. Вепсская традиция демонстрирует достаточно много примеров символической связи воды с идеей зарождения будущей жизни, ее умножения и обновления. В антропоморфной модели Вселенной, созданной вепсским народом, вода была тождественна некоторым животворным жидкостям, циркулирующим в организме человека. В вепсском языке слово *veži* 'вода', употребляемое во множественном числе (*veded*), обозначало также околоплодные воды, в которых развивается человеческий эмбрион в материнской утробе [Зайцева, Муллонен, 1972. С. 628]. Во многих родильных обрядах вепсов, направленных на оказание помощи роженице в скорейшем разрешении от бремени, использовалась проточная вода из движущихся водоемов (рек, ручьев, родников) или вода, которой придавалось течение по искусственному «руслу». Движущаяся по руслу вода символизировала беспрепятственное прохождение плода по родовым путям матери (легкие роды). Самым известным способом помощи роженице у вепсов было опрыскивание ее лица речной, ручьевого или родниковой водой, набранной в рот, совершаемое мужем. Данный обряд был распространен также у русских и, по мнению исследователей, основывался на имитации родов: образ разинутого рта, извергающего воду, органически сочетался с образами живота, чрева, родов [Мазалова, 1994. С. 34].

К числу приемов имитативной магии, направленных на облегчение родов, также относилось питье роженицей воды, пропущенной через ствол ружья или через рожок подойника. Роль русла, символизирующего родовые пути, могло выполнять и отверстие в жернове, куда воду пускали со словами: «*Kut mina ñečiš ahtiš kiviš pästan voten, muga hänel aveikaha prohodat*» – «Как я в этом тесном камне пускаю воду, так у нее пусть откроются проходы».

Пропущенную через жернов воду давали выпить рожавшей женщине [Perttola, № 668]. В случае трудных родов прибегали и к такому способу: бежали к кадке с водой и выливали из нее воду через рог, приговаривая: «Vot kut Sünd om erigeitanu man i taivhan eriži, muga erigeikaha ñened kakš hengad eriži» – «Вот как Бог отделил взрошь землю и небо, так пусть отделятся взрошь эти две души» [Perttola, № 676].

В народном мировоззрении вепсов, как и всех народов, вода уподоблялась крови – важнейшей жизненной субстанции. Об этом свидетельствуют вепские заговоры остановки крови (*čakan azotez*), в которых в качестве аналога кровотечения фигурирует вода ручья или реки, например: «D'oksob ojeine, ojust vastei kuldeine igihiiñe kivi, ištub Bogorodica kivel, i ombleb sugusel ñiñižel ñecen raban ranan. Amiñ, amiñ, amiñ» – «Бежит ручеек, встретился ручью золотой вековечный камень, на камне сидит Богородица и шьет щетиной эту рану раба. Аминь, аминь, аминь» [Perttola, № 349]. Или другой текст: «Vezi d'oksob d'öged möto necišpäi rabaspäi. Tuñtihe kaks' mustad härgad, neced vered d'odihe mustad härgad, azotet'he veren necel rabal täks igaks kaikeks» – «Вода бежит по реке от этой рабы. Пришли два черных быка, эту кровь выпили черные быки, остановили кровь у этой рабы на весь век» [Perttola, № 357].

*

Вода занимала существенное место в календарной обрядности вепсов. В данном разряде ритуалов продуцирующие свойства воды усиливались определенным временем. Так, символом счастья, сытости и богатства считалась рождественская и новогодняя «непочатая» вода. На такое значение воды указывает распространенный по всей вепской территории обряд «захвата воды» в рождественскую и новогоднюю ночь. В первый день Рождества Христова (сев., ср. вепс. *Raštivad*; южн. – *Rastā*) или Нового года (вепс. *Už voz*) каждая хозяйка вепской деревни старалась встать как можно раньше и бежала к колодцу. У южных вепсов считалось, что тот, кто первым наберет «непочатой» воды (знаком нетронутой воды был образовавшийся на ней за ночь лед), тот больше всех в новом году соберет сметаны и сливок [Винокурова, 1994. С. 40].

Считалось, что во время зимнего (ср. вепс. *sündum*, южн. вепс. *sündüm*, сев. вепс. *sünduma*) и летнего (сев. вепс. *kezan sünduma*) солнцеворотов жизненная сила воды повышалась, и она могла наделить человека красотой, привлекательностью и здоровьем. Этими представлениями объяснялась северновепсская традиция совершения в периоды зимних и летних святок

большого количества девичьих обрядов поднятия славуности (вепс. *slavutnost'*) с использованием воды. Под словом «славуность», заимствованным из русского языка, вепсы понимали привлекательность, обаяние, способность девушки возбуждать в представителях противоположного пола половое влечение к себе (аналогичное *lembi* – у карел) [Сурхаско, 1977. С. 53]. В с. Шелтозеро в зимние святки девушки, полностью раздевшись и встав на сковороду у колодца, обливались водой. В с. Шокша обливание колодезной водой происходило на чердаке. В нем по очереди участвовали две девушки: одна, оголившись, выливала на себя воду, а другая – накидывала на нее одежду. В с. Рыбрека утром в Рождество Христово девушка набирала из колодца ковшем воду. Умывшись ею, она приносила оставшуюся воду к своей избе и плескала ею на наружный большой угол дома, стараясь попасть на девятый венец. Считалось, что если ей это удавалось сделать, значит, в новом году предстояло замужество. В с. Подщелье с наступлением Нового года, ровно в 12 часов ночи, девушки бежали за водой к какому-либо водоему. Набрав воды, они умывались ею, а затем выливали оставшуюся воду на большой наружный угол дома, «чтобы скорее выйти замуж».

Для обрядов поднятия славуности воду также использовали в сочетании с различными предметами. Например, северновепские девушки в зимние и летние святки с набранной из колодца водой забирались на колокольню и обмывали ею колокола. Использованной для мытья колоколов водой умывались на колокольне, «чтобы почета и хвалы (т. е. славы, славуности) было больше». Особенностью магических умываний в летние святки (*kezan sünduma* – *Иванов – Петров дни* – 24.06 / 7.07 – 29.06 / 12.07) было опускание в воду различных цветов. Так, в с. Шокша в *Иванов день* девушки ходили в поле и собирали там те цветы, которые были повыше и покрасивее. Затем эти цветы они опускали в воду со словами: «Miččed cvetud čomad, mugeiñe i miña čoma» – «Какие цветы красивые, такая и я красивая» – и умывались. В период летнего солнцеворота красотой и привлекательностью могла наделить не только вода, но и ее производное – роса. С этой целью летним святочным утром девушки шли в поле. Нагими ложились на землю, покрытую росой, и совершали ритуальное перекачивание по ней с боку на бок [Винокурова, 1996. С. 101–102].

Для вепсов – православных по вероисповеданию – очищающими и исцеляющими свойствами обладала святая вода (*ristvezi, kristvezi*). Христианский обряд освящения воды в «иордани» был центральным моментом праздника

Крещения Господня (6/19.01), что нашло отражение в его вепсском названии *Vederistmad* (букв. «водокрещение»). Святую воду приносили домой и ставили в красный угол, а затем весь год использовали для умывания детей, лечения всевозможных болезней, обмывания коровы после отела или обрызгивания овцы во время трудного окота. Считалось, что купание в иордани в Крещение Господне исцелит больных и очистит от греха ряженных или, выражаясь на народном языке, «смоет с них личину беса» [Винокурова, 1994. С. 53].

Святая вода широко использовалась на весенних и летних заветных праздниках для охраны здоровья людей и скота (рис. 1–2). Например, у южных вепсов 1/14.08, в Маккавеев день (*Makavan päiv*), у Пелушского погоста скапливалось множество лошадей, которых «по завету» пригоняли жители окрестных деревень. Начинаясь литургия в церкви, после которой следовал возглавляемый священником крестный ход к Пелушскому озеру и чин водоосвящения с погружением креста в воду. Далее происходило купание людей и скота в озере. Многие хозяева верхом на коне залихватски въезжали в воду.

«Сверхчистой» и оздоровительной считалась вода Великого четверга (сев., южн. вепс. *suñnellanzpäi*, ср. вепс. *suñnellanzpei*), взятая из водоема на восходе солнца. У пядозерских и белозерских вепсов происходило обязательное умывание такой водой всех членов семьи для здоровья.

В вепсском народном календаре плодородными свойствами обладала речная вода во вре-

мя весеннего вскрытия ото льда и разлива. Во многих северновепсских деревнях 9/22.05, в день *Николаы весеннего* (*Mikulan päiv*), обычно приходившийся на весеннее половодье, мужчины купали лошадей в реках, освобождающихся ото льда. Выбор времени для купания не был случаен. В начале мая у вепсов происходил переход от зимних работ, производимых преимущественно в пределах дома, к летним – на полях, в огородах, лесах. Такой переход сопровождался обрядом обливания или купания членами общины или семьи человека, впервые выполнившего первую летнюю работу (рубку подсеки, пахоту, боронование, сев, устройство изгородей и т. д.). Как следует из народных объяснений, это делалось для того, чтобы «лето прошло легче», «чтобы зимнюю грязь счистить» (т. е. для очищения и приобретения физических сил на выполнение сельскохозяйственных работ). Следовательно, данный водный обряд выполнял продуцирующую и очистительную функции. Ритуальное купание лошадей, на наш взгляд, целиком вписывалось в эту систему народных представлений и являлось обрядом того же порядка. Оно производилось накануне важнейших сельскохозяйственных работ: пахоты и сева, различных видов деятельности в лесу, когда участие лошади было обязательным. Любое начинание, судя по обрядам многих народов мира, могло быть успешным лишь при условии ритуальной чистоты и здоровья всех участников обряда. У капшинских вепсов, например, в день первого боронования домочадцы обливали водой не только хозяина, но и его лошадь [Винокурова, 1996. С. 94].

Рис. 1. Набирание святой воды на заветном празднике в честь св. Николая Чудотворца в с. Ладва Подпорожского р-на Ленинградской обл., 22 мая 1989 г. Фото И. И. Муллонен

Рис. 2. Освящение воды в озере на заветном празднике Ильинская пятница в д. Сарозеро (Озера) Подпорожского р-на Ленинградской обл. Фото И. Ю. Винокуровой 1981 г.

В древности вепсы верили, что потепление и похолодание воды в водоемах совершается при участии верховного небесного бога. Позже с распространением православия его заменили христианские святые. Так, у капшинских вепсов считалось, что с *Николаи весеннего* вода теплеет, так как в этот день «Никола опускал теплый камень в воду», а с Ильина дня (20.07 / 2.08) – становилась холодной – «Илья опускал холодный камень в воду». По представлениям северных вепсов потепление воды в водоемах происходило 1/14.06. По народным объяснениям, в этот день бог грозы, молнии и дождя *Дюмал* опускал теплый камень в воду. По случаю такого события в северновепских деревнях устраивался праздник, обязательным обрядом которого было первое летнее купание людей в водах Онежского озера. В этот день, по воспоминаниям жителей, обязательно случалась гроза с проливным летним дождем, которая и заканчивала праздник, заставляя его участников разбегаться по домам. Как представляется, в основе этого праздника лежал какой-то миф о верховном Боге-громовержце, опускающем теплый камень в воду. Опускание теплого камня рисовалось в глазах народа в виде перемещения его во время грозы из небесной сферы в воду в струях летнего дождя [Винокурова, 1996. С. 98–99]. Таким образом, небесная вода соединялась с водой земной. Народные представления о круговороте воды в природе можно обнаружить также в вепских загадках о радуге: «*Jumalanheboine job järvespei vet*» – «Радуга (божья лошадка) пьет из озера воду»; «*Kaifko veden*

job» – «Карько (кличка лошади карей масти) воду пьет» [Зайцева, Муллонен, 1972. С. 158, 181]. Судя по этим текстам, вепсы уподобляли радугу лошади, которая высасывает небесную воду для туч из земных водоемов, а затем выливает ее обратно в виде дождя и питает землю. Аналогичные взгляды были известны многим народам. В частности, у соседнего с вепсами русского населения Новгородской губ. радуга уподоблялась змее, которая «опустивши жало свое в воду, набирает в себя воду, а после выпускает, отчего и бывает дождь» [Зеленин, 1915. С. 869].

Время совершения вепских календарных обрядов, связанных с водой, – в зимний, весенний и летний периоды, т. е. до сбора урожая и окончания других сельскохозяйственных работ, также свидетельствует о преобладании в них плодотворно-стимулирующей направленности.

*

На вепской свадьбе водные обряды соединяли очищающие, растворяющие и плодородные свойства воды; демонстрировали «смывание» старой жизни жениха и невесты и рождение новой. В свадебном цикле их начинала предсвадебная баня невесты. Банная процедура сопровождалась причитаниями, где невеста прощалась с родителями и «вольной волей» – символом девичества. В некоторых вепских деревнях предсвадебная баня устраивалась и для жениха. Девушка и юноша расставались с молодостью и вольной жизнью, которые «уносила» вода. В задачи свадебного ритуала входило также создание крепких уз любви между

новобрачными. Во время мытья в бане невесту натирали солью, а затем ставили на сковороду и обливали. Собранную таким способом воду использовали для приготовления рыбника, испеченного специально для жениха, чтобы привязать его любовью к будущей жене [Колмогоров, 1913. С. 378].

Из обрядов, совершаемых после первой брачной ночи, можно отметить хождение молодых за водой. Когда они несли наполненные ушата, гости выбегали из дома и выливали на молодоженов набранную воду. В северновепских деревнях молодым после первой брачной ночи устраивали совместную баню. В качестве примера приведем отрывок рассказа о послевадебной бане, записанный Н. И. Богдановым от Ф. М. Фокиной (1882 г. р.) в Горном Шелтозере (в русском переводе, сделанном М. И. Зайцевой): «Утром первый дружка спросит: „Нужна ли баня?“. Жених говорит: „Нужна“. Дружка затопит баню. Затем приходит кто-нибудь и ударяет горшком в матицу. Горшок весь разобьется. Баня уже истопилась. Нужно в баню вести. Жениху приносят на жерди подштанники (*kad'd'ad*). Жених наливает вина. Дружка приносит сани, привязывает колокольчик к оглобле и усаживает молодоженов в сани, кладет две подушки и везет молодоженов не в баню, а в другую сторону. Молодым нужно поцеловаться, тогда свезет в баню. Затем мать идет в баню с миской мясного супа и этим супом она моет молодоженов. Оттуда их приводят обратно в дом. Затем они моются в доме» [АКНЦ, ф. 1, оп. 43, № 300: 7–10; № 301: 13–21]. Как можно видеть, баня молодых сопровождалась эротическими и продуцирующими элементами (мужские нижние штаны, принесенные на жерди; поцелуи, мытье мясным бульоном и др.). Послесвадебное обрядовое обливание и мытье водой с добавлением перечисленных деталей символизировали превращение парня и девушки в мужчину и женщину, готовых к продолжению рода.

Таким образом, в свадебном переходном ритуале вода «смывала» прежнее состояние человека и демонстрировала его рождение в новом возрастном и социальном статусе, наделяла жизненно-оздоровительными и плодородными силами.

Аналогичные представления прослеживаются в родильных ритуалах вепсов, связанных с водой. В этой группе обрядов вода играла очистительную и продуцирующую роль по отношению к пришедшему в «мир людей» ребенку, освобождая его от прежнего «природного» состояния и наделяя здоровьем. Первым водным обрядом, зафиксированным только в среде северных вепсов, было обливание младенца на

месте рождения. Его могла совершать мать, обращаясь к Богу Творцу с просьбой дать ребенку долгую и счастливую жизнь: «Suuf Sündeine! Anda minun lapsele pit'kad igad i korttad ozad!» – «Великий Боженька! Дай моему ребенку длинный век и большое (высокое) счастье!» [Perttola, № 684]. Чаще всего обливание ребенка производила свекровь, выполняющая роль повитухи, сопровождая его следующим заклинанием: «Mina pezetan hecen lapsuden malitvata i fist'itamata: külbetihesai, fist'tahasai, vincahasai i surmahasai. Amiñ, amiñ, amiñ» – «Я мою этого ребенка без молитвы и крещения: до бани, до крещения, до венчания и до смерти. Аминь, аминь, аминь». Известен и такой вариант заклинания: «Pezetan mina lapsen rodinsijala, nimetoman i ristatoman, külbetihesai, ristahasai, molitvohosai, vincahasai i vincaspei surmahasai. Amiñ, amiñ, amiñ» – «Мою я ребенка на месте рождения, безымянного и некрещеного, до бани, до крещения, до молитвы, до венчания и от венчания до смерти. Аминь, аминь, аминь» [Perttola, № 681]. Судя по двум последним заклинаниям, первое обливание ребенка представляло собой своеобразное «народное» крещение. Можно предположить, что тексты, сопровождающие первое обливание, явились результатом народного переосмысления православного таинства крещения и перенесения крестильной обрядности на древние родильные, связанные с приобщением к роду, семье.

В среде северных вепсов вслед за обливанием ребенка на месте рождения следовало его омовение на шестке у печи. В отличие от северных вепсов, в других вепсских группах этот обряд был первой «встречей» новорожденного с водой. Он выполнял очистительную и оздоровительную функции. Важным моментом обряда было место его совершения – у семейного очага. Омовение у родовой святыни демонстрировало становление ребенка полноценным членом данного социального коллектива.

По народным воззрениям, новорожденный был особенно уязвим от сглаза, порчи, болезней. Чтобы ребенок был здоров, защитные и продуцирующие свойства воды, предназначенной для омовения, усиливали с помощью опущенных в нее оберегов, например, уголька и соли от «призора». Ребенку, родившемуся недоношенным, в воду для купания опускали ложки, паутину, щепки, взятые от края половиц, и все это заговаривали [Строгальщикова, 1988. С. 100]. В северновепсской традиции среди предметов, используемых для купания новорожденного, были известны свиное рыло и чесалка или хлеб, чтобы ребенок не заболел щетинкой [Perttola, № 756, 772]. У вепсов Прионежья к

родильным обрядам с водой относилась также баня, которая устраивалась через два-три дня после родов для матери и ребенка.

Водный цикл родильных ритуалов у вепсов повсеместно завершался христианским обрядом крещения. Одно из вепсских названий этого обряда *valatused* – букв. «обливания» – выделяет главное действие в этом церемониальном комплексе. Святая вода смывала с ребенка первородный грех и содействовала его «новому рождению» в качестве человека крещеного – *ristit*.

*

2. Вода и смерть.

Вода в народных представлениях была связана не только с жизнью, но и со смертью. Один из типов смерти – утопление в воде – нашел отражение в гаданиях вепсов. Гадание о жизни-смерти новорожденного совершалось в обряде крещения: у младенца отрезали прядку волос, которую скатывали в шарик из воска. Шарик бросали в купель с водой и наблюдали: если он тонул, значит, ребенок скоро умрет, а если всплывал – будет жить [Винокурова, 1994. С. 55]. У пязозерских вепсов накануне *Иванова дня* после мытья в бане девушка бросала веник в реку: если он плыл, то это предвещало замужество, если тонул – смерть [Винокурова, 1994. С. 82].

Мытье покойника означало смывание с него прежнего состояния – жизни. У северных вепсов значение этого очищающего обряда усиливалось с помощью его исполнителя. Обряд должна была совершить вдова – «чистая» и связанная со «смертью».

Как отмечал А. К. Байбурин, «вода связывалась с той субстанцией, которая не только давала жизнь человеку и всему живому, но и в которую он возвращался, завершив свой жизненный путь» [Байбурин, 1993. С. 43]. Согласно древним представлениям многих народов, души умерших переправлялись в загробный мир по воде. Во многих древних индоевропейских языках понятие «потусторонний мир» первоначально имело значение «относящийся к воде» или «находящийся за водой / за рекой» [Маковецкий, 1996. С. 77]. Аналогичные взгляды были присущи и вепсам. О связи воды с миром мертвых свидетельствуют древневепские курганы (X – начала XIII в.), расположенные по берегам р. Ояти. Причем, как отмечают археологи, большая часть погребальных памятников (23 курганные группы) была сосредоточена в низовьях этой реки, меньшая (10 курганных групп) – в ее среднем течении и только одна – в ее верховьях у с. Винницы [Кочуркина, Линевский, 1985. С. 157].

На это указывают и некоторые данные из вепсской похоронной обрядности. Считалось,

что с наступлением смерти человека его душа уходит или отлетает в иной мир. Этот момент северные вепсы знаменовали следующим обрядом: отрубали от конька крыши или *князевое бревно* одним взмахом щепку, которую клали в воду. Этой водой мыли лицо, шею, грудь умирающего со словами: «Knäž, batüşko, anda hänele dālgmeine ald!» – «Князь, батюшка, дай ему последнюю волну!» [Perttola, № 579]. Анализ данного обряда рисует нам картину путешествия души умершего в иной мир. Можно поразиться, как народные представления о странствиях души удивительно точно отразились в обряде. Щепка символизировала душу. Считалось, что после смерти душа умершего погружалась в воду. В обряде этому представлению соответствовало магическое погружение щепки в воду. В верованиях многих народов *князевое бревно* связывалось с верхом – «небом» [Байбурин, 1983. С. 91]. После смерти человека душа его попадала в иной мир, одним из местоположений которого было небо. Чтобы достичь неба, нужно было преодолеть водное пространство; нужна была последняя волна, способная прибить странствующую душу к противоположному берегу.

Душа умершего, переправляясь через воду, должна была очиститься. Эти представления у вепсов были выражены символически: во время нахождения покойника в доме в определенных местах жилища, представляющих собой «границу» между миром живых и миром мертвых, ставился стакан с водой – «водное пространство», через которое происходил переход души и ее очищение. У северных вепсов стакан с водой и опущенным туда камешком (*čuur kivi*) было принято ставить на окно. Средние вепсы наполняли водой два стакана: один находился на печи, другой – над верхним косяком двери. У южных вепсов стакан с водой и горбушку хлеба помещали в божницу [Строгальщикова, 1986. С. 67, 70].

В традиционном мировоззрении путь усопшего – это путь в одну сторону. Посещение мира живых умершим считалось нежелательным [Традиционное мировоззрение..., 1988. С. 72]. Вода была одним из средств, с помощью которой люди очищались и защищались от покойника. У северных вепсов после выноса умершего из дома пороги кропили водой из стакана, стоящего на окне со дня смерти, выбрасывали из него *čuur kivi* со словами: «Чтобы камнем холодным от нас ушел» [Строгальщикова, 1986. С. 72].

Путь живого человека, напротив, предполагал обратное возвращение. У вепсов прослеживаются интересные представления о «водных перемещениях» с того света на этот тяжелобольного или умирающего, т. е. человека, находяще-

гося в пограничном состоянии между жизнью и смертью. По сообщению А. Н. Демидовой, 1907 г. р., уроженки д. Шатозеро, ее дочь тяжело болела. Одна «знающая» женщина решила погадать ей на камешках о судьбе дочери. Она объявила матери, что если дочь перейдет реку и вернется назад, то поправится. Заключение гадания оказалось неутешительным: дочь не поправится, так как, по сообщению гадалки, она смогла пройти в обратном направлении только до середины реки [Винокурова, АКНЦ, ф. 1, оп. 6, № 105: 21]. Как следует из этого рассказа, предсмертное состояние человека рисовалось как его переход на другой берег реки, с которого он еще был в состоянии вернуться тем же путем в мир живых. Смерть означала невозможность обратного преодоления реки.

Вопрос о переходе на другой берег и возвращении, иначе – о смерти и жизни, часто решался с помощью специальных обрядов. Так, у капшинских вепсов, если человек долго мучился, кто-либо из домочадцев ночью набирал воду из трех колодцев. Эти колодцы должны были, по народной терминологии, «не видеть друг друга», т. е. находиться друг от друга на дальнем расстоянии. С этой водой, набранной в один сосуд, обходили вокруг деревни, стараясь, чтобы никто не попался навстречу. Таким обходом как бы сооружалась водная граница, разделяющая мир живых и мир мертвых. Затем воду приносили домой и обмывали ею тяжелобольного. Такое обмывание должно было ускорить решение вопроса о преодолении человеком водной преграды в том или ином направлении.

Некоторые вепские народные представления, лежащие в основе обрядов, связанных с умирающим, рисуют нам несколько иное местонахождение мира мертвых. Он мог находиться не только за какой-то водной границей или конкретнее – за рекой, но и в низовьях реки (такой взгляд согласуется с приведенными выше данными археологов). Об этом совершенно определенно повествует следующий северновепский обрядовый текст. Если человек долго мучился в агонии, по выражению народа *heng ei lähte* (букв. «душа не уходит»), нужно было взять для него воду из реки. Воду брали по определенным правилам: черпали иконой, опущенной в реку по течению, обязательно двадцать семь раз. Этой водой обмывали умирающего человека или давали ее выпить, произнося заклинание: «Kuna veded d'oksob, sinna hän mängaha ičeze putit möto» – «Куда вода бежит, туда пусть он идет по своему пути» [Perttola, № 569].

Вода как путь между двумя мирами могла переправить в иной мир не только души умерших, но и смыть болезни и, таким образом, превра-

тить человека из больного в здорового. Следы подобных мифологических представлений отчетливо проявляются при анализе символики группы вепских лечебных обрядов от сглаза. Доминантными символами этих обрядов, как правило, являлись не только вода, но и место их совершения, в мифологическом сознании представляющее границу двух миров. По данным из д. Шатозеро, если молодуху сглазили во время свадьбы, то свекровь лечила ее следующим образом: брала воду, в которой была растворена заговоренная колдуном соль, и обливала ею невестку над открытой в подполье (вепс. *karžin*) дверью. Похожим образом в этой местности лечили сглаз у младенца: его держали за ноги вниз головой над открытым подпольем и опрыскивали водой, набранной в рот [Винокурова, АКНЦ, ф. 1, оп. 6, № 105: 21]. Подполье в рассмотренных обрядах играло роль иного (нижнего) мира. Вода, стекающая вниз, представляла собой «реку», своим течением уносящую болезнь в мир мертвых. Такую же мифологическую картину рисует южновепский обряд избавления ребенка от *полуночницы*, по правилам которого мать вставала с младенцем на руках под струи, стекающие с дождевого стока. Таким образом, дождевая вода своим течением уносила болезнь в землю, символизирующую иной мир в данном ритуале.

Еще одним местом в обряде, связанным с пусканием воды, была дверь избы. У вепсов повсеместно, как и у русского населения, при избавлении от детского *призора* (вепс. *prizor*) мать набирала в рот воды, прыскала ее изо рта себе на руку особым образом – через дверную ручку – и этой водой смывала с лица ребенка сглаз.

Северным вепсам был известен водный профилактический обряд от сглаза, в котором важное значение имело окно. Для его совершения брали ведро с водой, в которую опускали материнский послед. Этой водой обливали младенца на месте рождения. Закончив процедуру, ребенка подносили к окну – символическому каналу связи с иным миром – и говорили: «Kut fened iknaižed ei vareigoï, muga augaha vareigoï fese lapsed nimida prizorad, ni pričinad» – «Как эти окошки не боятся, так пускай не боится этот ребенок всякого сглаза, ни причин» [Perttola, № 665].

У северных вепсов и соседнего русского населения «смывание» сглаза, который проявлялся в виде непрерывного плача младенца, могло происходить под матицей. Одно из описаний такого обряда было дано С. А. Макарьевым: «После ужина на столе оставляли только ложки и крошки, стол подвигали под матицу, ставили на него корытце с водой и купали в нем ребенка, приговаривая: „Стол-престол, скатерть-пелена, избавь его (младенца) от дневного крику

и от ночной плаксы» [Макарьев, АКНЦ, ф. 26, оп. 1, № 15: 125]. Матица в пространственных представлениях восточнославянских народов также играла роль границы между мирами [Байбурин, 1983. С. 145].

Видимо, считалось, что по воде (по течению реки) можно не только сплавлять болезни в иной мир, но и разносить их. Такой взгляд на воду выявляется при анализе обряда насылания любовной тоски (вепс. *tusk*) или присушки. Девушка шла на берег реки и пускала по течению небольшую доску, читая заговор на вепсском языке:

Rababožja Iriñd'a lübin,
lähtem blaslovas
uksespai uksh'e,
v'erajaspai v'erajaha,
pūstale m'etsäle,
lag'edaha p'ödho.
Lag'edas p'ödudos
šiga ajab (m'änob) ñetse d'ogut,
d'ogudes om loudaiñe,
loudaižes om tuskaiñe,
«Tuskaiñe, tuskaiñe,
edahaksik šina m'äd?
M'äned rovit kuidamaha (kuidamha)
i pit'kid ñeñid d'ögid,
Änižid kuidamaha.
Ala kuida ni Änižid,
ala kuida ñi d'ögid,
kuida mindai ñetsh'e rabaha
igaks kaik'eks»
(enampt embei sanuda, v'eñaks siga om).
[Sovijärvi, Peltola, 1982. S. 36]

Я, раба Божья Ирина, встала,
пошла, благословясь,
из дверей в двери,
из ворот в ворота,
в пустынный лес,
в широкое поле.
В широком поле
проходит эта река,
в реке есть досочка,
на досочке есть тосочка (т. е. *тоска*).
«Тосочка, тосочка,
Далеко ли ты плывешь?
Пойдешь рвы сушить
и длинную эту реку,
Онежское озеро сушить.
Не суши ни Онежское озеро,
не суши ни реки,
присуши меня к этому рабу
на весь век»
(больше нельзя говорить, там по-русски).

Распространенный среди народа взгляд на воду как на своеобразную границу (путь) между мирами объясняет ее использование в целой группе девичьих календарных гаданий (по отражению в колодце и проруби, по растопленно-

му олову, опущенному в холодную воду, и т. д.) [Винокурова, 1994. С. 50–51; 1996. С. 82–83]. По выражению Н. И. Толстого, вода в таких гаданиях, граница между земным и потусторонним миром, этой и той жизнью, обладающая к тому же прозрачностью и функцией отображения, представляла собой «окно», через которое можно было заглянуть в иной мир и узнать будущее [Толстой, 1996. С. 28–29].

Представления о воде-границе со временем приобретали негативную окраску, что нашло отражение в различных сферах вепсской культуры. Так, по вепсской примете, если несешь с кем-нибудь воду в ушате и вода плещется, то разругаешься с этим человеком [Макарьев, АКНЦ, ф. 26, оп. 1, № 15: 135], т. е., как представляется, между двумя людьми возникает непреодолимая водная преграда.

В вепсском фольклоре река (неустраняемая граница) часто символизирует разлуку с любимым или родственниками. В одной из вепсских частушек «за рекой» одиноко плачет девушка. Эта грустная картина дополняется известными у вепсов символами печали – образами кукушки и «осинового листа»:

Kuk'ub, kuk'ub kägoihudem
kahtuu habalehtuižuu.
Voikab, voikab ñiičukaiñe
jogen taga p'eskuizuu.
[Зайцева, Муллонен, 1969. С. 31]

Кукует, кукует кукушечка
на двух осинового листочках.
Плачет, плачет девушка
за рекой на песочке.

В свадебном причитании «быстрая реченька», которая бежит мимо «теплого гнездышка ласковой матушки», отделяет невесту от родного дома [Зайцева, Муллонен, 1969. С. 257, 259].

Переправа через реку или ручей означала обретение нового статуса. Так, во время следования домой с вновь купленной коровой покупатель обязательно мыл ей морду в каждом ручье или реке, которая пересекала их путь. Таким образом, переход через водные границы магически означал превращение животного из «чужого» в «свое».

В вепсской мифологии вода – это не только граница между мирами, путь в мир мертвых, болезней, нечистой силы. Она может представлять этот мир. Об этом свидетельствуют некоторые вепсские лечебные обряды, основывающиеся на изгнании болезней в воду, предании их смерти утоплением и захоронением в воде. В производимых при этом заговорах рисуется картина, в которой болезнь ложится «камнем на дно», откуда ее уже достать невозможно. Так, если человек

скучает по дому, берут камень и обводят им три раза (по солнцу) вокруг головы, произнося слова от *тоски*: «От раба (имя) тоска иди в камень, а камень в воду». После этого камень бросают в воду [Макарьев, АKNЦ, ф. 26, оп. 1, № 15: 110].

С помощью воды уничтожались не только болезни, но и вещи, обладающие святостью и неприкосновенностью, чтобы они не попали в чужие руки и не стали объектом вредоносных действий. Священными считались вещи пастуха (рожок, пояс и т. д.), на которые колдуном был сделан *отпуск* [Винокурова, 1988. С. 22]. В некоторых вепсских деревнях по окончании пастбищного периода пастух обязательно уничтожал эти вещи: бросал в воду, сжигал или зарывал в землю. По мнению Н. Н. Харузина, у многих народов существовало представление, что священный предмет можно уничтожить при помощи так называемых «чистых стихий»: посредством воды, огня или погребения в землю [Харузин, 1894. С. 314].

Однако в народном сознании представление о воздействии на вещь стихий было двойственным: не только полное исчезновение, но и захоронение на веки вечные. Этот вывод подтверждает вепсское слово *hutta*, имеющее значения: прятать и хоронить [Зайцева, Муллонен, 1972. С. 136]. Таким образом, бросить вещь в воду – это значит как полностью ее уничтожить, так и схоронить или спрятать в воде навсегда. Дополнительные сведения о пастушеских отпусках могут служить примером этих рассуждений. В некоторых рассказах информантов часто подчеркивалось, что вещь, на которую был сделан отпуск, нужно не бросить в воду и, как указывалось выше, тем самым уничтожить, а спрятать в воде, «чтобы коровы больше молока давали», ибо вода к тому же еще являлась и символом плодородия.

Вода, особенно озерная, обладающая, в отличие от речной, признаком постоянства и неизбылемости, могла быть местом тайного хранения насланной порчи, которую нельзя было достать. Так, в северновепсском обряде насылания порчи на девушку в виде лишения ее возможности выйти замуж происходило магическое «закрывание дверей жениху»: девушку и ее дом обходили с замком, приговаривая: «*Sourtan necile rabiale putit i dorogad, ukсед i verajad hānen bohосуžinale*» – «Закрываю этой рабе пути и дороги, двери и ворота ее богосуженому». Затем замок бросали в глубокий колодец или озеро, заклиная: «*Kuñi necida lukkod ii līkahtoigoi, siñi augaha līkahtoigoi necida řiīččed*» – «Как этот замок не сдвинешь, так пускай не сдвинешь эту девушку» [Perttola, № 352].

Важным признаком воды, связанной с иным миром, был холод. Считалось, что с помощью

воды можно охладить такое человеческое чувство, как любовь, относящееся к противоположной стихии – огню [Винокурова, 1997. С. 43]. По этому принципу было построено избавление человека от *тоски*, которая возникала у него после потери близкого. Колдун подводил больного тоской к водоему и, произнося заклинание, мыл ему лицо [Винокурова, 1997. С. 43]. Охлаждение водой лежало в основе северновепсского обряда отлучения ребенка от материнской груди. В день рождения ребенка на утренней заре брали из ручья камень и воду со словами: «*Min vilut necе kivi i zoreine, sen vilut augaha taman niža lapsele*» – «Какие холодные этот камень и зорюшка, такой холодной пусть будет материнская грудь ребенку». Потом камнем трижды обводили вокруг головы ребенка (т. е. таким способом охлаждали место обитания *тоски* – голову) и опускали в воду. Водой мыли лицо младенца, приговаривая: «*Lāhkha kibu kivehe, a tusk vetehe. Amiñ, amiñ, amiñ*» – «Иди боль в камень, а тоска в воду. Аминь, аминь, аминь». Совершив умывание, воду и камень относили в ручей в то самое место, откуда они были взяты [Perttola, № 679].

В вепсских лирических песнях упоминание о холоде, исходящем от воды, связано с любовными переживаниями:

Läksin mina vedele,
da d'о se mindai palenob
Palenob, da bedaine.
D'ata hened, maksaine.
[Шелтозеро, ПМ 1991]

Пошла я по воде,
да уже меня холодит.
Холодит, да бедушка.
Оставь сердце, любимый.

*

Предпринятый в статье анализ вепсских обрядовых текстов, связанных с водой, показал, что в них вода двойственна: с одной стороны, оживляет и несет плодородие, с другой – связана со смертью. Амбивалентный взгляд на воду в наиболее концентрированном виде отражен в представлениях о живой и мертвой воде. Но если в русской традиции тема живой и мертвой воды связана, прежде всего, с волшебными сказками [Виноградова, 2001. С. 81], то у вепсов она нашла яркое отражение в обряде избавления от мук тяжелобольного. Выпив воды, взятой из разных источников, тяжелобольной либо возвращался к жизни, либо умирал.

Итак, как пишет Е. Хелльберг-Хирн, «антропоморфизм и космизм мифологического мышления превращает воду из неживой материи в живую силу. И в каждой капле живой

воды отражается целый мир магических представлений» [Хельберг-Хирн, 1994. С. 154].

Статья выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

Литература

Афанасьев А. Н. Древо жизни: Избранные статьи. М.: Современник, 1982. 464 с.

Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, 1983. 191 с.

Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 240 с.

Виноградова Л. Н. Вода // Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Изд. 2-е. М.: Международные отношения, 2001. 512 с.

Винокурова И. Ю. Ритуал первого выгона скота на пастбища у вепсов // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 1988. С. 4–26.

Винокурова И. Ю. Календарные обычаи, обряды и праздники вепсов (конец XIX – начало XX в.). СПб.: Наука, 1994. 124 с.

Винокурова И. Ю. Традиционные праздники вепсов Прионежья (конец XIX – начало XX в.). Петрозаводск: ПетрГУ, 1996. 139 с.

Винокурова И. Ю. Новые материалы о колдовстве у южных вепсов // Из истории С.-Петербургской губернии. Новое в гуманитарных исследованиях. СПб.: СПбГУ, 1997. С. 37–46.

Зайцева М. И., Муллонен М. И. Образцы вепсской речи. Л.: Наука, 1969. 296 с.

Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. Л.: Наука, 1972. 745 с.

Зеленин Д. К. Описание рукописей Ученого архива Русского географического общества. Вып. 2. СПб., 1915. С. 485–988.

Колмогоров А. И. Чухарская свадьба: Черты обрядовой жизни чухарей // Сборник в честь 70-летия проф. Д. Н. Анучина. М., 1913. С. 371–393.

Кочкуркина С. И., Линевский А. М. Курганы летописной веси X – начала XIII века. Петрозаводск: Карелия, 1985. 223 с.

Мазалова Н. Е. Родины на Русском Севере: соматические представления // Обряды и верования народов Карелии. Человек и его жизненный цикл. Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 1994. С. 31–40.

Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. М.: ВЛАДОС, 1996. 415 с.

Петухов А. В. Трудная судьба потомков вепсов // Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов / Сост. Мауно Йокипии. Ювяскюля, 1995. С. 433–454.

Строгальщикова З. И. Погребальная обрядность вепсов // Этнокультурные процессы в Карелии. Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 1986. С. 65–85.

Строгальщикова З. И. Материалы по родильной обрядности вепсов // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 1988. С. 95–106.

Сурхаско Ю. Ю. Карельская свадебная обрядность (конец XIX – начало XX в.). Л.: Наука, 1977. 237 с.

Сурхаско Ю. Ю. Семейные обряды и верования карел (конец XIX – начало XX в.). Л.: Наука, 1985. 170 с.

Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск: Наука, 1988. 224 с.

Толстой Н. И. Мифологическое в славянской народной поэзии. 2. Предсказание смерти в колодце или сосуде // Живая старина. 1996. № 1. С. 28–29.

Харузин Н. Н. Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда Олонецкой губернии // Олонецкий сборник. (Петрозаводск.) 1894. Вып. 3. С. 302–346.

Хельберг-Хирн Е. Живая и мертвая вода // Смерть как феномен культуры. Сыктывкар: Сыктывкарский ун-т, 1994. С. 151–154.

Sovijärvi A., Peltola R. Äänisvepsän näytteitä. Helsinki, 1982. 171 s.

Архивные источники

Архив Карельского научного центра (далее АКНЦ)

Богданов Н. И., Зайцева М. И. Тексты вепсского языка. 1956 г. // АКНЦ, ф. 1, оп. 43, № 300, 301.

Винокурова И. Ю. Полевые записи 1983 г. // АКНЦ, ф. 1, оп. 50, № 679 (Пелозерские, пязозерские вепсы); № 680, 681 (северные вепсы).

Винокурова И. Ю. Полевые записи за 1990 г. (с. Немжа и Винницы) // АКНЦ, ф. 1, оп. 6, № 105.

Макарьев С. А. Вепсский фольклор // АКНЦ, ф. 26, оп. 1, № 15.

Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran kansanrunouden arkisto (SKS)

[Фольклорный архив Общества финской литературы]

Материалы Ю. Перттола – Perttola J., далее указывается номер хранения текста.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Винокурова Ирина Юрьевна

зав. сектором этнологии, д. и. н.
Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН
ул. Пушкинская 11, Петрозаводск, Республика Карелия, Россия, 185910
эл. почта: irvin@sampo.ru
тел.: 8 9215219450

Vinokurova, Irina

Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Science
11 Pushkinskaya St., 185910 Petrozavodsk, Karelia, Russia
e-mail: irvin@sampo.ru
tel.: 8 9215219450

УДК 398 (47)

ДЕРЕВО-ЧЕЛОВЕК: К ПРОБЛЕМЕ СИНКРЕТИЗМА И ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ФИТОАНТРОПОМОРФНОГО ОБРАЗА (ПО МАТЕРИАЛАМ НАРРАТИВНОГО ФОЛЬКЛОРА КАРЕЛИИ)

Н. А. Криничная

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

В мифологических рассказах, дошедших до наших дней, сохраняются синкретические образы «дерево-человек», «дерево-мифическое существо». Их формирование обусловлено анимистической философией природы, тотемистическим мировосприятием, определенными космологическими воззрениями. В процессе длительного бытования эти образы трансформируются. Их антропоморфная сущность выделяется в качестве самостоятельного персонажа. Фитоморфная же составляющая оказывается его атрибутом, локусом или обиталищем. Тем не менее антропоморфизированный персонаж нередко продолжает сохранять в народном искусстве, вербальном и изобразительном, признаки былой соотнесенности с деревом, равно как и дерево удерживает за собой человеческие черты. Обе эти составляющие не порывают былых связей со своим общим архетипом, определяющим границы их трансформаций и переосмыслений.

Ключевые слова: мифологический рассказ, архетип, дерево–персонаж, дерево + персонаж, антропоморфизация, атрибут, синкретизм, дифференциация, трансформация, репродуцирование.

N. A. Krinichnaya. TREE MAN: ON THE PROBLEM OF SYNCRETISM AND DIFFERENTIATION OF THE PHYTO-ANTHROPOMORPHIC IMAGE (BASED ON NARRATIVE FOLKLORE MATERIALS FROM KARELIA)

The mythological stories that have reached our days have preserved the syncretic images of «tree man», and «tree-mythical creature». They formed due to the animistic philosophy of the nature, totemistic world perception, specific cosmological ideas. Remaining in usage for a prolonged time period, these images get transformed. Their anthropomorphic substance is singled out into a separate character. The phytomorphic component, on the other hand, turns into the attribute, locus or abode thereof. Nonetheless, the anthropomorphized character in folk art, both verbal and visual, often retains the traits of former relation with the tree, and so does the tree retain human traits. Neither of the components severs the connection to the common archetype which sets the boundaries for their transformation and rethinking.

Key words: mythological story, archetype, tree–character, tree+character, anthropomorphization, attribute, syncretism, differentiation, transformation, reproduction.

В традиционных представлениях о среде обитания человек с неизбежной закономерностью унаследовал мировосприятие, уходящее своими корнями в эпоху общинно-родовых отношений. Сущность этого мировосприятия метко определена А. Ф. Лосевым: «Но стоило только перенести общинно-родовые отношения на природу (а не переносить их на природу первобытный человек не мог, поскольку они были для него единственно близкими и понятными), как вся природа вдруг становилась мифической и магической, вдруг наполнялась живыми существами...» [Лосев, 1957. С. 9]. Наглядным выражением одухотворения окружающей природы служит, в частности, включение человеческих признаков в синкретический образ дерева, сформировавшийся в народном искусстве, вербальном и изобразительном [Маслова, 1978. С. 95–98].

С другой стороны, в сферу человеческого бытия вошли многие понятия и образы, взятые из мира природы и, в частности, «из жизни дерева» [Потебня, 2000. С. 333]. Так, согласно изысканиям А. А. Потебни, «каково бы ни было собственное значение слова *дерево*, нельзя <...> не признать его сродства с *древьнь*, *древлю*» [Словарь..., 1977. С. 352]. Тот факт, что слово *древний* является прилагательным к *дерево*, подтверждается и современными лингвистическими исследованиями [Потебня, 2000. С. 341]. В слове *род*, осмысляемом как совокупность родичей, предполагается значение произрастания. Лексема же *корень* синонимична понятиям «родина, наследственное имущество, деревня, выселок» [Потебня, 2000. С. 339, 341]. В пословицах *корень*, как и *пень*, – отец, а *отпрыск* – дитя [Словарь..., 1996. С. 115]. Близкое значение имеет и слово *подросток*. В конечном итоге из совокупности подобных представлений ведет свое начало и образ генеалогического древа, связанный с родословной людей и народов. Растительная символика используется и в повседневном обиходе: неопытного человека называют «зеленый», тупого – «пень»/«пень березовый» или «дуб»/«дубина стоеросовая». О маловосприимчивом человеке скажут: «Какая лесина!» [Словарь..., 1996. С. 115]. В числе древесных образов, характеризующих человека, оказывается и *колода*. Этим словом назовут неуклюжего, неповоротливого человека [Даль, 1989. С. 138]. Да еще добавляют: «Лежит, как колодина» [Словарь..., 1995. С. 401].

В этом свете неудивительно, что в мифологических рассказах, как и народном изобразительном искусстве, дерево, помимо собственно растительных черт, нередко наделяется человеческими и даже животными признаками. В традиционных воззрениях крестьянина, во многом основанных на архетипических проявлениях, всегда находится место для представлений о деревьях-людях, деревьях-животных и даже деревьях-людях-животных. В последнем случае различные (фито-, зоо-, антропоморфные) свойства смыкаются в едином синтетическом образе.

Особенно подвержено мифологизации восприятие сосны, ели, можжевельника, березы, липы, осины, ольхи, черемухи и других деревьев. Приоритет в таком ряду имеют вечнозеленые и долговечные растения [Ершов, 2004. С. 83–98; 2006. С. 69–74]. Обычно это объекты фитолатрии, что обнаруживается в культе данных растений, равно как и в осмыслении их в качестве одушевленных существ, формирование образов которых обусловлено анимистической философией природы. И все же в мифологических рассказах дерево любой породы – это «образ, символ, архетип в самой его структуре, в той *целокупности*, которая вмещает в себя все отдельные „истории“, не смешивая, однако, их воедино» [Элиаде, 2000. С. 236]. Показателен тот факт, что в некоторых языках слова, родственные лексеме *дерево*, обозначают определенную породу дерева (например, лит. *dervá* «сосна»), или же – и дерево, и определенную породу дерева (греч. *δρῦς* – «дерево, дуб»), или – и лес, и определенную породу дерева (галльск. *dervo* – в мест. нар. *Dervus* – «дубовый лес») [Фасмер, 1986. С. 502]. Об изначальной присущей языку нерасчлененности собирательных и единичных, абстрактных и конкретных понятий писал в свое время А. А. Потебня: «Собирательное значение рус. бор, красный хвойный лес, предполагает единичное значение хвойного дерева и дерева вообще» [Потебня, 2000. С. 340]. Подобная языковая ситуация предопределяет синкретизм образа дерева в мифологии. К слову сказать, его абрисы достаточно условны и в орнаментике вышивки, где в лучшем случае различимы лишь обобщенно-стилизированные очертания строгих хвойных и «кудрявых» лиственных деревьев [Маслова, 1978. С. 98].

В мифологических же рассказах, зафиксированных на позднем этапе их бытования и тем самым адаптированных к новому уровню чело-

веческого сознания, порода изображаемого дерева обычно называется, но каждое из них наделяется такими типовыми признаками, которые от принадлежности к той или иной породе, по сути, не зависят. В бинарных оппозициях *старый – молодой, высокий – низкий, толстый – тонкий* и пр. сакрализованному образу всякий раз соответствует первый из членов дуальной модели: «старая древесина, толстая, вековечная»; «ель стоит, на два человека, наверно, есть руками охватить» [АКарНЦ РАН, колл. 133, текст № 88]; «что ни на есть самая высокая ель» [N., 1888. С. 979–980]. В других случаях почитаемое величественное дерево имеет раскидистую крону. Иногда подразумевается, что такое дерево стоит здесь с основания мира, осмысляемого в узколокальных масштабах.

Несмотря на то что подобные растения сохраняют фитоморфный облик, их жизнь в соответствии с анимистическим мировосприятием отождествляется с человеческой. В «жилах» этих деревьев, как выясняется, течет кровь. Например, в одном из эпизодов сказки кучеру, которому было приказано убить мальчика, слышится некий раздающийся не здесь, а где-то «в стороне» (знак потусторонности) голос: «„Оставь мальчика живо, а ударь в пень. Из пня на ты крофь брызнет <...>“. Приходит он к барину, сицяс барин и спрашивает ево: „Убил ли ты мальчика?“ – „Вот и крофь (курсив мой. – Н. К.) на мне“» [Соколовы, 1915. С. 287].

В севернорусских поверьях, имеющих аналогии в мифологии народов мира и восходящих к тотемическим представлениям, в дереве заключена внешняя душа человека, срок жизни которого ограничен продолжительностью жизни соотнесенного с ним дерева, и наоборот. И потому индивид не умирает, пока живо дерево, являющееся своего рода вместилищем его жизненной силы, или души: «А у нас вот старик был <...>, дак говорит: „Пока эта ель не падет да на наволоке, дак я не помру“. Ель пала – ведь ён помер. А ель не пала, пока [он] не помер. <...> Ель пала – он пал, и он помер» [АКарНЦ РАН, колл. 184, текст № 74]. Взаимообусловленность и предопределенность жизни человека и дерева, синхронность и качественная однородность актов смерти того и другого выражена посредством параллелизма между природным и человеческим естеством: ель пала – человек пал, ель не пала – человек жив. Мало того, вся жизнь человека, по поверьям, проходит соответственно росту и здоровью дерева, высаженного при его рождении [Логоинов, 1993. С. 113–114]. Конкретизацию этой коллизии можно обнаружить в архаических этнокультурных традициях. Так, в одном бенгальском сказании, отправляясь в дальнюю

страну, принц своими руками посадил во дворе дерево и наказал родителям: «В этом дереве – моя жизнь. Пока оно цветет и зеленеет, знайте, что и моей жизни ничто не угрожает. Если вы увидите, что часть листьев на дереве увядает, знайте, что и мои дела плохи. Когда же дерево совсем иссохнет, знайте, что меня уже нет в живых» [Фрэзер, 1980. С. 743]. Мифологическая коллизия «дерево и человек» дублируется ситуацией «дерево и животное». Стоит пастуху, нарушив запрет, срубить ствол дерева или его ветки, как погибает такое же количество животных в стаде [Ведерникова, 2003. С. 112]. Подобным способом проявляется философия соотнесенности жизни человека или домашнего животного с жизнью природы, в данном случае – дерева.

Реминисценции представлений о деревьях-тотемах, отчасти трансформировавшихся в почитаемые священные деревья, бытовали в селениях, расположенных на границах Новгородской губ., еще в конце XVII – начале XVIII в. Речь идет о большом «можжевеловом дереве», стоявшем посередине «можжевелового леска», возвышающегося на холме и заботливо огороженного крестьянами близлежащей деревни в качестве сакрального природного объекта. Будучи одной породы с окружающими деревьями, оно выделяется среди них своим ростом и локализацией в центре. О культе этого дерева свидетельствуют адресованные ему жертвоприношения: первые зерна нового урожая, первое молоко отелившейся коровы, первое молоко роженицы. В числе приношений также пища и вино, предназначавшиеся для праздников [Обычаи..., 1842. С. 116]. Эти жертвы, символизирующие идею начала, непечатости, полноты, призваны были, согласно народным верованиям, обновлять и воссоздавать при всяком поворотном событии магическую силу священного дерева, со временем убывающую и растрченную, чтобы и на будущее обеспечить урожай, приплод животных, прибавление в семейно-родовой общине. Это своего рода древо жизни, приравненное к некоему энергетическому центру наподобие тотемического.

Еще в большей степени, чем можжевеловое дерево, в севернорусской традиции почитались сосна, ель, береза. Устойчив мифологический сюжет: один знакомый мужик (обычно его называют по имени или по имени-отчеству) распилил на дрова то или иное священное дерево. За это он был сразу же наказан: у виновника отнялись ноги или же с ним что-то случилось-сделалось [Ведерникова, 2003. С. 125–126]. В другой бывальщине свекра, который начал рубить березу, при первом же ударе так швырнуло, что он и умер из-за этого ушиба: «А он во сне видел: не

надо было трогать эту березу» [АКарНЦ РАН, колл. 192, текст № 31]. Ведь, согласно анимистическим верованиям, сорвать ветку с дерева означает сломать руку невинному человеку, а срубить почитаемое дерево – то же, что совершить убийство. Древесный дух либо некая приравненная к нему сила наказывает каждого, кто осмелится срезать с обожествляемого дерева сук, ветку или хотя бы лист [Фрэзер, 1985. С. 132, 363].

И даже если речь идет о почитаемом сухом дереве, то рубить его все равно нельзя. Не случайно в русских загадках сухое дерево служит метафорой покойника: «Бегунчики бегут, ревунчики режут, *сухо дерево* несут. В *сухом дереве* не дышит, не пышет» [Митрофанова, 1968. С. 62]. То же наблюдается и в других, более архаических, этнокультурных традициях: сухое дерево, гнилой пень уподобляются мертвым людям [Анисимов, 1958. С. 73]. В одной из бывальщин стоило «дедке» «тюкнуть» топором по суку сухой сосны, стоящей за рекой (знак потусторонности), чтобы употребить ее на дрова, как тотчас же у его ног, откуда ни возьмись, появилась маленькая собачка, а вслед – и «мужчина», «такой высокой и в таком не балахоне, а в таком, как, говорит, плаще» [АКарНЦ РАН, колл. 73, текст № 203]. В этом «мужчине» виновник сразу опознает лешего, в образе которого, помимо прочего, есть признаки предка, покойника, но в первую очередь – древесного духа, покровителя деревьев и т. п. [Криничная, 2001. С. 341–448, 515–523]. Иначе говоря, леший и сам в какой-то мере отождествляется с этим сухим, а значит, и мертвым деревом.

В быличках, бывальщинах, поверьях деревьев чаще представлены живыми существами. Они наделены способностью двигаться: переходить с места на место и даже бежать по лесной дороге: «Ехала я уже обратно, еду по большой дороге <...>. Вот, говорит, еду и вдруг вижу: впереди меня елка <...>. Смотрю: идет елка впереди меня. Неладное дело! Я замедлю ход лошади – елка останавливается. Пушу лошадь побыстрее – елка как будто бежит. Неладное дело, нечистая сила. Начинаю быстро читать воскресную молитву. Елка начинает вроде бы [отставать]. „А, – думаю, – подействовало“. Вдруг сзади кто-то кричит – вторая елочка – и тоже бежит следом. Страшно! А вторая елочка как будто ветками машет и говорит: „Вернись обратно, вернись обратно!“» [АКарНЦ РАН, колл. 192, текст № 15]. Вернувшись в ту деревню, куда она ездила, женщина увидела, что у сватьи амбар горит, и помогла тушить огонь. Поскольку в мифологических представлениях славянских, финно-угорских и других народов «ель как дерево предков» была связующим звеном между миром умерших и

миром живых [Ершов, 2009а. С. 38], то участие елки в человеческой повседневности вполне соответствует архетипической ситуации, определяемой моделью «предки – потомки».

В аналогичной коллизии не исключена и дифференциация двух взаимосвязанных мифологических персонажей – антропоморфного существа и дерева: « <...> часто древесный дух (это одна из составляющих образа лешего. – Н. К.) мыслится независимо от дерева» [Фрэзер, 1980. С. 147]. Так, например, бегущий рядом с передовым оленем леший, «резвой, сильный», поравнявшись с лесиной, стоящей у дороги, сливается с ней [АКарНЦ РАН, колл. 39, текст № 13а], как бы возвращаясь к изначальному своему синкретизму, который в дошедшей до нас традиции представлен, в частности, образом лешего-ели: «Сам весь еловый, и руки, и голова» [Черепанова, 1996. С. 48]. Параллельно бытует и антропоморфизированный образ этого мифического существа, где его древесные признаки сохраняются лишь в рудиментах. Так, у лешего может быть зеленая борода, а лесные женщины одеты в «лиственные платья», и даже одеяло у них изготовлено из листочков осины. Но чаще бывшие фитоморфные признаки трансформируются в соответствующие атрибуты *зеленого* цвета: «Хозяин лесу есть. В зеленой одежде ходит, в ботинках, и кепка, фуражка зеленая» [Черепанова, 1996. С. 47].

В фольклорно-мифологическом восприятии дерево преимущественно антропоморфизировано. В русских народных загадках береза уподобляется Федосье с распущенными волосами, а сосна – бабке, у которой, несмотря на ее сто лет, так и нет горба. Дерево имеет свой пол и возраст. Оно дышит, глядит, молчит, плачет, дрожит, веселит, одаривает гостинцами. Дерево одето в платье, рубашку, кафтан, зипун и пр.:

На полянке девчонки
В белых рубашонках,
В зеленых полушалках (Березы).
[Митрофанова, 1968. С. 64]

С другой стороны, как дерево предстает в человеческих одеяниях, так человек в соответствии с ритуальным ряженьем облачается в свежие зеленые ветви, уподобляясь дереву-тотему либо играя роль древесного духа [Зеленин, 1937. С. 52, 57–60].

В быличках и сказках деревья владеют речью: разговаривают друг с другом, вступают в диалог с контактером. Как и у людей, у них есть свой жизненный цикл: рождение, брак, смерть. Например, в быличках и псевдобыличках, хотя и в переосмысленном виде, нередко пульсирует архетип, обусловленный древними представле-

ниями о возможности брачных отношений между человеком и деревом, отождествляемым с женщиной: «И ажно ташшить сосну абнёмши! И сосну целовал и ташшить яе с собой! [приняв сосну за свою жену Таню]» [Власова, Жекулина, 2001. С. 253]. Коллизия, напоминая известные есенинские стихи: «Как жену чужую, обнимал березку ...». Заметим, что аналогичный эпизод обнаруживается и в других этнокультурных традициях: например, нивх, прижимавший к себе, как ему казалось, женщину, спустившуюся с сопки, обнаружил, открыв глаза, что обнимает лиственницу [Таксами, 1976. С. 205]. «Обычай вступления в брак с деревьями до сих пор практикуется мужчинами и женщинами в Индии и других восточных странах», — писал в свое время Д. Д. Фрэзер [1980. С. 17].

Деревья, принадлежащие к одной породе, поддерживают между собой родственные связи, испытывая друг к другу человеческие чувства. Они блюдут идущие из глубины веков установления, незыблемо храня по отношению к людям закон гостеприимства: «Пришел мужик к сосенке и подавался: „Сосенка-матушка, пусти ночевать“. К сосне ночью приходит другая: „Поди, — говорит, — матушка умирает“. Сосна говорит: „Нельзя, у меня ночлежник запущен“. Вот она другой раз к ней приходит: „Иди ты, — говорит, — скурее“. — „Нельзя, — говорит, — раз у меня ночлежник запущен“. Вдруг не так далеко сосна повалилась, шум по лесу пошел. Мужик все слышал то» [АКарНЦ РАН, колл. 7, текст № 24].

Характерно, что архетип «дерево-человек-жилище» продолжает удерживаться и в народном изобразительном искусстве даже на позднем этапе его бытования. Отчетливо обозначаясь в вышивке [Динцес, 1947. С. 67–94], он дублируется и в архитектуре: дерево – опорный (подчас антропоморфный) столб – изба, равно как и дерево – «намогильный столбик» (нередко это человекоподобный идол) – «намогильный домик» («домовина», генетически родственная архаичным формам жилища) [Денисова, 1990. С. 100–114; Медведев, 2003. С. 198–209].

В дошедшей до нас традиции преобладают образы деревьев, в которые в момент смертельной опасности либо после своей смерти перевоплотились люди. Например, в сказке часто принимает облик дерева героиня, спасающаяся от преследования. В балладе о Василии и Софье влюбленные, реинкарнируясь в деревья, растущие на их могилах, переплетаются своими ветвями и корнями, проявляя в новых, древесных, формах прежние человеческие чувства. Как отмечает Э. Тэйлор, «учение о переселении душ признаёт в широких размерах возможность перехода человеческих душ в дере-

вья» [Тэйлор, 1939. С. 288–289]. Антропоморфный код, обнаруживаемый в растительных образах, глубоко укоренился в данной этнокультурной традиции, о чем, в частности, свидетельствуют русские народные песни, в которых деревья, будь это клен и береза либо дуб и рябина, испытывают привязанность друг к другу: «Березка к клену на плечо не раз склоня-, не раз склонялась горячо...»; «Тонкими ветвями я б к нему прижалась и с его листвою день и ночь шепталась...». В соответствии с традицией плоть дерева приравнивается здесь к человеческому телу, а шум листвы – к человеческой речи. (Вспомним при этом о друидах, которые полагали, что по шелесту листьев можно истолковать прорицание, исходящее от духа дерева.) Персонаж, в котором сочетаются человеческие и древесные черты, обнаруживается и в орнаментике вышивки. Так, в материалах, собранных в 1926 г. в Заонежье, среди изображений, имеющих культовое происхождение, довольно часто встречаются фигуры женщин, которые сливаются со священными деревьями либо чередуются с ними [Кнатц, 1927. С. 71]. При этом, как показывают вепсские вышивки, верхняя часть мифического дерева плавно перерастает в человеческий торс с поднятыми по диагонали *руками*-ветвями, а низ ствола, также приравниваемого к человеческому телу, снабжается *ногами* [Косменко, 1984. С. 75, 77]. Подобное изображение варьируется: руки либо вырастают из ветвей, либо трансформируются в ветви.

Иногда дерево – это совокупность родственных между собой персонажей. Причем основной персонаж перевоплотился в ствол, а производные от него – в ветви. Такова баллада о загубленной свекровью невестке с «малыми детушками». Уже А. А. Потебня заметил, что «сближение ветки и дитяти в песнях очень обыкновенно» [Потебня, 2000. С. 342]. Вместе с тем широкое распространение во многих этнокультурных традициях получили и поверья о происхождении из ветвей дерева людей, положивших начало отдельным родам и целым народам [Веселовский, 2009. С. 341–342].

Нерасчлененность дерева и человека в мифологическом сознании дублируется слитностью дерева/леса и лешего, в котором есть признаки как человека (предка, покойника), так и природной стихии (в частности, древесного духа).

Образ «дерево-человек», как и образ «дерево-леший», в процессе бытования трансформируется. В результате антропоморфная сущность некогда синкретического образа постепенно выделяется в качестве самостоятельного персонажа. Фитоморфная же составляющая оказывается в этом случае его атрибутом,

локусом или обиталищем. Например, в одной из бывальщин дерево изображается как своего рода повозка-волокуша, принадлежащая мифическим лесным существам. Будучи чрезвычайно архаической по своему происхождению и уже выходящей из употребления в крестьянском быту, она теперь предстала как средство передвижения мифических участников свадебного поезда. «Черти» тянут *ель за вершину*, соотносимую с верхним миром, а *на комле*, связанном с нижним миром, располагаются «поезжане» [АКарНЦ РАН, колл. 184, текст № 61]. В данном эпизоде как бы иллюстрируется заключенная в горизонтальной вертикальной модели Вселенной, где мифические существа, по сути, перемещаются из одного мира в другой. Такое перемещение предусмотрено логикой свадебного ритуала, семантика которого в качестве обряда перехода (*rites de passage*) сохраняется, по верованиям, и в инобытии. В большинстве же мифологических рассказов деревья осмысляются как атрибуты разгневанного лешего, которыми он изгоняет нарушителей ритуально-этикетных норм из своих владений: «<...> *соснами* как начнет хлестать либо *елками* – неделю лежать будешь» [АКарНЦ РАН, колл. 171, текст № 86]. Нередко деревом маркируется локус, куда леший или колдун, находящийся с ним в договорных отношениях, возвращает пропавшую в лесу животину: «Пооди, – говорит, – завтра (сосна у нас была, как ехать по дороге) кобыла твоя будет там» [АКарНЦ РАН, колл. 140, текст № 52]. И, наконец, дерево – это жилище духа-«хозяина» леса. Таковым может быть «вековая елка». Сам же леший уже полностью дифференцирован из своего древесного «контекста»: некоего дядю Андрея, опрометчиво срубившего его обиталище, «хозяин» преследовал до самой деревни, а на второй год сжег у него овин [Ефименко, 1877. С. 194].

Антропоморфизированный персонаж, уже как будто окончательно отделившись от дерева, зачастую продолжает сохранять признаки былой соотнесенности с ним: «А в этой осины сидит человек, ноги на земле, а голова выше осины. И сапоги блестят, лакированы сапоги» [АКарНЦ РАН, колл. 142, текст № 10]. Такую связь в мифологических рассказах и поверьях обнаруживает прежде всего леший либо его эквивалент, принадлежащий к этому же типологическому ряду, равно как и мировое древо, нередко имеющее антропоморфные очертания. И выражена подобная соотнесенность по-разному. В одной из бывальщин мальчик, заблудившись в лесу, встретил там «старика» в армяке, «мохнатом, словно мохом обросшем, цветом темном, как дубовом». Вставая на день под «корявый дуб» и закрыв мальчика этим армяком,

«старик» сливается с деревом настолько, что ни сам он, ни упрятанный мальчик не обнаруживаются людьми, проходящими совсем рядом [Смирнов, 1922. С. 76]. (Впрочем, в некоторых вариантах этого сюжета мальчик, локализованный под деревом (т. е. у корней, на грани миров) и почти слившийся с ним («сидит <...>, скорчившись», т. е. пребывая как бы в эмбриональном предсуществовании), все же был замечен шедшим мимо мужиком, тогда как покровительствующий ему лесной старик, принадлежа иному миру, так и остался невидимым: «„Ты с кем здесь?“ – „Я, – говорит, – с отцом“ <...> – „А кто твой отец?“ – „Старик“» [Рыбников, 1991. С. 185].) В другом рассказе соотнесенность лешего с деревом проявляется в том, что он, показываясь в облике мужика, одет в «орешниковый ермик» [Богатырев, 1916. С. 49], т. е. в армяк из орешника (вариант: имеет цвет этого куста), что также делает мифическое существо неотличимым от природного объекта.

Иногда соотнесенность лесных стариков и старух с деревьями проявляется в устойчивой локализации под ними, что служит знаком приближенности этих персонажей к нижнему миру, который, по сути, еще не отличаясь от верхнего мира, отнюдь не воспринимается как преисподняя. Лесных стариков, по рассказам, часто видят раскладывающими огонь под густыми деревьями и греющимися около него (знак синкретизма этих мифических антропоморфных существ с покойниками), а также лесных старух, которые сидят поодиночке под деревьями и воют или кряхтят своими дрожащими голосами [Петров, 1863. С. 65]. Не случайно и в псевдобыличке мужик, выдавая себя за лешего, встает не лишь бы где, а именно под деревом – в наиболее характерном для него локусе [АКарНЦ РАН, колл. 23, текст № 408].

Связь мифологического персонажа с деревом проявляется и в локализации его на этом природно-экзистенциальном объекте. Так, зооантропоморфный леший, принявший облик белки, но выдавший себя в момент смертельной опасности человеческим голосом, располагается при закате солнца, знаменующем «размыкание» миров, на ели [Соколовы, 1915. С. 196], осмысляемой в качестве медиативного топоса. И еще одна версия соотнесенности мифического антропоморфизированного существа с деревом: «лесной» подвешен «в *деревине*». Он просит охотника вызволить его оттуда. Заметим, что и в данном случае не исключены глухие отголоски древнего похоронного обряда «с погребением в колоде, установленной на дереве» [Иванов, 1976. С. 180]. Дело в том, что в новгородских говорах *деревина* – это не только отдельное дере-

во или срубленный ствол, бревно, но и *колода*, отождествляемая в народных говорах с долбленным гробом [Даль, 1989, т. 1. С. 430]. Вообще, образ дерева устойчиво включен в символику похоронного обряда. (Этнографическим аналогом этому фольклорному мотиву можно считать древний обычай захоронения. Его реминисценции зафиксированы, в частности, в бурятской традиции, где по завершении кремации умершего шамана пепел «замуровывали» в толстую сосну [Михайловский, 1892. С. 94].) Некогда захоронению в дереве подвергались и простые смертные. Рудименты представлений о таких формах данного обряда сохранились, к примеру, в удмуртской фольклорно-этнографической традиции. В ней зафиксирован «архаический способ захоронения в лубе (по сути, в коре дерева. – Н. К.), обвязанном лыком (т. е. полосами коры. – Н. К.), или в колоде, когда человек, согласно мифологическому мировоззрению, должен был стать „сердцевинной дерева“, т. е. вернуться туда, откуда он пришел» [Владыкина, 2009. С. 39]. Со временем этот способ захоронения трансформировался в обряд спуска стариков на лубе: «На лубе отца спустил – и сам того же жди» [Даль, 1989, т. 2. С. 270]. Семантическим эквивалентом захоронению в лубе является погребение в колоде («дубовая колода, просторная»), зафиксированное, в частности, былиной о Михаиле Потыке и Марье Лебеди Белой. Как считает Д. Д. Фрэзер, страх перед покойниками имел первостепенное значение в развитии поклонения деревьям и – шире – в формировании первобытной религии [Фрэзер, 1980. С. 8].

Есть и другие разновидности проявлений былой нерасчлененности мифологического персонажа с деревом. На какой-то момент выделившись из этой синкретической общности, он может в очередной раз раствориться в ней. Так, леший, добежав до «шляповатки (лесина такая, без сучьев, только с вершинкой)», «там пропал», «не стало его» [АКарНЦ РАН, колл. 39, текст № 13а]. Действие противоположной направленности можно обнаружить лишь в наиболее архаических этнокультурных традициях, например, в звенкийской. Здесь дух дерева (это одна из составляющих в образе лешего) высывается по самую грудь из корней дерева [Анисимов, 1958. С. 84], связанных с нижним миром [Ершов, 2009б. С. 350–355].

В нарративном творчестве обнаруживаются и следы былой слитности образов человека и дерева. Сохранившись до наших дней лишь в реликтовых формах, они проявляются в галлографических образах, обусловленных измененным состоянием сознания людей, переживающих «предельные» кризисные ситуации. Тем не ме-

нее, вызванные к жизни «обманом зрения», галлографические образы устойчиво основываются на архетипах. Как повествуется в одном из рассказов, женщины, проходя по лесу, видят издали свою односельчанку Марью: «<...> так Марья, наверное, черное платье. Марья, наверно, наклонилась» [АКарНЦ РАН, колл. 133, текст № 100]. Однако когда женщины приблизились к ней, выяснилось, что это вовсе не Марья, а *нагибина*, т. е. наклоненное дерево, имеющее изгибы наподобие локтя или колена [Словарь..., 1983. С. 47; Даль, 1989, т. 2. С. 392; Словарь..., 1996. С. 307], что усиливает ассоциации дерева с человеком. Следы былой соотнесенности дерева-*нагибины* с человеком высвечиваются даже в параллелизме частушки, где нагнувшиеся деревья сопоставляются с обиженными девушками:

Я поехал в лес по дрóва –
 Елочки нагнулися.
 На беседу не пришел –
 Девочки (курсив мой. – Н. К.) надулися.
 [Власова, Горелов, 1965. С. 69]

В других галлографических образах дает о себе знать архетип «животное-дерево»: «<...> видим, что, говорит, будто *конь* наш стои́т, серый был, как будто он наклонят голову и ест. Подъехали – береза. Склонивши *береза* (курсив мой. – Н. К.) стои́т» [АКарНЦ РАН, колл. 201, текст № 220]. Подобной *нагибине* – изогнутому стволу/стеблю/изогнутой ветви некогда придавался мифологический смысл, иначе этот образ не сформировался бы в орнаментике вышивки. Здесь он мог составлять основную часть узора – *серёдку* либо помещаться в дополнительной полосе – *подузоре* [Маслова, 1978. С. 104–105].

Аналогичная трансформация образа «дерево-персонаж» в образы «дерево+персонаж» наблюдается и в легендах, где типологически сходные коллизии христианизированы. В одном из таких произведений внутри дерева локализуется сама Богородица, оставшаяся бесприютной после разорения часовни Казанской Божией Матери: «В роще в лапту играли, это до войны было. Мой отец ухом прислонился к дереву и слышит, будто женщина плачет. – „Кто ты? Чего ты плачешь?“ – [спрашивает отец]. – „А это я, Пресвятая Матушка Богородица, у меня всё украли, всё унесли, даже платка на голову нет“. Потом проверили: а все заветы из часовни унесли – украли» [Ведерникова, 2003. С. 127]. (Подобные представления основаны на древних верованиях, в соответствии с которыми растения заключают в себе некую внутреннюю сущность. Это может быть душа/дух дерева либо его *сердцевина*. Последнее находит отражение в загадке: «Ростом с сосну, от станового корня до макушки, а от земли не видать» [Садовников, 1959.

С. 167].) Архаическим предшественником «древесной» Богородицы был не кто иной, как языческий древесный дух, живущий в теле дерева, обративший его в свое обиталище и говорящий оттуда. Отождествление Богородицы, по сути, с духом дерева имеет аналоги в древних этнокультурных традициях. Так, с духом дерева идентифицировался древнеегипетский бог Осирис. Согласно дошедшему до нас описанию связанного с ним обряда, изображение Осириса изготавливали из сердцевины, выдолбленной из сосны, а затем опускали эту фигуру, как труп, в образовавшееся дупло. Трудно вернее выразить представление о дереве как об обиталище мифического существа [Фрэзер, 1980. С. 362–363, 422]. По буддийским же сказаниям, «сам Будда во время своих метаморфоз был сорок три раза древесным гением» [Тэйлор, 1939. С. 396].

Аналог «древесной» Богородице обнаруживается в вышивке. Например, это женщина, совмещенная с деревом в одной фигуре: ее платье сливается с треугольным основанием дерева, символизирующим его комель и корни. И наоборот, в изобразительном искусстве встречается дерево, имеющее очертания человека. Раскинув широкие ветви, уподобляющиеся рукам с кистями, оно как бы растворяется в женской фигуре [Маслова, 1978. С. 115; Косменко, 2003. С. 160].

В другой же легенде христианизированный персонаж, представленный в аналогичной ситуации, локализуется не в дереве, а у дерева, т. е. уже выделяясь из него: «<...> один мужик шел с Горки и встретил старичка седатого [святого Макария]. – „Ты чего здесь?“ – „Я там жил, а домик мой увезли в Горку. Вот места себе ищу. Вот где я место себе облюбовал, здесь у березок (курсив мой. – Н. К.), вот где мой домик будет“» [Ведерникова, 2003. С. 128]. Соответственно не в каком-либо ином месте, а именно «у большого ветвистого дуба» останавливается, по легенде, святой Георгий, унаследовавший от своих архаических предшественников функции покровителя волков. Локализованный у этого дерева, он «начал рассылать волков в разные стороны и наказывать всякому, чем и где пропитаться» [Афанасьев, 1957. С. 476]. Такое соотношение имеет широкий контекст. В буддийской мифологии каждый из будд всех времен и во всех мирах, находясь в состоянии аскетического сосредоточения, достигал просветления именно под деревом *бодхи*, что и означает «просветление» [Мяль, 1980. С. 192]. Устойчиво локализируются под деревом и фольклорные персонажи, имеющие реальные прототипы. Так, в частности, Элиас Лённрот, который, по преданию, записывал карельские руны, сидя под сосной, названной впоследствии его име-

нем: «сосна Лённрота». С другой стороны, под этой же сосной претерпевали состояние творческого вдохновения и рунопевцы.

Реликтовые проявления субъектно-объектной нерасчлененности образа дерева-человека в фольклорно-мифологической традиции сохраняются до наших дней. Вместе с ними в пережиточных формах удерживаются и древние представления о невыделенности человека из мира природы. При этом стирается сама грань между материальным и духовным, природным и культурным, равно как и между реальным и мифическим. В силу адаптации образа дерева-человека к изменяющимся условиям он со временем превратился в поэтический троп, получив законное право на существование в новую эпоху. Средством подобной адаптации оказалась и дифференциация данного субъектно-объектного образа на самостоятельные составляющие – субъект и объект. Однако эти составляющие не порывают былых связей со своим общим архетипом, определяющим возможности их трансформаций и переосмыслений.

Литература

АКарНЦ РАН – Архив Карельского научного центра РАН. Фонд 1. Опись 1. Последующие цифры обозначают номер коллекции и номер текста в ней.

Анисимов А. Ф. Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных верований. М.; Л.: АН СССР, 1958. 235 с.

Афанасьев А. Н. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3-х т. М.: Гос. изд-во худ. лит.-ры, 1957. Т. 1. 515 с.

Богатырев П. Г. Верования великоруссов Шенкурского уезда: (Из летней экскурсии 1916 года) // Этнографическое обозрение. 1916. № 3–4. С. 42–86.

Ведерникова Н. М. Кенозерские сказки, предания, былички / Вступ. ст., сост., примеч. Н. М. Ведерниковой. М.: Ин-т Наследия, 2003. 147 с.

Веселовский А. Н. Избранное: Традиционная духовная культура. М.: РОССПЭН, 2009. 624 с.

Владыкина Т. Г. Языковые клише ритуализированных норм поведения удмуртов // Социальные и эстетические нормативы традиционной культуры. М.: Гос. Респ. центр русского фольклора, 2009. С. 34–41.

Власова З. И., Горелов А. А. Частушки в записях советского времени. М.; Л.: Наука, 1965. 496 с.

Власова М. Н., Жекулина В. И. Традиционный фольклор Новгородской области. СПб.: Алетейя, 2001. 542 с.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. М.: Русский язык, 1989. Т. 1. 699 с.; Т. 2. 779 с.

Денисова И. М. Дерево–дом–храм в русском народном искусстве // Советская этнография. 1990. № 6. С. 100–114.

Динцес Л. А. Дохристианские храмы Руси в свете памятников народного искусства // Советская этнография. 1947. № 2. С. 67–94.

Ершов В. П. Вечнозеленые – вечноживущие (Ель – дерево предков) // Кенозерские чтения. Архангельск: Правда Севера, 2004. С. 83–98.

Ершов В. П. Вечнозеленые маркеры // Актуальные проблемы развития музеев-заповедников. Петрозаводск: Музей «Кижь», 2006. С. 69–74.

Ершов В. П. Ель как медиатор «чужого» дома мужа // «Свое» и «чужое» в культуре народов Европейского Севера. Петрозаводск: ПетрГУ, 2009а. С. 38–41.

Ершов В. П. Ель – Мировое дерево (корни, вершина) // Культурное и природное наследие Европейского Севера. Архангельск: Изд-во Поморского ун-та, 2009б. С. 349–358.

Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии: В 2-х ч. М., 1877. Ч. 1. 223 с.

Зеленин Д. К. Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов. М.; Л.: АН СССР, 1937. 79 с.

Иванов С. В. Представления нанайцев о человеке и его жизненном цикле // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.). Л.: Наука, 1976. С. 161–188.

Кнатц Е. Э. Вышивки Заонежья // Искусство Севера. Л.: Academia, 1927. С. 62–76.

Косменко А. П. Народное изобразительное искусство вепсов. Л.: Наука, 1984. 200 с.

Косменко А. П. Традиционный орнамент финноязычных народов Северо-Западной России. Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 2003. 220 с.

Криничная Н. А. Русская народная мифологическая проза: Истоки и полисемантизм образов. СПб.: Наука, 2001. Т. 1. 580 с.

Логинов К. К. Семейные обряды и верования русских Заонежья. Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 1993. 228 с.

Лосев А. Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М.: Учпедгиз, 1957. 620 с.

Маслова Г. С. Орнамент русской народной вышивки как историко-этнографический источник. М.: Наука, 1978. 207 с.

Медведев П. П. Некрокультовые сооружения Беломорского Поморья (К вопросу о взаимосвязи поморской культуры и традиций старообрядчества) // Выговская поморская пустынь и ее значение в истории России. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 195–210.

Митрофанова В. В. Загадки. Л.: Наука, 1968. 255 с.

Михайловский В. М. Шаманство: Сравнительно-этнографические очерки // Изв. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1892. 115 с.

Мялль Л. Э. Буддийская мифология // Мифы народов мира: В 2-х т. М.: Советская энциклопедия, 1980. Т. 1. С. 190–195.

Н. Большая Шалга (сельский приход в Каргопольском уезде) // Олонецкие губернские ведомости. 1888. № 99. С. 979–980.

Обычаи и поверья финнов // Олонецкие губернские ведомости. 1842. № 31. С. 116.

Ончуков Н. Е. Северные сказки (Архангельская и Олонецкая гг.). СПб.: Типография А. С. Суворина, 1908. 646 с.

Петров К. Повенецкие карелы. Их домашний и общественный быт, поверья и предания // Олонецкие губернские ведомости. 1863. № 18. С. 65–66.

Потебня А. А. О связи некоторых представлений в языке // Потебня А. А. Символ и миф в народной культуре. М.: Лабиринт, 2000. С. 329–356.

Рыбников П. Н. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: В 3-х т. Петрозаводск, 1991. Т. 3. 365 с.

Садовников Д. Н. Загадки русского народа. М.: МГУ, 1959. 335 с.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4. М.: Наука, 1977. 403 с.; Вып. 8. М.: Наука, 1981. 351 с.; Вып. 10. М.: Наука, 1983. 327 с.

Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: В 6-ти вып. Вып. 2. СПб.: СПбГУ, 1995. 448 с.; Вып. 3. СПб.: СПбГУ, 1996. 416 с.

Смирнов М. И. Сказки и песни Переславль-Залесского уезда. М.: Цуцтран, 1922. 98 с.

Соколовы Б. М. и Ю. М. Сказки и песни Белозерского края. М.: Изд-во Отд-ния русского языка и словесности Имп. АН, 1915. 665 с.

Таксами Ч. М. Представления о природе и человеке у нивхов // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.). Л.: Наука, 1976. С. 203–216.

Тэйлор Э. Первобытная культура / Пер. с англ. М.: Гос. социально-экономическое изд-во, 1939. 567 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. В 4-х т. М.: Прогресс, 1986. Т. 1. 576 с.

Фрэзер Д. Д. Золотая ветвь: Исследования магии и религии / Пер. с англ. М.: Изд-во пол. лит-ры, 1980. 831 с.

Фрэзер Д. Д. Фольклор в Ветхом завете. Изд. 2-е. М.: Политиздат, 1985. 511 с.

Черепанова О. А. Мифологические рассказы и легенды Русского Севера. СПб.: СПбГУ, 1996. 212 с.

Элиаде М. Избр. соч.: Миф о вечном возвращении / Перевод с франц. М.: Ладомир, 2000. 414 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Криничная Неонила Артемовна

главный научный сотрудник сектора литературы и фольклора, д. филол. н.
Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН
ул. Пушкинская, 11, Петрозаводск, Республика Карелия, Россия, 185910
эл. почта: vmp@sampo.ru
тел.: (8142) 562742

Krinichnaya, Neonila

Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Science
11 Pushkinskaya St., 185910 Petrozavodsk, Karelia, Russia
e-mail: vmp@sampo.ru
tel.: (8142) 562742

УДК 631.53.027.32

АРХИППА ПЕРТТУНЕН И ЭЛИАС ЛЕННРОТ: ТАК СОЗДАВАЛАСЬ «КАЛЕВАЛА»

У. С. Конкка, А. П. Конкка

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

Статья посвящена крупнейшему карельскому рунопевцу Архиппа Перттунену, от которого Элиас Леннрот в 1833 г. записал руны, положенные в основу эпоса «Калевала». В статье собраны воедино рассказы односельчан и воспоминания собирателей об Архиппа и его семье, а также некоторые архивные данные из метрик и духовных росписей церковного прихода деревни Ладвозеро, где проживал род Перттуненов. Приводимые архивные документы позволяют уточнить имеющиеся данные о возрасте рунопевца и членов его семьи. Анализ финноязычных источников вводит в научный оборот малоизвестные российскому читателю сведения – от истории собирания эпической поэзии до рассмотрения сюжетов эпоса, связанных, по мнению некоторых исследователей, с состязаниями певцов, являющихся частью древних календарных ритуалов.

Ключевые слова: эпическая поэзия, история собирания рун, «Калевала» Леннрота, вклад Архиппа Перттунена, словесный портрет, архивные сведения, эпические сюжеты, состязания рунопевцев, календарные обряды.

U. S. Konkka, A. P. Konkka. ARHIPPA PERTTUNEN AND ELIAS LÖNNROT: THE MAKING OF «KALEVALA»

The paper is devoted to a most prominent Karelian rune singer Arhippa Perttunen, after whom Elias Lönnrot in 1833 recorded the runic songs on which the «Kalevala» epic is based. The paper has amassed the stories told by his fellow villagers and reminiscences of collectors about Arhippa and his family, as well as some archival data from parish registers and confession records of the Ladvozero village parish, where the Perttunens lived. The archival documents enable more accurate determination of the age of the folk singer and members of his family. Analysis of Finnish-language sources brings information little known to the Russian readership into the scientific discourse – from the history of collecting epic poetry to examination of the plots of the epic, which some researchers attribute to the contests of rune singers, which used to be part of ancient calendar rites.

Key words: epic poetry, history of runic song collecting, Lönnrot's «Kalevala», Arhippa Perttunen's contribution, verbal portrait, archival data, epic plots, rune singer contests, calendar rites.

В работах о «Калевале» стала общим местом констатация общеизвестного факта, что решающую роль в ее создании сыграли встречи Леннрота с тремя карельскими рунопевцами –

Онтрей Малиненом и Воассила Киелевьяйненом в 1833 г. и Архиппа Перттуненом в 1834 г. Но о предыстории «Калевалы», о том, что, собственно, привело Элиаса Леннрота в зарубежную,

«русскую» Карелию (как ее называли в Финляндии в отличие от «финляндской» Карелии, входившей в состав Великого княжества Финляндского), говорится редко. Однако для того чтобы оценить вклад в создание эпоса, необходимо хотя бы вкратце остановиться на этом вопросе.

Прежде всего, следует оговориться, что в традиционной культуре финнов и карел, в том числе в ее изустных формах, имеются древние пласты, которые являются в какой-то степени общими и свидетельствуют об общности происхождения и исторического развития на ранних стадиях. Это родство обнаруживается и в устной поэзии старинной метрики, которую после выхода в свет «Калевалы» стали называть «калевальской». Калевальский стих объединяет разные жанры: эпические и лирические песни, свадебные и колыбельные, трудовые песни, заговоры и заклинания, отчасти пословицы и загадки. За его пределами оставались только прозаические жанры, плачи и ёйги (особые песни-импровизации), если не считать новых рифмованных песен, получивших распространение в народе лишь в XIX в.

Интерес просвещенных финнов к устно-поэтическим произведениям старинной, т. е. «калевальской», метрики можно проследить со времен начала финского книгопечатания, возникновение которого связано с Реформацией в Швеции и Финляндии (первая половина XVI в.). Первое письменное упоминание о центральных героях эпоса Вяйнямейнене и Илмаринене и других персонажах эпических песен имеется в предисловии к финскому переводу Псалтыря, осуществленному Микаэлем Агрикола (1554 г.), в известном «списке богов» – языческих божеств, которым преклонялись финны из племени хяме и карелы. Вслед за Агрикола и последующие духовные писатели и переводчики церковных книг на финский язык в целях порицания упоминали о «бесовских» песнях, бытующих среди простого народа. Но в XVII в. пробуждается среди того же духовенства (поскольку духовные лица имели непосредственный контакт с народом) познавательный интерес к эпическим песням как историческому источнику.

Когда в 1667 г. в Швеции была организована коллегия по изучению древностей, она обязывала духовных лиц на местах собирать эпические жанры народной поэзии, могущие якобы свидетельствовать об исключительности и величии Шведского государства, переживавшего в этот период свой исторический расцвет. Однако некоторые книжники, в которых пробуждалось национальное самосознание, вместо шведской короны стали восхвалять историю и культуру родной Финляндии. Это способство-

вало тому, что устно-поэтические произведения – предания, отрывки эпических песен, колыбельные, трудовые песни, заговоры и заклинания, отчасти пословицы и загадки – начинают появляться на страницах грамматик и хроник, они становятся предметом ученых диссертаций. В народной поэзии начинают видеть свидетельства исторического прошлого народа, и авторы книг все чаще используют ее для подтверждения своих рассуждений, в то же время призывая собирать то, что собрать еще можно: в самой Финляндии в силу разных исторических обстоятельств калевальская поэзия уже в ту пору быстро исчезла. Немалую роль в этом сыграла церковь, несмотря на то, что наиболее просвещенные лица из числа духовенства знали цену устной поэзии.

В эпоху Просвещения интерес к народной поэзии становится глубже, и отношение к ней в трудах ученого-просветителя Портана является подготовкой почвы и своего рода плацдарма для романтиков, развернувших в начале XIX в. целенаправленное собирание произведений народного творчества. Хенрику Габриэлю Портану принадлежат слова, свидетельствующие о том, как высоко он ставил устную народную поэзию: «Я не только то считаю постыдным, что прирожденный финн не знает нашей поэзии, но и то, что он ею не восхищается». В известной своей работе *De Poësi Fennica* (1766–1778) он рассматривает финскую поэзию в целом, как книжную, так и изустную. Отмечая слабость и неразвитость финской литературной поэзии того времени, он противопоставляет ей народную поэзию калевальской метрики, которая, по его мнению, более соответствует финскому языку, чем рифмованный силлабо-тонический стих, которым пользовались «книжные» поэты. Он сделал целый ряд тонких наблюдений над художественным стилем народных песен, а также попытался их классифицировать по жанрам. Портан постиг и значение вариантов в устной поэзии. Как подчеркивает исследователь «Калевалы» Вяйне Кауконен, идеи Портана послужили одним из отправных пунктов для Леннрота в создании «Калевалы» [Kaukonen, 1979. S. 14].

Дорогу для романтизма прокладывали, наряду с Портаном, труды Кристфрида Ганандера, из которых самый значительный – *Mythologia Fennica* (1789). Свое исследование о мифологии Ганандер построил в виде словаря, в котором в алфавитном порядке перечисляются и толкуются мифологические, по представлениям автора, имена и понятия, выбранные им из произведений народной поэзии и литературных источников. Словарь содержит много образцов устной поэзии, в чем и заключается его

ценность для последующих поколений. Основную свою задачу Ганандер видел в том, чтобы способствовать пониманию устной поэзии: «Финская мифология есть ключ к пониманию финской поэзии», – писал он в предисловии к своему труду.

В начале XIX в., в обстановке национального подъема, воодушевленная новыми идеями европейского романтизма, университетская молодежь Финляндии с жаром принялась изучать народную культуру и собирать устно-поэтические произведения. Среди этих энтузиастов был и Элиас Леннрот. Одним из идейных вдохновителей будущей титанической деятельности Леннрота на ниве народной поэзии был С. А. Готлунд, который в 1817 г. в одной рецензии впервые высказал идею о создании единого эпоса: «...если бы кто-нибудь пожелал собрать воедино наши древние народные песни и создать из них стройное целое – будь то эпос, драма или что-нибудь иное, мог бы из них родиться новый Гомер, Оссиан или Песнь о Нибелунгах» [Kaukonen, 1979. S. 16].

Географическое направление будущим экспедициям Леннрота в поисках древних рун – в восточную Карелию – указал Закрис Топелиус-старший, отец известного сказочника Топелиуса-младшего. В годы своей работы окружным врачом в Эстерботнии ему приходилось бывать в глухих местах, где еще сохранились древние руны. Под влиянием общего увлечения древностями он стал их собирать. Несмотря на то что с 1820 г. он вследствие болезни не мог передвигаться, занятия его народной поэзией продолжались. Именно тогда он сделал важнейшее для рождения «Калевалы» открытие: понял, где надо искать эпические песни. Этому открытию, как часто бывает, помог случай. Летом 1820 г. к Топелиусу зашли двое коробейников из Вокнаволоцкой волости Беломорской Карелии, которая в то время входила в Архангельскую губернию. Они пели ему эпические песни, и от них он узнал о том, что там, за рубежом, рунопевческая традиция еще жива. После этой встречи Топелиус просил направлять к себе всех карельских крестьян, случись им бывать поблизости. В 1821 г. ему удалось записать от крестьянина-коробейника Юрки Кеттунена из дер. Чена близ Вуоккиниemi (Вокнаволок) шесть длинных рун, ранее неизвестных. Когда Топелиус издал свое собрание рун под названием «Старинные руны финского народа, а также современные песни» (1822–1831), эпические песни восточных карел сразу привлекли внимание любителей старины и вызвали удивление, так как никто не предполагал о существовании рунопевческого искусства за пределами Фин-

ляндии. Следует отметить, что Топелиус, в отличие от практики издания фольклорных произведений в те времена, указывал место бытования той или иной руны и почти не подвергал их обработке. Топелиус неоднократно подчеркивал, что лучшие руны он получил из зарубежной Карелии и что там их следует искать в дальнейшем: «Их поют теперь только на восточных окраинах Суоми, и особенно в некоторых волостях на северо-западе России, где широко расселился явно финский люд, живя в своей первоизданной чистоте и чести». И еще более конкретно: «В одном-единственном краю, и то за пределами Суоми, в некоторых волостях Архангельской губернии, особенно же в волости Вуоккиниemi, хранятся еще старинные обычаи и предания старцев в своей искренности и чистоте. Там еще звучит голос Вяйнямейнена, там звенит еще Кантеле и Сампо, и оттуда я получил свои лучшие руны, которые бережно издал» [Hautala, 1954. S. 107].

Свою первую поездку за древними рунами Элиас Леннрот предпринял весной 1828 г. За год до этого он сдал экзамен кандидата филологии, а в круг интересов эпоса был введен своим университетским учителем Рейнхольдом фон Беккером, который собирал произведения фольклора и предложил Леннроту в качестве темы магистерской диссертации обзор рун о Вяйнямейнене. Уже в этот раз Леннрот намеревался добраться до Архангельской губернии, т. е. до Беломорской Карелии, но достиг только Приладожской Карелии на финской стороне и, не переходя границы, вынужден был в силу обстоятельств повернуть назад. Во время второй и третьей экспедиций ему также не удалось осуществить свою мечту. Только после того как он обосновался в 1833 г. в маленьком городке Каяни в северной Финляндии в качестве окружного врача (став в 1832 г. лицензиатом медицины), ему наконец удалось достигнуть обетованной земли эпоса.

Четвертая (1833 г.) и пятая (1834 г.) экспедиции Леннрота были решающими для рождения «Калевалы». К этому времени он уже подготовил рукопись «Вяйнямейнен», намереваясь издать ее как можно скорее. Целью поездок было собирание дополнительного материала. Но встречи с выдающимися рунопевцами Беломорской Карелии в 1833 г. в дер. Вуоннинен с Онтреем Малиненом, а также с глубоким старцем Воассила Киелевяйненом, который рун почти уже не помнил, но поведал собирателю много интересного о героях эпоса, и в 1834 г. с Архиппа Перттуненом изменили замыслы Леннрота до такой степени, что свою прежнюю рукопись он не стал издавать, а принялся за составление единого эпо-

са, руководствуясь принципами контаминации эпических песен у рунопевцев. В феврале 1835 г. первое издание «Калевалы» было готово для печати. Поражает невероятный темп собирательской и редакторской деятельности Леннрота в эти годы. Четвертая экспедиция длилась всего 20 дней, а пятая и того меньше – 11 дней. За это короткое время собирателю посчастливилось записать самое большое количество великолепно сохранившихся эпических песен – все то, что составляет основное повествовательное ядро «Калевалы». Вернувшись в конце апреля 1834 г. из экспедиции, он в течение оставшихся месяцев, помимо служебных обязанностей и кратковременной поездки в Реболы, тоже за рунами, переработал, внес дополнения и по-новому скомпоновал руны и переписал объемистую рукопись.

Всего от Архиппа Перттунена было записано около 6 тыс. строк калевальской поэзии: эпических песен, которые составляют подавляющее большинство его поэтического запаса, лирических песен и заклинаний [см.: Избранные руны..., 1948; Arhippa Perttusen runot, 1965; Рода нашего напевы, 1985; *Latvajärven laulajat*, 2008]. Он знал почти все руны, сюжеты которых имеются в «Калевале». Достаточно сказать, что в первом издании эпоса, насчитывающем 12 078 строк, одна треть текста основывается на рунах Архиппа Перттунена. Но не только количеством рун превосходит он других рунопевцев. Он виртуозно владел сложным калевальским стихом с его обязательной аллитерацией и повтором, или параллелизмом, когда последующая строка повторяет содержание предыдущей, но иными словами. У народных певцов мы никогда не встречаем тавтологии, как подчас в переводах, несмотря на все усилия переводчиков, – настолько богат синонимами поэтический язык древних рун. Архиппа мастерски владел диалогом и часто прибегал к поэтическим сравнениям. Безусловно, его поэтическое наследие заслуживает глубокого изучения и ждет своего исследователя. Пока же, кроме отдельных наблюдений, разбросанных в разных работах об эпосе, имеется лишь исследование о приеме параллелизма в рунах Перттунена, выполненное немецким фольклористом Вольфгангом Штейницем [Steinitz, 1934]. Некоторые особенности творческой манеры А. Перттунена излагаются в статье Эйно Киуру [Киуру, 1984].

О личности Архиппа науке известно немного. Все существенное о нем рассказано в путевых заметках Леннрота об экспедиции 1834 г., не более двух страниц текста. Собирателям конца XIX и начала XX в. удалось записать о нем кое-какие воспоминания. Однако он был в сво-

ей округе известной и выдающейся личностью еще до того, как его нашли собиратели. Об этом можно заключить на основе того, что в путевых заметках о четвертой экспедиции (сентябрь 1833 г.) Леннрот писал: «Я хотел заехать в деревню Латваярви, которая находится совсем в противоположной стороне, но узнав, что певца Архиппа нет дома, оставил свое намерение» [Elias Lönnrotin matkat, 1902. S. 192]. Это было в конце сентября, так что «певец Архиппа» скорее всего был на путине ряпушки на озере Лапукка, где всегда рыбачили Перттунены. Это первое упоминание о рунопевце. Далее в одном из писем в феврале 1834 г. Леннрот пишет: «Намереваюсь этой зимой совершить новую поездку в Архангельскую губернию, чтобы записать руны от некоторых известных певцов, о которых осенью прослышал, но которых не застал дома» [ibid. S. 198]. Один из этих певцов несомненно был Архиппа Перттунен.

Встреча этих двух выдающихся людей, переоценить значение которой для развития карельской и финской культуры невозможно, произошла 25 апреля 1834 г. Боясь распутицы, которая могла перекрыть все пути, Леннрот совершил эту свою пятую экспедицию в быстром темпе, побывав во всех важнейших рунопевческих деревнях до самой восточной точки – села Ухты (ныне районный центр, поселок Калевала). На обратном пути он и завернул в пограничную деревню Латваярви. Целесообразно привести полностью те места из записок Леннрота, которые относятся к Архиппа Перттунену, поскольку путевые записки Леннрота на русском языке опубликованы лишь частично [Путешествия..., 1985].

«Побыв недолго в этой деревне (Кивиярви), я отправился в Латваярви, расположенную в миле отсюда, где жил крестьянин Архиппа, слывший хорошим рунопевцем. Это был 80-летний старец, но с удивительно сохранившейся памятью. Целых два дня, захватив немного и третьего, я записывал от него руны. Руны он пел в хорошей последовательности, без существенных пропусков, и большинство из них такие, каких мне не приходилось ранее записывать, сомневаюсь, чтоб их можно было еще где-нибудь найти. Таким образом, я был очень доволен своим решением посетить его. Кто знает, застал бы я еще старика в живых в другой раз, а если бы он умер, изрядная часть наших древних рун ушла бы с ним в могилу. Старик воодушевился, когда между делом зашла речь о его детстве и покойном отце, от которого он унаследовал руны. „Когда мы, бывало, – рассказывал он, – на озере Лапукка, ловя неводом рыбу, отдыхали у костра – вот где вам надо было быть!

У нас был помощником один из деревни Лапукка, тоже хороший певец, но все же с отцом покойным не сравнить. Зачастую они пели у костра ночи напролет, взявшись за руки, но никогда не повторяли одну и ту же песню дважды. Я был тогда еще мальчишка, слушал их и понемножку запомнил лучшие песни. Но многое уже забылось. Из моих сыновей после моей смерти ни один не станет таким певцом, как я после моего отца. И старинные песни уже не в таком почете, как в годы моего детства, когда они были на первом месте и звучали как во время работы, так и в часы досуга на деревне. Иногда, правда, их еще поют, когда соберется народ, особенно если чуть выпито, но редко услышишь что-нибудь стоящее. Молодежь теперь распевает свои непристойные песни, которыми я не стал бы осквернять свои уста. Если бы тогда, как теперь, кто-нибудь искал бы руны, то и за две недели не успел бы записать даже того, что знал один мой отец». Говоря это, старик растрогался до слез, да и я не мог без волнения слушать его рассказ о добрых старых временах, хотя, как это часто бывает в подобных случаях, большая часть похвал старца основывалась на его воображении. Пока еще нет такого большого недостатка в старинных рунах, как он полагал, хотя и то правда, что они постепенно исчезают. Но в наши дни еще можно их слышать, и возможно еще в течение нескольких поколений после нас. И не так уж ими пренебрегают. Наоборот, и молодые, и старые слушают, когда их поют.

Несмотря на бедность, дом Архиппа был мне более по душе, чем иные зажиточные. Старого Архиппа все в доме почитали, как патриарха древних времен, таковым он казался и мне. Кроме того, он был лишен многих предрассудков, которые здесь распространены. Он, как и все домочадцы, ел вместе со мной, за одним столом, из одной и той же посуды, что редко случается в этих местах. Что в сравнении с этим значила маленькая неуклюжесть, которую старик проявил во время еды! Например, он взял рыбину руками и положил на мою тарелку. Сколь ни странной может показаться такая манера угощения, но у меня хватило ума оценить ее как проявление доброжелательности. Аппетит от этого не пострадал, тем более что здесь повсюду строго соблюдают правило мыть руки как перед едой, так и после нее. Для этого в каждом доме имеется рукомойник, подвешенный к грядке недалеко от входной двери, тут же висит полотенце...» [Elias Lönnrotin matkat, 1902. S. 221–223].

Такой подробной характеристики у собирателей начала XIX в. удавалось очень редкие исполнители. Даже Малинен и Киелевяйнен,

значение которых для «Калевалы» Леннрот сам подчеркивал, описаны собирателем как бы мимоходом, довольно скупо. Исключение составляют Архиппа Перттунен и Юхана Кайнулайнен из Кесялахти в финляндской Карелии. О встречах с этими рунопевцами Леннрот рассказал наиболее подробно, даже любовно и взволнованно: в них он почувствовал воодушевление и щедрость художника. Сразу после встречи с Архиппа, 1 мая 1834 г., собиратель писал в одном из писем: «За время всех моих поездок я не встречал лучше рунопевцев, чем в 1828 г. Юхана Кайнулайнена в Кесялахти и в этот раз Архиппа в Латваярви» [Elias Lönnrotin matkat, 1902. S. 228].

Тем не менее главным вопросом в течение последующего времени становится фактический возраст Архиппа Перттунена в момент встречи с ним Элиаса Леннрота. На основании записок Элиаса Лённрота Архиппа в 1834 г. был восьмидесятилетним стариком и поэтому долгое время считалось, что он родился в 50-е гг. XVIII в. Однако в 1962 г. петрозаводский фольклорист Тойво Вяйзинен в № 35 «Трудов Карельского филиала АН СССР» опубликовал новые сведения о годе рождения Архиппа Перттунена. На основании некоторых исследованных им церковных документов он сделал вывод, что в 1834 г., в год встречи Леннрота и Архиппа Перттунена, последнему было лишь шестьдесят пять лет от роду. Вяйзинен писал, что по этим документам в 1793 г. Архиппа был 24-летним. Таким образом, следовало, что годом рождения Архиппа Перттунена можно считать 1769. Последнюю запись об Архиппа в церковных книгах Вяйзинен обнаружил в 1841 г. и предположил, что Архиппа умер в 1841 или 1842 г.

Работая в Архангельском государственном областном архиве, один из авторов этой статьи поставил себе задачу уточнить и выписать все имеющиеся сведения о возрасте Архиппа Перттунена и данные о семье рунопевца [Конкка, 1985. См. также: Лавонен, Степанова, 1991; Конкка, 2008]. Имя ладвозерского крестьянина Архипа Иванова (или Перттунена, Иванов в данном случае отчество, т. е. «Архип, сын Ивана») неоднократно упоминается в церковных книгах, а именно в метрических книгах, в которые заносили даты рождений, бракосочетаний и смертей прихожан (Архангельская консистория, реестр 29/28), а также в так называемых духовных росписях, в которые ежегодно записывали прихожан всех населенных пунктов данного прихода с семьями, при этом указывался возраст всех членов семьи.

Вокнаволоцкая волость и приход (к которому относилась деревня Ладвозеро) упоминается в

метриках начиная с 1788 г. и в духовных росписях с 1793 г. (были просмотрены все церковные книги до 1847 г. включительно). Имя Архип Иванов встречается в метриках 20 раз, в духовных же росписях имя Архип Иванов упоминается каждый год в период с 1793 по 1841 г. Чаще всего в метрических книгах Архиппа Перттунен упоминается в качестве свидетеля при бракосочетании или в качестве крестного отца (восприемника) при крещении младенцев. Его возраст при этом не указывается.

В метрической книге за 1841 г. находим следующую запись: «7 декабря 1841 года в возрасте 79 лет скончался ладвозерский крестьянин Архип Иванов. Того же месяца 9 дня тело отпевали поп Георгий Андреев и дьяк Василий Второй. Похоронен на приходском кладбище». Причиной смерти указана чахотка. Согласно данной записи, годом рождения Архиппа Перттунена следовало бы считать год 1762-й. Эта запись – единственное указание на возраст Архиппа Перттунена в метрических книгах, так как в них нет записей о его рождении и крещении, в связи с которыми был бы упомянут возраст Архиппа.

В то же время в духовных росписях его возраст упоминается много раз. На основании записей 1793–1799 гг. он родился в 1769 г.; по книгам 1803–1805 гг. – в 1768-м; по книгам 1806 г. – в 1770-м; по книгам 1807–1811 гг. – опять же 1768, а по духовным росписям в промежутке между 1825 и 1841 гг. год рождения Архиппа Перттунена – 1771. Таким образом, на основании духовных росписей Архиппа родился между 1768 и 1771 гг.; последний раз его имя в духовных росписях, как справедливо заметил Т. Вяйзянен, упоминается в 1841 г., и тогда он назван 70-летним (соответственно год рождения 1771). В духовных росписях 1842 г. имени Архипа Иванова более нет и его жена Федосья Егорова (Hoto Jyrintytär) названа вдовой.

Таким образом, сведения духовных росписей находятся в противоречии с метрическими книгами, где говорится, что он умер 79-летним. Эта запись может быть ошибочной, так как она значительно отличается от сведений большинства духовных росписей многих лет. То, что и в духовных росписях сведения о возрасте Архиппа не совпадают, – явление для данных документов достаточно распространенное, возраст одного и того же лица может в книгах разных лет варьировать в пределах 3–4 лет.

В связи с изложенным возникает вопрос: почему Архиппа показался Леннроту таким старым? По воспоминаниям односельчан, в их числе внука Архиппа, зафиксированных в 1879 г. собирателем фольклора Борениусом, Архиппа

был невысокого роста, коренастый и необычайно сильный. Рассказывали, что он бегал наперегонки с мешком ржаной муки на спине; мог принести из лесу на плече только что срубленное бревно, которое даже высушенным и обтесанным один мужчина с трудом поднимал [Naavio, 1948. S. 38]. Возможно, рассказы о силе Архиппа уже наполовину стали преданиями о силачах, столь популярных в народе. Но примечательно, что о сыне Архиппа, тоже знаменитом рунопевце Мийхкали Перттунене, ничего подобного не рассказывают, а в характеристике его сына Пекко (Пекка), внука Архиппа, известного знахаря и предводителя свадьбы, вновь подчеркивается физическая сила. Старожил деревни Латваярви Иван Перттунен рассказывал о Пекко в 1975 г. следующее: «Маленький был мужик, но силач. Может, в деда Архиппа вышел. Когда Пекко заготавливал балки для хлева, то два бревна грузил на сани лошади везти, а третье взваливал себе на плечо и шагал следом» [Perttu, 1978. S. 135]. Рассказ Хуоти Перттунена добавляет маленький штрих к внешнему портрету Архиппа: «Пекко с Острова я помню хорошо. Такой он был небольшого роста, коренастый, плечистый. Короткая, широкая да округлая борода. Говаривал, что у него борода как у деда Архиппа. Совсем седой был в старости...» [Ibid. S. 134–135]. О сходстве же сына Архиппа Перттунена Мийхкали с отцом нигде не говорится. Имеется несколько фотографий Мийхкали, сделанных в 1872 и 1894 гг. По фотографии И. К. Инха финский скульптор Алпо Сайло сделал известный скульптурный портрет Мийхкали. Вероятно, Мийхкали не обладал отцовской силой. По фотографиям и описаниям собирателей и путешественников, посещавших его, он был маленького роста, тщедушный, узкоплечий. Но удивительно то, что на последней фотографии, где ему около 79 лет (годом рождения Мийхкали считается 1815 г., хотя по записи в одной из метрических книг из Архангельского архива год его рождения 1818-й), нет следов старческой немощи и дряхлости. А ведь он был совершенно слепым с 50-летнего возраста. На портрете Инха кажется, что рунопевец закрыл глаза, чтобы сосредоточиться на какой-то важной мысли или вызванной воображением картине. Исследователь «Калевалы» и народной эпической поэзии А. Р. Ниemi, посетивший Мийхкали Перттунена в конце его жизни, писал: «Нос, лоб, очертания рта полны благородства, тяжелые лишения оставили на них печать одухотворенности, которая вместе со слепотой озаряла лицо подобно вечерней заре. Его поэтический облик дополняла волнистая, густая серебристая шевелюра без признаков поредения» [Naavio, 1948. S. 91].

Напрашивается вывод, что Мийхкали не был похож на отца, но его сын Пекко в какой-то степени напоминал деда. Фотографии Пекко, к сожалению, не обнаружены. Он родился в 1848 г., год смерти не установлен, однако имеются сведения, что в 1921 г. он еще жил [Niemi, 1921. S. 1081].

В метрической записи, которая приводилась выше, причиной смерти Архиппа указана чахотка, в то время как в такой же графе о причине смерти Мийхкали записано «от старости». Конечно, в этих записях много произвольного и субъективного, однако при сопоставлении рассказов о силе Архиппа, оценки его возраста Леннротом и записи о причине смерти возникает такое представление, что в конце жизни Архиппа был болен и показался Леннроту немощным. Иначе было бы трудно принять примерно 65-летнего за 80-летнего. Хотя это не единственная ошибка Леннрота при оценке возраста человека, от которого он записывал песни. В 1838 г. он встретил в финляндской Карелии замечательную исполнительницу и слагательницу лирических песен калевальской метрики Матели Куйвалатар (1771–1846), назвав ее тоже 80-летней старухой, однако позже были установлены годы ее жизни, и выяснилось, что в год встречи с собирателем ей было только 67 лет [Karjalan laulajat, 1968. S. 144].

Кроме Леннрота, у Архиппа побывали еще два собирателя – один из них знаменитый исследователь народов Севера и Сибири М. А. Кастрен. Работая над переводом «Калевалы» на шведский язык, он нуждался в дополнительных материалах по мифологии, и с этой целью совершил в 1839 г. поездку по деревням северной Карелии, посетив в то время уже известного рунопевца Архиппа Перттунена. Его эпического репертуара Кастрен записывать не стал, поскольку «большинство его рун уже напечатаны в „Калевале“». Кастрена интересовали прежде всего заклинательные руны, но к разочарованию собирателя, рунопевец не прочитал ему ни одного заклинания: «...говорил, что никогда ими не интересовался, поскольку весь шаманизм он считает греховным и безбожным» [Castren, 1967. S. 66–67]. Однако до этого от Архиппа было записано 13 заклинаний, среди них великолепные руны о рождении железа (когда заговаривали рану и останавливали кровь) – 170 стихов, о рождении огня (заговор от ожога) – 217 стихов, заклинание от прострела – 272 стиха. В них излагается «вещей рожденье» – мифологические представления о мироздании древних финнов и карел. По какой-то причине Архиппа не захотел давать Кастрену заклинательных рун. Из собирательской практики из-

вестно, что далеко не каждый, знающий заклинания и заговоры, соглашается на то, чтобы их записали. Еще поныне можно на уговоры получить категорический отказ или такой ответ: «Это еще мне самому пригодится». Было бы странно и невероятно, если бы Архиппа, знавший эпические песни, не знал заклинательных рун и вынужден был бы в случае обычных бытовых травм, выражаясь современным языком, прибегать к помощи других людей. Лечение заговариванием было настолько обычно в то время и еще много позднее, что почти каждый знал какие-то заговоры от раны, ожога, ушиба, как мы сейчас имеем в домашней аптечке самые повседневные лекарства. Кастрен отметил в Архиппа ту же черту характера, что и Леннрот, – его свободомыслие, отсутствие религиозных предрассудков. Дом Архиппа был исключением в этом крае, где в то время господствовали нормы поведения, диктуемые поборниками старообрядчества. Кастрен писал: «...у него были настолько либеральные взгляды, что он разрешал нам во время еды пользоваться своей миской и ножом, разрешил даже курить в избе – нигде в русской Карелии мы не пользовались подобной свободой» [Castren, 1967. S. 67].

В связи с рассказом об Архиппе Перттунене Леннрот коснулся вопросов, которые только в XX в. стали объектом научных разысканий: какова была манера исполнения эпических песен, при каких обстоятельствах и в каких ситуациях их пели, был ли эпос преимущественно мужской поэзией, поскольку самые выдающиеся рунопевцы прошлого были мужчинами, и т. д. и т. п. Собиратели XIX в. редко интересовались этими вопросами, они прежде всего фиксировали текст. Поэтому малейшие упоминания о «технической» стороне исполнения и о функции произведений устного творчества имеют большое значение. Известно, что эпические песни пелись, а заклинательные руны, как правило, сказывались в состоянии экстаза. Для северной Карелии в начале XIX в., по свидетельствам первых собирателей, было характерно пение в одиночку. Первое известное описание от 1829 г. принадлежит Якобу Фелману: «...чем ближе к возвышенности (Мааселья, водораздел на границе с Финляндией. – А. К.) я подъезжал, тем обычнее становилось пение. Песня раздавалась со двора, когда я был в доме, она была слышна из дома, когда я был во дворе. Если я в ожидании лошади просил кого-нибудь спеть, пели за несколько копеек вознаграждения как молодые, так и старые, мужчины и женщины – девушки в основном свадебные и похоронные песни. Этот обычай, когда женщины поют за прялкой, а мужчины – за вязанием сетей или за

другой легкой работой, я стал замечать на нашей стороне только начиная с местечка Ярвеля. Это продолжалось за рубежом на востоке до деревни Ювялахти (деревня на озере Верхнее Куйтти. – А. К.), после чего кончилось. Встречал я певцов и ниже по реке Кемь, но не слышал их поющими без особой просьбы» [Virtanen, 1968. S. 16].

В большой семье для пения были благоприятные условия: как исполнители, так и слушатели были налицо. Так в основном и передавались старинные песни: от родителей – детям, от дедов – внукам. Песня помогала преодолеть однообразие работы, песня скрашивала досуги. Исключительно важное значение приобретала традиция устной поэзии на промыслах, когда группа людей вынуждена была подолгу оставаться на путине или же в лесу. Архиппа Перттунен не случайно, вспоминая о рунопевческом искусстве своего отца, рисует картину путины на озере Лапукка. Озеро вообще располагало к пению: пели, плывя в лодке, сидя на берегу у костра. А во время путины весной и осенью, когда время приходилось коротать в рыбацкой избушке, фольклор, приобретая развлекательную функцию, в то же время передавался всем любознательным, обладавшим хорошей памятью, в первую очередь, от отцов сыновьям. Так было с Архиппа, так же на рыбалке перенял руны Онтрея Малинена его сын Юрки. По мнению исследователей карельского эпоса, рыболовство и охота в большей степени способствовали развитию и хранению эпической поэзии, чем занятия земледелием, когда каждый трудился в одиночку и сам труд оставлял мало свободного времени. На озере Лапукка, расположенном примерно в 15 километрах от Латварви, издавна были рыбные тони Перттуненов, там, по воспоминаниям односельчан, неделями рыбачил, вместе с двоюродным братом Игнатта и двоюродной сестрой Матро, сын Архиппа Мийхкали Перттунен. Там они в свободное время вечерами пели эпические песни [Virtanen, 1968. S. 23]. Здесь, вероятно, стоит напомнить о сохранении у некоторых, преимущественно сибирских, народов представлений о том, что дух-хозяин зверей «в благодарность за развлечение» его пением посылает промысловую удачу. Поэтому на промысел брали певцов, сказочников, музыкантов. Фольклорный текст в данном случае вовсе не обязательно должен был быть магической формулой [ср., например: Новик, 1984. С. 277].

После приведенного выше отрывка из записок Леннрота, характеризующего Архиппа, собиратель переходит к описанию манеры исполнения рун. Руны пели и в одиночку, пишет Лен-

нрот, но в торжественной обстановке, на праздниках, было принято петь вдвоем, взявшись за руки и раскачиваясь в такт песне. Запевала поет один стих, к последнему такту которого присоединяется второй, затем вместе они повторяют этот стих, после чего запеваала начинает новый [Elias Lönnrotin matkat, 1902. S. 223]. Собиратели XIX в. записывали руны в такой же обстановке, как и сейчас: т. е. певец пел или диктовал слова песни собирателю. Особая манера исполнения при живом бытовании эпоса никем из собирателей не описывается, за исключением вышеуказанного рассказа Леннрота, который не относится к конкретному случаю и носит общий характер. Как показал анализ этого вопроса финской фольклористкой Эняярви-Хаавио, Леннрот здесь повторяет описание Портана, который в своем труде о финской поэзии утверждал, что неоднократно видел исполнение эпических песен. Однако он в Карелии *не бывал* и поэтому остается неясным, была ли эта манера характерна и для Карелии. Архиппа, по словам Леннрота, говорил, что его отец со своим напарником у костра пели рука об руку. Но за неимением других описаний, нет полной уверенности, что Леннрот здесь привел точные слова Архиппа [Enäjärvi-Haavio, 1949. S. 77–86]. После общего описания манеры пения Леннрот рассказывает о состязании в пении на праздниках, конкретизируя свой рассказ ссылкой на Архиппа: «На большом празднестве, где присутствуют несколько певцов, рождается между ними часто состязание. Друзья и знакомые с обеих сторон бьются об заклад, что их ставленник победит героя противоположной партии. Архиппа рассказывал, что жители деревни часто выставляли его на поединок и он не помнил случая, чтобы его победили. <...> Сначала один из певцов поет какую-нибудь руну, затем примерно такой же длины песню поет другой. После этого первый опять вступает, и так продолжают поочередно. Если у одного из рунопевцев запас стихов в памяти иссякнет, в то время как другой еще может продолжать петь, то первый считается проигравшим. <...> Если певцы не очень знающие, то прямо-таки смешно, как они стараются сказать последнее слово <...> Другое дело хорошие певцы <...> Лишь сон прекращает состязание, тогда либо выигравшим не считают никого, либо обоим певцов считают победителями» [Elias Lönnrotin matkat, 1902. S. 223–224].

Здесь перед нами одно из немногих описаний соревнований карельских певцов, от которых до нашего современника докатились лишь отголоски ритуала, некогда, вероятно, широко распространенного в разных частях света. Соревнование, поединок – один из наиболее уни-

версальных элементов коллективных обрядов и сюжетов мировой мифологии. Многочисленные мифы о сотворении мира и человека рассказывают о борьбе двух начал – светлого и темного, в результате которой рождается земля и все живое на ней, причем магическое слово играет в этом творении немаловажную роль. Так же и все основные сюжеты карельских эпических песен буквально пронизаны мотивами мифологической борьбы – за Сампо, за деву Похьелы, за обладание магическим знанием...

Характер состязания, поединка носили различные игры, танцы, увеселения. Без них практически не обходился ни один крупный праздник. Победитель, будь то скачки, гонки на оленях или игра в мяч, наделялся часто почетным титулом, пользовался репутацией удачливого во всех начинаниях человека (то же касалось и группы людей). В подобном отношении к победившему проявляются древние представления: победитель в ритуальном состязании – человек, пользующийся особым расположением сверхъестественных сил. Особое значение победе в состязании придавалось в период смены календарных циклов, во время годовых праздников, когда все человеческие ценности и весь мир как бы сотворялся заново. В этом же ряду стояли, вероятно, и состязания певцов. В литературе упоминается о состязаниях певцов у скандинавов, англосаксов, саамов, а также у некоторых других финно-угорских народов, которые сходны во многих деталях с описанием Леннрота.

А.-Л. Сийкала в статье «Арктические песенные состязания» [Siikala, 1981] описывает ритуальные осенне-зимние соревнования певцов-импровизаторов у эскимосов Аляски и Гренландии. Вкратце действие эскимосского праздника сводилось к тому, что после определенных приготовлений в специально отведенном помещении собиралось все население поселка, составляя круг, в центре которого так же кругом рассаживались участники соревнования и руководитель – певец. После исполнения эпических песен мифологического содержания ведущие певцы соревновались в пении с пожелавшими принять участие в поединке, причем «последним аргументом» могло быть состязание в кулачном бою. Исполнялись песни-импровизации, составляемые загодя по законам традиции, и, наряду с качеством (артистизм, поэтичность, мелодика), необходимым условием было и количество спетых «строф» песен. Последующему певцу необходимо было спеть их, по крайней мере, столько же, иначе он подвергался насмешкам публики и получал «славу» дурного исполнителя. Составляющие внешний круг уча-

стники представляли собой хор, подпевающий каждому соревнующемуся и активно обсуждающий промахи или особо выдающиеся места песен-импровизаций. Лучшие образцы (как правило, они звучали в последнем, решающем поединке двух сильнейших певцов) тут же усваивались «хором» и впоследствии часто становились традиционными для данной группы населения. Таким образом, коллектив участников осуществлял контроль за сохранностью и развитием традиции. Соревновательная форма с применением индивидуальных способностей в рамках традиции здесь является принципом существования и сохранения архаической устной поэзии.

Некоторые характерные черты эскимосского праздника-состязания (аккомпанирование на бубне, элементы ряжения и экстаза), по мнению А.-Л. Сийкала, связаны общностью происхождения с календарными обрядами, проводимыми под руководством шамана у сибирских народов. Отметим, что, по крайней мере, у нганасан зафиксированы песенные состязания подобного типа на годовом празднике, происходившие между посвящаемыми девушками и парнями. Здесь же, на празднике, проводились и камлания шаманов [Симченко, 1963. С. 177–178].

Опираясь на мнение Матти Кууси, объединяющего севернокарельские состязания певцов с периодически происходящей гостьбой соседних общин и групп, А.-Л. Сийкала высказывает мнение, что традиция календарных праздников карел с их взаимной гостьбой создавала хорошую почву для организации подобного рода соревнований. В этой связи встает вопрос об обрядовой роли финско-карельской эпической поэзии, т. е. о том, что известно по этому поводу. Наряду с использованием отдельных эпических мотивов как заговорных формул при лечении болезней, с уверенностью можно говорить о приурочении пения цикла о Сампо к весеннему севу и об исполнении рун о Большом Быке в осенний период заклятия животных во время древнего карельского годового праздника Кекри. Руны, наряду с вышеупомянутым исполнением на промысле, пелись во время зимних посиделок одновременно с рассказыванием сказок и загадыванием загадок [Vienan runonlulajia ja tietäjiä, 1975. S. 14], магическая роль которых на грани Старого и Нового года достаточно хорошо освещена на карельском материале [Лавонен, 1977]. Возможно, что у карел, как и у многих других народов, соревнования певцов изначально приурочивались к поворотным датам (крупным праздникам) календарного года [Топоров, 1971. С. 31].

Словам, как известно, по древним воззрениям в определенный сакральный момент придавался вещий и «вещный» смысл (слово и дело отождествлялись). Вера в магическую силу слова пронизывает все жанры карельской устной поэзии. Соревнуясь, певцы исполняли в конечном итоге лучшие и наиболее полные версии эпических сюжетов – руны о сотворении мира, о деяниях мифических героев, создавших природное и общественное устройство на земле. В переходный момент, когда Старый Год (как время, так и пространство Старого года) исчезал, уходил в небытие, певец, наподобие Вяйнямейнену, творил слово, а слово – творило мир. Таким образом, певец участвовал в процессе сотворения нового мира.

Архиппа сокрушался, что из его сыновей ни один не унаследует отцовского искусства. Возможно, при его жизни никто из его трех сыновей не выделялся знанием эпических песен, однако относительно эпической поэзии известно и то, что ей в молодые годы учатся, а признанными мастерами становятся в зрелом возрасте. Сыну Мийхкали в 1834 г. было всего около 20 лет. Борениус, впервые записавший от него руны в 1871 г., нашел его превосходным рунопевцем, хоть и уступавшим отцу. Род Перттуненов является классическим примером так называемого вертикального наследования фольклора: от поколения к поколению, от отцов – детям и внукам. Сестра Архиппа Мария, которую Леннрот встретил в 1835 г., была еще при жизни известным знатоком рун. Говорили, что сын Архиппа Матти, умерший в 1850 г., знал больше рун, чем его брат Мийхкали. Сын Мийхкали Пекко не славился знанием эпических песен, но был известным знахарем и патьвашкой [Niemi, 1921. S. 1080; Perttu, 1978. S. 124–135], а эта функция – оберегающего свадьбу колдуна – предполагает знание не только заклинательных, но и эпических рун, поскольку последние нередко выступали в функции шаманских текстов. Поэтическое дарование, хотя уже в иных формах и жанрах, наблюдалось по женской линии и у потомков Мийхкали [Perttu, 1978. S. 113–118].

За неполных три дня в конце апреля 1834 г. Леннрот записал от Архиппа Перттунена центральные сюжеты будущей «Калевалы»: цикл о Сампо, который принято называть малым эпосом (400 стихов), состязание в пении, соревнование в сватовстве, сюжет о золотой деве, хождение в Туонелу, рождение кантеле, руны о Лемминкяйнене и др. – всего 18 сюжетов, если считать за один цикл о Сампо, который является контаминацией нескольких песен. В первом издании «Калевалы» Леннрот во многом следо-

вал традиции Архиппа, но часто энергичный стих Архиппа дробится вводом побочных эпизодов [об этом см.: Рода нашего напевы, 1985. С. 13 и далее].

Леннрот признавал первостепенную роль карельских эпических песен для создания письменного эпоса. И сколько бы ни спорили в течение целого века о месте и времени происхождения эпической поэзии, никто из ученых не оспаривал того факта, что именно карелы, в особенности северные (беломорские карелы), сохранили для потомков калевальскую поэзию. Среди них почетное место по праву принадлежит Архиппа Перттунену.

Литература

Избранные руны Архиппа Перттунена / Пер., вступ. ст. и примеч. В. Евсеева. Петрозаводск: Карельское книжное изд-во, 1948.

Киуру Э. А. Перттунен и Калевала // Север. 1984. № 11. С. 95–100.

Конкка А. Сведения об Архиппа Перттунене и его семье в документах Архангельского губернского архива // *Latvajärven laulajat* / Ладвозерские рунопевцы. Руны, записанные от Архиппа и Мийхкали Перттуненов. Петрозаводск: Карелия, 2008. С. 168–173.

Лавонен Н. А. Карельская народная загадка. Л.: Наука, 1977.

Лавонен Н., Степанова А. Новые архивные сведения о карельских рунопевцах // Фольклористика Карелии. Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 1991. С. 119–125.

Новик Е. С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме. М.: Наука, 1984.

Путешествия Элиаса Лённрота: Путевые заметки, дневники, письма 1828–1844 гг. / Пер. Р. Ремшуевой; науч. ред. У. С. Конкка. Петрозаводск: Карелия, 1985.

Рода нашего напевы / Säveliä suvun suuren. Сост. Э. Киуру, Н. Лавонен. Петрозаводск: Карелия, 1985.

Симченко Ю. Б. Праздник Аны'О-дялы у авамских нганасан // Сибирский этнографический сборник. М.: Наука, 1963. С. 177–178.

Топоров В. Н. О структуре некоторых архаических текстов, соотносимых с концепцией «мирового дерева» // Тр. по знаковым системам V. Сб. науч. ст. в честь М. М. Бахтина (к 75-летию рождения). Тарту: Тартуский ГУ, 1971. С. 9–62.

Arhippa Perttusen runot / Toim. I. Kemppinen. Helsinki, 1965.

Castren M. A. Tutkimusmatkoilla Pohjolassa. Porvoo; Helsinki, 1967.

Elias Lönnrotin matkat. 1. osa. Helsinki: SKS, 1902.

Enäjärvi-Haavio E. Pankame käsi kätehen. Porvoo; Helsinki, 1949.

Haavio M. Viimeiset runonlaulajat. Porvoo; Helsinki, 1948.

Hautala J. Suomalainen kansanrunouden tutkimus / SKST 244. Helsinki, 1954.

Karjalan laulajat. Helsinki; Tampere, 1968.

Kaukonen V. Lönnrot ja Kalevala. Helsinki: SKS, 1979.

Konkka A. Arkistotietoja Arhippa Perttusesta ja hänen perheestään // Punalippu. 1985. N 2. S. 69–72.

Latvajärven laulajat / Ладвозерские рунопевцы. Руны, записанные от Арhipпа и Мийхкали Перттуненов. Петрозаводск: Карелия, 2008.

Niemi A. R. Vienan läänin runonlaulajat ja tietäjät. Helsinki: SKS, 1921.

Perttu P. Väinämöisen venehen jälki. Petroskoi, 1978.

Siikala A.-L. Arktiset laulukilpailut // Kalevalaseuran vuosikirja 61. Helsinki, 1981. S. 82–87.

Steinitz W. Der Parallelismus in der finnisch-karelischen Volksdichtung. Untersucht an den Liedern des karelischen Sängers Arhippa Perttunen / FFC n:o 115. Helsinki, 1934.

Vienan runonlaulajia ja tietäjiä / Julk. H. Virtaranta. Castrenianumin toimitteita 12. Helsinki, 1975.

Virtanen L. Kalevalainen laulutapa Karjalassa. Helsinki, 1968. S. 16.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Конкка Унелма Семеновна

бывший научный сотрудник сектора фольклора Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, к. филол. н.

Конкка Алексей Петрович

научный сотрудник
Институт языка, литературы и истории Карельского
научного центра РАН
ул. Пушкинская, 11, Петрозаводск, Республика Карелия,
Россия, 185910
эл. почта: aleksikonkka@hotmail.com

Konkka, Unelma

Institute of Language, Literature and History, Karelian Research
Centre, Russian Academy of Science

Konkka, Alexey

Institute of Language, Literature and History, Karelian Research
Centre, Russian Academy of Science
11 Pushkinskaya St., 185910 Petrozavodsk, Karelia, Russia
e-mail: aleksikonkka@hotmail.com

УДК 947 (470.22)

ПРИХОДСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ И КАРЕЛЬСКИЕ ЭПИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

М. В. Пулькин

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

Статья посвящена проблеме внедрения в архаические сюжеты карельских эпических песен нового для карельской деревни явления – элементов христианского вероучения. Основные проблемы православного обихода, включенные в сюжеты карельских рун, связаны с приходской повседневностью: взаимоотношениями с «попами», осуществлением церковных таинств крещения и брака, строительством церквей и изготовлением предметов христианского культа.

Ключевые слова: приход, духовенство, церковь, эпические песни, карелы, повседневность, крестьяне, старообрядчество, крещение, венчание, крест, клир, пост, божество.

M. V. Pulkin. DAILY PAROCHIAL LIFE, AND KARELIAN EPIC SONGS

The paper deals with the issue of introduction of elements of the Christian religious doctrine – a phenomenon new for the Karelian village, into the archaic plots of Karelian epic songs. Most Orthodox parish problems integrated into the plots of Karelian epic songs have to do with daily parish life: contacts with priests, administration of the sacraments of baptism and wedding, building of churches, and manufacturing of Christian church goods.

Key words: parish, priesthood, Church, epic songs, Karelians, daily life, peasants, Old Belief, baptism, wedding, cross, clerics, fast, deity.

Тексты карельских эпических песен формировались «в период активного внедрения земледельческой культуры и железной техники в архаический быт оседлых рыболовов, на фоне начинающегося разложения родового строя, перехода от родовой общины к соседской, на фоне этнической консолидации» [Мелетинский, 2004. С. 101]. Однако древние сюжеты не установились раз и навсегда. Они дополнялись историческими реалиями, которые «можно проследить в отдельных, казалось бы, малозначительных деталях и мотивах» [Евсеев, 1986. С. 37]. В частности, сюжеты эпических песен постепенно обогащались новыми христианизи-

рованными вкраплениями, которые оказались немногочисленными в силу слабой развитости приходской системы и ощутимого влияния языкового барьера между белым духовенством и прихожанами.

Эта общая для Архангельской и Олонецкой губерний закономерность особенно отчетливо проявилась в Северной Карелии. Существующая здесь «форма организации религиозной жизни привела к полному устранению священно- и церковнослужителей из повседневной жизни крестьян, сохранению устойчивых языческих верований и в дальнейшем распространению влияния старообрядчества» [Пулькин,

2000. С. 26]. Многие крестьяне-карелы не могли посещать храм из-за огромных расстояний, разделяющих церкви и приходские селения. Клир был вынужден путешествовать по приходу, совершая, иногда со значительным опозданием, церковные обряды. Все эти коллизии религиозной жизни прямо и косвенно влияли на сюжеты эпических песен.

Сюжеты карельских рун, в той или иной степени связанные с приходской действительностью, до настоящего времени не стали предметом внимания специалистов. Между тем это ценный источник по истории народного религиозного сознания. Он позволяет исследовать своеобразные черты восприятия наименее воцерковленной частью паствы Олонецкой и Архангельской епархий взаимоотношений между духовенством и прихожанами в материальных и духовных вопросах повседневной религиозной жизни. *Задачей данной статьи является изучение причин, обстоятельств и масштабов внедрения православных (приходских) элементов в сюжеты карельских эпических песен.*

В целом можно сказать, что эпические песни исполнялись верующими, религиозные представления которых отличались своеобразием и содержали ярко выраженные мифологические черты, тесно переплетенные с христианскими сюжетами. При этом трансцендентный мотив нередко являлся доминирующим как в эмоциональном, так и в смысловом аспектах. Например, в карельских эпических песнях представлен неожиданный вариант богоявления:

Иисус сам в церковь едет
На коне, подобном лосю,
Черном, точно рыба лосось,
И по масти, словно щука.
[КФНЭ, 1994. С. 227]

Вера во всемогущество Бога присутствует в эпических песнях самым явным образом. Так, мать погибшей от случайного выстрела девушки надеется на помощь сверхъестественных сил, способных вернуть к жизни умерших:

Помолюсь Творцу смиренно,
Отслужу я Богу службу,
Может, оживит он дочку!
[КФНЭ, 1994. С. 111]

Отдельный сюжет эпических песен связан с настоящим восстанием язычников, «артелью Пагана», намеревающихся расправиться с Луё (христианский создатель, творец). Спасаясь от преследований, он вынужден тщательно замаскировать свое присутствие в мире. Так, местный «поп» обманывает взбунтовавшихся язычников, заявляя, что не знает бога, а ныне даже

само существование церкви якобы вызывает у него сомнения:

На пути у Луё – церковь.
И *попу* велит сказать он:
«Не было здесь этой церкви,
Поп сюда был не назначен,
Здесь теперь на стенах плесень,
Мох на бороде попа!»

[КФНЭ, 1994. С. 328]

Некоторые важные элементы приходской повседневности остались для местного населения малопонятными, что немедленно отразилось в эпических песнях. В частности, речь идет о соблюдении постов. Их происхождение связывалось с типичной для неплодородного Севера ситуацией – страшным голодом. В давние времена «мороз и холод» привели к неслыханной дороговизне хлеба и даже к каннибализму. В память об этих ужасных событиях якобы и появились христианские посты:

Стали два денька в неделю
С той поры всегда поститься.
[КФНЭ, 1994. С. 416]

Присутствие духовенства четко маркирует окультуренное пространство или даже «этот» мир. Так, жители страны туманов, нередко отождествляемой с потусторонним миром Похьелы, названы «язычниками», а оказавшийся в ней Вяйнямёйнен со слезами описывает свою печальную участь:

«Как я угодил, бедняга,
На чужие эти земли,
В местность, где попов не видно!»
[КФНЭ, 1994. С. 142]

Отсутствие приходского духовенства является наиболее зримым доказательством дикости, нецивилизованности или даже потусторонности края, в котором оказывается герой эпической песни. Судьба человека, пребывающего в таком краю, вызывает опасения:

Пошла она в чужие страны,
Попала туда, где нет попов.
[КФНЭ, 1994. С. 171]

Мифический кузнец, «вековечный кователь» Ильмоллини, работает в кузнице, «где поп не ходит, где и окон-то совсем нет». Признаками запредельности его мастерской обусловлена коллизия: поддавшись обману, персонаж эпических песен убивает всех своих родственников и остается совершенно один [КФНЭ, 1994. С. 399]. В другой эпической песне страна, где отсутствуют попы, наделяется и другими запредельными чертами:

Ехали, приехали, где погосты без попов,
Где домики без окон.

[КЭП, 1950. С. 376]

Природный мир, стихии также противоположны упорядоченному церковному мироустройству. Поэтому возведение церкви представляется сказителям как процесс, в котором присутствие несакрализованной природной стихии недопустимо. Примечательно, что подобное трепетное восприятие материала, из которого возводили храм, характерно и для христианской культуры. Так происходило сближение двух мировоззрений, связанных с разными эпохами. По сути дела, изобразительные средства, присущие мифологии, в данном случае поставлены на службу христианству:

Дерево заговорило,
Дуб им начал говорить:
«Из меня же ведь не будет
Для порога церкви проку
И для алтаря святого.
Волк моих корней касался,
Проходил медведь ведь рядом»...
[КФНЭ, 1994. С. 171]

Приходская церковь становится наиболее зримым и важным символом родного края. Именно по ней в первую очередь тоскует странник:

Плакал также Лемминкяйни,
Вида остров уходящий
И макушку местной церкви...
[КФНЭ, 1994. С. 261]

В мире персонажей эпических песен христианские знаки-символы оказываются залогом стабильности, верности слову, неизменности судьбы:

Обещал быть вечно вместе,
Вечные давал он клятвы
Ей пред иконой медной.
[КФНЭ, 1994. С. 315]

Иногда христианские символы становятся желанной наградой за добрые вести:

Если скажешь хорошие вести –
Крестик скую на грудь тебе...
[КЭП, 1950. С. 353]

Из всего сказанного ясно, что образ «попов» не может не наделяться положительными чертами. Вопрос состоит лишь в причинах возникновения и сохранения этих черт. При анализе карельских эпических песен необходимо помнить о ряде существенных обстоятельств, накладывающих отпечаток на образ «попа». *Во-первых*, образ священника формировался в народном сознании как обобщенный образ высокостатусной личности, возможно замещающей собой иной, дохристианский, древний и постепенно исчезающий из памяти людей XIX столетия образ, являющийся его прямым предшест-

венником. В качестве такового может рассматриваться предок-родоначальник или глава патриархальной семьи, мнение которого в матримонимальных вопросах имело особую значимость. Неспроста эпические песни абсолютно не замечают реально существовавшую проблему языкового барьера между прихожанами и духовенством. Слово «попа» понятно каждому и вызывает отклик в сердцах:

Девушку ту все хвалили,
На земле все прославляли.
Поп хвалил ее в приходе,
Род земной любил девицу.
[КФНЭ, 1994. С. 21]

Своеобразным обозначением статуса духовенства становятся слова «страшного дракона», на съедение которому отдана прекрасная девушка. Вместо нее чудовище предполагает сожрать «попа», проницательно приравненного им к королю или пяти парням:

Рассудил дракон тот мудро:
«Нет, я не проглочу девицу <...>
Пять парней я съем здесь лучше
И попа с поповским причтом,
Короля я в шлеме съем здесь...»
[КФНЭ, 1994. С. 381]

Языческие пиры и происходящие на них конфликты являются излюбленным сюжетом эпических песен. Ведь в древности пир являлся местом обретения личностью нового статуса или поддержания существующего положения, создания новых общностей или укрепления имеющихся. В конечном итоге за пиршественным столом формируются и поддерживаются социальные связи архаического общества. В сюжетах эпических песен пир обретает новые, но все же узнаваемые черты, если он происходит в доме «попа», который и здесь наделяется высоким статусом.

А на пир в поповом доме
Ехали верхом хромые,
А слепые же – на лодках.
[КФНЭ, 1994. С. 252]

Примечательно, что пиршеству в жилище «попа» в эпических песнях приписываются христианизированные черты. Оно открыто для всех. В других сюжетах, связанных с пирами, эти черты еще более заметны. В пиршестве участвуют только крещеные гости, что является своего рода гарантией безопасности происходящего:

Еду я на пир в Пяйвёлу,
Пиво пить в кругу хорошем,
Где крещеные все гости!
[КФНЭ, 1994. С. 266]

Во-вторых, в основном ареале бытования карельских эпических песен контакты духовенства и прихожан оставались редким явлением, что накладывало ощутимый отпечаток на фольклорные тексты. Путь к местной церкви и в реальности, судя по документам консистории, зачастую превращался в полное трудов и опасностей путешествие. Эпические песни придают бытовой проблеме грандиозный размах. Здесь речь идет не только о преодолении пространства, но и о попутной утрате персонажем определенных свойств, характерных черт языческой эпохи, когда песня-заклинание имела сакральный смысл и мощную магическую силу:

Каменист был путь до церкви,
У певца разбились сани,
Певчий полз в них сломался.
[КФНЭ, 1994. С. 116]

В-третьих, священник являлся по сути дела единственным проводником русского культурного влияния в тех местностях, где сохранялись карельские эпические песни. С этим существенным обстоятельством связан как интерес к его личности, так и настороженное отношение к «попу». В то же время стереотипное представление об отсутствии в фольклоре положительного образа представителя белого духовенства не находит подтверждения в изучаемом источнике. Чужак, человек со стороны и представитель иной культуры, становился желанным гостем в домах местных крестьян. Более того, доказательством необычайной красоты девушки становится факт сватовства к ней, помимо других почтенных женихов, также и местных «попов» и даже совсем невероятная подробность: сватовство епископа:

Свататься попы ходили,
Господа шли из дворца к ней,
В пуговицах немцы Нарвы...
[КФНЭ, 1994. С. 23]

Сватался к ней парень шведский,
Сватался к ней и епископ.
[КФНЭ, 1994. С. 338]

Происхождение из «поповского» рода – предмет гордости. Стремясь произвести впечатление на парня, девушка обманывает его, называясь дочерью «попа»:

«Из поповского я рода,
Из господского сословья!»
[КФНЭ, 1994. С. 308]

Обман раскрывается слишком поздно. Выясняется, что новые подробности вплетены в древний сюжет об инцесте и неизбежной каре за него: девушка оказывается родной сестрой юноши. Но не только трагедии отдельной лич-

ности, но и трагические перемены в жизни государств маркированы образом «попов». Так, штурм и падение вражеской крепости под натиском русских войск рисуется как позор местных «попов», вынужденных поспешно спасаться бегством, а падение «поповских» домов символизирует поражение вражеских войск:

Пали крепостные стрехи,
И дома попов упали.
Без рубахи поп тут в бегство,
Без подштанников пустился.
[КФНЭ, 1994. С. 422]

Итак, существенное внимание в карельских эпических песнях уделено статусу приходского духовенства. «Попы» изображены в них не только как особая профессиональная группа населения, но и как представители обширного и таинственного православного мира, наделенные особыми полномочиями и предъявляющие к населению свои собственные строгие требования, связанные с образом жизни и необходимостью регулярного совершения христианских обрядов. Исследование сюжетов здесь не таит неожиданностей. Особое значение карелы придавали обрядовой стороне религиозной жизни, и эпические песни прямо указывают на это обстоятельство. Судя по этим произведениям, значительную роль играло погребение. Один из героев эпических песен, Лаппалайнен, описывая свою печальную судьбу, подчеркивает существенные трагические обстоятельства близкой внезапной гибели, когда христианским обрядам не будет отведено должного места:

«Умереть могу, бедняга,
И без ладана погибнуть...»
[КФНЭ, 1994. С. 108]

Другие церковные обряды расцениваются как не менее важные и желательные. Но и здесь карельские песни, как и другие источники, отмечают специфические черты. В реальности крещения в карельских деревнях нередко совершали «бабки», которые давали младенцу имя и выполняли упрощенный, примитивный обряд [Сурхаско, 1985. С. 42]. Эпические песни излагают проблему в присущем им стиле. Иногда в этих рунах присутствует мысль о диком, первобытном состоянии людей, лишенных крещения, что отражает серьезное отношение к таинству, характерное для ряда местностей Карелии:

Не было попов в то время,
Люди без имен ходили.
[КФНЭ, 1994. С. 407]

В эпических песнях встречаются упоминания о попытках местных жителей самостоятель-

но решить проблему. Так, специально приглашенный издали старик, а не священник, крестит «мальчонку», которому родственники выбирают языческое имя, что и становится предметом длительных споров между ними. Примечательно, что все спорящие предлагают традиционные карельские, а не христианские имена. По мифологическим представлениям, в определенной степени сохраняющимся и в сознании современных людей, имя определяет судьбу человека. В данном случае участь новорожденного заранее явно не связывалась с миром христианских ценностей:

Шел старик крестить мальчонку <...>,
Дали имя Ёвкамойне,
Не годилось это имя,
Дали имя – Кавкамойне,
Это имя пригодилося.
[КФНЭ, 1994. С. 99–100]

Но и в том случае, если приходской священник становится участником обряда крещения, его появление не лишает происходящее ярко выраженных мифологических элементов. Скорее наоборот, «поп» в данном случае сближается с божеством судьбы, предсказывающим новорожденному его главное предназначение в жизни:

Поп пришел крестить сыночка <...>,
И крещен был тот ребенок
Королем лесной Меччелы,
Остров денежный хранить там.
[КФНЭ, 1994. С. 99–100]

Аналогичные сюжеты связаны с судьбами других людей, но и они повествуют о предопределении судьбы человека в момент крещения:

Мальчика тогда крестили,
Похьелы царем назвали.
[Ладвозерские рунопевцы..., 2008. С. 60]

В то же время конфликтные ситуации между «попами» и населением Карелии в большинстве случаев носят латентный характер и связаны преимущественно с отсутствием средств на оплату церковных треб, а не с принципиальными разногласиями. Так, вневременная коллизия связана с походом матери к священнику:

Шла к попу за именами,
Но вернулась – гроши жалко.
[КФНЭ, 1994. С. 170]

В другом варианте эпических песен встречается и такой сюжет, в котором дети сами нарекают себе имена, избавляя свою мать от затрат, связанных с обращением к «попу» [КЭП, 1950. С. 283].

Решение непростого материального вопроса подсказывала жизнь. В научных трудах такой

подход называется «стихийной беспоповской практикой» – крещением младенцев мирянами без последующего миропомазания. Эта норма поведения была распространенным явлением и расценивалась как недопустимое отклонение только самим духовенством. Для местных жителей такое поведение казалось обыкновенным. Возможно и иное объяснение. Архаическое сознание с трудом воспринимало понятие услуги, носящей, как известно, невещный характер, т. е. не связанной с более понятным местным жителям натуральным обменом. В то же время монеты, необходимые для выплаты налогов, оказывались в руках крестьян крайне редко. Трата скромных финансов крестьянской семьи на малопонятное церковное таинство, без которого прекрасно обходились многие поколения предков, казалась очень странным делом. Эпические песни излагают сложную проблему на присущем им языке:

Родила я трех сыночков.
Надо бы попу позвать, чтобы имена им дать.
Но гроши не буду тратить –
Я сама их назову!

[КФНЭ, 1994. С. 175]

Осуществление иных таинств прослеживается в эпических песнях значительно слабее. Так, традиционный для мифов разных народов и стран сюжет о похищении женщины дополняется новыми христианизированными элементами. В данном случае мы имеем дело не только с характерным мифологическим сюжетом, но и с частью приходской реальности, которая в документах консистории названа «невольным обвенчанием»:

Обручив, вели насильно,
Под венец вели насильно,
Кольца обменяв насильно,
Повели в избу насильно.
[КФНЭ, 1994. С. 369]

Сюжеты, связанные с конфликтами «попов» и прихожан, обусловлены поведением отдельных представителей сословия, которые пытались использовать свой особый статус для личных эгоистических целей. В уста карельской девушки вложено повествование о домогательстве со стороны «попа»:

В праздник я ходила в церковь, <...>
Там дородный отпрыск Рийко
Был, красивый поп Калевы,
Проповедь читал, в сапожках,
Меч на поясе привесив,
Проповедь свою закончив,
Требовал меня к себе он,
Предлагал стать потаскухой.

[КФНЭ, 1994. С. 334]

Негативные переживания персонажей эпических песен далеко не всегда связаны с духовенством. Иногда это малопонятные местным жителям нормы поведения, вторгающиеся в устоявшийся уклад жизни, привнося в него новые, неслыханные прежде черты:

Мать ту церковь не любила,
Нищих – у ограды.
[КФНЭ, 1994. С. 199]

Подводя итоги, отметим, что в карельских эпических песнях предпринята попытка осмысления нового для карельской деревни явления: церковного влияния, становящегося все более заметным, использующего государственную поддержку и пытающегося заметно изменить освященный веками строй жизни местного населения. Известно, что «определяющую роль для фольклорного творчества играют элементы этнографической действительности» [Путилов, 1994. С. 117]. Возникновение и развитие христианских элементов в карельских эпических песнях подчиняется общей закономерности. Объективно христианские сюжетные линии в эпических песнях способствовали ускоренной интеграции православных ценностей в мировоззрение карельских крестьян. Во всяком случае, враждебность новизне прослеживается слабо. Очевидно иное: включая в традиционные

сюжеты реалии приходской жизни, рунопевцы адаптируют их к меняющимся историческим условиям, при которых христианское вероучение стало одним из важных компонентов мировоззрения карельских крестьян, не утратившего связей с дохристианскими представлениями.

Литература

Евсеев В. Я. К вопросу об историзме карело-финских рун // «Калевала» – памятник мировой культуры. Петрозаводск: Карелия, 1986. С. 37–42.

Карело-финский народный эпос. В 2-х кн. Кн. 2. М.: Вост. лит-ра РАН, 1994. 510 с. (В тексте – КФНЭ.)

Карельские эпические песни / Предисл., подгот. текстов и коммент. В. Я. Евсеева. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 526 с. (В тексте – КЭП.)

Ладвозерские рунопевцы. Руны, записанные от Архиппа и Мийхкали Перттуненов / Пер. Э. Киури и А. Мишин. Петрозаводск: Карелия, 2008. 176 с.

Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. М.: Вост. лит-ра РАН, 2004. 462 с.

Пулькин М. В. «Карельские приходы» православной церкви в Кемском уезде (вторая половина XIX – начало XX в.). Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 2000. С. 26–36.

Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 1994. 236 с.

Сурхаско Ю. Ю. Семейные обряды и верования карел. Конец XIX – начало XX в. Л.: Наука, 1985. 170 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Пулькин Максим Викторович

старший научный сотрудник, к. и. н.
Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН
ул. Пушкинская, 11, Петрозаводск, Республика Карелия, Россия, 185910
эл. почта: vmp@sampo.ru
тел.: (8142) 530305

Pul'kin, Maksim

Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Science
11 Pushkinskaya St., 185910 Petrozavodsk, Karelia, Russia
e-mail: vmp@sampo.ru
tel.: (8142) 530305

ИСТОРИЯ НАУКИ

УДК 37 (2Р-6 КАР)

РОЛЬ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ИНСТИТУТОВ КАРЕЛИИ В РАЗВИТИИ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК В 1930-е ГОДЫ

С. Н. Филимончик

Петрозаводский государственный университет

На материалах Карельского НИИ (1930–1937) и Карельского НИИ культуры (1937–1941) характеризуется процесс становления гуманитарных наук в республике в 1930-е гг. Проанализированы пути подготовки, квалификация, условия жизни научных сотрудников, их вклад в развитие образования и культуры. Охарактеризованы основные направления научных исследований в области истории, этнологии, фольклора, лингвистики. Показано влияние сталинизма на гуманитарную науку и роль науки в пропаганде сталинизма.

Ключевые слова: НИИ, история, фольклор, этнология, лингвистика, литературный язык, сказитель, научные исследования, идеология.

S. N. Filimontchik. ROLE OF SCIENTIFIC RESEARCH INSTITUTES IN KARELIA IN THE DEVELOPMENT OF THE HUMANITIES DURING THE 1930s

The process of establishment of the humanities in Republic of Karelia during the 1930s is described in the article basing on the data compiled by the Karelian Research Institute (1930–1937) and Karelian Culture Research Institute (1937–1941). The ways of training scientific staff, their qualifications, living conditions, their contribution to the development of education and culture are analyzed. The main directions of scientific research in the fields of history, ethnology, folklore, linguistics are characterized. The author shows the impact of Stalinism on the humanities and the role of science in the propaganda of Stalinism.

Key words: scientific research institutes, history, folklore, ethnology, linguistics, literary language, storyteller, scientific research, ideology.

Изучение истории гуманитарных исследований в Карелии в сталинское время имеет свою традицию. В первой половине 1930-х гг. дея-

тельность научных учреждений КАССР широко освещали советские периодические издания [Макарьев, 1931, 1932, 1935; Гюллинг, 1932;

Пальвадре, 1932]. В связи с репрессиями ряда исследователей и уничижительной критикой их трудов во второй половине 1930-х гг. изучение этих вопросов прекратилось. В послевоенное время основное внимание уделялось работе научных организаций, созданных после Великой Отечественной войны [Андриайнен, 1946; Горский, 1948; Наука..., 1948; Развитие науки..., 1970].

В 1980-е гг. развитие науки в сталинское время на материалах Карелии проанализировала А. И. Афанасьева [1989, 1990]. Важная роль первых научных учреждений в развитии образования и культуры КАССР подчеркнута в обобщающих работах 1990-х гг. [Ученые..., 1999; Академическая наука..., 2006]. Высокая оценка деятельности НИИ Карелии дана в монографии Т. Г. Ивановой [2009], посвященной истории отечественной фольклористики в 1900–1941 гг. Предметом научного анализа Е. В. Марковской [2006] стал фольклорный архив, формировавшийся в НИИ в 1930-е гг. Обстоятельная характеристика деятельности региональных ученых в 1930-е гг. содержится в исследованиях Ю. А. Савватеева, М. И. Шумилова, Г. Н. Богдановой, И. Ю. Винокуровой, И. Р. Такала, Н. А. Кораблева и др. [Шумилов, 1992; Савватеев, 1999, 2009б; Богданова, Винокурова, 2006; Кораблев, 2007]. Особенностью исследовательского подхода последних лет является стремление анализировать не только концепции и идеи 1930-х гг., определившие развитие советской науки в последующие десятилетия, но и специфику социально-культурного контекста, вызвавшего эти идеи к жизни, взаимовлияние науки и массового сознания, ученых и политиков.

Профессиональная наука в Карелии родилась в сложных условиях форсированной индустриализации. 24 сентября 1930 г. СНК КАССР принял постановление «Об организации Карельского научно-исследовательского (комплексного) института – КНИИ». Финансирование деятельности КНИИ было возложено на республиканский бюджет. В 1934 г. институту передано помещение в центре города. Определенной поддержкой ученых в период карточной системы являлось снабжение их продуктами по более высоким нормам индустриальных рабочих. Заработная плата исследователей выросла за 1930-е гг. со 150–280 руб. до 600–900 руб. в зависимости от стажа работы и наличия ученой степени. В 1940 г. средняя зарплата научных сотрудников в РСФСР превышала средний заработок промышленных рабочих и служащих в 1,4 раза, работников здравоохранения – в 1,9 раза [АКНЦ, ф. 1, оп. 48, д. 2, л. 2; оп. 3, д. 279,

л. 60, 62; д. 180, л. 17]. В то же время многие материальные проблемы сохраняли остроту. Тяжелыми были жилищные условия молодых специалистов, прибывавших на работу в Петрозаводск, скудным оставалось снабжение участников научных экспедиций. Несмотря на трудности, в середине 1930-х гг. в КНИИ сложился коллектив специалистов разного профиля. Если в 1931 г. в институте работало всего 10 сотрудников, то в 1935 г. – уже 109 [АКНЦ, ф. 1, оп. 48, д. 180, л. 17].

Первым директором КНИИ стал глава правительства Карелии Э. А. Гюллинг, выделявшийся среди региональной управленческой элиты высоким уровнем профессиональной подготовки в области экономики, опытом научно-исследовательской деятельности. Его заместителем был назначен директор Каргосмузея этнолог С. А. Макарьев. Из государственных структур пришел в КНИИ ученый секретарь В. В. Масленников, работавший в 1924–1930 гг. начальником административного отдела НКВД.

Руководство КНИИ привлекло к сотрудничеству известных ученых – директора Института языка и мышления И. И. Мещанинова, директора Музея антропологии и этнографии Н. М. Маторина, ведущего специалиста Института антропологии и этнографии СССР Е. Г. Кагарова, заведующего отделом Государственного Исторического музея А. Я. Брюсова, профессоров Ленинградского университета М. К. Азадовского, Д. В. Бубриха и др. Они выполняли экспертную, консультационную, редакторскую работу, направляли на работу в КНИИ своих талантливых учеников, руководили подготовкой аспирантов.

В то же время нельзя забывать, что в 1930-е гг. в Карелии находились репрессированные философы А. Ф. Лосев, А. А. Мейер, П. А. Флоренский, филологи Д. С. Лихачев, Н. Н. Дурново, историки Н. П. Анциферов, М. Д. Приселков, Б. А. Романов и много других представителей гуманитарной интеллигенции. В XIX в. попавшие в опалу интеллектуалы нередко получали в местах ссылки возможности для научного творчества и даже государственной службы. Создание для репрессированных гуманитариев бесчеловечных условий в 1930-е гг. является свидетельством не только жестокосердия власти: отлучение ученых от профессиональной деятельности в условиях острой нехватки научных кадров на Севере России противоречило государственным интересам.

Из бывших «зеков» удалось устроиться в КНИИ лишь Н. Н. Виноградову. На постоянную работу в Петрозаводск прибыл исследователь, получивший до революции хорошую гумани-

тарную подготовку в Петербургском и Московском университетах. Опыт фольклорной и этнографической деятельности Н. Н. Виноградов приобрел, работая в Русском музее, создав губернский музей в Костроме, а в заключении – музей Соловецкого общества краеведения. До революции Н. Н. Виноградов являлся членом ряда научных обществ, редактировал журналы «Живая старина» и «Записки отделения этнографии». В Костроме Виноградов в качестве помощника правителя канцелярии губернатора занимался устройством музея и сбором коллекций. В советское время Н. Н. Виноградов активно трудился в Костромском губернском отделе образования, совпартшколе, кооперации, региональной печати. Однако активная деятельность в канцелярии губернатора, видимо, не была забыта. Во время революции и Гражданской войны условия хранения и контроль за государственными музейными и архивными фондами ухудшились, что повсеместно вызвало рост хищений культурных ценностей. Когда в 1926 г. в личном собрании Виноградова были выявлены незаконно хранящиеся рукописи, книги, материальные предметы из библиотек, архивов, музеев, по решению Особого совещания при коллегии ОГПУ он был сослан на Соловки. По окончании срока уголовного наказания в феврале 1928 г. Н. Н. Виноградов работал на Соловках в качестве ученого секретаря Соловецкого общества краеведения вплоть до его ликвидации в 1932 г. [Марковская, 2007; Савватеев, 2009а].

На работу в КНИИ поступили преследуемые на родине финские политэмигранты – Ээро Хаапалайнен и Лаури Летонмяки. В юности они учились в Хельсинкском университете (Хаапалайнен – на юридическом, Летонмяки – на историко-филологическом факультете). Курса не завершили из-за того, что с головой ушли в общественную и политическую работу. Оба работали в социал-демократических изданиях, приобрели хороший журналистский и редакторский опыт. Во время революции 1918 г. Л. Летонмяки вошел в революционное правительство, был назначен наркомом юстиции. Э. Хаапалайнен в дни революции – уполномоченный революционного правительства по внутренним делам и главнокомандующий Красной гвардией. После поражения революции оба эмигрировали в Советскую Россию и были посланы в Карелию. Л. Летонмяки работал в редакции республиканской газеты «Пунайнен Карьяла» и издательстве «Кирия», преподавал в финском педтехникуме. Карьера Э. Хаапалайнена в Карелии поначалу не заладилась: из-за неукротимого нрава, нарушений дисциплины и пристра-

стия к спиртному в 1925 г. он исключен из РКП(б), отправлен «на исправление» в Ухту, где работал в уездном исполкоме, занимался журналистикой и преподаванием. В 1931 г. Э. Хаапалайнен был приглашен на работу в историко-революционную секцию КНИИ [Такала, 1996; Ученые..., 1999. С. 288]. Решающую роль сыграли его энергия, знания и большой политический опыт.

Большинство научных сотрудников КНИИ составляла молодежь 1902–1910 годов рождения. Несмотря на яркую индивидуальность многих молодых ученых в их судьбах можно вычлени общие контуры. Почти все молодые ученые были выходцами из крестьянских, рабочих, разночинских семей, и путь в науку им открыла революция. Заместитель директора КНИИ С. А. Макарьев вырос в крестьянской семье прионежских вепсов, руководитель этнографолингвистической секции А. Н. Нечаев – в семье крестьян Пудожского уезда. Детство В. И. Машезерского прошло в многодетной семье сельского учителя в Олонце. До революции многие будущие специалисты КНИИ успели получить лишь начальное образование. В. И. Машезерский в 1917 г. окончил городское училище в Олонце, в 1923 г. – педагогический техникум в Петрозаводске. А. Н. Нечаев в 1920 г. окончил Пудожское высшее начальное училище. В. Я. Евсеев в 1927 г. окончил школу-девятилетку в Петрозаводске. В. И. Пегов в 1928 г. окончил школу взрослых, работая столяром на заводе.

Большинство будущих исследователей имели опыт педагогической деятельности. В 1912–1926 гг. работал учителем в с. Ведлозеро будущий автор учебников для карельских школ Н. А. Анисимов. Оторвался от педагогики он только во время Первой мировой войны в связи с мобилизацией в действующую армию. Армейская закалка помогла Н. А. Анисимову продолжить работу с детьми в условиях послевоенной разрухи. В 1926 г. заведующий Ведлозерской школой первой ступени Н. А. Анисимов был выдвинут на должность инспектора Наркомпроса КАССР. Однако в первые годы нэпа закрепиться на педагогическом поприще было трудно из-за мизерных заработков учителей, поэтому молодежь покидала школу, спасаясь от нищеты. Прекрасно проявивший себя в учительском деле, Н. И. Богданов с 1922 г. работал продавцом, счетоводом в кооперации и леспромхозе. Заведовавший начальной школой А. Н. Нечаев перешел на работу в трест «Севзаплес», где стал сначала чернорабочим, затем варщиком целлюлозы. Одно время трудились рабочими на заводах В. И. Пегов, М. М. Хямяляйнен и др.

Вместе с тем талантливую молодежь не покидало желание учиться. Имея немалый жизненный опыт, окончили Педагогический институт имени Герцена В. И. Машезерский, М. М. Хямляйнен. Окончили три курса Ленинградского университета А. Н. Нечаев, В. Я. Евсеев. Некоторым получить образование помогли общественные организации. По путевке Череповецкого райкома комсомола поступил в Историко-архивный институт В. И. Пегов. По направлению профсоюза учился в Ленинградском университете С. А. Макарьев.

Уже во время учебы, в начале трудового пути многие приобщились к исследовательской деятельности, активно участвовали в научных экспедициях. В 1926 г. студент Ленинградского университета А. М. Линевский открыл петроглифы на скалах р. Выг, недалеко от побережья Белого моря, и начал активную исследовательскую работу по изучению наскальных изображений. В конце 1920-х гг. выпускник Ленинградского университета С. А. Макарьев организовал экспедицию по изучению материальной культуры, фольклора вепсов Шелтозерского района. Студенты географического факультета Ленинградского государственного университета под руководством С. Макарьева провели этнологическое обследование с. Шуя Прионежского района – записали рассказы старожилов, сделали зарисовки и фотографии. В 1927–1928 гг. хорошо зарекомендовал себя во время работы Северо-Западной этнологической экспедиции Г. Х. Богданов. В конце 1920-х гг. Г. Х. Богданов активно занимался изучением карельского языка. Его однофамилец Н. И. Богданов в 1931 г. возглавил созданную при Институте языка и мышления АН СССР группу учителей-вепсов, которая приступила к составлению школьных учебников на родном языке. В первой половине 1930-х гг. В. И. Машезерский преподавал в вечернем рабочем университете и Комвузе, являлся ответственным секретарем Каристпарта, а в 1936 г. был направлен на работу в КНИИ на должность ученого секретаря [Кораблев, 2007].

После революции прервалась традиция подготовки небольшого числа специалистов высшей квалификации из числа выпускников университетов, оставленных при кафедре для написания магистерской диссертации под руководством ведущих профессоров. Аспирантура, созданная в конце 1920-х гг., не могла сразу стать основной формой подготовки научных кадров, численность которых быстро росла. В этих условиях молодые исследователи региональных научных центров осваивали технологии исследовательской деятельности самостоятельно. Многие успешно справлялись с

трудностями, так как обладали качествами, необходимыми ученому – увлеченностью научным творчеством, упорством и целеустремленностью, высокой работоспособностью, хорошим образованием. Власть поддержала их горячее желание служить науке, и молодые исследователи стремились оправдать доверие.

В области истории основное внимание предполагалось уделить развитию революционного движения. В начале 1930-х гг. в условиях мирового экономического кризиса выросли надежды большевиков на революционный взрыв в Европе. В докладе Э. А. Гюллинга на Первой сессии КНИИ подчеркивалось, что экономический кризис на Западе переходит в кризис политический, доверие к капитализму у трудящихся падает. В этих условиях важнейшей задачей института Э. А. Гюлинг называл «показать те пути, по которым мы завоевали власть здесь на севере, чтобы эти пути стали ясными и для тех, кто еще за нашей границей и еще по этому пути не пошли, в первую очередь для финляндского пролетариата» [АКНЦ, ф. 1, оп. 3, д. 32, л. 56–59].

В июле 1931 г. по инициативе М. Горького ЦК ВКП(б) принял решение о написании многотомной «Истории Гражданской войны». В начале 1932 г. Секретариат Главной редакции опубликовал проспект издания. Задачей региональных научных центров стало всяческое содействие этому крупномасштабному проекту. В республике было принято решение о подготовке к изданию Истории Гражданской войны в Карелии на финском и русском языках. Совместно с Карельским областным бюро краеведения был составлен и частично опубликован библиографический указатель литературы по Гражданской войне [АКНЦ, ф. 1, оп. 3, д. 67, л. 6]. В 1932 г. выпущена книга очерков «Гражданская война в Карелии» на финском языке. Были составлены карты, освещающие ход боевых действий. На научном заседании исторической группы в январе 1937 г. обсуждалась периодизация Гражданской войны в Карелии. В. И. Машезерский в основу периодизации положил вехи вооруженной борьбы «красных» с интервентами из Финляндии и стран Антанты, а о социальном противостоянии в обществе говорил очень кратко. Тем не менее докладчик признал, что составной частью Гражданской войны являлись события на севере Карелии в 1921–1922 гг., когда «белофинны подняли в Ругозере восстание» [АКНЦ, ф. 1, оп. 3, д. 224, л. 3].

Важным направлением деятельности стало выявление источников. С. Макарьеву и Л. Летонмяки была поручена подготовка сборника документов по истории Гражданской войны.

В состав историко-революционной секции вошел историк-архивист Н. В. Хрисанфов, что позволило обеспечить связь ученых с Центральным Архивом Карелии [АКНЦ, ф. 1, оп. 1, д. 106, л. 8; оп. 3, д. 5, л. 44].

Большая работа проводилась по сбору воспоминаний. Уже в 1932 г. опубликованы 59 воспоминаний карельских партизан – активных защитников советской власти. Расположили воспоминания по географическому признаку – события под Петрозаводском, в Заонежье, у Олонца, в Беломорье и т. д. В разделе «Бандитизм в Карелии» освещались военные действия в КТК в 1921–1922 гг. К сбору воспоминаний привлекли фольклористов КНИИ. В 1932 г. А. М. Астахова и ее коллеги записали рассказы о Гражданской войне в районе Медвежьей Горы и Повенца. Частично была начата их публикация [Астахова, 1935]. Однако большая часть собранных материалов не увидела свет. Воспоминания содержали индивидуальное видение событий, не укладывающееся в идеологические клише. Например, мемуаристы рассказывали, что военному делу бойцов Карельского легиона обучали английские офицеры, а члены правительства Тоймикунта помогали бежавшим от «белых» большевикам [Дубровская, 2005, 2006]. Такие факты трудно было вписать в предложенные образцы, в качестве которых рассматривались концепции «Истории Гражданской войны», «Краткого курса ВКП(б)». Во второй половине 1930-х гг. написание воспоминаний было чревато для авторов политическими преследованиями. Так, в 1935–1937 гг. дискуссия в Каристпарте по поводу воспоминаний А. А. Копятевича переросла в составление доноса на автора воспоминаний в Комиссию партийного контроля [Терещенков, 2009. С. 78].

Особое внимание историко-революционная секция КНИИ уделила подготовке биографий активных участников революции и Гражданской войны. Был издан альбом с краткими биографиями красных партизан, их портретами, талантливо выполненными художником А. Кацеблиным. К сбору биографических материалов подключили местные парторганизации. Весной 1934 г. в районы Карелии были разосланы вопросники и инструкции, осенью с мест поступило 600 ответов. Редактирование полученных материалов вели А. М. Линевский, В. И. Машезерский, Э. Хаапалайнен. Однако в условиях массовых чисток второй половины 1930-х гг. составление биографий заслуженных людей могло стать опасным для них. Профессор И. П. Лупанова в воспоминаниях о детстве рассказывает о нависшей над их семьей беде, когда Х. Дорошин обнаружил в списках петрозаводских

кадетов фамилию ее матери и немедленно сообщил об этом «куда следует» [Лупанова, 2007. С. 85].

В 1930-е гг. правящая партия взяла на вооружение новую идеологическую концепцию, в которой основной упор делается не на мировую революцию, а на национально-патриотические идеи, защиту государственных и геополитических интересов России. В центре внимания ученых оказались вопросы укрепления государственности, опыт советского строительства. В то же время идеологический контроль за освещением этих тем резко усилился. В 1934 г. В. И. Машезерский подготовил хронику революционных событий в Карелии в 1917–1918 гг., в которую включил сведения как о работе большевиков, так и о деятельности кадетских, эсеровских организаций, о политической работе в крае депутатов Учредительного собрания после его роспуска и др. [Машезерский, 1934]. Однако эта работа была подвергнута резкой критике партийных органов. В 1935 г. бюро обкома ВКП(б) объявило В. И. Машезерскому выговор «за политическую близорукость», проявленную при подготовке хроники [НАРК, ф. 690, оп. 13, д. 14/859, л. 1–2]. Журнал «Советская Карелия», в котором была помещена хроника, по требованию Главлита КАССР был конфискован и изъят из библиотечной сети [НАРК, ф. 757, оп. 1, д. 2/4, л. 49]. В план работы исторической группы КНИИ на 1939 г. вошла подготовка очерка «Переход власти в руки Советов в Карелии», однако публикация этой работы до начала войны не состоялась.

Опубликованная в 1939 г. статья Х. Дорошина о перипетиях политической борьбы в крае в 1917 г. была чрезмерно политизирована. В центре внимания автора оказалась деятельность Олонецкого губернского Совета в 1917 – начале 1918 г. Дорошин резко критикует действия меньшевиков и эсеров в Петрозаводске, называет их политическую платформу «изменой родине». Даже стремление умеренных социалистов к совместным действиям с большевиками характеризуется автором как «уловка предателей». Заявлению совета 27 октября 1917 г. о переходе к нему власти автор статьи не придает значения, считая, что «весь прежний контрреволюционный аппарат» остался в полной неприкосновенности [Дорошин, 1939]. Такого рода научная продукция говорила о готовности ряда исследователей выполнять политический заказ власти – обосновать правильность курса руководящей верхушки правящей партии, необходимость преследования «врагов народа».

Одним из новых направлений работы историков 1930-х гг. стало изучение политической

ссылки. В КНИИ эту работу активно вел Н. Н. Виноградов. Он основательно изучил фонд канцелярии Олонецкого губернатора, составил картотеку ссыльных, начал подготовку биографического словаря «Политические ссыльные в Карелии». Перу Н. Н. Виноградова принадлежат исследовательские работы о политссыльных Г. Л. Андрузском и П. Н. Рыбникове [Савватеев, 2009а].

Ученые Карелии откликнулись на призыв М. Горького создать историю фабрик и заводов. Сотрудники историко-революционной секции начали сбор материалов о старых промышленных предприятиях края – Онежском механическом, Соломенском, Кемском лесопильных заводах и о первенце советской индустриализации – Петрозаводской лыжной фабрике. В этой работе ученые тесно сотрудничали с трудовыми коллективами предприятий: записывали воспоминания ветеранов, обсуждали в рабочих коллективах подготовленные разделы. Предпринимались попытки изучения истории первых коллективных хозяйств в Карелии и России, в создании которых участвовали финские эмигранты, – коммун «Сеятель» и «Луч». В основном собранные материалы по новейшей истории предприятий остались в рукописях. Опубликовать удалось только исследование С. М. Левидовой по истории Онежского завода в дореформенный период [Левидова, 1938].

Главной задачей этнографо-лингвистической секции стало изучение традиционной культуры народов Карелии. В начале 1930-х гг. большое внимание уделялось вепсам: изучалась их материальная культура, обсуждался вопрос о разработке вепсского литературного языка, исследовалась топонимия Прионежья. Важное значение имели совместные фольклорные экспедиции КНИИ и Института по изучению народов СССР. Зимой 1931 и летом 1932 гг. состоялись научные командировки в Заонежье ленинградских студентов М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпкиной. Они записывали былины, духовные стихи, частушки политического содержания. Летом 1932 г. А. М. Астахова, И. В. Карнаухова, С. С. Писарев, А. Н. Нечаев вели экспедиционную работу в Беломорском крае [Иванова, 2009. С. 546–554]. Одна из самых крупных экспедиций под руководством А. М. Астаховой состоялась в 1933 г. Непросто было организовать работу исследователей в условиях бездорожья и скудного питания. Так, в Ковде, где экспедиция пробыла 8 дней, удалось получить только хлеб и немного сахара. Тем не менее в этом селе ученые записали около 450 песен и сказок, сделали десятки фонозаписей и фотографий, собрали воспоминания о Гражданской

войне на Севере [АКНЦ, ф. 1, оп. 39, д. 68, л. 10–210]. Во время этой экспедиции на одном из рыбацких становищ фольклорист А. Н. Нечаев познакомился с крестьянином села Кереть М. М. Коргуевым и записал от него 93 самобытных, высокохудожественных произведения. Двухтомное собрание сказок М. М. Коргуева, изданное в Петрозаводске в 1939 г., получило высокую оценку специалистов [Сенькина, 1978, 1988; Криничная, 1988].

В июле 1936 г. КНИИ и Институт антропологии, археологии и этнографии АН СССР организовал фольклорную экспедицию под руководством П. Г. Ширяевой в Олонецкий район. В научный оборот было введено устное творчество карельского и русского населения южных районов республики, прежде практически неизвестное. В собирании и изучении фольклора южной Карелии важную роль сыграл В. Я. Евсеев [АКНЦ, ф. 1, оп. 3, д. 5, л. 25–52].

В 1935 г. этнографо-лингвистическая секция стала одним из организаторов празднования в Карелии 100-летия первого издания карело-финского народного эпоса «Калевала». К юбилею впервые в СССР была издана «Калевала» на финском языке. В дни празднования состоялись торжественные заседания, лекции и доклады, выставки различных изданий «Калевалы», выступления рунопевцев и кантелистов [АКНЦ, ф. 1, оп. 3, д. 141, л. 7; д. 175, л. 7–11]. Юбилей способствовал знакомству с эпосом широких слоев населения Карелии и всей страны, активизировал научные исследования «Калевалы». Выявились различия у советских и финских исследователей в подходах к происхождению «Калевалы». Выступая на юбилейных торжествах в Петрозаводске, профессор Е. Г. Кагаров подверг критике концепции о заимствовании карелами рун из Финляндии, о древнегерманских корнях рунических мотивов, об отражении в них преимущественно феодальных отношений. В то же время стремление всячески отмежеваться от «буржуазной науки», проявившееся в ходе дискуссии о «Калевале», свидетельствовало об идеологизации и политизации научной жизни [Иванова, 2009. С. 523–524].

В ходе фольклорных экспедиций впервые были записаны на фонограф и стали активно изучаться музыкальные произведения карелов и вепсов. Большую роль в собирании песенного наследия народов Карелии в 1930-е гг. сыграли Всекарельские художественные олимпиады в Петрозаводске. Во время декады карельского искусства в Ленинграде весной 1937 г. много песен было записано от участников хора колхозниц Петровского района под управлением И. И. Левкина и Шелтозерского вепсского

хора под управлением В. И. Кононова. Е. В. Гиппиус, З. В. Эвальд, Н. Н. Леви, В. П. Гудков подготовили к изданию сборник русских, карельских, вепсских песен [АКНЦ, ф. 1, оп. 39, д. 68, л. 10–210]. Подвижнически трудился, возрождая, совершенствуя народный инструмент кантеле, научный сотрудник КНИИ В. П. Гудков. В 1933 г. по его инициативе создан первый самостоятельный кантеле-оркестр, на базе которого в 1937 г. возник государственный ансамбль песни и танца «Кантеле» [Савватеев, 2009б. С. 41–42].

А. М. Линевский [1939, 1940] вел активную исследовательскую работу по изучению петроглифов. В 1934 г. в целях сохранения этих уникальных памятников по поручению СНК КАССР этнографо-лингвистическая секция организовала в Пудожском районе заповедник Бесовос. В середине 1930-х гг. изучение петроглифов начал В. И. Равдоникас. Ему удалось обнаружить немало новых памятников. Сенсационным стало открытие большого, необычайно выразительного скопления на Залавруге. Все изображения были скопированы и опубликованы, что создало базу для их всестороннего научного изучения.

Искусственно противопоставляя науку и религию, власти стремились использовать авторитет ученых для дискредитации церкви. На первой районной конференции Союза воинствующих безбожников в Петрозаводске в мае 1932 г. в речах ораторов муссировалась идея о духовенстве как верных слугах буржуазии, особенно опасными назывались христианские призывы «люби врага», «все люди братья». Следует отметить, что в этих условиях выступления ученых КНИИ, в обязательном порядке «по должности» участвовавших в антирелигиозных кампаниях, отличались, как правило, сдержанностью. Выступая перед активистами Общества воинствующих безбожников, Г. А. Никитин подчеркивал, что нужно не только бороться с религией, но и изучать ее [НАРК, ф. 718, оп. 1, д. 13/161, л. 14–15]. В 1930-е гг. большое внимание ученые уделили исследованию оппозиционных официальной церкви религиозных течений и язычества. А. Н. Никитина проследила развитие старообрядчества в Олонецком крае, подчеркивая в этом движении антифеодальный протест. На основе экспедиционных наблюдений 1932 г. в Сорокском районе А. Н. Никитина описала один из центров старообрядчества – Пертозерский скит, упомянула о деятельности странников в Нюхче. Автор приходит к выводу, что хотя Октябрьская революция нанесла старообрядчеству решительный удар, на Севере Карелии его традиции еще устойчивы. Активно используя

материалы периодических епархиальных изданий, А. Н. Никитина на основе классового подхода охарактеризовала борьбу православной церкви и лютеранства за влияние в Карелии в начале XX в. [АКНЦ, ф. 1, оп. 32, д. 17, л. 1–81].

В рукописи А. М. Линевского «Христианизация Карелии» (1934) содержится научно-популярное изложение истории монастырской колонизации и старообрядчества в Карелии. Автор детально описывает борьбу со старообрядцами первых олонецких епископов Игнатия (Семенова), Аркадия (Федорова), показывает важную роль церковно-приходских школ в пропаганде христианских ценностей [АКНЦ, ф. 1, оп. 32, д. 10, л. 1–107].

В 1931–1935 гг. в составе института действовало Бюро краеведения (председатель – С. А. Макарьев, ответственный секретарь – Г. А. Никитин). Бюро координировало работу десятков краеведческих ячеек на местах, проводило месячники краеведения, выпускало краеведческую радиогазету, представляло краеведческие заметки в журналы и газеты. Наиболее крупными изданиями, в подготовке которых участвовало Бюро краеведения, стали сборники «Вопросы краеведения в Карелии» (1931), «Краеведение в Карелии на новом этапе» (1933). Сотрудники КНИИ стремились установить прочные связи с энтузиастами изучения родного края на местах. В КНИИ поступила коллекция детского фольклора, собранная учительницей Середкинской начальной школы Кижского сельсовета Е. В. Ржановской. Коллекцию поморских причитаний, заговоров, духовных стихов, песен, частушек передал институту краевед из Сумпосада И. М. Дуров [Лойтер, 1989. С. 143; 1991. С. 149; 2001; 2008. С. 6]. От семьи пудожского учителя В. Ф. Стратонникова поступили в институт записи частушек и плачей. Согласно постановлению Президиума КарЦИК 1 января 1935 г. Карельское бюро краеведения было реорганизовано в Общество изучения Карелии, работавшее до 1937 г. [АКНЦ, ф. 1, оп. 3, д. 190, л. 67–70].

КНИИ развернул работу по подготовке многотомной региональной энциклопедии на русском (4 тома) и финском (8 томов) языках. В 1934 г. это начинание поддержало правительство Карелии. Была разработана концепция издания, подготовлен указатель словарных статей, заключены договоры с авторами, написаны несколько тысяч статей. Однако в условиях «смены власти» в Карелии осуществить этот масштабный проект не удалось.

В середине 1930-х гг. «финское руководство» Карелии обвинили в ориентации на Финляндию. Эмигрантов стали бездоказательно обви-

нять в шпионаже. Были арестованы и вскоре расстреляны бывший директор КНИИ Э. А. Гюлинг, заместитель директора С. А. Макарьев, ведущие специалисты-историки Э. А. Хаапалайнен, Н. В. Хрисанфов, Н. Н. Виноградов, заведующая институтской библиотекой Е. П. Ошевская. Арестам и тюремному наказанию подвергся также ряд служащих КНИИ. Покончил с собой, не выдержав травли, Л. Летонмяки. Опасаясь ареста, покинули Петрозаводск А. Н. Нечаев, Н. Н. Ильин, А. И. Горбков. Формально они уволились по собственному желанию, фактически – бежали от начавшейся травли в связи с «чуждым социальным происхождением», «связью с врагами народа». В печати появились разгромные критические статьи, а то и публичные доносы на вчерашних товарищей, подвергшиеся опале оказались в социальном вакууме, рассчитывать на помощь коллег не приходилось [АКНЦ, ф. 1, оп. 48, л. 23, 51, 60, 67, 71, 82].

В январе 1937 г. Карельский комплексный НИИ был реорганизован в Карельский научно-исследовательский институт культуры (КНИИК), за которым сохранялось только гуманитарное направление. КНИИК должен был вести научные исследования в области лингвистики, истории, фольклора, этнографии, археологии [АКНЦ, ф. 1, оп. 3, д. 221, л. 99]. После «ежовщины» институт не имел директора, его заместителей, не были укомплектованы научными сотрудниками подразделения. В начале 1939 г. в КНИИК не было ни одного специалиста, имевшего ученую степень, из 18 научных сотрудников только 8 имели высшее образование [АКНЦ, ф. 1, оп. 3, д. 253, л. 5]. 17 ноября 1938 г. вышло постановление правительства, запрещавшее «массовые операции по арестам и выселению», осуждавшее «нарушения законности». В изменившихся политических условиях в декабре 1938 г. исполняющим обязанности директора КНИИК был назначен В. И. Машезерский. Прежде местные власти вынуждали его постоянно оправдываться: в 1919 г. кандидат на высокую должность, будучи 17-летним подростком, после нескольких ночных нарядов так устал, что проспал отход своей части, оказался в занятом противником Олонце и неделю караулил склад белых [НАРК, ф. 690, оп. 13, д. 14/859, л. 5]. Теперь намного важнее нелепых обвинений в «отсутствии пролетарской закалки» были организаторские способности и исследовательский опыт ученого.

В конце 1930-х гг. на работу в КНИИК вновь стремились привлечь молодежь – студентов и выпускников ленинградских вузов. Среди откликнувшихся на призыв карельского руководства были филологи А. Д. Соймонов, В. В. Чис-

тов, К. В. Чистов, Н. И. Богданов, М. М. Михайлов. В конце 1930-х гг. изучение художественных карельских промыслов начал художник Г. А. Стронк. Молодежь активно включилась в экспедиционную и исследовательскую деятельность. В 1938–1939 гг. КНИИК провел 11 фольклорных экспедиций – в основном в карельские районы, где были записаны тысячи ранее неизвестных науке произведений устной народной поэзии финно-угорских и русского народов. Экспедиционный материал 1938–1941 гг. составил основу фольклорного архива КНИИК.

Проводилась большая работа по изучению творчества отдельных сказителей – П. И. Рябинина-Андреева, Ф. А. Конашкова, М. М. Коргуева, Ф. П. Господарева, Т. Е. Туруева, Ф. Н. Свинына, Ф. И. Быковой и др. Прожившие трудную жизнь крестьяне, попав в поле зрения ученых, в одночасье стали знаменитыми, получили почет и уважение. Сказочников и былинщиков приглашали на слеты и совещания, материалы о них широко публиковала печать. В 1939 г. группа карельских сказителей была награждена орденами «Знак почета». Власти стремились использовать талант известных мастеров в пропагандистской работе.

Основное внимание в это время стали уделять сбору «советского» фольклора: рассказам о революции и Гражданской войне, песням, частушкам, пословицам о колхозном строительстве, устной поэзии рабочего класса. Исследователи записывали плачи о Ленине и Кирове, о замученных белыми красноармейцах, о летчиках, погибших при катастрофе советского дирижабля «СССР Б-6», былины о Чапаеве, о подвиге челюскинцев и папанинцев, сказы о Тойво Антикайнене. Фольклористы не только фиксировали произведения «советского» фольклора, но и стремились «организовать» сказителей на создание произведений о советской жизни и новых героях. В Петрозаводске были изданы сборники «Сказы и плачи о Ленине» (1938), «Сказания о героях Арктики» (1938).

В конце 1930-х гг. под грифом КНИИК в Петрозаводске опубликован ряд важных фольклорных источников: сборник былин П. И. Рябинина-Андреева (1940), сборник «Русские плачи Карелии» (1940), сборник «Былины Пудожского края» (1941) и др. В то же время далеко не все подготовленные к изданию работы доходили до читателя. Профессор Ленинградского университета В. Я. Пропп представил к публикации в Петрозаводске свою докторскую диссертацию «Исторические корни волшебной сказки», успешно защищенную в июне 1939 г. на филфаке ЛГУ. Институт впервые передал в Госиздат Карелии монографическое исследование по

фольклору, однако издательство отказалось печатать книгу выдающего ученого России «по мотивам неактуальности» [АКНЦ, ф. 1, оп. 3, д. 279, л. 25–28]. Для чиновников, принимавших решение о публикации, решающую роль сыграло то обстоятельство, что труды В. Я. Проппа во время идеологических проработок 1930-х гг. резко критиковались за «формализм». Монография «Исторические корни волшебной сказки» впервые будет опубликована в Ленинграде в 1946 г.

В сложнейших условиях массовых репрессий в Карелии впервые развернулась широко-масштабная работа по созданию единого литературного карельского языка. Особенно важную роль в этой работе сыграл профессор Д. В. Бубрих [Бубрих, 1992; Клементьев, 2008]. Он подготовил Программу по собиранию материала для диалектического атласа карельского языка, включавшую до двух тысяч вопросов по фонетике, морфологии и лексике карельского языка. Научные сотрудники Карельского НИИ культуры, преподаватели Карельского педагогического института, учителя сельских школ, студенты обследовали по этой программе 150 населенных пунктов. На основе собранного материала ученые составили более 200 диалектологических карт, определили территорию диалектов и наиболее характерные особенности каждого из них. Д. В. Бубрих начал уникальный в практике языкового строительства эксперимент, когда в основу письменного литературного языка был положен не один диалект, а в единую систему сводились ведущие черты всех диалектов. В январе 1938 г. Д. В. Бубрих был арестован. В этих условиях основную работу по изучению карельского языка взяли на себя карельские ученые М. Хямляйнен, Н. Анисимов и др. Приоритетным направлением научной работы КНИИК на 1939 г. правительство Карелии признало подготовку учебников карельского языка, русско-карельских и карельско-русских словарей. На заседании СНК КАССР 7 июля 1939 г. были утверждены правила правописания карельского литературного языка. В 1939 г. все ученики 1–4 классов и большинство учеников 5–7 классов карельских школ были переведены на обучение на карельском языке. Были изданы необходимые учебники, в том числе подготовленные Н. А. Анисимовым букварь карельского языка, учебник грамматики. В июне 1939 г. учебник морфологии карельского языка для средних школ Н. А. Анисимова обсуждался на заседании кабинета финно-угорских народов Института языка и мышления в Ленинграде и получил положительную оценку специалистов. За плодотворную деятельность по развитию ка-

рельского литературного языка Н. А. Анисимов был награжден грамотой Верховного Совета республики [АКНЦ, ф. 1, оп. 38, д. 216, л. 1–29; д. 217, л. 9; д. 220, л. 33; ф. 2, оп. 35, д. 67, л. 1, 3, 11, 17].

После советско-финляндской войны была создана Карело-Финская ССР, и финский язык вновь стал широко использоваться в образовании и культуре. Работа по созданию карельской письменности была брошена на полпути по политическим мотивам.

В конце 1930-х гг. на работу в Карельский НИИ культуры были приглашены опытные исследователи из Москвы и Ленинграда. Ими были подготовлены первые монографические исследования, посвященные истории Карелии. Основное внимание стало уделяться изучению древней и средневековой Карелии. Успешно работал в этом направлении московский историк С. С. Гадзяцкий, первые исследования которого вызвали положительную оценку академика С. Б. Веселовского, профессора М. Н. Тихомирова. Большой вклад в освещение древнейшего периода истории Карелии внес московский археолог А. Я. Брюсов, автор книги «История древней Карелии» [М., 1940].

В ряде случаев работа в КНИИК становилась для ученых возможностью продолжить профессиональную деятельность после периода опалы. С 1938 г. являлась сотрудником КНИИК Р. Б. Мюллер – выпускница Бестужевских курсов, а в советское время – Петроградского университета. В университете Р. Б. Мюллер в течение ряда лет была секретарем семинара С. Ф. Платонова по истории Смутного времени. Она постоянно общалась с руководителем семинара, неоднократно бывала в его доме и считала С. Ф. Платонова своим учителем. В 1920-е гг. Р. Б. Мюллер несколько лет проработала в Постоянной историко-археологической комиссии, где под руководством А. И. Андреева занималась разбором и описанием монастырских документов XVI в. и получила основательную подготовку как археограф, но после «академического дела» вынуждена была оставить эту работу. В конце 1930-х гг. Р. Б. Мюллер подготовлен сборник документов «Карельская деревня в XVII веке». В него вошли документы архива Олонецкой приказной избы, хранящиеся в ЛОИИ, а также документы Государственного архива феодально-крепостнической эпохи. Судьба этих книг оказалась трагической. В блокаду Ленинграда погиб почти весь тираж, однако вскоре после войны документы были вновь опубликованы.

В предвоенные годы Р. Б. Мюллер подготовила монографию по истории Карелии XVI – XVII вв., изданную после войны [Мюллер, 1947].

В ней исследователь подчеркивала хозяйственное и культурно-организующее значение церкви на севере. Р. Б. Мюллер стала одним из первых в советское время исследователей «гарей» крестьян Шунгского и Толвуйского погостов и Повенецкого ряда в Палеостровском монастыре в 1687 и 1689 гг. Исследование религиозного сознания было затруднено по идеологическим причинам. Тем не менее Р. Б. Мюллер подчеркивала стремление людей сохранить привычный, устоявшийся уклад жизни, свойственный крестьянскому миру. Р. Б. Мюллер указывает, что в период церковной реформы Никона усилились настроения, связанные с ожиданием «конца мира», вера в то, что Господь отступился от прежде богоизбранной Руси как хранительницы истинного православия. Усиление внимания ученых к истории церкви определенным образом свидетельствовало о том, что в конце 1930-х гг. в условиях приближения войны, роста внимания к патриотическому воспитанию государство не исключало поворота от конфронтации к сотрудничеству с церковью. С другой стороны, ученые содействовали этому повороту, подчеркивая роль религии в освоении и защите русских земель, сохранении национальной идентичности, культурной традиции и преемственности.

Таким образом, в 1930-е гг. в Карелии шел сложный процесс профессионализации гуманитарных наук. В трудных условиях индустриализации государство финансировало работу научно-исследовательских институтов, материально поддерживало развитие ряда новых научных направлений, содействовало формированию в регионе новой социальной группы – научных сотрудников. Была апробирована организация научной деятельности на основе ее перспективного планирования и коллективной работы над актуальными темами. Большую помощь в подготовке научных кадров оказали Карелии научные учреждения, ведущие ученые Ленинграда и Москвы. Развернулась широкая экспедиционная и исследовательская деятельность по изучению традиционной культуры народов Карелии, впервые велась работа по созданию литературных языков карелов и вепсов. Были выявлены и изучены ценные памятники материальной культуры древней Карелии, подготовлены к публикации важные документы центральных архивохранилищ по истории Средневековья, сделаны первые шаги в изучении опыта социалистического строительства. Научные исследования в гуманитарной сфере содействовали сохранению преемственности в культуре, росту образовательного уровня населения, воспитанию патриотизма. Большой урон

нанесли региональной науке сталинские репрессии. Спецификой Карелии стало то, что репрессии были направлены прежде всего против финской интеллигенции, составлявшей республиканскую элиту в 1920 – начале 1930-х гг., и отразили изменения в государственной идеологии и внешней политике сталинского руководства. Преследования ученых, запреты на публикацию научных сочинений вели к стагнации ряда научных направлений, насаждению страха и административного диктата. В то же время, несмотря на жесткий идеологический контроль, в научном творчестве ведущих исследователей Карелии проявлялась известная автономия, свобода духа и профессионализм.

Литература

Академическая наука в Карелии. 1946–2006. М.: Наука, 2006. Т. 1. 173 с.

Андриайнен А. И. Научная работа Института истории, языка и литературы Карело-Финской базы Академии наук СССР в 1946 г. // *Вопросы истории.* 1946. № 11–12. С. 177–178.

Астахова А. М. За Советскую Карелию // *Начало.* 1935. № 3. С. 33–37.

Афанасьева А. И. Культурные преобразования в Советской Карелии. 1928–1940. Петрозаводск: Карелия, 1989. 277 с.

Афанасьева А. И. Культурная революция в Карельской АССР (1918–1940 гг.): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Л.: [Б. и.], 1990. 33 с.

Богданова Г. Н., Винокурова И. Ю. Николай Иванович Богданов: человек и ученый (к 100-летию со дня рождения Н. И. Богданова) // *Современная наука о вепсах: достижения и перспективы.* Петрозаводск, 2006. С. 35–74.

Бубрих Д. В. К 100-летию со дня рождения: Сб. ст. СПб.: Наука, 1992. 128 с.

Горский И. И. Карело-Финская научно-исследовательская база Академии наук СССР – научный центр республики // *Известия Карело-Финской научно-исследовательской базы АН СССР.* 1948. № 3. С. 12–22.

Гюллинг Э. А. Социалистическое строительство и научно-исследовательская работа в Карелии // *Карело-Мурманский край.* 1932. № 3–4. С. 6–8.

Дорошин Х. Большевики Карелии в борьбе за революционные Советы // *Карелия: Альманах.* Кн. 2. Петрозаводск, 1939. С. 135–155.

Дубровская Е. Ю. Судьбы приграничья в «Рассказах о Гражданской войне в Карелии» (по материалам Архива КарНЦ РАН) // *Межкультурное взаимодействие в полиэтничном пространстве пограничного региона.* Петрозаводск, 2005. С. 102–106.

Дубровская Е. Ю. Судьбы жителей Водлозерья в «рассказах о Гражданской войне в Карелии» // *Водлозерские чтения: Естественнонаучные и гуманитарные основы природоохранной, научной и просветительской деятельности на охраняемых природных территориях Русского Севера.* Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 2006. С. 234–235.

Иванова Т. Г. История русской фольклористики XX века. 1900 – первая половина 1941 гг. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. 799 с.

Клементьев Е. И. Карели: историко-этнографический очерк. Петрозаводск: Периодика, 2008. 243 с.

Кораблев Н. А. В. И. Машезерский – историк карельского края // Краевед: Сб. ст. Петрозаводск, 2007. С. 120–121.

Криничная Н. А. Сын моря и сказки // Серебряный корабль. Сказки Матвея Коргуева. Петрозаводск, 1988. С. 5–20.

Левидова С. М. История Онежского (бывшего Александровского) завода. Вып. 1. Завод в крепостную эпоху. Петрозаводск: КНИИК, 1938. 136 с.

Линевский А. М. Петроглифы Карелии. Петрозаводск: Каргосиздат, 1939. 194 с.

Линевский А. М. Очерки по истории древней Карелии. Петрозаводск: Госиздат КФССР, 1940. 130 с.

Лойтер С. М. Из истории собирания детского фольклора Карелии (учитель-краевед Е. В. Ржановская) // Проблемы детской литературы. Петрозаводск: ПГУ, 1989. С. 134–146.

Лойтер С. М. Е. В. Ржановская – собиратель русского фольклора Карелии // Фольклористика Карелии. Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 1991. С. 140–155.

Лойтер С. М. Краевед И. М. Дуров – собиратель детского фольклора Карелии // Проблемы детской литературы и фольклор. Петрозаводск, 2001. С. 202–209.

Лойтер С. М. Фольклорное краеведение Карелии: жизнь и судьба И. М. Дурова // Краеведческие чтения. Петрозаводск, 2008. С. 3–7.

Лупанова И. П. «Минувшее проходит предо мною...». Петрозаводск: ПетрГУ, 2007. 313 с.

Макарьев С. А. Наука – на службу социалистическому строительству // Советская Карелия. 1931. № 8–10. С. 23–25.

Макарьев С. А. К I сессии Карельского научно-исследовательского института // Советская этнография. 1932. № 1. С. 110–111.

Макарьев С. А. Научно-исследовательская работа в Карелии // Карело-Мурманский край. 1935. № 5–6. С. 58–60.

Марковская Е. В. Проблемы собирания, систематизации и архивного хранения фольклора (на материале фольклорных архивов КарНЦ РАН): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск: [Б. и.], 2006. 17 с.

Марковская Е. В. Николай Николаевич Виноградов как сотрудник Карельского научно-исследовательского института (1932–1937) // Рябининские чтения-2007: Материалы V науч. конф. по изучению народной культуры Русского Севера. Петрозаводск, 2007. С. 353–355.

Машезерский В. И. От Февраля к Октябрю. Выдержки из хроники революционного движения 1917–1918 гг. по Карелии // Советская Карелия. 1934. № 7–8. С. 79–94.

Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии XVI – XVII вв. Петрозаводск: Госиздат КФССР, 1947. 176 с.

Наука в Карело-Финской ССР за 30 лет Советской власти. Петрозаводск: Изд-во Карело-Фин. науч.-исслед. базы АН СССР, 1948. 160 с.

Пальвадре М. Первая сессия Карельского научно-исследовательского института // Советская этнография. 1932. № 3. С. 90–91.

Развитие науки в Карелии за 50 лет Советской власти. Петрозаводск: [Б. и.], 1970. 319 с.

Савватеев Ю. А. Степан Андреевич Макарьев. Жизнь и деятельность // Вепсы: История, культура и межэтнические контакты. Петрозаводск: ПетрГУ, 1999. С. 15–35.

Савватеев Ю. А. Н. Н. Виноградов. Человек дела (Кострома – С-Петербург – Москва – Соловки – Петрозаводск) // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2009а. № 3. [Электронный журнал] / Режим доступа: <http://www.hcrncr.com/contacts.html>.

Савватеев Ю. А. Страницы культурно-музыкальной жизни Карелии 30-х годов XX века // Ученые записки Петрозаводского гос. ун-та. Серия Общественные и гуманитарные науки. 2009б. № 6. С. 38–44.

Сенькина Т. И. Сказочник М. М. Коргуев // Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1978. С. 130–135.

Сенькина Т. И. Русская сказка Карелии. Петрозаводск: Карелия, 1988. 144 с.

Такала И. Р. Ээро Хаапалайнен – революционер, журналист, ученый (к 115-й годовщине со дня рождения) // Политическая история и историография: Сб. ст. Петрозаводск, 1996. С. 187–193.

Терещенков Л. Е. Публичный донос 30-х гг. как способ конструирования «истинно советской и большевистской» биографии // Конструируя «советское»? Политическое сознание, повседневные практики, новые идентичности. СПб., 2009. С. 76–80.

Труд в СССР: Стат. сб. М., 1988. С. 158.

Ученые Карельского научного центра РАН: Биографический словарь. Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 1999. 306 с.

Шумилов М. И. Октябрь, интервенция и Гражданская война на Европейском Севере России: Историографический очерк. Петрозаводск: ПетрГУ, 1992. 95 с.

Архивные источники

Национальный Архив Республики Карелия
(далее – НАРК)

Отчет КНИИ о работе за 1932 год. 8 апреля 1933 // НАРК, ф. 630, оп. 1, д. 64/528.

Протокол первой районной конференции Союза воинствующих безбожников в Петрозаводске 27 мая 1932 // НАРК, ф. 718, оп. 1, д. 13/161.

Сведения об изданиях, конфискованных Главлитом КАССР с января 1934 г. по апрель 1935 г. // НАРК, ф. 757, оп. 1, д. 2/4.

Машезерский В. И. Автобиография // НАРК, ф. 690, оп. 13, д. 14/85.

Научный Архив Карельского научного центра РАН
(далее – АKNЦ)

Постановление СНК КАССР «О Реорганизации КНИИ» 11 января 1937 // АKNЦ, ф. 1, оп. 3, д. 221.

Постановление СНК КФССР «О должностных окладах для научного, научно-технического и библиотечного персонала КНИИК» 20 июля 1940 // АKNЦ, ф. 1, оп. 3, д. 279.

Отчет о деятельности КНИИ за 1931 год // АКНЦ, ф. 1, оп. 3, д. 5.

Отчет о работе КНИИ за 1935 год // АКНЦ, ф. 1, оп. 3, д. 141.

Протокол заседания Правительственной юбилейной комиссии по проведению 100-летнего юбилея Калевалы // АКНЦ, ф. 1, оп. 3, д. 175.

Протоколы заседаний исторической группы КНИИК за 1937 год // АКНЦ, ф. 1, оп. 3, д. 224.

Протокол заседания библиотечно-библиографической комиссии при Карельском областном бюро краеведения 25 марта 1933 // АКНЦ, ф. 1, оп. 3, д. 67.

Отчет Общества изучения Карелии за 1936 год // АКНЦ, ф. 1, оп. 3, д. 190.

Материалы совещания в КНИИК по диалектологии карельского языка 22 ноября 1939 // АКНЦ, ф. 1, оп. 38, д. 216.

Докладная записка В. И. Машезерского А. А. Жданову. 1939 // АКНЦ, ф. 1, оп. 3, д. 253.

Докладная записка В. И. Машезерского Г. Н. Курьянову. 1940 // АКНЦ, ф. 1, оп. 3, д. 252.

Рецензия старшего научного сотрудника Института языка и мышления АН СССР Х. Курэ на учебник Н. А. Анисимова Грамматика карельского языка // АКНЦ, ф. 1, оп. 38, д. 217.

Сведения о структуре и функциях КНИИ. 1932 // АКНЦ, ф. 1, оп. 1, д. 106.

Список сотрудников КНИИ. 1932 // АКНЦ, ф. 1, оп. 48, д. 2.

Сведения о научных работниках и специалистах КНИИ. 1936 // АКНЦ, ф. 1, оп. 3, д. 180.

Песни народов Карелии // АКНЦ, ф. 1, оп. 39, д. 68.

Статьи о суеверии, колдовстве, гадании, знахарстве в Карелии, подготовленные сотрудниками КНИИ // АКНЦ, ф. 1, оп. 32, д. 17.

Гюллинг Э. А. Доклад на Первой сессии КНИИ 13 апреля 1932 // АКНЦ, ф. 1, оп. 3, д. 32.

Виноградов Н. Н. Автобиография // АКНЦ, ф. 1, оп. 26, д. 30.

Анисимов Н. А. Автобиография // АКНЦ, ф. 2, оп. 35, д. 67.

Астахова А. М. Письмо С. А. Макарьеву 26 июля 1933 // АКНЦ, ф. 1, оп. 3, д. 64.

Горбков А. И. Письмо В. И. Машезерскому. 1938 // АКНЦ, ф. 1, оп. 48, д. 23.

Мюллер Р. Б. Письмо В. И. Машезерскому 14 декабря 1938 // АКНЦ, ф. 1, оп. 48, л. 29.

Нечаев А. И. Письмо В. И. Машезерскому. 1939 // АКНЦ, ф. 1, оп. 48, д. 23, л. 82.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Филимончик Светлана Николаевна

доц. кафедры отечественной истории (послереволюционный период), к. и. н.

Петрозаводский государственный университет
пр. Ленина, 33, Петрозаводск, Республика Карелия, Россия,
185910

e-mail: syrsa@yandex.ru

тел.: (8142) 711020

Filimontchik, Svetlana

Petrozavodsk State University
33 Lenin Av., 185910 Petrozavodsk, Karelia, Russia
e-mail: syrsa@yandex.ru
tel.: (8142) 711020

УДК 398 (470.22)

РОЛЬ ЛЕНИНГРАДСКИХ УЧЕНЫХ В СТАНОВЛЕНИИ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ В КАРЕЛЬСКОМ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ ИНСТИТУТЕ

Т. Г. Иванова

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

В статье освещается роль ленинградских фольклористов в становлении фольклористики в Карельском научно-исследовательском институте в 1930-е гг. Автор указывает на тесные связи молодой карельской фольклористики с ленинградской командой М. К. Азадовского. Предметом внимания являются помощь Петрозаводску со стороны ленинградцев научными кадрами, совместные фольклорные экспедиции и конференции, создание в Петрозаводске фольклорного архива наподобие ленинградского архива.

Ключевые слова: история фольклористики 1930-х гг., М. К. Азадовский, фольклористические кадры в Карельском научно-исследовательском институте, А. Н. Нечаев, фольклорно-экспедиционная работа в Карелии, фольклорный архив, фольклорные конференции.

T. G. Ivanova. ROLE OF SCHOLARS FROM LENINGRAD IN ESTABLISHMENT OF FOLKLORE STUDIES IN KARELIAN RESEARCH INSTITUTE

The paper throws light upon the role of folklorists from Leningrad in establishment of folklore studies in Karelian Research Institute in the 1930s. The author points out the close relationships that existed between the young Karelian folklore science and M. Azadovsky's team from Leningrad. The focus is on the assistance provided to Petrozavodsk from Leningrad in the form of staff, joint expeditions and conferences, foundation in Petrozavodsk of the folklore archive similar to the one in Leningrad.

Key words: history of folkloristics in the 1930s, M. Azadovsky, folklore specialists in Karelian Research Institute, A. Nechaev, folklore expeditions in Karelia, folklore archives, folklore conferences.

Фольклористическая составляющая в работе Карельского научно-исследовательского института, созданного в 1931 г., была заявлена уже с самого начала существования этого научного учреждения. Первоначальная структура Института определялась двумя секциями (отделами) – Историко-революционной и Этнографо-лингвистической. В становлении последней секции большую роль сыграли ленинградские фольклори-

сты, главой которых в то время был Марк Константинович Азадовский (1888–1954).

В самом Ленинграде фольклористика в 1930-е гг. последовательно сосредоточивалась в разных научных учреждениях, выступавших в области фольклористического звена преемниками по отношению друг к другу. В 1920-е гг. мощная команда фольклористов сложилась в Государственном институте истории искусств (ГИИИ),

который в 1926–1929 гг. совершил четыре знаменитых комплексных экспедиции на Русский Север: Заонежье (1926), Пинега (1927), Мезень (1928), Печора (1929). Заонежская поездка стала решающей в жизни Анны Михайловны Астаховой (1886–1971), только что окончившей Высшие курсы при ГИИИ и намеревавшейся поначалу заниматься стиховедческими проблемами. Погружение в крестьянскую культуру круто изменило ее научные интересы. Заонежье стало первым опытом экспедиционной работы и для Натальи Павловны Колпаковой (1902–1994) и Ирины Валерьяновны Карнаухова (1901–1959), выпускниц Курсов при ГИИИ, также еще только искавших сферу применения своим научно-аналитическим способностям. Из музыковедов ГИИИ в работе экспедиции приняли участие Евгений Владимирович Гиппиус (1903–1985) и Зинаида Викторовна Эвальд (1894–1942), вскоре ставшие ведущими этномузыкологами страны. В заонежской экспедиции участвовали также Сергей Сергеевич Писарев (1902–1969), будущий писатель, а тогда студент Курсов при ГИИИ, и сотрудник Толстовского музея Александр Исаакович Никифоров (1893–1942), написавший к этому времени уже несколько сказковедческих статей. Результаты заонежской поездки отразились в вышедшем в 1927 г. сборнике «Искусство Севера: Заонежье», в котором были опубликованы статьи А. М. Астаховой («Былина в Заонежье»), И. В. Карнаухова («Сказочники и сказка в Заонежье»), Н. П. Колпаковой («Песня на Шуньгском полуострове (Литературная эволюция)»), Е. В. Гиппиуса («Крестьянская музыка Заонежья»), З. В. Эвальд («Протяжные песни Заонежья») и С. С. Писарева и Р. Р. Суслевич («Досьюльная игра-комедия „Пахомушкой“»). Позднее собранный в 1926 г. заонежский материал нашел место в сборнике И. В. Карнаухова «Сказки и предания Северного края» (М.: Л., 1934), двухтомном собрании А. М. Астаховой «Былины Севера» (М.: Л., 1951) и в посмертном издании А. И. Никифорова, подготовленном В. Я. Проппом, «Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова» (М.: Л., 1961). Таким образом, в 1920-е гг. Олонецкий край, наряду с другими севернорусскими землями, сыграл важную роль в формировании первого послереволюционного поколения ленинградских фольклористов. Через несколько лет, в 1930-е гг., ленинградцы были готовы отдавать Карелии свои долги.

В 1930 г. в Государственном институте истории искусств началась коренная реорганизация, в результате которой существовавший там Кабинет крестьянского искусства был преобразован в Кабинет фольклора города и деревни. Во главе его стал только что переехавший из Иркутска в

Ленинград М. К. Азадовский. В 1931 г. ГИИИ был реорганизован в Государственную академию искусствознания (ГАИС), из которой фольклористика была переведена в Институт по изучению народов СССР (ИПИН). В этом учреждении ленинградская фольклористика (М. К. Азадовский, А. М. Астахова, И. В. Карнаухова, А. Н. Нечаев, Е. В. Гиппиус, З. В. Эвальд, П. Г. Ширяева, аспирантки А. Н. Лозанова и З. Н. Куприянова)* существовала с апреля 1931 по февраль 1933 г., когда ИПИН слился с Музеем антропологии и этнографии (Кунсткамерой), образовав Институт антропологии и этнографии АН СССР (ИАЭ). Соответственно Фольклорная секция, руководимая М. К. Азадовским, с февраля 1933 по март 1939 г. была структурной единицей этого Института. В 1939 г. в результате очередных реорганизаций внутри Академии наук Фольклорная комиссия (наименование с 1937 г.) была переведена в Институт литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (так назывался Пушкинский Дом в это время), где стала Отделом фольклора (М. К. Азадовский, Н. П. Андреев, А. М. Астахова, Е. В. Гиппиус, А. Н. Лозанова, П. Г. Ширяева, З. В. Эвальд). Соответственно, становлению фольклористики в КНИИ в предвоенные годы последовательно способствовали ИПИН, ИАЭ и Пушкинский Дом.

Следует подчеркнуть, что уже в начале 1930-х гг. «команда М. К. Азадовского» – понятие, которое, мы полагаем, имеет право на существование в истории отечественной науки о «живой старине» – начала преобразовываться и усложняться за счет студентов, которые желали приобщиться к фольклористической деятельности и очень рано становились полноправными участниками научной работы. В самом начале 1930-х гг. это были студенты этнографического отделения Ленинградского историко-лингвистического института (ЛИЛИ), заместившего собой упраздненный историко-филологический факультет университета. В фольклористических анналах остались имена студенток М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпкиной, находившихся в основном под покровительством А. М. Астаховой.

Сам М. К. Азадовский после переезда в Ленинград некоторое время не занимался педагогической деятельностью, бывшей для него основной во время его пребывания в Иркутске, но в 1934 г. он опять начал преподавать – в ЛИЛИ, который вскоре был преобразован в Ленинградский институт философии, литературы и истории (ЛИФЛИ), а в 1938 г. влился в

* Н. П. Колпакова в это время была уволена из ГИИИ, по-видимому, из-за дворянского происхождения и на протяжении всех 1930-х гг. работала в разных библиотеках Ленинграда.

Ленинградский государственный университет. В ЛИФЛИ М. К. Азадовский создал кафедру фольклора, которая потом перешла в университет (здесь работали В. Я. Пропп и Н. П. Колпакова). Через знаменитый фольклорный семинар М. К. Азадовского во второй половине 1930-х гг. прошли студенты В. В. Чистов (старший брат К. В. Чистова), сам К. В. Чистов, М. М. Михайлов, А. Д. Соймонов, Г. Н. Парилова, Н. В. Новиков, И. М. Колесницкая, М. А. Шнеерсон, В. Р. Дмитриченко, И. Этина и др.

Таким образом, «команда М. К. Азадовского» со второй половины 1930-х гг. до начала Великой Отечественной войны – это, с одной стороны, опытные фольклористы и, с другой, студенты, только начинающие свой путь в науке. Успешное решение задач, стоявших перед М. К. Азадовским как руководителем своей «команды», во многом было обусловлено прочным союзом ленинградских фольклористов с КНИИ. Совершенно очевидно, что интерес друг к другу маститой ленинградской команды фольклористов и только еще встающей на ноги молодой петрозаводской фольклористики был обоюдным.

Прежде всего укажем, что М. К. Азадовский явно охотно взял под свое покровительство петрозаводскую фольклористику. «Команда М. К. Азадовского» стала для Карелии *поставщиком фольклористических кадров*. Из своих рядов регулярно, по мере необходимости, ленинградцы выдвигали ученых, которые в Карельском научно-исследовательском институте занимали должность заведующего фольклорно-этнографическим подразделением.

В 1934 г. руководителем этнографо-лингвистической секции (сектора) в КНИИ был назначен Александр Николаевич Нечаев (1902–1986). А. Н. Нечаев родился в зажиточной крестьянской семье с. Екимово Пудожского уезда Олонецкой губернии (ныне Плесецкий район Архангельской области), окончил Пудожские педагогические курсы (1921) и короткое время учительствовал в начальной школе на Кенозере. Вскоре А. Н. Нечаев уехал в Петроград, где работал на заводе. В 1927 г. он поступил учиться на Высшие курсы при ГИИИ; по закрытии Курсов перевелся в ЛИЛИ. В 1931–1932 гг. А. Н. Нечаев успел поработать в ГИИИ/ГАИС и в ИПИНе, а в 1932 г. как сотрудник ИПИНа участвовал в экспедиции на Карельском Беломорье.

Должность заведующего этнографо-лингвистического сектора КНИИ А. Н. Нечаев занимал с 1934 по 1938 г. Еще во время экспедиции 1932 г. он открыл в Беломорье в с. Кереть выдающегося сказочника М. М. Коргуева. Впоследствии, став заведующим сектором в КНИИ, А. Н. Нечаев неоднократно встречался с

М. М. Коргуевым, записал практически весь его репертуар, в 1936 г. организовал выступления сказочника в Петрозаводске и Ленинграде, опубликовал о нем статьи [Нечаев, 1938]. В 1938 г. фольклорист издал небольшой сборник сказок М. М. Коргуева, а в 1939 г. выпустил знаменитый двухтомник «Сказки М. М. Коргуева», занявший заслуженное место в русской фольклористике [Беломорские сказки..., 1938; Сказки..., 1939]. За последнюю книгу А. Н. Нечаев был награжден премией на Всесоюзном конкурсе молодых ученых. В соответствии с установками своего времени он занимался сбором «советского фольклора» [Нечаев, 1934]. Им были подготовлены также издания антологического характера по материалам классических сборников фольклора [Избранные былины..., 1937; Федосова, 1937].

В 1937–1938 гг. Петрозаводск, как и всю страну, охватила очередная волна политических репрессий. В это время были арестованы председатель Совнаркома Карелии Э. А. Гюллинг, исполнявший обязанности директора КНИИ, известный фольклорист Н. Н. Виноградов, работавший здесь, беломорский краевед и собиратель фольклора И. М. Дуров, поддерживавший с Институтом крепкие связи. Все они были расстреляны. Сведений о том, что А. Н. Нечаев подвергнулся аресту, у нас не имеется, но, вероятно, отнюдь не случайно в 1938 г. фольклорист оставил свою должность, покинул Петрозаводск и перебрался в Ленинград, где занял место секретаря обласканного советской властью писателя А. Н. Толстого. В дальнейшем в судьбе А. Н. Нечаева были война, фронт, контузия, работа в Московской части Института этнографии АН СССР и в Институте мировой литературы им. А. М. Горького, а затем сугубо литературная деятельность. В области литературы он нашел свою нишу – литературная обработка сказок и былин для изданий, предназначенных для детей.

После отъезда из Петрозаводска в 1938 г. А. Н. Нечаева перед Карельским научно-исследовательским институтом культуры (КНИИК; таково именование на данный период) опять стала проблема кандидатуры на пост заведующего фольклорным подразделением. От Фольклорной комиссии Института этнографии АН СССР (так с 1937 г. именовался Институт антропологии и этнографии АН СССР) в Петрозаводск была откомандирована А. Н. Лозанова, ставшая на короткое время руководителем созданной там фольклорной секции. Александра Николаевна Лозанова (1896–1968) высшее образование получила в Саратове, где с 1927 по 1930 г. работала на кафедре русского языка и литературы

местного университета. В начале 1930-х гг. она стала аспиранткой ИПИНа, а потом и научным сотрудником ИАЭ и Пушкинского Дома. Надо полагать, что А. Н. Лозанова продолжала курировать петрозаводских фольклористов и после возвращения в Ленинград. Во всяком случае именно она публикует отчет о работе КНИИК за 1936–1938 гг. в «Советском фольклоре» [Лозанова, 1941]. Вместе с А. Д. Соймоновым и В. Г. Базановым в 1938 г. А. Н. Лозанова подготовила специальный, фольклорный, выпуск альманаха «Карелия» [Карелия, 1938].

Как уже было сказано, во главе фольклорной секции КНИИК А. Н. Лозанова пробыла всего несколько месяцев. С ноября 1938 г. до начала Великой Отечественной войны секцией руководил другой ленинградец – Алексей Дмитриевич Соймонов (1912–1995), один из учеников М. К. Азадовского. На 1938 г. А. Д. Соймонов был еще студентом Ленинградского государственного университета, однако партийные органы, осуществлявшие кадровую политику, устраивало его социальное происхождение, поэтому-то он и был откомандирован в Петрозаводск. Выходец из крестьянской среды, рано осиротевший и воспитывавшийся в детском доме, А. Д. Соймонов сумел получить высшее образование на филологическом факультете ЛИЛИ/ЛГУ (1934–1939). Карелия была знакома А. Д. Соймонову с 1935 г., когда он, будучи студентом, зимой 1935–1936 гг. собирал фольклор на Онежском заводе в Петрозаводске. В 1937 г., еще до вступления в должность заведующего фольклорной секцией, ученый вместе с Н. В. Новиковым, бывшим также учеником М. К. Азадовского, издал сборник «Песни и сказки на Онежском заводе» (Петрозаводск, 1937). В соответствии с идеологическими установками науки того времени А. Д. Соймонов занимался собиранием произведений просоветской направленности (плачи, «новины», сказки о советских вождях и героях). В результате появились сборники «Сказы и плачи о Ленине» (Петрозаводск, 1938) и «Сказания о героях Арктики» (Петрозаводск, 1938; под псевд.: А. Карельский). Однако самой главной книгой А. Д. Соймонова стал подготовленный им совместно с Г. Н. Париловой сборник «Былины Пудожского края» (Петрозаводск, 1941), отразивший совместную собирательскую деятельность ленинградских и петрозаводских фольклористов. Начавшаяся Великая Отечественная война прервала работу А. Д. Соймонова в Петрозаводске. Он ушел на фронт, после окончания войны стал аспирантом Пушкинского Дома, а потом и его научным сотрудником.

Таким образом, все предвоенные руководители фольклорной секции КНИИ/КНИИК вышли из «команды М. К. Азадовского».

Благодаря сотрудничеству КНИИ/КНИИК с ленинградскими фольклористами в 1930-е гг. в Олонецком крае была развернута напряженная и весьма плодотворная *экспедиционно-собира- тельская работа*. Фольклорная традиция Карелии, располагающейся недалеко от Ленинграда и с XIX в. имевшей прочную репутацию Исландии русского эпоса, стала своеобразным полигоном, на котором активно работали ленинградские ученые, а студенты приобретали навыки экспедиционной работы. Ленинградцы совместно с КНИИ/КНИИК регулярно проводили экспедиции на территории Карелии, передавая петрозаводским фольклористам опыт собирательской работы, а порой и участь у своих скромных коллег не следовать слепо за последними указаниями партии большевиков. Укажем лишь на некоторые эпизоды совместных экспедиционных проектов фольклористов двух городов.

В 1931–1933 гг. Фольклорная секция ИПИИ организовала три экспедиции в Олонецкий край. 30 ноября 1931 г. руководители только что созданного КНИИ пишут в Фольклорную секцию ИПИИна письмо, в котором обсуждается подготовка предстоящей зимней экспедиции 1931/1932 гг. в Карелию. Участниками этой поездки должны были стать студентки ЛИЛИ М. Б. Каминская и Н. Н. Тяпонкина, курируемые фольклористами ИПИИна [ПФА РАН, ф. 150, оп. 5, № 11, л. 1]. Экспедиция состоялась; студентки, весьма результативно, работали в Заонежье – в Сенной Губе и в Кихах.

В феврале 1932 г. А. М. Астахова ведет переписку с С. А. Макарьевым, заместителем директора КНИИ, по поводу планировавшейся летней экспедиции на Шуньгский полуостров. Экспедиция, по мысли А. М. Астаховой, должна была пройти по следам первой поездки ГИИИ 1926 г. в Заонежье (район Великой Губы). Следуя идеологическим установкам времени, исследовательница в своем письме формулирует две задачи: изучение устной поэзии Гражданской войны и собирание материалов по фольклору колхозов [ПФА РАН, ф. 150, оп. 5, № 11, л. 3–4].

В конечном счете летние экспедиции 1932 г. сложилась следующим образом. В Заонежье поехали М. Б. Каминская и Н. Н. Тяпонкина. В конце мая они приехали в Петрозаводск. Здесь в КНИИ были уточнены маршрут и цели поездки. 23 мая 1932 г. М. Б. Каминская писала А. М. Астаховой: «Сообщаю Вам наши дела. Мы только сегодня выезжаем из Петрозаводска и только сейчас смогли узнать, куда поедем. Первый наш пункт – Великая Губа. План наш

несколько изменили. Из него отбросили: почти все о колхозном строительстве, только самые основные сведения – когда данный колхоз организован и др. В общем, только те сведения, которые непосредственно связаны с нашей работой. Отброшено все и о свадебных обрядах, колдовстве, обрядовых праздниках. Все это является следствием того, что по колхозному строительству и другим темам будут направлены другие отряды. Теперь насчет маршрута. Нам надо ехать не только по вашему маршруту, но также охватить и побережье. Посещение и работа в Песчаницах и Пудожской Горе обязательны» [ПФА РАН, ф. 150, оп. 5, № 11, л. 9–10]. М. Б. Каминская и Н. Н. Тяпонкина летом 1932 г. работали в Великогубском, Космозерском, Фоймогубском, Дерезузовском и Толвуйском сельских советах в Заонежье, а также в Пудожгорском и Песчанском сельских советах в Пудожье.

В рамках зимней и летней экспедиций М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпонкиной были записаны былины и духовные стихи. Записи велись, в частности, от исполнителей, с которыми еще в 1926 г. работали фольклористы ГИИИ. В бывшей Кижской волости собирательницами были обнаружены восемь новых, неизвестных науке сказителей. Предметом внимания начинающих фольклористок, помимо песенного эпоса, были также частушки, отражавшие борьбу проколхозных и антиколхозных настроений.

В первой половине июня 1932 г. началась работа второго, Беломорского, отряда ИПИНА. Центром внимания, по мысли ленинградских фольклористов, должна была стать устная поэзия рыболовецких колхозов, только что созданных на Русском Севере. Ленинградцы наивно полагали, что начавшееся строительство колхозов запечатлено фольклорной традицией в позитивном духе. Однако руководство КНИИ совершенно справедливо значительно скорректировало первоначальные задачи. В Петрозаводск выехал сначала А. Н. Нечаев. 13 июня он писал в ИПИН: «Сегодня было заседание. Все наши установки они (т. е. руководство КНИИ. – Т. И.) перделали. Им нужен не производственный колхозный фольклор, а весь фольклор Беломорского края. К Гражданской войне как отдельной теме они относятся отрицательно. Разрешено только сделать на ней небольшой акцент, при движении на юг. Маршрут: Кемь – Нюхча, Повенецкий тракт, Медвежья Гора и окрестности» [ПФА РАН, ф. 150, оп. 5, № 11, л. 11об.].

Несколькими днями позже А. Н. Нечаева в Карелию приехали А. М. Астахова, И. В. Карнаухова и С. С. Писарев, работавший на тот момент в Государственном Русском музее. Если Заонежский отряд М. Б. Каминской и Н. Н. Тяпон-

киной отчасти работал по следам экспедиции ГИИИ 1926 г., то Беломорский отряд развернул запись фольклора в местах, новых для ленинградских фольклористов. Экспедицией были записаны песни, частушки, свадебный обряд, причитания и другие жанры традиционного фольклора. Песенно-эпическая традиция, как констатировалось, в Карельском Беломорье была застигнута уже в значительно разрушенном виде [Астахова, 1934].

В дальнейшем ленинградские фольклористы приезжали в Карелию практически каждый год. Особенно мощным ленинградское присутствие стало со второй половины 1930-х гг., когда вкус к собирательской работе ощутили студенты, учившиеся у М. К. Азадовского.

С 4 по 29 июля 1936 г. КНИИ и Институт антропологии, археологии и этнографии АН СССР (такое наименование Института на данный момент) организовал большую экспедицию в Олонецкий район, где проживали карелы и русские. Руководителем экспедиции, в которой участвовала группа студентов литературного факультета Карельского педагогического института, была П. Г. Ширяева. Пелагея Григорьевна Ширяева (1903–1986), выпускница Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена, в «команду М. К. Азадовского» вошла в 1932 г. В названной экспедиции в качестве руководителя участвовал также В. В. Чистов, студент ЛИФЛИ. По его сообщению, в ходе работы было записано около 3700 текстов разных жанров, в том числе 20 рун, 450 сказок, множество песен и частушек [Фольклорная экспедиция..., 1936; Чистов, 1936; Ширяева и др., 1936].

В том же 1936 г. в собирательской деятельности ленинградских фольклористов на территории Карелии появилась принципиально новая черта: было решено собирать не только крестьянский фольклор, но и устную поэзию, составляющую репертуар знаменитого Онежского завода г. Петрозаводска. В газетной заметке января 1936 г. рисовались радужные планы по созданию фольклорных бригад, сформированных из самих рабочих с прикреплением к ним сотрудников КНИИ [Собирание..., 1936]. Через три месяца пресса уже сообщала об успехах в работе среди рабочих [Фольклор..., 1936]. Работа на Онежском заводе во многом была осуществлена силами ленинградских студентов, занимавшихся в фольклорном семинаре М. К. Азадовского: В. В. Чистов, А. Д. Соимонов, Н. В. Новиков. Открытие знаменитого сказочника Ф. П. Господарева, рабочего Онежского завода, белоруса по происхождению, произошло в рамках именно этого направления в собирательской деятельности «команды

М. К. Азадовского» и КНИИ. В 1941 г. под грифом Научно-исследовательского института культуры Карело-Финской ССР вышел в свет сборник «Сказки Ф. П. Господарева» (Петрозаводск, 1941), подготовленный Н. В. Новиковым. В настоящее время это издание стало уже классикой отечественной науки.

Из ярких эпизодов экспедиционной работы ленинградцев на олонечской земле, сопряженных с планами КНИИК, напомним также о развернувшейся в 1938–1939 гг. работе по собиранию пудожских былин. В записях участвовали А. Д. Соймонов, Г. Н. Парилова, А. Н. Антипова, О. Г. Большакова, В. Р. Дмитриченко, И. В. Ломакина, М. М. Михайлов, Г. Ф. Нефедов, Е. П. Родина и др. В августе 1938 г. студент Ленинградского университета К. В. Чистов целый месяц проработал в д. Климово на Купецком озере в Пудожском районе, где записывал старины от одного из самых лучших сказителей XX столетия – Ивана Терентьевича Фофанова [см. подробнее: Чистов, 1980. С. 211–256]. Собранные материалы вошли в названную выше книгу А. Д. Соймонова и Г. Н. Париловой «Былины Пудожского края».

Влияние ленинградской школы фольклористики в КНИИ/КНИИК сказалось также в сложении в Петрозаводске *фольклорного архива* – обязательного элемента научного учреждения, претендующего на ведущие роли в области науки о народной поэзии. Нынешний фольклорный архив Пушкинского Дома в том виде, который он имеет в настоящее время, начал складываться в бытность «команды М. К. Азадовского» в ИПИНе и ИАЭ. Тогда сформировались понятия «коллекция», отвечающее в основном материалам, собранным в одной экспедиции, и «единица хранения» – каждый отдельный текст фольклорного произведения (для малых жанров – группа текстов). Жизнь показала, что помимо экспедиционных материалов архив должен принимать записи, собранные в разное время собирателями-любителями. Со своим опытом построения архива ленинградцы поделились с КНИИ/КНИИК, и все названные принципы были реализованы в Петрозаводске. Рукописные материалы, хранившиеся первоначально в библиотеке КНИИ, в 1936 г. получили самостоятельный статус фольклорного архива.

Если взглянуть на список петрозаводских коллекций, сформированных на основе материалов, записанных в предвоенный период, то там мы найдем множество ленинградских имен: коллекция № 1 – пудожские записи 1938 г. ученика М. К. Азадовского М. М. Михайлова, составителя сборника «Русские плачи Карелии» (Петрозаводск, 1940), талантливого фольклориста, погибшего в годы войны; № 25 – записи экспе-

диции 1933 г. А. М. Астаховой, А. Н. Нечаева и И. В. Карнауковой в Лоухский район Карелии и Кандалакшский район Мурманской области; № 29 – сказки, записанные в Беломорском районе группой собирателей, среди которых были ученицы М. К. Азадовского И. М. Колесницкая и М. А. Шнеерсон; № 61 – материалы, собранные в 1936–1937 гг. на Онежском заводе В. В. Чистовым, А. Д. Соймоновым, Г. Н. Париловой и Г. Ф. Нефедовым; № 62 – сказки Ф. П. Господарева, записанные в 1937–1938 гг. Н. В. Новиковым, и т. д. Нередко записи произведений народной поэзии перепечатывались на машинке в нескольких экземплярах, с тем чтобы одни и те же материалы хранились одновременно в двух архивах – в Петрозаводске и Ленинграде.

Перед самой войной в КНИИК по образцу ленинградского Фонограммархива начал формироваться фонд фольклорных звукозаписей. В 1940 г. в Петрозаводске в стационарных условиях А. Д. Соймоновым, знакомым с большой напряженной работой по собиранию фольклорных фонозаписей, которую в Ленинграде вели Е. В. Гиппиус и З. В. Эвальд, были сделаны записи былин от сказителя Ф. А. Конашкова. Отдельный статус петрозаводское собрание фонозаписей получит лишь в 1956 г., когда был основан Кабинет звукозаписей, с 1999 г. именуемый, как и его старший петербургский собрат, Фонограммархивом.

Последний аспект во взаимоотношениях «команды М. К. Азадовского» и КНИИ/КНИИК касается общих проектов *по созыву научных совещаний и конференций*. В частности, укажем на Первое Всекарельское совещание по вопросам языка, литературы и фольклора, прошедшее в Петрозаводске летом 1938 г. На этот слет съехалось около 20 русских и карельских сказителей, и каждый из них имел возможность познакомить аудиторию с образцами своего репертуара. Второе совещание подобного рода состоялось в ноябре 1938 г. и было приурочено к очередной годовщине Октябрьской революции [Лозанова, 1941].

Совещание сказителей, открывшееся в Петрозаводске 25 мая 1939 г., фактически получило всесоюзный характер. На встречу собрались сказители и исследователи фольклора из Карелии, Архангельской области, Коми АССР, Украины и Белоруссии – всего около ста человек. Среди ученых были москвич Ю. М. Соколов и представители «команды М. К. Азадовского» (он сам, А. М. Астахова, Н. П. Андреев, А. Н. Лозанова и др.) [Всекарельское совещание..., 1939а, б; Новицкий, 1939]. Сохранилась программа Всекарельского совещания сказителей, принадлежавшая А. М. Астаховой. Это

весьма колоритный документ, отражающий эпоху. Приведем текст программы полностью.

На л. 1: в качестве эпиграфа приводятся слова А. М. Горького: «Страна советов изумительно урожайна на талантливых людей, потому что всем людям труда дана свобода развития их талантов». Далее: «Всекарельское совещание сказителей».

На л. 1об.:

Уважаемый товарищ Астахова А. М.

Совет Народных Комиссаров Карельской АССР, Карельский научно-исследовательский институт культуры и Союз советских писателей Карелии ПРИГЛАШАЮТ Вас на Всекарельское Совещание сказителей и мастеров изобразительного искусства.

Совещание состоится в г. Петрозаводске с 25 по 30 мая с. г.

ПОРЯДОК СОВЕЩАНИЯ:

25 мая. Открытие Совещания

1. Вступительное слово.

2. Рассказ о 18 съезде ВКП(б) – доклад делегата 18 съезда ВКП(б).

26 мая

1. Экскурсии на предприятия города.

2. Вечер встречи сказителей и мастеров изобразительного искусства с общественностью Петрозаводска.

ПРОГРАММА ВЕЧЕРА

1. Вступительное слово.

2. Народное творчество и пути его развития – доклад академика Ю. М. Соколова.

3. Художественная часть.

27 мая

1. Творчество народов СССР – доклад профессора Н. П. Андреева.

2. Народное изобразительное искусство – доклад профессора Л. А. Динцес.

3. Отчет о работе со сказителями Карелии.

28 мая. Обмен творческим опытом

Руководят научные работники: А. М. Астахова, А. Н. Лозанова, А. Д. Соймонов, М. М. Михайлов.

29 мая

1. Продолжение обмена творческим опытом.

2. Выступления сказителей на предприятиях и в школах города.

Открытие Совещания состоится в 4 ч дня в зале Гос. Филармонии.

В помещении Гос. Филармонии (верхнее фойе) открыта Выставка народного творчества Карелии.

Комиссия по проведению Совещания.

На л. 2: приведен аналогичный текст на карельском языке (в кириллице).

Как видим, один из ключевых моментов этого совещания – обмен творческим опытом ска-

зителей – проходил под руководством ленинградцев А. М. Астаховой, А. Н. Лозановой, М. М. Михайлова и воспитанника ленинградской школы А. Д. Соймонова. Содержанием этого «обмена опытом» было обучение сказителей сочинению «новин» и плачей о советских героях. Кульминацией совещания стало сочинение коллективного письма сказителей товарищу Сталину, письма, к которому, без сомнения, приложили руку фольклористы-кураторы [Письмо..., 1939]. Идеологическая заданность и фольклористическая несостоятельность подобного рода мероприятий в настоящее время не требует комментариев. Однако эту страницу из сотрудничества ленинградских и карельских фольклористов тоже забывать не стоит.

Начавшаяся Великая Отечественная война прервала творческий союз «команды М. К. Азадовского» и Карельского научно-исследовательского института культуры. И ленинградцев, и петрозаводчан ожидали страшные испытания: фронт, эвакуация, оккупация, блокада. После войны и перед Пушкинским Домом, и перед петрозаводчанами стала задача восстановления былых позиций. В 1945 г. КНИИК был преобразован в Институт языка, литературы и истории только что созданной Карело-Финской научно-исследовательской базы АН СССР, где опять возник вопрос об укреплении фольклорного подразделения. Как и в начале 1930-х гг., Петрозаводск вновь обратился за помощью к ленинградским коллегам.

Как пишет в своих воспоминаниях Кирилл Васильевич Чистов (1919–2007), в 1947 г. он, уже став аспирантом Ленинградского университета, получил письмо от В. И. Машезерского, формировавшего в тот момент в Петрозаводске состав Института языка, литературы и истории. В. И. Машезерский, знавший ленинградского студента К. В. Чистова еще с довоенных времен, предлагал ему стать целевым аспирантом для Петрозаводска и впоследствии возглавить в Институте отдел фольклора. Сначала К. В. Чистов, посоветовавшись с М. К. Азадовским, отказался от этого предложения. «Мне хочется, чтобы Вы остались на кафедре нашего Ленинградского университета», – сказал тогда глава советской фольклористики своему ученику [Чистов, 2006. С. 136].

Однако вскоре, буквально через несколько месяцев, обстоятельства изменились. В стране наращивала обороты преступная «антикомпаративистская кампания». В ходе борьбы с «космополитизмом» и «веселовщиной» в качестве объектов для очередного идеологического клеймения были избраны ведущие ученые-гуманитарии, в том числе и М. К. Азадовский.

Когда в Петрозаводске в связи с подготовкой к предстоящему в 1949 г. празднованию столетнего юбилея первого полного издания «Калевалы» стал вопрос о том, кому можно поручить организацию этого идеологически очень важного для Карелии торжества, ведущие фольклористы страны В. М. Жирмунский, В. Я. Пропп и сам М. К. Азадовский опять назвали имя К. В. Чистова. Желая уберечь своего ученика от опасностей новой идеологической кампании, М. К. Азадовский благословил его на отъезд в Карелию: «Раньше я Вас отговаривал от переезда в Петрозаводск, а сейчас скажу: поезжайте туда, потому что Карелия – страна фольклорная, мои ученики там и до войны работали, и Вы ездили туда в экспедиции. По-моему, там хорошее начальство, поезжайте» [Чистов, 2006. С. 138]. Так в 1947 г. еще один представитель «команды М. К. Азадовского» стал одной из ключевых фигур петрозаводской фольклористики, возглавив Сектор литературы и народного творчества. Не избежав в конце 1940-х гг. своей порции горечи в связи с борьбой с «космополитами» (в декабре 1948 г. он был снят с должности и лишь в 1956 г. вновь стал руководителем Сектора), К. В. Чистов проработал в Петрозаводске до 1961 г. В 1951 г. он защитил кандидатскую диссертацию «Народная поэтесса И. А. Федосова».

Фольклористика в стенах Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук уже давно не нуждается в кураторстве со стороны столичных научных учреждений. За прошедшие годы Петрозаводск прочно укрепил свои позиции на фольклористической карте страны. Однако сотрудничество карельских фольклористов с их коллегами из Пушкинского Дома длится и ныне и, без сомнения, принесет еще немало весомых научных результатов.

Литература

Астахова А. М. Карельские фольклорные экспедиции (1931–1933) // Советская этнография. 1934. № 1/2. С. 215–219.

Беломорские сказки, рассказанные М. М. Коргуевым / Ред. А. Н. Нечаев. М.: Сов. писатель, 1938. 255 с.

Всекарельское совещание сказителей // Красная Карелия. 1939а. 26 мая, № 117.

Всекарельское совещание сказителей // Красная Карелия. 1939б. 30 мая, № 121.

Избранные былины. Тексты, записанные в Карелии / Ред. и вступ. ст. А. Н. Нечаева. Петрозаводск: Кирья, 1937. 303 с.; 2-е изд. 1938. 312 с.

Искусство Севера: Заонежье. Л.: Academia, 1927. 207 с. (Крестьянское искусство СССР: Сборник Секции крестьянского искусства Комитета социологического изучения искусств; Вып. 1.)

Карелия. Лит.-худож. альманах Карельского Союза советских писателей. Фольклор Карелии. Петрозаводск: Каргосиздат, 1938. 170 с.

Лозанова А. Н. Работа по фольклору в Карельской АССР // Советский фольклор: Сб. ст. и материалов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. № 7. С. 256.

Нечаев А. Н. За советскую Карелию (Рассказы партизан, записанные со слов участников гражданской войны) // Начало: Альманах. Петрозаводск, 1934. Кн. 2. С. 3–34.

Нечаев А. Н. Сказочник Коргуев // Народное творчество. 1938. № 12. С. 33–35.

Новицкий В. Конференция мастеров народного искусства // Красная Карелия. 1939. 21 мая, № 113.

Письмо карельских сказителей товарищу Сталину // Красная Карелия. 1939. 6 июня, № 127.

Письмо карельских сказителей товарищу Сталину // Карелия: Альманах. Петрозаводск: Каргосиздат, 1939. Кн. 2. С. 6–10.

ПФА РАН – Петербургский филиал Архива РАН.

Сказки М. М. Коргуева: В 2-х кн. / Карел. науч.-исслед. ин-т культуры; Зап., вступ. ст. и коммент. А. Н. Нечева. Петрозаводск: Каргостиздат, 1939. Кн. 1. 660 с.; Кн. 2. 676 с. (Сказки Карельского Беломорья; Т. 1.)

Собрание рабочего фольклора // Красная Карелия. Петрозаводск, 1936. 21 янв., № 17.

Федосова И. Причитания (Избранные). Петрозаводск: Каргосиздат, 1937. 134 с.

Фольклор рабочих Онегзавода // Красная Карелия. Петрозаводск, 1936. 14 апр., № 86.

Фольклорная экспедиция в Олонецкий край // Красная Карелия. Петрозаводск, 1936. 29 июня, № 148.

Чистов В. В. Олонецкие частушки // Красная Карелия. 1936. 4 авг., № 178.

Чистов К. В. Русские сказители Карелии: Очерки и воспоминания. Петрозаводск: Карелия, 1980. 256 с.

Чистов К. В. Забывать и стыдиться нечего... СПб.: МАЭ РАН, 2006. 240 с.

Ширяева П. Г., Соймонов А. Д., Чистов В. В. Фольклорная экспедиция в Олонецком районе // Красная Карелия. 1936. 8 авг., № 181.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Иванова Татьяна Григорьевна

ведущий научный сотрудник, д. филол. н.
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
наб. Макарова, 4, Санкт-Петербург, 199034
эл. почта: tgivanova@inbox.ru
тел.: (812) 3513304

Ivanova, Tatiana

Russian Literature Institute (Pushkin's Home) of the Russian
Academy of Science
4 nab. Makarova, 199034 St. Petersburg
e-mail: tgivanova@inbox.ru
tel.: (812) 3513304

УДК 908 (470.22)+001 (09)

40 ЛЕТ ИЗУЧЕНИЯ КАРЕЛИИ И РОССИИ НА ГУМАНИТАРНОМ ФАКУЛЬТЕТЕ УНИВЕРСИТЕТА ЙОЕНСУУ

Тапио Хямюнен

Университет Восточной Финляндии

В статье рассматривается история и подводятся некоторые итоги научно-исследовательской и преподавательской работы на гуманитарном факультете Университета Йоэнсуу за 40 лет его существования. Дан краткий обзор научных изысканий авторитетных исследователей, охарактеризованы направления и определены перспективы сотрудничества с исследовательскими гуманитарными центрами Петрозаводска.

Ключевые слова: Университет Йоэнсуу, международное научное сотрудничество, гуманитарные исследования.

Tapio Hämynen. 40 YEARS OF STUDIES OF KARELIA AND RUSSIA AT THE UNIVERSITY OF JOENSUU FACULTY OF HUMANITIES

The paper tells about the history of and draws some lines at the research and teaching activities of the University of Joensuu Faculty of Humanities over 40 years of its work. A brief overview of the scientific investigations of competent scholars is provided, the lines and perspectives of cooperation with humanities research centres in Petrozavodsk are described and identified.

Key words: University of Joensuu, international scientific cooperation, research in the humanities.

Деятельность Университета Йоэнсуу охватывает четыре десятилетия. Она началась с основания Высшей школы Йоэнсуу осенью 1969 г. и закончилась в конце 2009 г., в связи с тем что в начале 2010 г. Университет Йоэнсуу и Университет Куопио объединились и был основан Университет Восточной Финляндии. В данной статье мы коротко рассмотрим историю гуманитарных научных исследований и гуманитарного образования в Университете Йоэнсуу. Нас интересуют прежде всего исследования, имевшие непосредственное отношение к изучению финляндской и российской Карелии. В дальнейшем, говоря об исследованиях Восточной

Финляндии, финляндской и российской Карелии и России, мы будем использовать термин «восточные исследования».

I. От отделения истории и феннистики к мультидисциплинарному гуманитарному факультету

1. Развитие образовательной и исследовательской сферы

В основанной в 1969 г. Высшей школе Йоэнсуу гуманитарные предметы были приоритетными, поскольку в качестве ее основной задачи

была определена подготовка учителей. На этапе образования Высшей школы недостаток в квалифицированных учителях истории и родного (финского) языка ощущался именно в Восточной Финляндии. Первые студенты были приняты на специальность «финский язык и история», и они обучались на отделении финнистики и истории. В самом начале преподавание велось только силами адъюнкт-профессора финского языка и профессора истории (как правило, всеобщей истории). В течение первых пяти лет обучение гуманитарным специальностям развилось настолько, что в Высшей школе появились новые направления: литература, английский, шведский и русский языки, а также культурная антропология.

В 1980 г. произошел переход к обучению на основе мультидисциплинарных и профессионально-ориентированных специализированных учебных программ. Так были разработаны программы по истории (в качестве профилирующих предметов всеобщая история и история Финляндии), по финскому языку (основные предметы финский язык и литература) и по иностранным языкам (основные предметы – английский язык, шведский язык и русский язык). Гуманитарное образование по-прежнему было направлено на подготовку учителей. В двух названных учебных программах около половины, а в последней из них две трети студентов получали профессию учителя.

В 1984 г. Высшая школа Йоенсуу стала университетом, а ее отделения – факультетами. Гуманитарный факультет имел четыре кафедры: истории, финского языка, литературы и культурологии, иностранных языков. Обучение здесь стало еще более многосторонним, после того как на средства, полученные от пожертвований, была открыта специальность «фольклористика». Работавший с 1968 г. в городе Савонлинна Институт иностранных языков был присоединен к гуманитарному факультету Высшей школы Йоенсуу. В 1988 г. на факультете открылась кафедра православной теологии, после того как закрыли православную духовную семинарию в Куопио, а ее образовательные функции передали университету Йоенсуу. Развитие международных отношений университета связано с открытием в 1991 г. предназначенного для иностранных студентов англоязычного блока дисциплин «Karelia, the Baltic Area and Eastern Europe», который вошел в сферу ответственности гуманитарного факультета.

Подготовка учителей оставалась одной из важнейших задач гуманитарного факультета, однако набор специальностей постоянно расширялся. Подготовка студентов по учебным

программам Института иностранных языков Савонлинна и кафедры культурологии позволяла им получать специальность, не связанную с педагогической деятельностью. Когда принималось решение об образовании Высшей школы Йоенсуу, исходило из того, что при вузе будет работать Карельский исследовательский институт, который бы развивал представленные в вузе отрасли науки и вносил таким образом вклад в экономическое развитие Восточной Финляндии. Первоочередной задачей гуманитарного отдела Карельского исследовательского института было завершение труда по истории провинции Северная Карелия. Значение института в исследовании истории Карелии и России росло с каждым годом, и в настоящее время его научные сотрудники имеют многосторонние и прочные связи с Петрозаводским государственным университетом и Карельским научным центром РАН, а также Санкт-Петербургским научным центром Российской академии наук.

Таким образом, за 40 лет существования Университета Йоенсуу гуманитарный факультет постоянно расширялся, а его деятельность наполнялась новым содержанием. В 2009 г. на факультете было два блока дисциплин: 1) Финский язык и культурология; 2) Иностранные языки и переводоведение. С 2009 г. курс, разработанный под руководством профессора Пекки Зайкова, знакомит студентов с ближайшим родственным финскому языку карельским языком, культурой Карелии и социальным развитием республики. Обучение карельскому языку дает возможность решать задачи, требующие знания карельского языка и карельской культуры (учителя, исследователи, специалисты сферы культуры). Кроме того, начиная с 2006 г. помимо названных гуманитарных дисциплин учебные курсы по истории преподаются на факультете общественных и региональных наук.

В начале 2010 г., после того как начал свою работу новый Университет Восточной Финляндии, Университеты Йоенсуу и Куопио исчезли с карты университетов Финляндии. Одновременно произошли изменения в старой административной структуре Университета Йоенсуу. Независимый гуманитарный факультет прекратил свое существование и стал фактом истории, а гуманитарные дисциплины относятся теперь к философскому факультету. На его гуманитарном отделении продолжается обучение по специальностям Финский язык и культурология; Иностранные языки и переводоведение. Исторические науки преподаются на факультете общественных и коммерческих наук, где имеется новое отделение истории и географии.

2. Преподаватели и студенты гуманитарного факультета

Структура преподавательских кадров гуманитарного факультета значительно расширилась за годы, прошедшие со дня основания (1969) факультета. Вначале на отделении феннистики и истории был один профессор (история, всеобщая история), один адъюнкт-профессор (финский язык) и один ассистент (финский язык). В настоящее время имеется многопрофильный гуманитарный факультет, на котором работают 77 преподавателей.

Таблица 1. Состав преподавателей гуманитарных дисциплин Университета Йоенсуу в 2009 г.

Гуманитарный факультет	Профессора	Преподаватели	Другой обучающий персонал	Всего
Финский язык и культурология	9	9	9	27
Иностранные языки и переводоведение	11	22	10	43
Факультет общественных и региональных наук				
История	4	3	–	7
Всего	24	34	19	77

Источник: <http://www.joensuu.fi/humtdk/index.html>. Прочитано 15.1.2010.

Осенью 1969 г. первыми студентами стали 22 учителя народных школ, которые получали специальность учителя финского языка. В весенний семестр 1970 г. по результатам полученных оценок состоялся первый прием студентов для прохождения учебного курса финского языка (49). Осенью 1970 г. они перешли на новое отделение феннистики и истории. Кроме того, на новое отделение приняли 30 человек, для которых основной специальностью стала история. Студенты были по-прежнему в основном учителями народных школ, которые специализировались по финскому языку и истории, чтобы повысить квалификацию и получить возможность работать в основной (средней) школе. Таким образом, в Университете Йоенсуу набор студентов финского языка и истории был непосредственно связан с проводившейся в Финляндии реформой школьного образования. Народные и средние школы были в Финляндии заменены на единую основную школу в начале 1970-х гг., и эта реформа потребовала дополнительного образования и повышения квалификации учителей бывшей народной школы.

По мере увеличения количества направлений и специальностей гуманитарного факультета количество ежегодно набираемых студентов росло. В течение последнего года существова-

ния Университета Йоенсуу, т. е. в 2009 г., набор студентов гуманитарных дисциплин составил 211 человек, которые распределяются по основным предметам следующим образом:

Таблица 2. Студенты, поступившие в 2009 г. на гуманитарный факультет

Специальность	
Гуманитарный факультет	
Финский язык и литература	30
Культурология	25
Английский язык и культура	25
Английский язык и перевод	25
Шведский язык	20
Немецкий язык	26
Русский язык	25
Всеобщее языкознание	5
Гуманитарный факультет всего	181
Факультет общественных и региональных наук	
История	30
Всего	211

Источник: *Накуорас, Itä-Suomen yliopisto* (Справочник, Университет Восточной Финляндии). 2010. S. 11–12.

Студенты университета вначале проходят курс обучения и сдают экзамен на бакалавра (объем курса 180 учебных кредитов), а после этого на магистра философии (объем 120 кредитов). После завершения магистратуры студент имеет возможность продолжить обучение в аспирантуре, которое завершается защитой диссертации. На гуманитарном факультете (включая историю) было подготовлено в течение 1993–2008 гг. более 1600 магистров, т. е. в среднем 103 магистра в год. Одновременно докторантуру закончили 95 человек, т. е. в среднем за год защищалось по шесть докторов философии.

II. «Восточные исследования» на гуманитарном факультете

1. Точка отсчета – исследования преподавателей

Географическое положение Университета Йоенсуу, его нахождение в Восточной Финляндии на границе двух доминирующих культур, оказало свое влияние на направление гуманитарных исследований, проводимых в стенах университета. Самыми значительными направлениями научных исследований традиционно являются история, язык и диалекты, традиции и культура Финляндии и заграничной Карелии. С 1988 г. предметом обучения и научной работы на отделении православной теологии является религиозный опыт православной Финляндии и российской Карелии.

Отделение истории первым занялось «восточными исследованиями». Основателями этого направления стали, прежде всего, профессор Хейкки Киркинен и старший исследователь гуманитарного отдела Карельского исследовательского института Вейо Салохеймо. Уже в 1960-е гг. Х. Киркинен приступил к написанию масштабного труда по истории Карелии от Средних веков до XVII в. Он участвовал в создании первого тома истории провинции Северная Карелия. Кроме того, он занимался исследованием истории православной церкви Финляндии и Северной Карелии, прежде всего Иломантси, а также изучал рунопевческие династии XVIII и XIX вв. Вейо Салохеймо защитил в 1971 г. диссертацию о формах поселений Северной Карелии, а затем написал историю провинции Северная Карелия с XVII до начала XIX в. И Хейкки Киркинен, и Вейо Салохеймо опубликовали множество статей, посвященных Восточной Финляндии и Карелии. Особенно глубоко Салохеймо исследовал переселение карел из Восточной Финляндии в Тверскую губернию в XVII в.

Когда профессор Антеро Хейккинен в 1975 г. начал читать курс по истории Финляндии, в Йоенсуу был запущен масштабный проект изучения экономического, социального и культурного развития Восточной Финляндии. Этот исследовательский проект возник отчасти из-за того, что начавший работать в Йоенсуу в 1974 г. архив провинции предоставил хорошие материалы и первоисточники для изучения именно истории Северной Карелии. В рамках этого проекта на основе изучения первоисточников появилось большое количество студенческих дипломных (pro gradu) работ. Сам Антеро Хейккинен обратился к микроистории и изучал историю провинции Кайнуу и, прежде всего, историю Кухмо.

За 40 лет существования Университета Йоенсуу профессорско-преподавательский состав отделения истории сменился, но научные интересы новых профессоров также связаны с Карелией и Россией. Сменивший в 1998 г. Хейкки Киркинена на его посту профессор всеобщей истории Юкка Корпела является специалистом по истории Средних веков, изучает Восточную Европу и культы святых, он выпустил в свет несколько трудов, посвященных этим темам. В них рассматривается эпоха Владимира Святого (2001), история Восточной Европы от Средних веков до XVIII в. (2001) и Киевская Русь (1996), образование Выборгской губернии (2004) и заселение Приладжья (2008). Профессор Юкка Корпела имеет прочные научные связи с отделением всеобщей истории Петрозаводского государственного университета. Помимо Корпела

историю Карелии подробно изучали профессор истории Финляндии Тапио Хямюнен и Киммо Катаяла. Первый из них занимается всесторонним исследованием истории приграничной православной Карелии, начиная со времен автономии и до сегодняшнего дня, а второй изучает более ранние периоды истории Карелии, уделяя пристальное внимание крестьянским восстаниям. Оба профессора начиная с 1990 г. сотрудничают в области развития научных исследований и обучения с Петрозаводским государственным университетом и Карельским научным центром РАН.

С самого своего основания отделение истории Института тесно сотрудничало с петрозаводскими исследователями. На начальном этапе сотрудничество имело форму общих семинаров и публикаций документов. К самым важным публикациям относится «Asiakirjoja Karjalan historiasta 1500- ja 1600-luvulla. I–III» («История Карелии XVI–XVII веков в документах. I–III»). За эту публикацию со стороны Финляндии отвечал гуманитарный отдел Карельского исследовательского института, а в Петрозаводске – Карельский научный центр РАН. На общих семинарах рассматривались вопросы, связанные с историей Карелии и Восточной Финляндии. В 1990-е гг. углубилось сотрудничество отделения истории Университета Йоенсуу и ПетрГУ. Активизировался взаимный обмен исследователями и преподавателями. Открытие архивов позволило расширить тематику научных исследований. Начатая в 1990 г. исследовательская и образовательная программа «Kainuun ja Venäjän Karjalan historialliset yhteydet» («Исторические связи Кайнуу и российской Карелии») значительно углубила сотрудничество между Петрозаводском и Йоенсуу. Это позволило и в Петрозаводске, и в Йоенсуу по-новому взглянуть на перспективные темы исследований. Одновременно начался обмен аспирантами, который также привел к конкретным результатам. Упомяну здесь только диссертацию Дмитрия Базегского, посвященную коробейникам Беломорской Карелии. Семинары, регулярно проводившиеся в Йоенсуу, Суомуссалми, Каяни, Кухмо и Петрозаводске, гарантировали обмен информацией о том, какие темы исследований были актуальны и в Йоенсуу, и в Петрозаводске. По результатам этого сотрудничества в 1997 г. был опубликован заключительный отчет «Kainuussa ja Vienassa» («В Кайнуу и Беломорской Карелии»). Поскольку был получен позитивный опыт совместной работы, было решено продолжить обмен исследователями и преподавателями в рамках темы «Itä-Suomi ja Aunus» («Восточная Финляндия и Олонец»). Итоговым результа-

том этой работы можно считать заключительный отчет семинара «Väestö ja perhe Karjalassa» («Население и семья Карелии»), опубликованный в 2003 г.

В последнее время новой формой работы стали обширные исследовательские проекты, целью которых является создание масштабных международных сетей. Из таких проектов упомяну два, руководителем которых я являюсь с финской стороны. В течение 2001–2004 гг. Финская Академия наук финансировала научно-исследовательский проект «Family Life on the Northwestern Margins of Imperial Russia» («Семейная жизнь на северо-западной окраине Российской империи»). Кроме ученых Университета Йоеенсуу и Петрозаводского госуниверситета в проекте участвовали исследователи из университетов Санкт-Петербурга, Кембриджа, Эссекса, Оулу и Хельсинки. Результаты опубликованы на английском языке в виде отчета в 2004 г. В 2010 г. начался еще более масштабный международный исследовательский проект «Rajalla halkaistu kansa. Karjalaisten kansallisidentiteetin, uskonnon ja kielen kehitys 1809–2009» («Народ, разделенный границей. Развитие национального самосознания, религии и языка карелов, 1809–2009»). Можно считать, что начался новый этап в научно-исследовательском сотрудничестве Финляндии и России, так как исследовательский проект будут финансировать с финской стороны Финская Академия наук, а с российской стороны – Российский гуманитарный научный фонд (РГНФ). Проект расширяет свои международные контакты, и в настоящее время к нему присоединился Университет Айовы.

«Восточные исследования» в связи с другими дисциплинами. На кафедре финского языка с «восточными исследованиями» связаны две достаточно обширные темы. Это структура и развитие финского языка и близкородственных языков, а также восточные диалекты финского языка и карельский язык. Эти важные темы частично соприкасаются. Научные интересы преподавателей отделения определили направления их исследовательской деятельности, связанной с финским языком. Профессор Илкка Савиярви, например, сосредоточился на изучении типологического развития прибалтийско-финских языков и развитии финского литературного языка.

Профессорско-преподавательский состав кафедры финского языка поменялся за прошедшие 40 лет, и некоторые из новых профессоров занялись «восточными исследованиями». Так, профессор Марьятта Паландер специализируется на изучении восточных диалектов. Она изучает диалекты Липери и Старого

Керимяки, подготовила диссертацию об их специфике. На отделении финского языка международное сотрудничество развивается, прежде всего, с Карелией и Эстонией. Совместно с Карельским научным центром в 1990-е гг. подготовлено новое издание русско-финского словаря и сборник текстов на карельском языке. Университет Йоеенсуу представлял в этом проекте магистр философии Матти Есканен. Происходил взаимный обмен студентами и преподавателями. Сотрудничество с Эстонией развивается с начала 1980-х гг., а в 1989 г. был заключен официальный договор с отделением эстонской филологии Тартуского университета. В рамках этого договора происходит чтение лекций приглашенными преподавателями и собирается материал для изучения финских говоров Ингерманландии.

Первым профессором литературы был избран Ханнес Сихво (1942–2003). Он глубоко разбирался в истории культуры Карелии, и именно благодаря ему на гуманитарном факультете стало возможным многопрофильное сотрудничество по изучению Карелии. К раннему периоду творчества Сихво относятся, например, монография «Karjalan löytäjät» («Открыватели Карелии») (1969) и подготовленная в 1973 г. диссертация «Karjalan kuva. Karelianismin taustaa ja vaiheita autonomian aikana» («Карелия: предыстория карелианизма и этапы его развития в эпоху автономии»). Его последним, посвященным Карелии, большим проектом стала многотомная история Выборгской губернии. Проект был начат в начале 2000-х гг. Задачей этих исследований было получение новой научно значимой информации. Авторами должны были стать лучшие знатоки Карелии, работавшие в Университете Йоеенсуу и других университетах Финляндии. В настоящее время выпущены два произведения из этой серии: «Karjalan synty» («Рождение Карелии») (2003) и «Viipurin linnaläänin synty» («Образование Выборгской губернии») (2004). Автором последней книги является профессор всеобщей истории Университета Йоеенсуу Юкка Корпела. После смерти Сихво новые профессора отделения литературы уже не продолжали традицию «восточных исследований».

Первым профессором фольклористики была избрана Анна-Леена Сиикала. Ее исследования посвящены шаманизму, мифологии и устному народному творчеству. Ее интересы обращены к финно-угорским народам и традиционным культурам народов Сибири и Полинезии. В своем исследовании «Suomalainen shamanismi – mielikuvien historiaa» («Финский шаманизм – история фантазий») Анна-Леена Сиикала на осно-

ве устного народного творчества раскрывает мир шаманства и всю историю финского знахарства. Среди фольклористов наиболее известными после Сиикала специалистами в области «восточных исследований» стали Кайя Хейккинен и Пекка Хакамиес. Кайя Хейккинен защитила в 1989 г. диссертацию «Karjalaisuus ja etninen itsetajunta. Salmin siirtokarjalaisia koskeva tutkimus» («Карельскость и этническое самосознание. Исследование репатриированных из Салми карел») (1989). В качестве научного сотрудника Карельского исследовательского института она проделала важную работу в рамках сотрудничества с учеными Карельского научного центра в Петрозаводске. Кайя Хейккинен вместе с коллегами из Карельского научного центра РАН занималась изучением жизненного уклада вепсских женщин и вепсской культуры вообще. В настоящее время она является профессором Университета Восточной Финляндии и занимается гендерными исследованиями.

Пекка Хакамиес, начиная с 1983 г., в качестве ученого Карельского исследовательского института исследовал Карелию по обе стороны границы. В своей диссертации (1986) он рассматривает влияние русских пословиц на карельские и финские пословицы и поговорки. Другие свои исследования он посвятил изучению Северной Карелии, ее фольклора, этничности и идентичности, модернизации Советской Карелии и советизации той части Карелии, которая перешла к Советскому Союзу от Финляндии после советско-финляндской войны. Хакамиес рассматривает связи фольклора и других видов устного народного творчества с контекстом, с укладом и условиями жизни его носителей. Полевые материалы для своих исследований он собирал в ходе экспедиций в Финляндии (в Северной Карелии) и в России (в Олонце и бывшей финляндской Карелии). С 2006 г. Пекка Хакамиес является профессором фольклористики Университета Турку.

На отделении иностранных языков «восточные исследования» представлены исключительно русским языком, его изучением и преподаванием. Профессор Мууса Савиярви (Оянен) занимается изучением русских и прибалтийско-финских языковых контактов, и эта тема является одной из основных на отделении. В этой области Мууса Оянен осуществила несколько научных исследований в 1980-е и 1990-е гг. Второй профессор русского языка Наталия Башмакофф вывела на первый план исследования взаимовлияния русского языка и культуры. Среди трудов Наталии Башмакофф можно в первую очередь назвать следующие: «Из истории и быта русских в Финляндии, I» (совместно

с Марьей Лейнонен, 1990), «Мы говорим на разных языках», «Из литературной жизни русских в Финляндии в межвоенные годы» (1992).

Преемница Муусы Савиярви профессор Леа Сиилин защитила свою диссертацию «Отражение графико-орфографических норм церковнославянского языка в житийной литературе второй половины XVI в. на материале Жития Александра Свирского» в 2001 г. Сфера научных исследований Сиилин представлена диахроническим исследованием русского языка, что в Финляндии до сих пор почти не делалось. Полученная в ходе исследований Сиилин информация используется и в преподавании православной теологии. Научные интересы Леа Сиилин – это развитие церковно-славянского языка в XVI и XVII вв., агиографическая литература, кириллическая палеография и изучение топонимов.

2. «Восточные исследования» и аспирантура

Осуществляемые профессорским составом гуманитарного факультета Университета Йоенсуу исследования Карелии являются очень разносторонними. В связи с этим появилось множество дипломных работ и диссертаций по истории, фольклору и языкознанию. В этой короткой статье не представляется возможным рассмотреть подробно, что именно сделано на гуманитарном факультете Университета Йоенсуу для «восточных исследований», поэтому ограничусь перечислением готовых диссертаций. За 40 лет существования Университета Йоенсуу по историческим дисциплинам была защищена 31 диссертация. Из них более половины рассматривают либо финляндскую, либо российскую Карелию, либо оценивают значение восточной границы для жителей приграничных районов. Первая защита диссертации на историческую тему состоялась в 1977 г., когда Хейкки Коуккунен защитил диссертацию на тему «Suomen valtiovalta ja kreikkalaiskatoliset 1881–1897» («Государственная власть Финляндии и греко-католическое население в 1881–1897 гг.»). В 1982 г. была готова диссертация Антти Лайне «Suur-Suomen kahdet kasvot. Itä-Karjalan siviiliväestön asema suomalaisessa miehityshallinnossa 1941–1944» («Два лика Великой Финляндии. Положение гражданского населения Восточной Карелии во время финской оккупации в 1941–1944 гг.»), публикация которой привлекла к себе большое внимание. Под руководством Антти Лайне осуществлялись различные исследования, посвященные Восточной Карелии, часть которых нашла свое продолжение. Как и диссертация Антти Лайне, с большим

интересом была встречена диссертация Пекки Невалайнена «Inkeriläinen siirtoväki Suomessa 1940-luvulla» («Перемещенное из Ингерманландии население в Финляндии в 1940-е гг.»). Появление диссертации Невалайнена совпало с распадом Советского Союза, и поэтому привлекло к себе большое внимание и в России. Пекка Невалайнен продолжил свои исследования по этой теме и был ответственным редактором публикаций многих исследований, посвященных Ингерманландии и Карелии.

В 1993 г. состоялась защита моей диссертации «Liikkeellä leivän tähden. Raja-Karjalan väestö ja sen toimeentulo 1880–1940» («Вперед за хлебом. Население приграничной Карелии и его хозяйственная деятельность в 1880–1940-е гг.»). В ней впервые рассмотрена экономическая и социальная история православной Карелии, начиная с последних лет автономии и заканчивая Второй мировой войной. Уже до работы над диссертацией меня привлекала история Карелии. В начале 1980-х гг. я планировал мультидисциплинарный исследовательский проект по изучению послевоенного строительства в Финляндии и размещения здесь более 400 тыс. человек, переселенных из Карелии, отошедшей после войны Советскому Союзу. Моими студентами и аспирантами было написано несколько дипломных работ и диссертаций по истории Карелии и послевоенном строительстве.

Из диссертаций на исторические темы стоит упомянуть также исследование Маркку Кангаспуру «Neuvosto-Karjalan taistelu itsehallinnosta: nationalismi ja suomalaiset punaiset Neuvostoliiton vallankäytössä 1920–1939» («Борьба Советской Карелии за самоуправление: национализм и красные финны в практике государственного руководства в Советском Союзе в 1920–1939 гг.»).

Упомянутые выше и защитившие свои диссертации на отделении истории Университета Йоенсуу Антти Лайне, Пекка Невалайнен, Тапио Хямюнен и Маркку Кангаспуру в дальнейшем руководили многими исследовательскими проектами, в которых участвовали ученые как из Йоенсуу, так и из Петрозаводска. Маркку Кангаспуру стал в Финляндии основным экспертом по России, и к нему часто обращаются за комментариями создатели радио- и телепрограмм.

В 2000-е гг. подготовили и защитили диссертации на темы, касающиеся Карелии и приграничья, Юкка Кокконен, Юкка Партанен, Мартти Хёлса, Юрий Шикалов и Пяйви Хаппонен (руководитель – профессор Тапио Хямюнен). Кокконен рассматривает в своей диссертации трансграничные контакты жителей Кайнуу и Беломорской Карелии с середины XVII до начала

XVIII в. Партанен изучает историю населения и генезис семьи Карельского перешейка от XVIII до конца XIX в. Юрий Шикалов посвятил свою диссертацию истории населения и истории семьи в Беломорской Карелии в конце XVIII – начале XIX в. Хёлса рассматривает в своей диссертации организацию народных школ в Восточной Карелии во время Второй мировой войны. Пяйви Хаппонен на основе критического обзора источников осуществила сравнительное исследование динамики населения г. Сортавалы с начала XIX в. до 1940 г.

На отделении финского языка защищено две диссертации (Кайя Куйри и Ханнеле Форсберг), в которых рассматриваются восточные диалекты финского языка Финляндии. В 1990-е гг. на кафедрах финского языка и русского языка начался совместный исследовательский проект «Kielikontaktit Koillis-Itämeren piirissä» («Языковые контакты в районе северо-востока Балтийского моря»). Исследовались, в частности, процессы языковой мены Ингерманландии и Эстонии, России и Карелии. Руководителем этого исследовательского проекта был профессор Илкка Савиярви, а международная проектная деятельность велась, прежде всего, с учеными Тартуского университета. В 2007 г. на основе проекта были подготовлены две диссертации по финскому языку (Хелка Рионхеймо и Осси Кокко), в которых рассматриваются языковые формы ингерманландцев, живущих в Эстонии. Кроме того, были подготовлены сборники образцов финского языка Ингерманландии, редакторами которых были Хелка Рионхеймо и Криста Кивисалу. Совместно с учеными Санкт-Петербургского госуниверситета изучались языковые процессы живущих в Ленинградской области ингерманландцев. В этом проекте принимали участие профессор русского языка Мууса Савиярви и студенты, изучающие русский язык.

Значительные результаты были получены и в научном проекте, посвященном русско-карельско-финским языковым контактам, который также был начат в 1990-е гг. Этим проектом руководили профессор русского языка Мууса Савиярви и профессор финского языка Илкка Савиярви. Исследовательский проект привел к созданию двух диссертаций. Райя Пюёли рассматривает в вышедшей в 1996 г. диссертации ситуацию с использованием карельского языка, его лингвистические аспекты и явления, связанные с русско-карельско-финскими языковыми контактами, на основе материала, собранного в селах Олонецкого района. Вторым участвовавшим в научном проекте исследователем была Аннели Сархимаа, которая подгото-

вила лицензиатскую диссертацию. В ней рассматривается взаимовлияние синтаксиса северных диалектов русского языка и карельского языка. Кроме того, совместно с отделением социальных наук в 1990-е гг. изучались особенности функционирования карельского языка на примере с. Коткозеро Олонецкого района.

III. Перспективы сотрудничества

Значение Высшей школы, а затем Университета Йоенсуу в течение 40 лет его существования можно коротко обозначить следующим образом: местное – региональное – национальное – международное – глобальное и региональное. Вначале деятельность вуза имела местное влияние и распространялась только на Йоенсуу и его окрестности, а большая часть студентов была родом из Северной Карелии или района Савонлинна. Университет Йоенсуу начал развивать международные отношения в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Это происходило на фоне первых структурных изменений международного сотрудничества и перехода от связей и контактов отдельных исследователей к созданию более обширных сетей сотрудничества. Со второй половины 1990-х гг. Университет Йоенсуу стал важным в глобальном масштабе партнером. Вначале он стал участвовать в европейских научных и инновационных проектах, а в 2000-е гг. международное сотрудничество распространялось уже на все части света. В последние 20 лет региональная значимость вуза вновь возросла. На это повлияли финансируемые ЕС проекты по созданию информационных и технологических центров. Главным направлением в усилении влияния Университета Йоенсуу был переход от образовательной к исследовательской составляющей.

Объединение Университета Йоенсуу с Университетом Куопио и образование Университета Восточной Финляндии ставит новые задачи развития гуманитарных дисциплин. Целью вновь созданного университета по-прежнему является усиление его международной значимости. Следовательно, в новом университете профилирование обучения и научных исследований сузится. Медицина и естественные науки выходят на первый план, а гуманитарные дисциплины должны доказать свою необходимость с помощью более активного развития международной научно-исследовательской деятельности. И хотя приоритеты нового университета в сфере исследований еще не утверждены, понятно, что многочисленные и гуманитарные, и общественно-научные исследования будут касаться приграничных районов. Географически

это будут, прежде всего, районы, примыкающие к границам Финляндии, Европейского Союза и Северо-Запада России. Назовем некоторые из тем будущих научных исследований в Университете Восточной Финляндии: исторически сложившиеся границы; этничность, меньшинства, национальное самосознание и национализм; развитие приграничных районов и трансграничное сотрудничество; культурные границы и пересечение границ; глобализация; социальные, правовые, экономические и культурные исследования перемен, происшедших в России после распада Советского Союза и современной России.

Бывший гуманитарный факультет Университета Йоенсуу вместе с Карельским исследовательским институтом традиционно отличается высоким уровнем исследований, относящихся к тематике взаимоотношений востока и запада. Прежде всего, отделения истории, финского и русского языков издавна сотрудничают с соответствующими кафедрами Петрозаводского, Санкт-Петербургского и Тартуского госуниверситетов, а также с научными центрами Российской академии наук (в Санкт-Петербурге, Ижевске, Сыктывкаре), в частности с Карельским научным центром в Петрозаводске. В 2010 г., как уже говорилось, начался новый масштабный международный научный проект «*Rajalla halkaistu kansa. Karjalaisten kansallisdentiteetin, uskonnon ja kielen kehitys 1809–2009*» («Народ, разделенный границей. Развитие национального самосознания, религии и языка карелов, 1809–2009»). Одновременно он открывает новую эпоху в научном сотрудничестве Финляндии и России. Тема исследования естественным образом соприкасается с полем деятельности Университета Восточной Финляндии, Петрозаводского госуниверситета и Карельского научного центра в сфере гуманитарных наук. Удачное осуществление данного проекта будет означать, что в дальнейшем и в гуманитарной сфере будет продолжаться международное сотрудничество, а ученые-гуманитарии Университета Восточной Финляндии, Петрозаводского госуниверситета и Карельского научного центра РАН смогут в условиях жесткой конкуренции бороться за все уменьшающиеся дотации, выделяемые на обучение и научные исследования.

Литература

Hakuopas, Itä-Suomen yliopisto (Справочник, Университет Восточной Финляндии). Куопио, 2010.

Joensuun korkeakoulun/yliopiston vuosikertomukset 1971–2009 (Годовые отчеты Высшей школы/Университета Йоенсуу 1971–2009). Joensuu.

Joensuun korkeakoulun (yliopiston) opinnäytteet 1969–1993. Joensuun korkeakoulun kirjasto. Joensuu. (Дипломные работы Высшей школы/Университета Йоенсуу 1969–1993. Библиотека Университета Йоенсуу.)

Jääskeläinen V. Joensuun yliopiston humanistinen tiedekunta. Tieteen tahtoen. *Studia Carelica Humanistica* 3. Joensuu 1994. (Яаскеляйнен В. Гуманитарный факультет Университета Йоенсуу.)

Jääskeläinen V. Seitsemänkymmentäkuusi väitöskirjaa. Selvitys Joensuun yliopistossa väitelleistä henkilöistä ja väitöskirjoista. Hallintoviraston raportteja ja selvityksiä. Joensuu 1989. (Яаскеляйнен В. Семьдесят шесть диссертаций. Обзор диссертаций и защитивших диссертации в Университете Йоенсуу. Отчеты руководства. 1989.)

Jääskeläinen V. Karjalan tutkimuslaitos 1971–1991. Saimaalta Kolille. Karjalan tutkimuslaitos 1971–1991 / Toim. P. Hakamies, V. Jääskeläinen, I. Savijärvi. Joensuu, 1991. (Яаскеляйнен В. Карельский исследовательский институт 1971–1991. От Сайма до Коли. Карельский исследовательский институт 1971–1991 / Ред. П. Хакамиев, В. Яаскеляйнен, И. Савиярви.)

Jääskeläinen V. Tietoja Joensuun korkeakoulusta 1969–1982. Joensuu, 1983. (Яаскеляйнен В. Информация о Высшей школе Йоенсуу 1969–1982.)

Jääskeläinen V. Joensuun yliopiston lisensiaatin tutkinnot. Hallintoviraston raportteja ja selvityksiä n:o 7. Joensuu, 1990. (Яаскеляйнен В. Аспирантура Университета Йоенсуу. Отчеты руководства № 7.)

Koivisto H. et al. Joensuun yliopiston Karjalan tasavaltaa, Pietaria, Leningradin aluetta ja Baltian maita koskevat hankkeet vuonna 1993. Joensuu, 1994. (Койвисто Х. и др. Проекты, осуществляемые совместно с Республикой Карелия, Санкт-Петербургом, Ленинградской областью и странами Балтии в 1993 году.)

Nevala A. Uudisraivaaja. Joensuun yliopiston 40-vuotishistoria. Joensuun yliopisto. Joensuu, 2009. (Не-

вала А. Первопроходец. 40-летняя история Университета Йоенсуу. Университет Йоенсуу.)

Piipponen J. Joensuussa uuden tutkintojärjestelmän mukaisesti historiaa opiskelleiden ammatillinen sijoittuminen. *Historian tutkimuksia* n:o 9. Joensuu, 1993. (Пииппонен Й. Трудоустройство получивших в Йоенсуу историческое образование по новой системе проведения экзаменов. Исторические исследования № 9.)

Sopanen Olli-Matti. Joensuussa historiaa pääaineenaan opiskelleiden humanististen tieteiden ja Filosofian kandidaattien ammatillinen sijoittuminen. *Historian tutkimuksia* n:o 5. Joensuu, 1988. (Сопанен Олли-Матти. Трудоустройство получивших в Йоенсуу историческое образование бакалавров гуманитарных наук и философии. Исторические исследования № 5.)

Suomen kieli 1986–1990 / Toim. A. Räisänen, H. Forsberg, M. Palander. Joensuu, 1991. (Финский язык 1986–1990 / Ред. А. Ряйсянен, Х. Форсберг, М. Паландер.)

Suomen kielen laitos 1969–1985 / Toim. A. Räisänen, M. Koistinen. Joensuu, 1986. (Отделение финского языка 1969–1985 / Ред. А. Ряйсянен, М. Койстинен.)

Toimenpideohjelma Venäjän suomensukuisten kansojen ja niiden kulttuurien tutkimiseksi. Opetusministeriön työryhmien muistioita 1993:6. Helsinki, 1993. (План мероприятий по поддержке живущих в России финно-угорских народов и их культур. Меморандумы рабочих групп Министерства образования 1993:6.)

Venäjän ja Itä-Euroopan tutkimusohjelma (Luonnon). Suomen Akatemia. Helsinki, 1994. (Программа исследования России и Восточной Европы. Проект. Финская Академия наук.)

Интернет-источники

<http://www.joensuu.fi/humtdk/index.html>. Прочитано 15.1.2010.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Тапио Хямюнен

профессор истории Финляндии
Университет Восточной Финляндии
ПЯ 111, 80101 Йоэнсуу
эл. почта: tapio.hamynen@uef.fi
тел.: +358 13 251 4382

Тапио Хямюнен

University of Eastern Finland
POB 111, 80101 Joensuu
e-mail: tapio.hamynen@uef.fi
tel.: +358 13 251 4382

УДК 581.8

Р. Ф. НИКОЛЬСКАЯ И СТАНОВЛЕНИЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ В КАРЕЛИИ

И. Ю. Винокурова, К. К. Логинов

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

Статья посвящена основательнице этнографической науки в Карелии – Р. Ф. Никольской (Тароевой). Представлен биографический очерк и анализ научной деятельности этой замечательной исследовательницы.

Ключевые слова: научная биография, история этнографической науки.

I. Yu. Vinokurova, K. K. Loginov. R. F. NIKOL'SKAYA AND FOUNDER OF ETHNOGRAPHIC SCIENCE IN KARELIA

The paper tells about the founder of the ethnographic science in Karelia – R. F. Nikolskaya (Taroeva). An overview of the bibliography and analysis of the scientific activities of this eminent researcher are provided.

Key words: scientific biography, history of ethnographic science.

Становление этнографической науки в Карелии неразрывно связано с именем Розы Федоровны Никольской. Данную статью мы посвящаем этой исследовательнице, жизнь которой представляет собой замечательный пример преданности этнографической науке, служения людям, удивительной доброты, мужества и жизнестойкости.

Роза Федоровна Никольская (часто ее называют и по первой типично карельской фамилии – Тароева; от кар. *Тарой* – Тарас) родилась 12 сентября 1927 г. в д. Мунозеро Петровского (ныне Кондопожского) района Карело-Финской АССР в семье карел-людигов. Ее мать, Мария Павловна Вилаева, уроженка д. Пуйгуба, была простой сельской женщиной; отец, Федор Константинович Тароев, – служащим, работавшим в органах хозяйственного управления Советской Карелии.

По делам службы Федору Константиновичу приходилось работать во многих местах Каре-

лии, и за ним всегда следовала его семья. В начале 1930-х гг. он по направлению от республики был послан учиться в Московскую сельскохозяйственную академию им. К. А. Тимирязева. Так Роза Тароева оказалась в большом столичном городе и в 1935 г. пошла учиться в 1 класс 213-й московской школы. В 1937 г. Федор Константинович закончил академию, и Тароевы вернулись в Петрозаводск. Но на долю дипломированного специалиста и его семьи сразу же выпали испытания. В ноябре 1937 г. Ф. К. Тароев был арестован и девять месяцев находился под следствием; но, к счастью, был выпущен на свободу.

Когда началась Великая Отечественная война, Розе шел четырнадцатый год. Она принадлежала к тому поколению людей, чьи лучшие годы юности пришлось на страшную войну. Спасаясь от оккупации, Роза с матерью и младшим братом эвакуировались через Онежское озеро в п. Шала Пудожского района Карелии.

Р. Ф. Никольская

Здесь, обучаясь в старших классах средней школы, она познала холод и недоедание, выпавшие на долю каждой эвакуированной семьи. С голодом были связаны страшные случаи. Роза Федоровна вспоминала, как чудом удержалась от соблазна наесться до отвала свежей корюшки, которую весной 1943 г. власти распределили в изобилии среди истощенных беженцев. Тогда многие умерли от переедания после длительной голодовки. Рассказывала Роза Федоровна и о том, как попала в отряд самообороны, сформированный из школьников старших классов. Отряд вооружили мелкокалиберными винтовками. Все закончилось благополучно, подросткам не довелось войти в боевое соприкосновение с финскими диверсантами, которых каждую ночь ожидали в Шале.

После окончания войны Тароевы возвратились в Петрозаводск. Федор Константинович стал министром сельского хозяйства республики. Но проработал на этом посту недолго. Умер в 1956 г., в возрасте 54 лет. Об этой преждевременной утрате Роза Федоровна всегда вспоминала с большой горечью.

В год окончания Великой Отечественной войны Роза Тароева поступила на историче-

ское отделение историко-филологического факультета Карело-Финского государственного университета в г. Петрозаводске, где кафедрой истории заведовал выдающийся ученый Я. А. Балагуров. Уже в это время она проявила интерес к этнографии. Ее первая курсовая работа называлась «Материальная культура заонежских крестьян конца XIX – начала XX вв.» Работа над данной темой не пропала бесследно. Идею о необходимости этнографического изучения русских Карелии она воплотила в жизнь через много лет при формировании научных кадров руководимого ею сектора фольклора и этнографии. Весной 1950 г. Р. Ф. Тароева окончила университет с рекомендацией в аспирантуру. Год работала в Карело-Финском государственном учительском институте (ныне Карельская педагогическая академия) преподавателем истории, этнографии и литературы. Затем в 1951 г. была зачислена в штат Карело-Финской научно-исследовательской базы АН СССР и направлена в аспирантуру Института этнографии АН СССР (г. Москва) по специальности «этнография финно-угорских народов». Ее научным руководителем был назначен видный этнограф и антрополог Н. Н. Чебоксаров, о котором она всегда отзывалась с уважением и большой теплотой.

Первую в своей научной жизни полевую практику Роза Тароева проходила в 1952 г. в Коми АССР под руководством старшего научного сотрудника Института этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая В. Н. Белицер. Приобретенный в той экспедиции опыт позволил аспирантке уже летом следующего года развернуть самостоятельные широкие полевые исследования среди карел в северной части Карелии.

1 января 1955 г. после окончания аспирантуры Роза Тароева была принята на должность младшего научного сотрудника Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР. С этим Институтом она навсегда связала свою судьбу. Здесь она прошла многие ступени академической лестницы: после младшего – старший научный сотрудник, ученый секретарь Карельского филиала Академии наук, заведующая сектором фольклора и этнографии. Первым этапом на этом пути была успешная защита в январе 1955 г. кандидатской диссертации на тему «Материальная культура северных карел во второй половине XIX в. и первой половине XX в. (по материалам района Калевалы)» (оппоненты д. и. н. В. И. Воробьев и к. и. н. Г. С. Маслова). Это была первая в отечественной науке кандидатская диссертация, посвященная этнографии карельского народа.

Исследование материальной культуры северных карел в значительной степени основывалось на оригинальных, ранее неизвестных материалах, собранных автором в экспедициях. Р. Ф. Тароева рассматривала севернокарельскую культуру жизнеобеспечения не изолированно, а в сравнении с данными по другим группам карел (ливвикам и людикам), а также их соседям и родственным народам.

Для Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР защита первой диссертации по этнографии стала знаменательным событием. Появилась возможность создания этнографической школы в Карелии, которая с населяющими ее коренными и пришлыми этносами являлась актуальной для изучения территории. Попытки создания такой школы были предприняты еще в начале 1930-х гг. директором Института, профессиональным этнографом С. А. Макарьевым. Но из-за отсутствия кадров и трагической гибели С. А. Макарьева в 1937 г. в результате сталинских репрессий поставленная задача осталась нерешенной.

Сразу после присуждения Р. Ф. Тароевой степени кандидата исторических наук по специальности «этнография» при секторе истории была сформирована «этнографическая группа», в которую, помимо одного научного сотрудника – Розы Федоровны, вошли четыре лаборанта-исследователя. В 1958 г. с приходом на работу в ИЯЛИ В. В. Пименова, специализировавшегося по этнографии вепсов, был образован мощный тандем из двух профессиональных этнографов.

Этнографической группой стали проводиться систематические, целенаправленные полевые работы. Первоначально собирательская работа велась по двум направлениям: изучение материальной культуры карел, исследование этнографии вепсов, а с 1960 г. – этнографическое изучение рабочего класса Карелии. Итоги исследований быта и культуры лесозаготовителей Карелии были представлены в 1964 г. в опубликованной коллективной монографии «Верхний Олонец – поселок лесорубов», подготовленной Р. Ф. Тароевой в соавторстве с В. В. Пименовым, фольклористом У. С. Конкка, экономистом З. И. Кильсеевой и биологом В. И. Ильиной. В монографии впервые комплексно освещались такие вопросы, как общественный быт, деятельность медицинских, коммунальных и других учреждений, семья и семейные отношения, функционирование различных культурных традиций среди лесорубов разных национальностей.

1960-е гг. были очень продуктивными в научной деятельности Розы Федоровны. Как авто-

ритетный ученый в области кареловедения, она привлекалась Институтом этнографии АН СССР для работы над обобщающим очерком «Карелы» в крупном коллективном издании этого периода «Народы европейской части СССР» (т. II, М., 1964. Сер. «Народы мира»). Через год в издательстве «Наука» вышла в свет фундаментальная монография Р. Ф. Тароевой «Материальная культура карел (Карельская АССР)» – первое обобщающее в этой области исследование. Для книги характерна большая насыщенность полевым материалом, использование архивных, музейных и литературных источников. Исследовательница сделала не только систематическое описание важнейших сторон карельской материальной культуры, но и попыталась выяснить место карел в культурном пространстве народов Европейского Севера. В книге представлен генезис некоторых элементов карельской культуры. Среди важнейших выводов следует назвать также выделение севернокарельской и южнокарельской культурных зон, которое соответствует этнолингвистическому членению карельского народа. Сейчас, по прошествии почти 45 лет со времени издания книги, можно смело сказать, что это классическая работа по этнографии карел, до сих пор не потерявшая научную ценность.

В июне 1967 г. Р. Ф. Тароевой было присвоено звание старшего научного сотрудника. В октябре того же года она была назначена Ученым секретарем Президиума Карельского филиала АН СССР и проработала на этой должности до 1973 г. Занимая ответственный пост, требующий напряженной работы по составлению отчетов, документов, подготовке и проведению совещаний, Роза Федоровна, тем не менее, пыталась находить время и для исследовательской деятельности. Она постоянно выступала с докладами на Международных и советских научных форумах, достойно представляя карельскую этнографическую науку. При этом она всегда активно занималась общественной работой. Долгое время была председателем месткома ИЯЛИ, штатным инструктором Президиума Верховного Совета КАСР, депутатом Петрозаводского городского Совета. В 1974 г. за большие достижения в научной и общественной деятельности ей было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Карельской АССР».

Роза Федоровна много сделала и для укрепления карельско-финляндского научного сотрудничества. Она была избрана почетным членом «Общества Калевалы» («Kalevalanseura») и Общества изучения памятников древностей

Р. Ф. Никольская и П. И. Лукина беседуют с жительницей Сегозерья

Финляндии («Juminkeko»). В 1973 г. ей было присвоено звание члена-корреспондента «Финно-угорского общества А. М. Кастрена» («M. A. Castrenin seura»). В официальном письме за подписью президента общества Эрkki Итконена и секретаря Микко Корхонена говорилось: «Мы имеем честь сообщить Вам, что Финно-угорское общество, желая признать заслуги, которые Вы имеете в науке, назвало Вас на годовом собрании 2 декабря членом-корреспондентом Общества. Учитывая Вашу поддержку усилий Финно-угорского общества, мы просим Вас принять уверения в нашем высоком уважении».

Р. Ф. Никольская (Тароева) работала в совместных экспедициях с финским академиком Пертти Виртаранта. В своей книге «Этюды о карельской культуре» П. Виртаранта оставил интересные воспоминания об их знакомстве: «Роза Федоровна поддерживала дружеские связи со многими финскими этнографами, но в Финляндии у нее круг друзей гораздо шире, так как в него входим, в числе прочих, и мы с женой. Наше общение несколько своеобразно, потому что мы разговариваем друг с другом по-людиковски: Роза Никольская пользуется

языком своей матери, то есть пуйгубским говором, а мы, Хельми и я, – галезерским говором, которому научились от Стефана Хуотаринена» [Виртаранта, 1992. С. 151].

С новой силой ее активная научная деятельность возобновилась в 1973 г., когда она по личной просьбе была переведена обратно в ИЯЛИ для работы над темой «Сегозерские карелы», срок завершения которой намечался в 1976 г. Проект оказался успешным. Под руководством Розы Федоровны были подготовлены и изданы две коллективные монографии: «Духовная культура сегозерских карел» (авторы разделов – У. С. Конкка, А. П. Конкка) (1980) и «Материальная культура и декоративно-прикладное искусство сегозерских карел» (авторы разделов – Р. Ф. Никольская, А. П. Косменко) (1981). Эти труды были посвящены исследованию одной из локальных групп карел, расселенных вокруг Сегозера (Медвежьегорский район Карелии), традиционная культура которых характеризовалась многими чертами архаики и своеобразия. Обе монографии отличались оригинальностью подачи материала: впервые очерки об основных сферах карельской культуры завершались своеобразными

документальными приложениями – рассказами информантов на родном языке.

В 1977–1982 гг. Р. Ф. Никольская (Тароева) возглавляла сектор фольклора и этнографии ИЯЛИ. Период руководства сектором был недолгим, но он оставил яркий позитивный след в жизни его сотрудников. Роза Федоровна была прекрасным организатором, внимательным и чутким к нуждам подчиненных руководителем. Важнейшим делом она считала привлечение профессиональных этнографических кадров, от уровня знаний которых зависели перспективы развития этнографии в Карелии. Практически весь состав современного сектора этнологии был сформирован при Розе Федоровне, тщательно отобран ею по научным направлениям: изучение традиционной культуры карел, вепсов, русских; современные этнические процессы в Карелии. Последующие попытки привлечения в сектор профессионалов оказались безуспешными. Будучи убежденным этнографом-полевиком, Роза Федоровна всячески поощряла экспедиции сотрудников сектора и сама, пока позволяли силы, занималась полевыми исследованиями. Она побывала практически во всех местах проживания карел, не только в нашей республике, но и в деревнях Калининской и Ленинградской областей. Руководила, как правило, большими экспедиционными отрядами. Но всегда мечтала поселиться на месяц в доме какой-либо одинокой старушки и, не спеша, записывать от нее этнографические сведения. Настоящему этнографу очень важно уметь работать в экспедициях с местным населением. Необходимо расположить к себе человека, вызвать у него желание рассказывать об интересных, порою тайных для исследователя явлениях. Для Розы Федоровны, искреннего и доброжелательного человека, работа с информантами никогда не была проблемой. Многие коллеги, побывавшие с ней в экспедициях, всегда отмечали, как любили ее местные жители. Не она разыскивала знающих информантов и приходила к ним в гости, а они, узнав, в какой избе остановилась Роза Федоровна, с радостью приходили к ней «на беседу». Наш коллега, Е. И. Клементьев, рассказывал: «Мне посчастливилось побывать с Розой Федоровной в двух экспедиционных поездках. Первый раз это случилось в 1974 году. Две июньские недели, проведенные в Вокнаволоке, а в августе – в Ондозере, с Розой Федоровной, Юго Юльевичем Сурхаско и Айри Викторовной Климовой, запомнились мне на всю жизнь. Поразила меня удивительная сила притяжения, которая влекла людей к Розе Федоровне. Как мотыльки на свет, приходили жители деревни в тот дом, где она

Р. Ф. Никольская в экспедиции у тихвинских карел (д. Коростелево Бокситогорского р-на Ленинградской обл.). Справа – Василий Михайлович Зверев, 1894 г. р., с внуками. Фото 22 июля 1969 г.

остановилась. Весть о том, что приехали этнографы, да еще вместе с Розой Федоровной, мгновенно разносилась по деревне. Обыкновенное чаепитие превращалось в праздник родственных душ. Горячий самовар за самоваром в кругу сельчан, неторопливые разговоры о житье-бытье, умение слушать, поддержать беседу, поведать внимательным слушателям о своих научных интересах и заботах заканчивались обычно тем, что для желающих рассказать о тех или иных сторонах национальной жизни невольно приходилось уступать очередь. И если записывалась, например, традиционная свадебная обрядность или приемы народной медицины, то обостренная память старушек воспроизводила их в удивительной красоте и полноте. Так работать мог только профессионал высочайшего класса, горячо влюбленный в свое дело и любящий людей». Возвратившись домой из экспедиций, Роза Федоровна не забывала своих информантов: хлопотала о пенсиях, выполняла различные просьбы.

Р. Ф. Никольская неоднократно ставила перед руководством ИЯЛИ вопрос о преобразовании разросшегося сектора фольклора и этнографии в два самостоятельных коллектива. К сожалению, это стало возможно только в 1983 г. и, по сути дела, за счет Розы Федоровны, когда она из-за тяжелой болезни была вынуждена отказать от руководства объединенным сектором и перейти на полставки младшего научного сотрудника в приобретший, наконец, самостоятельность сектор этносоциологии и этнографии. Несмотря на пошатнувшееся здоровье, она продолжала напряженно работать со свойственной ей добросовестностью.

В эти годы она подготовила раздел «Традиционно-бытовая культура» для коллективной монографии «Карелы», изданной в 1983 г.; опубликовала статьи по проблеме, которая ее давно интересовала – карельско-саамские культурные связи [Никольская, 1981]. Однако наибольшей популярностью пользуется работа Р. Ф. Никольской «Карельская кухня», первый выпуск которой увидел свет в 1986 г. Можно без преувеличения сказать, что это одна из лучших книг по народной кулинарии, выдержавшая уже четыре издания и переведенная на финский и шведский языки. Все мы пробовали готовить по этой книге карельские блюда и делали это вполне успешно, так как каждый рецепт, представленный Розой Федоровной, был ею тщательно проверен. Но превзойти в кулинарном искусстве автора книги было невозможно. В последние годы работы в институте она, чтобы порадовать нас, приносила к секторским чаепитиям свои кулинарные шедевры – калитки, пироги, и мы с жадностью уплетали их. Это было очень светлое время, она умела создать атмосферу душевности. Роза Федоровна подтверждала широко распространенное мнение о карелах как об очень гостеприимном народе. «Чай, кофе?» – спрашивала она с порога, если приходилось заходить к ней домой для обсуждения какой-либо проблемы.

В научные планы Р. Ф. Никольской входила работа над монографией «Материальная культура карел СССР», подготовка переиздания книги «Карельская кухня», дополненного карельскими народными поговорками и обрядовым материалом. Два неопубликованных тома с пословицами, поговорками и описаниями ритуалов ныне хранятся в личном фонде Р. Ф. Никольской (Тароевой) в Научном архиве Карельского научного центра РАН г. Петрозаводска. Из более чем полутора тысяч дел этого архива, так или иначе содержащих этнографические материалы, до 40 % составляют дела, принад-

лежащие перу Розы Федоровны или же подготовленные с ее участием.

К сожалению, последним научным планам Розы Федоровны не удалось сбыться. В 1987 г. накануне 60-летнего юбилея тяжелейший инсульт поставил крест на ее научном пути. Врачи полагали, что она не проживет и двух недель, но ошиблись. Супруг Розы Федоровны, Ричард Александрович Никольский, приложил неимоверные усилия, чтобы спасти ей жизнь. Благодаря его заботе она научилась снова без посторонней помощи сидеть, говорить, отвечать по телефону и даже писать (сначала по трафарету, а потом и без него). О полном выздоровлении не могло быть и речи, но с прикованной к постели Розой Федоровной снова можно было говорить, обсуждать научные планы, получать консультации. Ее друг и коллега Юго Юльевич Сурхаско взялся доработать начатые ею статьи о карельской народной медицине и бане; в соавторстве двух этнографов эти статьи были опубликованы в сборниках «Обряды и верования народов Карелии» [Никольская, Сурхаско, 1992, 1994].

Однако более тяжелые испытания ждали ее впереди. В 1999 г. скоропостижно скончался муж Розы Федоровны. Ухаживать за ней стало некому. В Петрозаводском доме престарелых она провела на больничной койке еще десять лет. Но и это испытание она прошла с редкостным мужеством и достоинством. Не было никаких претензий и капризов к медицинскому персоналу, соседям по палате, людям, навещавшим ее. Она до самого конца интересовалась жизнью родного института и его сотрудников, радовалась нашим успехам и сопереживала нашим неприятностям, была в курсе дел даже наших подросших детей и внуков.

Роза Федоровна ушла из жизни 20 марта 2009 г. 25 марта на петрозаводском Сулажгорском кладбище мы простились с нашей «старой этнографиней» – так часто она называла себя.

Ее имя навсегда останется в нашей памяти и в истории этнографии и фольклористики Карелии. Одним из светлых воспоминаний о ней – знаменитого исследователя карельского фольклора А. С. Степановой – мы завершим нашу статью:

«Я познакомилась с ней еще до поступления в Институт, работая в школе – с подачи У. С. Конкка. Они с В. В. Пименовым предлагали мне поступать в аспирантуру, дали книги по этнографии. Но, работая учителем в сельской школе с большой нагрузкой, было не до этнографии, а без основательной подготовки я не хотела ехать в Москву, позориться. Она и

В. В. Пименов относились ко мне очень тепло, дружески. И такое отношение со стороны Розы Федоровны оставалось до конца. Особенно дорого для меня была ее поддержка, когда я уже в приличном возрасте решила завести ребенка. Она искренне была за меня рада и всячески поддерживала.

Когда я привезла сюда заболевшую маму, Роза Федоровна, узнав о ее тяжелом состоянии, пришла к нам поговорить с ней, поддержать и ее и меня. Мама, хотя и болела и была в преклонном возрасте (89 лет), но была вполне адекватна, до конца сохранила ясную память, здравый ум. Роза Федоровна подолгу с ней беседовала по интересовавшим ее вопросам народного быта. И мама после ее ухода говорила: „Какая хорошая женщина, словно как своя!“ А потом Роза Федоровна все передавала ей приветы.

К сожалению, в экспедициях с ней мне не пришлось бывать, но общие друзья среди „информантов“ (не люблю это слово, но и другого не могу подобрать) у нас были. Самая заметная среди них – Савельева Прасковья Степановна из д. Мяндусельга Медвежьегорского района, с которой общались многие фольклористы, лингвисты и этнографы нашего Института (я встретила ее в 1970 году). Прасковья Степановна приезжала неоднократно в Петрозаводск и останавливалась то у нас, то у Розы Федоровны и чувствовала себя как дома. У тети Паши, как мы ее звали, были проблемы с пенсией: чиновники, узнав по доносу, что Прасковья Степановна была в оккупации, сняли у нее трудовую пенсию, оставив только колхозную, рублей 12 или 20. А она работала в молодости на лесозаготовках и заработала по тем временам неплохую пенсию (около 60 рублей). Писала она повсюду, но ничто не помогало. Роза Федоровна сочла своим долгом вернуть женщине заслуженную пенсию, и в конце концов она добилась возврата этой ранее утраченной пенсии. Тетя Паша, конечно же, была очень рада и бесконечно благодарна, считала ее своей благодетельницей. И когда Роза Федоровна заболела, Прасковья Степановна очень переживала за нее, всегда интересовалась ее состоянием, посылала приветы и молилась за нее (П. С. Савельева была истинно верующим человеком).

Что я могу еще добавить? Она действительно была настоящим человеком, хорошим товарищем, никогда не отказывала в помощи, была готова защитить, заступиться. Все это проявилось, когда она была завсектором фольклора и этнографии и во время работы в Президиуме филиала АН».

Литература

Виртаранта П. Этюды о карельской культуре. Петрозаводск: Карелия, 1992. С. 148–152.

Маслова Г., Санникова А. О книге Р. Ф. Тароевой «Материальная культура карел» // Советская этнография. 1966. № 4. С. 176–179.

Никольская (Тароева) Роза Федоровна // Ученые Карельского научного центра Российской академии наук. Биографический словарь. Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 1999. С. 277.

Побеседуй со мной // Северный курьер. 1997. 12 сент. (№ 174).

Список основных научных трудов Р. Ф. Никольской (Тароевой)

Тароева Р. Ф. Материальная культура северных карел во второй половине XIX в. и первой половине XX в. (по материалам района Калевалы КФССР): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1954. 16 с.

Тароева Р. Ф. К вопросу о материальной культуре карел (по этнографическим материалам района Калевалы КФССР) // Науч. сессия, посвящ. подведению итогов науч.-исслед. работ Карело-Финского филиала АН СССР за 1953–1954 гг.: Тез. докл. Петрозаводск, 1955. С. 3.

Тароева Р. Ф. Материальная культура карел, населяющих северные районы КФССР (1917–1955 гг.) // Науч. сессия, посвящ. 10-летию деятельности Карело-Фин. филиала АН СССР и итогам науч.-исслед. работ за 1955 г.: Тез. докл. Петрозаводск, 1956. С. 3.

Тароева Р. Ф. Средства и способы передвижения у карел в дореволюционное время (конец XIX – начало XX вв.) // Тр. Карельского филиала АН СССР. Петрозаводск, 1959. Вып. 22. С. 39–51 с илл.

Тароева Р. Ф., Пименов В. В. Верхний Олонец – поселок лесорубов (Отрывки из этнографической монографии) // На рубеже. 1962. № 5. С. 80–82.

Тароева Р. Ф. Некоторые стороны семьи и семейного быта у верхневолжских карел // Науч. конф. Института языка, литературы и истории АН СССР, посвящ. итогам работ Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР за 1962 г.: Тез. докл. Петрозаводск, 1963. С. 34–36.

Тароева Р. Ф. Карелы // Народы Европейской части СССР. М.: Наука, 1964. Т. II. С. 329–363.

Тароева Р. Ф. О положении женщины в современной семье рабочих // Науч. конф. [Института языка, литературы и истории АН СССР], посвящ. итогам работ института за 1963 г.: Тез. докл. Секция истории, археологии и этнографии. Петрозаводск, 1964. С. 50–52.

Тароева Р. Ф., Санникова А. П. Форма и структура семьи лесных и сельскохозяйственных рабочих Южной Карелии // Науч. конф. [Института ЯЛИ АН СССР], посвящ. итогам работ института за 1963 г.: Тез. докл. Секция истории, археологии и этнографии. Петрозаводск, 1964. С. 36–38.

Тароева Р. Ф., Пименов В. В., Конкка У. С. и др. Верхний Олонец – поселок лесорубов. Опыт этнографического исследования. М.; Л.: Наука, 1964. 195 с. с илл.

Тароева Р. Ф. К вопросу о методике изучения бюджетов семей лесных и сельскохозяйственных рабочих Карелии // Науч. конф., посвящ. итогам работ Института ЯЛИ АН СССР за 1965 г.: Тез. докл. Петрозаводск, 1966.

Тароева Р. Ф. Материальная культура карел (Карельская АССР). М.; Л.: Наука, 1965. 225 с. с илл.

Тароева Р. Ф. Русско-карельские культурные связи (по данным материальной культуры) // Науч. конф. по итогам работ [Института языка, литературы и истории АН СССР] за 1964 г.: Сокращ. тез. докл. Секция ист. наук. Петрозаводск, 1965. С. 100–101.

Тароева Р. Ф. К вопросу о методике изучения бюджетов семей лесных и сельскохозяйственных рабочих (на примере Пряжинского ЛПХ и совхоза «Святозерский» // Науч. конф., посвящ. итогам работ Института ЯЛИ АН СССР за 1965 г.: Тез. докл. Петрозаводск, 1966.

Тароева Р. Ф., Белицер В. Н. Карелы // Очерки общей этнографии. Европейская часть СССР. М., 1968.

Tarojeva R. F. Venäläis-itäkarjalaisista kulttuurisuhteista. Esineellisen kulttuurin pohjalta tarkasteltuna // Kotiseutu. Helsinki, 1966. № 1.

Тароева Р. Ф. Работа этнографов в Карелии // Науч. конф. ИЯЛИ 30 окт. 1967 г. Петрозаводск, 1968.

Никольская Р. Ф. Этнографическая работа в Карелии // Финно-угроведение в ИЯЛИ. Петрозаводск, 1970.

Карелы // Большая советская энциклопедия. М., 1970. Т. II.

Научные учреждения Карелии // Там же.

Карельский филиал АН СССР // Там же.

Никольская Р. Ф., Пименов В. В. Этнические процессы в Советской Карелии // 50 лет Советской Карелии. Петрозаводск, 1970.

Никольская Р. Ф. Научный центр на Северо-Западе // Карельский филиал Академии наук СССР (К 25-летию со дня основания). Петрозаводск, 1970. С. 18–31.

Никольская Р. Ф. К истории изучения этнографии карел и вепсов // Этнография Карелии. Петрозаводск, 1976. С. 5–44.

Никольская Р. Ф. Карельско-финские этнокультурные связи // VII Всесоюз. конф. по изучению истории, экономики, литературы и языку Скандинавии и Финляндии: Тез. докл. М.; Л., 1976.

Nikolskaja (Tarojeva) R. F. Karjalaisten perinteiset kalaruoat Karjalan Autonomisessa Neuvostotasavallassa. Veden viljaa // Kalevalaseuran vuosikirja. Helsinki, 1976. № 56.

Никольская Р. Ф. Баня в быту карельского и финского крестьянства // VIII Всесоюз. конф. по изучению истории, экономики, языка и литературы Скандинавских стран и Финляндии: Тез. докл. Петрозаводск, 1979. Ч. 1. С. 213–215.

Nikolskaya R. F. Slavis-Russian influences in the ethnocultural development of Karelians // Congrressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum Turku 20–27. VIII. 1980. Pars II. Turku, 1980. P. 235.

Никольская Р. Ф. Карельско-саамские этнокультурные связи // Местные традиции материальной и духовной культуры народов Карелии: Тез. докл. Петрозаводск, 1981. С. 34–35.

Никольская Р. Ф. К вопросу о карельско-саамских историко-культурных связях // Природа и хозяйство Севера. Мурманск, 1981. Вып. 2. С. 75–80.

Никольская Р. Ф., Косменко А. П. Материальная культура и декоративно-прикладное искусство сегозерских карел конца XIX – начала XX века. Л.: Наука, 1981.

Никольская Р. Ф. Традиционно-бытовая культура // Карелы Карельской АССР. Петрозаводск: Карелия, 1983. С. 103–152.

Никольская Р. Ф. Карельская кухня. Петрозаводск: Карелия, 1986. 194 с. (1-е изд.), 1988 (2-е изд.), 1997 (3-е изд.).

Никольская Р. Ф., Сурхаско Ю. Ю. Баня в семейном быту карел // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1992. С. 68–85.

Никольская Р. Ф., Сурхаско Ю. Ю. О карельской народной медицине: Рациональное и «иррациональное» в традиционном врачевании // Обряды и верования народов Карелии: Человек и его жизненный цикл. Петрозаводск, 1994. С. 103–121.

Редактирование

Этнография Карелии. Петрозаводск, 1976. 206 с. (Совмест. с Е. И. Клементьевым.)

Этнокультурные процессы в Карелии. Петрозаводск, 1986. 133 с. (Совмест. с Е. И. Клементьевым.)

Авторские материалы Р. Ф. Никольской (Тароевой) в Научном архиве Карельского научного центра РАН:

Ф. 1, оп. 6: Научная документация Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (с 1989 г. по н/время), д. 465, 475–476, 478–479.

Ф. 1, оп. 20: Научная документация (итоговая и первичная) за 1923–1977 гг., д. 279–284.

Ф. 1, оп. 29: Документальные материалы сектора истории; группы археологии и этнографии, сектора археологии Института ЯЛИ Карельского филиала АН СССР, д. 35–41, 46, 50, 52–54, 59–60, 69, 72–74, 76, 93, 97, 101, 109–110, 181–182, 346, 348–350, 394–402, 414, 416–422, 469–370.

Ф. 1, оп. 50: Научные материалы Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР, д. 14, 191–192.

Ф. 30, оп. 1: Фонд личного происхождения: Тароева-Никольская Роза Федоровна (12.09.1927 г. р.), кандидат исторических наук, этнограф, н. с. Института языка, литературы и истории, заслуженный деятель науки Карелии, д. 1–178, 202–205, 209–219, 222–233.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Винокурова Ирина Юрьевна

зав. сектором этнологии, д. и. н.
Институт языка, литературы и истории Карельского
научного центра РАН
ул. Пушкинская, 11, Петрозаводск, Республика Карелия,
Россия, 185910
эл. почта: irvin@sampo.ru
тел.: 8 9215219450

Логинов Константин Кузьмич

старший научный сотрудник, к. и. н.
Институт языка, литературы и истории Карельского
научного центра РАН
ул. Пушкинская, 11, Петрозаводск, Республика Карелия,
Россия, 185910
эл. почта: kuzmich@onego.ru

Vinokurova, Irina

Institute of Language, Literature and History, Karelian Research
Centre, Russian Academy of Science
11 Pushkinskaya St., 185910 Petrozavodsk, Karelia, Russia
e-mail: irvin@sampo.ru
tel.: 8 9215219450

Loginov, Konstantin

Institute of Language, Literature and History, Karelian Research
Centre, Russian Academy of Science
11 Pushkinskaya St., 185910 Petrozavodsk, Karelia, Russia
e-mail: kuzmich@onego.ru

ЮБИЛЕИ И ДАТЫ

ГРИГОРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ПАНКРУШЕВ И АРХЕОЛОГИЯ В КАРЕЛИИ

Григорий Александрович Панкрушев (02.03.1920–25.07.1990) сыграл решающую роль в организации и проведении археологических работ в Карелии во второй половине XX в. В ходе поисково-разведочных работ им открыто свыше 400 древних стоянок эпохи мезолита, неолита, раннего металла и железного века. Особую ценность представляют материалы раскопок стоянок Повенецкая I, II, III, Войнаволоок XXIV, XXVIII, Илекса III и IV, Кладовец IV, IX,

Бесов Нос VI, Вигайнаволоок I. Их выделяет выразительная топография, мощный культурный слой, наличие жилищ и хозяйственных сооружений, богатые коллекции находок.

Велика его роль в подборе и подготовке местных научных кадров. Им создано новое структурное подразделение в Институте ЯЛИ КФ АН СССР (ныне КарНЦ РАН) – сектор археологии [Хронология..., 1991; Ученые..., 1999; Шумилов, 2009].

Естественно, Г. А. Панкрушев использовал материалы и опыт предшественников. В археологическом изучении Карелии он выделял три этапа. Первый, дореволюционный, связан в основном с коллекционированием древних вещей. Второй приходится на 1920–1930-е гг., когда начались регулярные разведки и раскопки в основном археологами из Ленинграда и Москвы. Особенность третьего этапа, начавшегося после окончания Великой Отечественной войны, он видел в большей целенаправленности исследований и значительном увеличении их объема [Панкрушев, 1981. С. 48]. С приходом Г. А. Панкрушева в Институт ЯЛИ археологические работы в Карелии стали проводиться в основном местными силами и охватили почти все ее районы.

Г. А. Панкрушев привлекателен и как личность, прежде всего трудолюбием, целеустремленностью, желанием во что бы то ни стало «найти себя». Он родился в д. Гаврушино Ковжинского района Вологодской области в крестьянской семье. В начале 1930-х гг. семья переехала в Петрозаводск, а затем во избежание репрессий – в с. Ковда Мурманской области. В довоенные годы Г. Панкрушев учился в речном техникуме, поступил в Петрозаводский

университет, который пришлось оставить из-за материальных затруднений. Работал на лесозаводе, а затем в школе в с. Надвоицы. Прошел всю войну, был тяжело ранен. После войны учился на историческом факультете Карело-Финского государственного университета. По окончании его в 1949 г. работает учителем, а затем директором школы в Кондопоге, заведующим методическим кабинетом в Институте усовершенствования учителей в Петрозаводске, корреспондентом Карелфинтага.

В октябре 1951 г. Г. А. Панкрушев становится аспирантом Института истории материальной культуры АН СССР в Москве (с 1959 г. – Институт археологии) по специальности «археология». Прежде к ней Г. А. Панкрушев никакого отношения не имел, никогда не участвовал в разведках и раскопках археологических памятников. К тому же предстояло на три года оставить семью – жену и двоих детей, жить в Москве, в общежитии на скромную аспирантскую стипендию. Поступление в аспирантуру, да еще в возрасте 31-го года, кому-то, в частности А. М. Линевскому, казалось делом сомнительным и даже рискованным. По существу, все предстояло начинать заново, «с нуля». Тем не менее «ищущий себя» твердо решил испытать судьбу, проявил целеустремленность, волю, веру в свои силы. И не ошибся.

Руководителем назначается проф. А. Я. Брюсов – известный археолог, автор обобщающего труда «История древней Карелии» (М., 1940). В диссертационном исследовании «Локальные варианты карельской археологической культуры и их отношение к этническим общностям» ставилась задача рассмотреть карельскую археологическую культуру и ее обособленные (локальные) территории. Материалом послужили коллекции, хранящиеся в Историческом музее, Эрмитаже, ИМКе, в КГКМ.

Становлению Г. А. Панкрушева как специалиста во многом способствовал именно А. Я. Брюсов, ставший учителем, наставником и авторитетом на всю жизнь. Защита диссертации, состоявшаяся в мае 1955 г., прошла успешно. Любопытно, что ни одной печатной работы Г. А. Панкрушев еще не имел. Перед окончанием аспирантуры, в ноябре 1954 г., его зачисляют на вакантную должность младшего научного сотрудника в сектор истории Института ЯЛИ КФ АН СССР, которым заведовал известный историк Я. А. Балагуров.

Проблема кадров археологов для института решалась в основном за счет выпускников исторического отделения КФГУ, с первых курсов принимавших участие в разведках и раскопках Г. А. Панкрушева. То был весьма действенный и надежный путь приобщения к археологии в ус-

ловиях Карелии. Желающие стать специалистами-профессионалами поступали в аспирантуру. В декабре 1968 г. археологи вместе с этнографами выделяются в самостоятельный сектор во главе с Г. А. Панкрушевым, а в 1970 г. под его руководством образуется сектор археологии.

В своих исследованиях Г. А. Панкрушев уделял повышенное внимание хронологии и периодизации археологических памятников и культур, много времени и сил тратил на разработку собственного метода датирования – и относительного, и абсолютного, который базировался на данных неотектоники, т. е. на высотных отметках. С их учетом прокладывались маршруты по древним береговым линиям и террасам, отстоящим далеко от уреза воды современных водоемов – озер, рек, болот. В итоге удалось отыскать много новых памятников. При реконструкции древней истории приоритетом для Г. А. Панкрушева оставался самый ранний период – мезолит и относящиеся к нему докерамические стоянки, позволявшие выяснить время и пути первоначального заселения и освоения края.

Учитывались работы геолога Б. Ф. Землякова, еще в 1930-е гг. выделившего в Карелии и Мурманской области самые древние бескерамические стоянки периода мезолита. Развивая его представления, Г. А. Панкрушев приступил к раскопкам широкими площадями и первым подготовил монографию, посвященную эпохе мезолита [Панкрушев, 1978]. В ней заложены основы последующего изучения самой ранней эпохи на территории Карелии, предпринята попытка выяснить происхождение и этнокультурную принадлежность первопоселенцев и их преемников, процессы ассимиляции местного и пришлого населения.

Основательно изучал Г. А. Панкрушев и следующий за мезолитом, гораздо лучше известный период – неолит, которому посвятил вторую часть труда «Мезолит и неолит Карелии». Она тоже включала и публикацию новых полевых материалов, и освещение ряда тем и проблем: пути и времена заселения Карелии в неолите, происхождение неолитического населения, особенности этнических процессов, межплеменные связи и др. Выделена культура Сперрингс как самая ранняя, завершающая этап автохтонного развития Карелии и Финляндии. С появлением выходцев из Волго-Окского междуречья налаживаются их взаимоотношения с аборигенами, начинается процесс формирования единой неолитической культуры. Эпохе неолита была посвящена и кандидатская диссертация, на основе которой позднее подготовлена монография [Панкрушев, 1964],

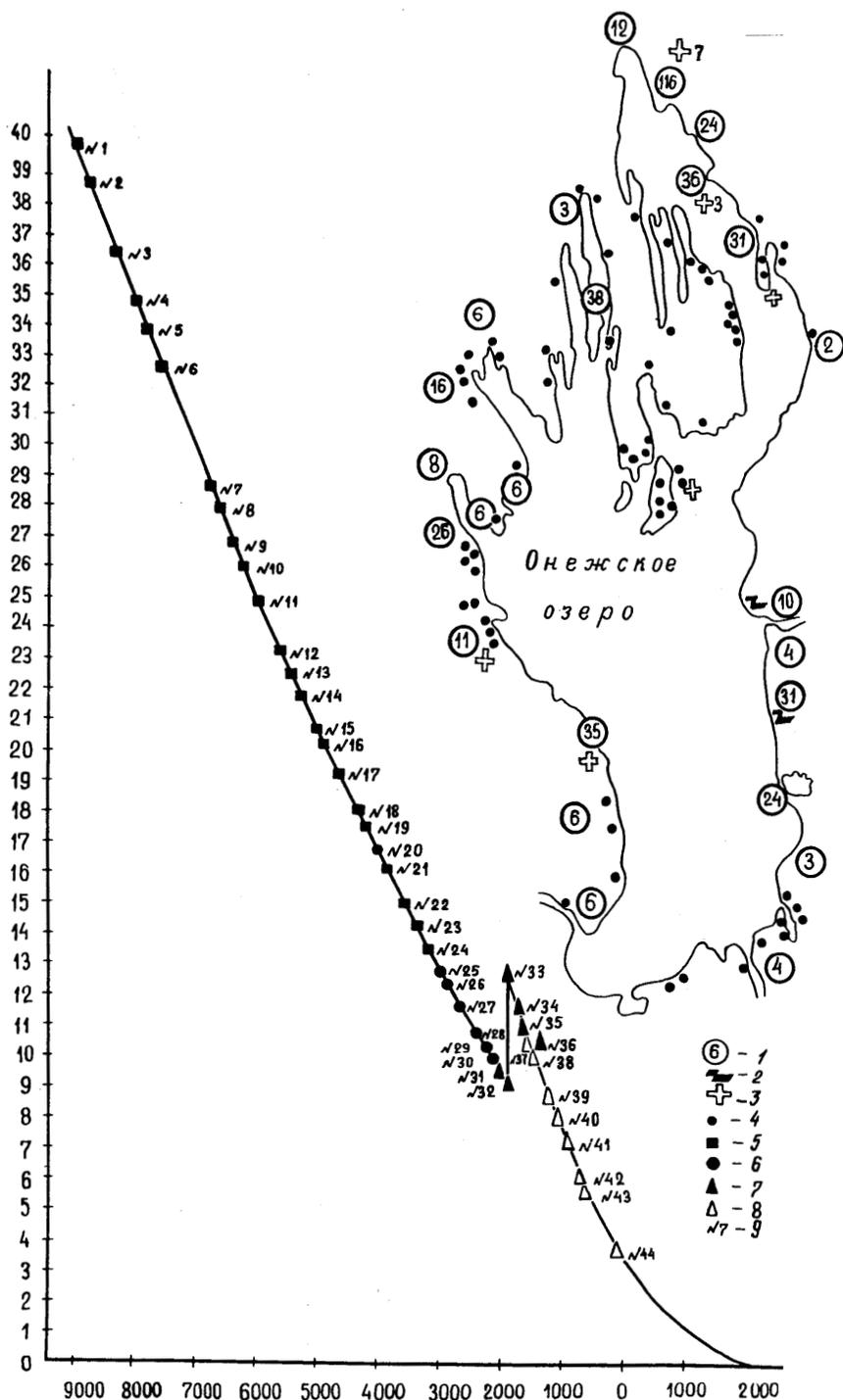

График высотного расположения стоянок на северном побережье Онежского озера (по Г. А. Панкрушеву):

1 – скопление стоянок; 2 – петроглифы; 3 – могильники; 4 – одиночные стоянки; 5 – стоянки эпохи мезолита; 6 – стоянки эпохи неолита; 7 – стоянки эпохи энеолита; 8 – стоянки эпохи бронзы и раннего железа; 9 – номера стоянок

ставшая убедительным свидетельством профессионального роста автора. Он, как и А. Я. Брюсов, искал ответ на вопрос: Что надо понимать под этническими общностями в археологии, какое значение они имеют для решения проблемы происхождения древних и современных народов? В 1983 г. Г. А. Панкрушев защищает докторскую диссертацию по упомянутой уже монографии «Мезолит и неолит Карелии».

О вкладе Г. А. Панкрушева в археологическую науку можно судить по обобщающему труду «Археология Карелии» [1996]. В нем ис-

пользуются материалы, собранные на территории Карелии и соседних областей на протяжении 100 лет. Охарактеризованы все периоды: каменный век (мезолит и неолит), эпоха раннего металла (энеолит, бронзовый век), железный век и средневековье. Г. А. Панкрушев сказал свое слово по каждому из названных периодов. В раздел «Литература» включены 15 его работ – три книги и научные статьи. Имя Г. А. Панкрушева упоминается весьма часто и в каталоге «Археологические памятники Карелии» [2007]. В посвященном памяти учителя и

коллеги сборнике научных статей «Хронология и периодизация археологических памятников Карелии» [1991] опубликован «Список научных трудов», включающий 79 публикаций, среди них 2 монографии.

Сказанное вовсе не исключает критической оценки полевых и научных работ Г. А. Панкрушева. Больше всего поправок и уточнений внесено в его датировки археологических памятников и культур, их анализ и оценку. Пересматриваются выводы об этнокультурной принадлежности древнего населения. Установлено, например, что заселение Карелии началось явно позднее, только в VII тыс. до н. э. Изменились представления о карельской археологической культуре. Выделены новые культуры и их ареалы. Доказано, что этнокультурные процессы протекали сложнее. Подобные несоответствия современным научным представлениям и требованиям – естественное следствие развития археологии, зрелости и профессионализма ныне работающих специалистов [Савватеев, 1984. С. 65, 72].

Поглощенность наукой, трудолюбие, жизнерадостность, оптимизм и многое другое привлекало к нему внимание окружающих. Совместная работа с ним радовала, хотя полное взаимопонимание и согласие с коллегами царило не всегда. Возникали и разногласия, споры, приводившие определенное напряжение во взаимоотношения. Впрочем, до затяжных конфликтов, вражды и противостояния дело, как правило, не доходило. Каждый имел возможность заниматься своим делом. Разъединяющим началом чаще всего выступала критика. Раздавалась она и в адрес Г. А. Панкрушева как ученого и как руководителя и организатора. Но в целом отношения с ним сохранялись деловыми и конструктивными.

Личность Г. А. Панкрушева интересна во многих отношениях. Приятной новостью для знавших его стал сборник стихов «Музыка души», опубликованный детьми и внуками в 2009 г. [Панкрушев, 2009]. В него вошли стихи, написанные в 40-х гг. XX в. и отражающие размышления о жизни, мечты, чувства, переживания, внутренний мир автора.

Во введении к собственному сборнику автор пишет, что «очень болезненно воспринимал всяческие неурядицы в личной и общественной жизни». Вместе с тем признается, что до прямой критики социальных неурядиц подняться не смог, поскольку верил в то, что «мы строим

светлое будущее». С радостью принял «горбачевскую перестройку».

Надежной опорой в жизни всегда была дружная семья и круг давних и верных друзей. По мнению М. И. Шумилова, жизнь Г. А. Панкрушева «служит примером трудолюбия, благородства и порядочности». В основательной документальной книге «Страницы истории Петрозаводского государственного университета» он представлен как незаурядный человек с твердым характером, с обостренным чувством справедливости, безукоризненной честности, добросовестности, бескомпромиссности, который все делал на совесть, никогда никого не подводил. Отмечается, что для однокашников он остается незабываемым добрым другом и товарищем [Страницы..., 2005. С. 21–22, 162, 540]. Такие слова многое значат.

Ю. А. Савватеев

Литература и источники

Археология Карелии. Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 1996. 416 с.

Археологические памятники Карелии: Каталог. Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 2007. 200 с.

Панкрушев Г. А. Племена Карелии в эпоху неолита и раннего металла / Отв. ред. А. Я. Брюсов. Л.: Наука, 1964.

Панкрушев Г. А. Мезолит и неолит Карелии. Ч. I–II. Л.: Наука, 1978.

Панкрушев Г. А. Мезолит и неолит Карелии: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1981.

Панкрушев Г. А. Музыка души: Книга стихов. Петрозаводск: ПИН, 2009. 204 с.

Савватеев Ю. А. Некоторые итоги и особенности археологических исследований 70-х гг. в Карелии // Новое в археологии СССР – Финляндии: Докл. 3-го советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии / Под ред. акад. Б. А. Рыбакова. Л.: Наука (Ленингр. отд.), 1984. С. 63–73.

Страницы истории Петрозаводского Государственного Университета 1940–2000 / Составители-редакторы М. И. Шумилов и И. П. Покровская. Петрозаводск: ПетрГУ, 2005. С. 543.

Ученые Карельского научного центра Российской академии наук. Биографический словарь (2-е доп. и перераб. изд.). Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 1999. С. 278.

Хронология и периодизация археологических памятников Карелии. [Посвящается памяти Григория Александровича Панкрушева.] Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 1991.

Шумилов М. И. Панкрушев Григорий Александрович // Карелия: Энциклопедия. Т. 2: К–П. Петрозаводск: ПетроПресс, 2009. С. 342–343.

АЛЕКСАНДРА СТЕПАНОВНА СТЕПАНОВА (к 80-летию со дня рождения)

Александра Степановна Степанова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, фольклорист, Заслуженный деятель науки Республики Карелия. Более 44 лет, с 1962 по 2007 г., она работала в Институте языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (бывшем Филиале Академии наук СССР), занималась исследованием карельских сказок, эпических песен, ёйг и главное – причитаний. В ее научной биографии более 50 фольклорных экспедиций в разные районы Карелии и на Кольский полуостров.

Александра Степановна родилась в обычной крестьянской семье в августе 1930 г., в небольшой деревне Шомбозеро на севере Карелии. В 1938 г. она пошла в начальную школу в деревне Хайколя (обучение тогда велось на карельском языке), до войны окончила 3 класса. Учеба в школе прервалась во время Великой Отечественной войны, и в эвакуации удалось окончить

лишь четвертый класс. После войны А. Степанова продолжила учебу в Ухтинской средней школе, где в девятом классе ее учительницей по литературе была Унелма Семеновна Конкка (в последующем известный фольклорист), которая повлияла на выбор жизненного пути Александры Степановой. По настойчивой рекомендации Унелмы Конкка она поступила в Петрозаводский государственный университет на финно-угорское отделение филологического факультета. После окончания учебы в университете в 1957 г. Александра Степанова около пяти лет работала в школе учителем русского языка и литературы (преподавание финского языка к тому времени было прекращено). И вновь Унелма Конкка, в то время уже работавшая в ИЯЛИ, повлияла на дальнейшую судьбу А. Степановой, пригласив ее в 1962 г. на работу в Институт.

Уже в декабре 1962 г. Степанова выехала в первую экспедицию по собиранию русского фольклора Кольского полуострова. Руководителем этой 35-дневной экспедиции был Дмитрий Балашов. Здесь она получила первые уроки и первоначальный опыт собирательской работы. В последующем ежегодно выезжала в экспедиции как одна, так и со своими коллегами, в том числе с Ниной Лавонен, Унелмой Конкка, Раисой Ремшуевой, Павлой Лукиной и другими. В ходе экспедиционных выездов было сделано около 300 часов магнитофонных записей различных фольклорных жанров и этнографического материала, которые хранятся в Фонограммархиве ИЯЛИ. Без преувеличения можно сказать, что, объездив с магнитофоном всю Карелию, она собрала уникальный материал по традиционной – и духовной, и материальной – культуре карелов, стремительно уходящей в прошлое. Подробные воспоминания о своих поездках Александра Степановна опубликовала в журнале «Carelia» (N 2, 5, 11, 12 за 2009; N 2, 3, 4 за 2010 г.).

За время своей долгой и плодотворной научной деятельности Александра Степанова занималась как одна, так и в сотрудничестве с

коллегами различными жанрами фольклора. В первые годы работы в институте совместно с Унелмой Конкка был подготовлен научный сборник сказок «Карельские народные сказки. Южная Карелия», который вышел в свет в 1967 г. Позже они же выпустили несколько изданий карельских сказок для детей. В 1973 г. Степанова опубликовала сувенирное издание южнокарельских сказок-анекдотов о киндасовцах «Были-небылицы», переизданное в 2004 г.

С 1969 г. Степанова вплотную занялась исследованием карельских причитаний, которые до тех пор оставались в карельской и российской фольклористике практически не изученными. С тех пор на протяжении 40 лет плачи являются лейтмотивом ее научной деятельности. Трудность работы над темой заключалась в отсутствии фундаментальных научных работ по этому жанру – прибалтийско-финские причитания также почти не исследовались ранее. Особую сложность представлял уникальный иносказательный язык карельских плачей, непонятный непосвященному слушателю. За прошедшие годы исследователем были написаны десятки научных и научно-популярных статей и исследований по причитаниям, остановлюсь здесь лишь на самых основных.

Первая большая работа по этой теме – отбор и расшифровка собранных в экспедициях и выявленных в коллекции Научного архива КарНЦ РАН причитаний для публикации. Сборник «Карельские причитания», подготовленный совместно с музыковедом Тертту Коски, вышел в свет в 1976 г. и по настоящее время остается первым и единственным научным изданием карельских причитаний в истории русской и зарубежной фольклористики. В обширной вступительной статье Степанова впервые подробно рассматривает историю собирания и изучения карельских причитаний как в России, так и в Финляндии; анализирует поэтические особенности причитаний, их своеобразный метафорический язык. Все тексты плачей опубликованы на языке оригинала с переводом на русский язык, при этом при переводе Степанова постаралась максимально следовать оригиналу, для того чтобы передать своеобразие поэтического языка, стилистических и художественных особенностей жанра. Сборник также включает нотное приложение и музыковедческую статью, комментарии к текстам, различные указатели и таблицы, сведения об исполнителях и другой научный аппарат.

В 1980 г. Александра Степанова защитила диссертацию «Функционирование системы метафорических замен в карельских причитаниях» в Институте мировой литературы в Москве. Ра-

бота была опубликована в 1985 г. под названием «Метафорический мир карельских причитаний». В книге досконально рассмотрена одна из специфических особенностей плачей – иносказательный, потайной способ обозначения терминов родства и названий некоторых неродственных лиц. Эта монография стала прорывом в исследовании языка причитаний. Степанова выявила и проанализировала систему метафорических замен, дав их классификацию, и кроме прочего затронула вопрос о роли плачей в создании иносказательного языка.

1960–1980-е гг. знаменуются заметным оживлением в области исследования причитаний как в советской, так и в финской фольклористике. Тогда же шло активное собирание плачей – карельских, ингерманландских, сету. В этот период в Карелии помимо А. Степановой причитаниями начала заниматься Унелма Конкка, создавшая поистине фундаментальный труд – монографию по обрядовым карельским плачам – «Ikuinen ikävä» (Хельсинки, 1985); на русском языке – «Поэзия печали» (Петрозаводск, 1992). Автор рассматривает в ней обрядовые плачи и их функции в ритуалах похорон и свадьбы. Работа получила высокую оценку специалистов, в частности, К. В. Чистова, занимавшегося исследованием севернорусских причитаний, особенно плачей Ирины Андреевны Федосовой. В Финляндии профессор Лаури Хонко опубликовал несколько статей, посвященных проблемам исследования причитаний; фольклорист Айли Ненола защитила диссертацию по ингерманландским плачам «Studies in Ingrian Laments» (1982); академик Пертти Виртаранта записывал карельские причитания в южных районах Карелии (часть их была опубликована позже); фольклорист Пентти Лейно затронул вопрос об аллитерации в плачах. Таким образом, исследование прибалтийско-финских причитаний развивалось сразу по нескольким направлениям, жанр рассматривался комплексно, закладывалась прочная база для дальнейшего его изучения. Необходимо отметить, что в те годы российские и финские исследователи тесно сотрудничали. Одним из важных этапов сотрудничества был советско-финляндский симпозиум 1979 г. в Петрозаводске, посвященный именно причитаниям.

В 1990-х гг. по обе стороны границы в исследовании причитаний наступило затишье – практически все упомянутые фольклористы, кроме Александры Степановны, оставили эту тему. Она же продолжала ездить в экспедиции, писать статьи, читать лекции студентам. В 1990-е гг. ею были осуществлены значительные работы и по другим темам. В 1991 г. для учащихся школ,

изучающих карельский язык, была выпущена книга для чтения «Aukaisen sanaisen arkun», включившая в себя фольклорные тексты на всех диалектах. Совместно с П. М. Зайковым в 1994 г. был издан сборник сказок для детей старшего возраста на севернокарельском диалекте «Kultapiälintu».

Совместно с коллегами фольклористом Ниной Лавонен и музыковедом Калле Раутио был подготовлен научный сборник «Карельские ёйги» (1993). Это также первое и единственное в своем роде издание, куда вошли почти все тексты этого малоизученного жанра, хранящиеся в Научном архиве Карельского научного центра и Фонограммархиве ИЯЛИ, на карельском языке и в переводе на русский язык. Сборник также содержит три статьи: по истории собирания и исследования, происхождения и бытования жанра (Н. Лавонен), по особенностям поэтического языка ёйг (А. Степанова) и нотное приложение с музыковедческой статьей (К. Раутио).

Некоторое время Александра Степанова занималась южнокарельскими эпическими песнями, бывшими тогда вне внимания исследователей, написала по теме объемную статью «Эпические песни Южной Карелии», опубликованную в сборнике «Фольклористика Карелии» (1989). В настоящее время этой темой занимается исследовательница ИЯЛИ Валентина Миронова. В те же годы А. Степанова ведет активную собирательскую работу на севере Карелии, на территории бывшего Тунгудского района, где до этого собиратели бывали крайне редко. Она выезжала в район четырежды и на основе собранного материала подготовила научное издание «Устная поэзия тунгудских карел», вышедшее из печати в 2000 г.

Рассматривая проведенную Александрой Степановой исследовательскую деятельность, можно заметить, что она занималась темами и жанрами либо малоизученными, либо ранее вовсе не изученными. И все же главная тема – карельские причитания – оставалась и по сей день остается самой важной. В 2003 г. вышел сборник статей «Карельские причитания. Специфика жанра», в который вошли как ранее опубликованные и переработанные, так и новые статьи по отдельным вопросам жанровой специфики карельских плачей. В статьях затронуты различные стороны поэтики и специфики жанра, например, метафорические замены, аллитерация, эпитеты; обозначены многие вопросы, которые требуют отдельного исследования, например, русские заимствования в языке плачей или связь причитаний и поэзии калевальской метрики. В сборнике даны также портреты отдельных плакальщиц – Анни Лехтонен, Пра-

сковьи Савельевой и Анастасии Никифоровой. Этот сборник, снабженный полной библиографией, является замечательным обобщением в области изучения карельских причитаний.

Основной, итоговой работой Александры Степановны в области языка жанра является «Толковый словарь языка карельских причитаний», начатый в 1996 и изданный в 2004 г. О необходимости создания такого словаря писала Унелма Конкка еще в 1968 г. Осуществление этой титанической работы требовало огромных усилий, знаний карельской традиции и культуры, многолетнего опыта, большого труда и терпения, а главное – любви к своему делу. Толковый словарь состоит из двух частей. Первая часть – свод иносказательной лексики причитаний, или так называемых метафорических замен определенных терминов. Она включает различные термины родства (мать, дитя, родители и т. д.), наименования предметов, явлений, понятий, а также заимствованную из русского языка лексику. В каждом из этих 70 тематических разделов помимо перевода метафорических замен даются и принципы их образования, кроме того замены классифицированы – подразделены по составу (односоставные, двусоставные и сложные) и по региональному признаку (три локальные традиции причитывания: севернокарельская, среднекарельская и южнокарельская). Вторая часть – собственно словарь с толкованием семантики и функций отдельных лексем в причитаниях. Каждая словарная статья, а их насчитывается примерно 1360, снабжена соответствующими примерами, которые первоначально переведены буквально, после чего дается «дешифровка» иносказания, раскрывается его истинный смысл в тексте причитания. Эта уникальная в своем роде книга получила диплом и премию в номинации «Лучшая книга на карельском, вепском или финском языках» на Республиканском конкурсе «Книга года Республики Карелия – 2004», а также большое признание специалистов. Появление такого словаря может (и должно!) стать толчком к новому всплеску в исследовании карельских причитаний.

Сейчас Александра Степановна на пенсии, но работа продолжается. Она переводит «Толковый словарь...» на финский язык, исследует историю своей родной деревни Шомбозеро и своего рода, готовит к публикации рукопись сборника причитаний талантливой карельской плакальщицы Прасковьи Степановны Савельевой.

А. Степанова является иностранным членом-корреспондентом Общества финской литературы (Suomalaisen kirjallisuuden seura),

Общества Калевалы (Kalevalaseura), Финно-угорского общества (Suomalais-ugrilainen seura).

Заслуги Александры Степановны высоко оценены как в России, так и в Финляндии. Она имеет грамоты Российской академии наук, правительства Республики Карелия (1990, 2005); в 1995 г. ей было присвоено почетное звание «Заслуженный деятель науки Республики Карелия». В 1992 г. получила почетную грамоту Suomen kansan hengenperinnön tietäjälle ja taitajalle финского Общества Калевалы. В 2006 г. в связи со 175-летним юбилеем Общества финской литературы ей была присуждена почетная награда этого общества.

Александра Степанова не щадит душевных сил и энергии не только для своих исследова-

ний – она всегда охотно помогает коллегам, друзьям и родственникам, она замечательная мама и бабушка, глава семьи, в которой ее любят и ценят. Так сложилось, что она стала зачинателем династии исследователей причитаний, ее искренний интерес и любовь к своему делу передались и мне, ее дочери. Она научила меня работе с информантами, ответственному отношению к аналитической работе, многим профессиональным умениям и навыкам.

I vielä andelen jälgimäiziksi kuverduaten siula, sanon sadakerdazed i tuhatluaduzet passibot siula kaikista go puoliloin.

Эйла Степанова

РЕЦЕНЗИИ И БИБЛИОГРАФИЯ

КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ КАРЕЛИИ В 1920–1930-е ГОДЫ В ИССЛЕДОВАНИЯХ М. КАНГАСПУРО И Н. БАРОНА

А. В. Голубев

Петрозаводский государственный университет

В последние годы в западной историографии возрастает внимание к истории Советской Карелии первых двух десятилетий ее существования, о чем, в частности, свидетельствует целая серия диссертационных работ [Kauprала, 1992; Autio, 2002; Ylikangas, 2004]. В этом ряду особый интерес представляют две диссертации, авторы которых выдвинули свои концепции истории Карелии в 1920–1930-е гг. Это работа финского историка Маркку Кангаспуоро (Александровский институт Университета Хельсинки) «Борьба Советской Карелии за самоуправление. Национализм и красные финны во властных практиках в СССР, 1920–1939» и монография британского историка Ника Барона (Университет Ноттингема) «Советская Карелия. Политика, планирование и репрессии в сталинской России, 1920–1939». Сравнительному анализу этих работ и посвящена данная статья.

Монография Маркку Кангаспуоро [Kangaspuuro, 2000] была опубликована в 2000 г. в престижной серии Финского литературного общества «Bibliotheca Historica» в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора философии. Монография состоит из 12 разделов (введение, главы «Чья Карелия», «Российская революция», «Основание Карельской трудовой коммуны», «Борьба за автономию», «Финская карелизация в 1920-е гг.», «Упразднение экономической автономии», «Финнизация», «Поворот», «Русский национализм» и «Русификация», заключение), а также дополнительных материа-

лов, включающих список библиографии и источников, указатель имен и аббревиатур, карты и иллюстрации, резюме на английском языке. Источниковой базой исследования послужили документы из финских и российских (московских и петрозаводских) архивов, а также значительный массив опубликованных источников, включая материалы русскоязычной и финскоязычной прессы Карелии. Многие из этих материалов были введены в научный оборот впервые – в частности, для отечественных историков это наиболее актуально в отношении документов из финляндских архивов.

Монография Ника Барона [Baron, 2007] была опубликована в 2007 г. в рамках не менее престижной серии британского издательства «Routledge», посвященной российским и восточноевропейским исследованиям («BASEES/Routledge Series on Russian and East European Studies»). Она также основана на докторской диссертации автора, защищенной в Университете Бирмингема в 2001 г. Монография состоит из 8 разделов (введение, главы «„Темная, отсталая и подавляемая периферия“: истории карельского пространства», «„Скандинавский революционный центр“: государственные и внутренние границы и географические амбиции, 1920-8», «Пределы автономии: финансирование, планирование и население, 1920-8», «„Вопрос выживания“: централизация и контроль регионального пространства, 1928-32», «„Урало-Кузнецкий комбинат меньшего масштаба“:

взгляды на региональное развитие и его реалии, 1933-7», «„Республиканский НКВД уничтожил все наши кадры“: репрессии на периферии, 1935-9» и заключение) и дополнительных материалов: таблиц, иллюстраций, библиографии и справочного указателя. В отличие от монографии Маркку Кангаспуру, Ник Барон использует финскоязычные источники в незначительной степени (хотя он очень хорошо знаком с финской историографией), основной массив его источников – это материалы из архивов Москвы и Петрозаводска, а также опубликованные источники и русскоязычная пресса.

Обе работы отличает повышенное внимание к методологии, что и позволяет авторам выдвинуть свои концепции в изучении истории Советской Карелии. Методологической базой монографии Маркку Кангаспуру являются современные теории национализма. История Советской Карелии в 1920–1930-е гг. рассматривается им через оппозицию русского национализма, которого, по его мнению, придерживалось в своей политике центральное советское руководство (в частности, Сталин), и местного финского национализма, который он считает основной идеологией финского руководства Советской Карелии и, в частности, Эдварда Гюллинга, возглавлявшего республику с 1920 по 1935 г. Во введении к своей монографии М. Кангаспуру пишет, что целью создания Советского Союза было не строительство действительно федерального государства, сохранившего бы все особенности сформировавшихся его национальных республик, а «централизованное, общее социалистическое государство, лишённое национальных различий и идентичностей» [Kangaspuro, 2000. S. 10]. Эта точка зрения позволяет ему представить именно оппозицию центра и периферии в области национальной политики как фундаментальную, определяющую все аспекты развития советского государства в 1920–1930-е гг. Через эту оппозицию, в первую очередь, и изучается история Карелии как региона, отразившего наиболее специфические черты взаимоотношений между русским центром и национальными перифериями [Kangaspuro, 2000. S. 9–11]. Собственно методологические и понятийные основания исследования изложены им в разделах «Национализм и рождение национальных государств» («Nationalismi ja kansallisvaltioiden synty») [Kangaspuro, 2000. S. 14–19] и «Национализм как проблема и решение» («Nationalismi ongelmana ja ratkaisuna») [Kangaspuro, 2000. S. 26–31].

Для Ника Барона методологической базой, посредством которой он формирует свое понимание истории Карелии в данный период,

стала *spatial history* – направление в современной англо-американской исторической науке, которое имеет определенное отношение к исторической географии, но в отличие от нее работает с более абстрактными понятиями пространства, что делает уместным использование калькированного термина *пространственная история*. Вот как сам автор определяет особенности своего метода в отличие от традиционной исторической географии: пространственная история характеризуется «особым интересом к взаимодействию пространства с человеческой деятельностью, <в котором> роль посредника выполняют пространственные практики, заданные культурой». В этом отношении свою монографию он определяет как «„культурный“ анализ эволюции советского административного, экономического и политического пространства посредством пространственного планирования и политики» [Baron, 2007. P. 4]. Ника Барона, в первую очередь, интересует то, как **видение** советского пространства руководством страны воплощалось на практике, в форме управления обширными периферийными территориями, что и является предметом его исследования. Советская Карелия выбрана им как объект исследования в качестве примера, так как ее уникальное положение в системе советского пространства позволило ему выделить основные особенности пространственной политики советского государства в 1920–1930-е гг.

Таким образом, для обоих авторов характерна тенденция к генерализации: оба стремятся рассмотреть Карелию в контексте тенденций, присущих всему Советскому Союзу, и тем самым расширить предметные рамки исследования до анализа если не всей советской истории 1920–1930-х гг., то хотя бы ее общих тенденций. Иными словами, у Ника Барона и Маркку Кангаспуру один объект исследования (Советская Карелия периода 1920–1930-х гг.), но разный предмет – освоение периферийного пространства советским руководством в первом случае и конфликт русского националистического центра с периферийным (финским) националистическим руководством во втором. При этом работы обоих авторов совершенно явно вписываются в контекст современных исследований по советской национальной и региональной политике, развивая – и в чем-то оспаривая – идеи, выдвинутые на общесоветском материале в работах таких историков, как Терри Мартин, Элен Карер д'Анкос, Франсин Хирш и др.

Совершенно различной является и предыстория изучаемой проблемы. У М. Кангаспуру это краткий очерк взглядов большевиков на

национальное строительство в новом социалистическом государстве (глава «Российская революция»). В «Советской Карелии» Н. Барон в качестве предыстории раскрывает то, как менялась территория и политическая и экономическая роль Карелии (в первую очередь, ее русской части) в различные исторические периоды, делая особый акцент на идеологической борьбе между имперскими властями и финляндскими националистическими движениями, развернувшейся в северной (Беломорской) Карелии на рубеже XIX–XX вв. И в дальнейшем, если для Маркку Кангаспуру при анализе советской национальной политики характерны отсылки к изменявшимся взаимоотношениям между Москвой и союзными республиками (в первую очередь, Украинской ССР), которые формировали практику национальной политики в СССР, то Ник Барон в качестве подобного исторического фона рассказывает об изменяющихся пространственных концепциях советского руководства: государственных и внутренних границ, принципов районирования, транспортной инфраструктуры и пр.

Существенные различия в предложенных концепциях карельской истории обусловлены и позицией авторов. Ник Барон, представляющий британскую историческую традицию, не связан с историческим контекстом российско-финляндских отношений, поэтому он больше абстрагируется от своего предмета. Это, в частности, и проявляется в выборе им метода исследования – применение методов пространственной истории требует значительного исторического и, по возможности, географического отдаления от изучаемого объекта. Работа Маркку Кангаспуру написана в рамках финляндской историографической традиции, что очевидным образом актуализирует именно националистический подход к изучению истории Советской Карелии в 1920–1930-е гг., поскольку большую часть этого периода в руководстве республики доминировали красные финны. Кроме того, его исследование создавалось, в первую очередь, на материале финскоязычных источников (как правило, созданных самими красными финнами), поэтому в своей работе он акцентирует большее внимание на финском факторе в истории Карелии. Даже сама формулировка подзаголовка его монографии – «Национализм и красные финны во властных практиках в СССР, 1920–1939» – является своеобразным предупреждением о том, что в его изложении история Карелии в межвоенный период будет, в первую очередь, финской историей, и именно борьбу финского руководства республики за политические и

экономические привилегии М. Кангаспуру называет «борьбой Советской Карелии за самоуправление»: «Основная проблема моего исследования заключается в следующем: как союзное государство, или центр, и Советская Карелия, или периферия, использовали национализм в государственном строительстве» [Kangaspuuro, 2000. S. 26].

Поскольку пространственная история как метод выросла из политической и экономической географии, наиболее пристальное внимание Ник Барон уделяет тому, как разные политические силы боролись за контроль над ресурсами республики, поскольку ее развитие во многом обуславливалось именно тем, кто и как контролировал ресурсы края (под ресурсами понимаются не только природные ресурсы, но и инфраструктура, население и сама власть). Не ограничиваясь стандартной оппозицией центра и периферии, Ник Барон выделяет различные силы как внутри «центра» (руководство ВКП(б), ОГПУ, ленинградский обком ВКП(б), командование Ленинградского военного округа), так и «периферии» (красные финны, руководство Олонецкого губкома РКП(б), администрация Мурманской железной дороги), что демонстрирует всю сложность взаимоотношений между различными политическими и экономическими элитами, определявшими развитие Карелии. Маркку Кангаспуру, напротив, делает акцент на оппозиции «русский центр – национальная периферия», поэтому большую часть своей работы он посвящает изучению политических процессов в Карелии (в первую очередь, национальной политике в республике). Отсюда повышенное внимание к политическим проектам финского руководства Карелии (проекту конституции КАССР, Карельскому егерскому батальону и пр.), языковой политике, взаимоотношениям между красными финнами и оппозиционными им группами в карельской политической элите и т. д.

Однако во многих случаях два столь различных метода приводят исследователей к целому ряду близких по сути выводов. Так, рассуждая о специфике отношений между центром и периферией на примере Карелии, Маркку Кангаспуру отмечает, что Карелия возникла как результат финского фактора, причем возникла как национальная автономия, к формированию которой были определены предпосылки, но которое было движением «сверху» (со стороны новых политических элит) больше, чем движением «снизу» (со стороны населения Карелии – как собственно национального, т. е. карелов, так и тем более русских) [Kangaspuuro, 2000. S. 30]. В контексте национальной поли-

тики советского правительства постановка финского руководства во главе Карелии отражала действительность, только не реальную (поскольку Карелия, в отличие от Финляндии, не была моноэтнической территорией), а сконструированную еще до революции 1917 г. финской элитой, а потом поддержанной красными финнами. Этим вызвано повышенное внимание, которое М. Кангаспуру уделяет «красной финномании Гюллинга» [Kangaspuro, 2000. S. 43–46]. Ведь именно благодаря и активной внешнеполитической позиции белого финляндского руководства, и взглядам красных финнов – а они совпадали в вопросе об исторической общности финских и карельских территорий – среди руководства большевиков Карелия действительно могла рассматриваться как преимущественно национальная окраина, во главе которой нужно было поставить национальное руководство, хотя уже с сентября 1922 г., после включения Пудожского уезда в состав КТК, национальным большинством в КТК были русские.

К схожему выводу приходит и Ник Барон, анализируя специфику восприятия Советской Карелии красными финнами. Он пишет, что во взглядах Эдварда Гюллинга «пространственная ориентация» Карелии была, безусловно, направлена на Запад, и это позволило ему изобразить Советскую Карелию как «революционный центр» в пространстве Северной Европы. Эта концепция, в действительности выросшая из взглядов Гюллинга, привлекла внимание Ленина и, среди ряда прагматических целей, стала одной из причин, легших в основание КТК летом 1920 г. [Baron, 2007. P. 21–23]. Остается вопрос, насколько эти взгляды Гюллинга были националистическими, а насколько – интернационалистическими. В пользу первого свидетельствуют высказывания Гюллинга об «общности» карельского и финского народов, в пользу второго – проект скандинавской советской республики, о которой Гюлинг, в частности, писал в известном письме Ю. Сирола от 24 марта 1920 г. [Гюлинг, 2000].

Таким образом, отношения «русский центр – национальная периферия» были реализованы в Карелии в том виде, в котором они отражали взгляды красных финнов (и в первую очередь Э. Гюллинга). Центральные власти относились к руководству Карелии как к «националам», хотя сами финны были в составе населения республики абсолютным меньшинством. Эта ситуация требовала от финского руководства Карелии постоянных усилий для легитимизации своей власти, что также подробно раскрывается в монографии М. Кангаспуру.

В 1920-х гг. Гюллингу, используя созданный им же стереотип о карело-финской общности, удалось добиться автономных прав и привилегий для Карелии. С другой стороны, эта же ситуация вела к неминуемым противоречиям в отношениях с другими властными структурами, в первую очередь, с органами безопасности, у которых были совершенно иные взгляды на специфику Карелии как приграничной территории, о чем более подробно рассказывает уже работа Н. Барона. В конечном итоге, карельская автономия как эксперимент – национальный (по Кангаспуру) и экономический (по Барону) – стала входить во все больший диссонанс с общими тенденциями развития СССР, и в этих условиях советское руководство приняло меры по ее фактическому устранению.

Обе работы отличаются глубоким анализом, вдумчивым отношением к источникам, оригинальными и интересными выводами. Рассматривая историю Карелии 1920–1930-х гг. с разных точек зрения, они прекрасно дополняют друг друга. Изучение работы М. Кангаспуру раскроет читателю в большей степени те аспекты карельской истории, которые были связаны с вопросами национальной и культурной политики, а чтение «Советской Карелии» Н. Барона покажет историю Карелии сквозь призму ее меняющегося места в управленческих, экономических и общеполитических тенденциях развития СССР. Там, где повествование обеих работ пересекается, они, как правило, подтверждают выводы друг друга.

Монографии М. Кангаспуру и Н. Барона являются прекрасным дополнением к историографии Советской Карелии довоенного периода. В качестве заключения хотелось бы отметить, что их с практически всеми другими работами, посвященными карельской истории этого периода, объединяет такой общий знаменатель, как власть. Обе монографии показывают историю Карелии с точки зрения правящих элит, поскольку их источниковой базой являются документы официального характера. Если сравнить предложенные авторами концепции с другими подходами, выработанными в работах М. И. Шумилова, Ю. М. Килина, И. Р. Такала, А. А. Левкоева, А. И. Бутвило и других исследователей, получится многогранная и полная картина истории Карелии «сверху». В то же время не менее интересная исследовательская область – история Карелии «снизу» – остается в настоящее время фактически нераскрытой. Возможно, именно в этой области открывается простор для следующих исследований и новых, не менее плодотворных концепций.

Литература

Голлинг Э. Письмо Ю. Сирола // Карелия. 2000. 7 июня.

Autio S. Suunnitelmatalous Neuvosto-Karjalassa 1928–1941. Paikallistason rooli Neuvostoliiton teollistamisessa. Helsinki: SKS, 2002. 398 s.

Baron N. Soviet Karelia. Politics, Planning and Terror in Stalin's Russia, 1920–1939. London: Routledge, 2007. 332 p.

Kangaspuro M. Neuvosto-Karjalan taistelu itsehallin-

nosta: Nationalismi ja suomalaiset punaiset Neuvostoliiton vallankäytössä vuosina 1920–1939. Helsinki: SKS, 2000. 402 s.

Kauppala P. Sowjet-Karelien 1917–1941: Leistung und Schicksal eines sozialistischen Regional-experiments: диссертация на соискание ученой степени доктора философии. Фрайбург, 1992. 233 s.

Ylikangas M. Rivit suoriksi! Kaunokirjallisuuden poliittinen kontrolli Neuvosto-Karjalassa 1917–1940. Helsinki: Aleksanteri-instituutti, 2004. 493 s.

БЫЛИНА-ПАНЕГИРИК, ПЛАЧ-ПАНЕГИРИК, СКАЗКА-ПАНЕГИРИК

С. М. Лойтер

Миллер Фрэнк. Сталинский фольклор / Перевод с англ. Л. Н. Высоцкого. СПб.: Академический проект, 2006. 190 с. (Современная западная русистика.)

Так сложилось, что фольклор, определяемый автором рецензируемой книги как «сталинский», до недавнего времени не получил в отечественной фольклористике своей совершенно однозначной и определенной оценки как фольклор тоталитарной системы*. Не было ни одной обобщающей работы на тему «Тоталитаризм и фольклор», «Сталин и фольклор». В 1990 г. американский славист Фрэнк Миллер защитил диссертацию «Folklore for Stalin: Russian Folklore and Pseudofolklore of the Stalin Era», сразу же вышедшую в Нью-Йорке отдельной книгой, на которую откликнулась рецензией Т. Г. Иванова [Живая старина, 1994].

В 1994 г. Центр русского фольклора выпустил книгу «Фольклор России в документах советского периода 1933–1941 гг.», которая свидетельствует о том, как государство, насаждавшее тезис о расцвете фольклора в советскую эпоху, стремилось превратить фольклористику в один из инструментов внедрения своих идеологических мифов. С этой целью проводились инструктивные слеты сказителей, совещания с отчетами и «обменом опытом» собирателей по оказанию им помощи. Узаконивалось немислимое ранее в науке руководство фольклорным процессом. Появление фальсификаций, вызванных социальным заказом, компромиссы и

* «Принудительно-добровольный характер» создания «произведений о счастливой жизни», «несостоятельность искусственного насаждения ложных идей в народной культуре», следствием чего и явился советский псевдофольклор, на большом материале убедительно показывает Т. И. Сенькина в статье «Забывтая страница из истории русской фольклористики Карелии (30–40-е годы XX века)» [Фольклористика, 2002. С. 125–139]. Именно искусственный, навязанный характер созданных сказителями новин не дает оснований принять точку зрения другого исследователя о том, что «новины» создают свою мифологию, являющуюся «отражением одной из разновидностей мессианского оптимизма», включают новое время в эпический диалог с прошлым [Маркова, 2000].

неблаговидные поведенческие жесты ученых, подавление личности и утрата ею достоинства на одном примере проследил В. Г. Смолицкий сначала в докладе на Рябининских чтениях-95, а позже и в своей публикации [Смолицкий, 1997]. Затем последовала большая обобщающая работа Т. Г. Ивановой «О фольклорной и псевдофольклорной природе советского эпоса», включающая статью с разграничением понятий «советский фольклор» и «фольклор советской эпохи» и Приложение-републикацию из 141 текста. А совсем недавно вышла новая «История русской фольклористики XX века» Т. Г. Ивановой, где проблема сталинизма в фольклористике получила свое обстоятельное и достойное воплощение [Иванова, 2002, 2009].

Вышедшая теперь в русском переводе книга Ф. Миллера убеждает в том, что ее автор намного раньше прекрасно овладел всем этим материалом и широко представлял фольклорную ситуацию в СССР в 1937–1950-х гг. во всех ее проявлениях. Однако интересовал его только советский фольклорный «новодел», а это сочинения сказителей и исполнителей, утверждавшие «величие эпохи, достижения социалистической жизни» со своим пантеоном святых во главе с товарищем Сталиным. И вот такое определение дает Миллер «советскому», или «сталинскому» фольклору: «...совокупность произведений, созданных исполнителями и исследователями фольклора и восхваляющих советский строй, жизнь в Советском Союзе и советских руководителей, в первую очередь Сталина». Из текстов такого рода и была сформирована первая антология «Творчество народов СССР» [1937], ставшая своеобразным руководством к действию. За ней последовал сборник «Самое дорогое: Сталин в народном эпосе» [1939], региональные издания, в частности, сборник «Народное творчество Карело-Финской ССР..», в предисловии к которому говорится: «Это творчество масс, отражающее социалистическую действительность, которую строят и творят сами массы советского народа под

руководством Всесоюзной Коммунистической партии большевиков и вождя народов великого Сталина» [Народное творчество..., 1940]. Этому вторит определение «советского фольклора», которое дал В. Г. Базанов во вступительной статье к сборнику «Фольклор Советской Карелии» [1947]: «Советский фольклор – образное выражение великой любви народа к Родине, делу Ленина – Сталина».

Весь этот большой текстовый и документальный материал, малая толика которого названа и приведена, досконально освоенный и осмысленный Миллером, позволил ему верно расставить акценты и предложить убедительную концепцию, составившую первую главу «Происхождение сталинского фольклора».

Вторая, самая большая глава «Новины» представляет сказителей-сочинителей и их тексты. Миллер использует принятое в нашей фольклористике обозначение новых жанров: «новины-сказы», «новины-былины», «новины-поэмы» – тексты, восходящие к былине; «новины-плачи» – тексты, восходящие к причитаниям. Других жанровых критериев у исследователя нет.

Целый раздел Миллер посвящает, как он пишет, «несравненной из исполнительниц в отображении современной жизни языком былин» сказительнице из д. Золотица на берегу Белого моря Марфе Крюковой, чей репертуар традиционного фольклора составляет два тома. Он обстоятельно исследует ее новый репертуар, состоящий из 14 новин: «Сказание о Ленине», «Чапай», «Слава Сталину будет вечная», «Клим да свет Ефремович» и др., прослеживает, как искусственно на былинные сюжеты накладываются факты и события из жизни политических деятелей государства, как создаются беллетризованные биографии, которые независимо от того, кому посвящены, всегда дифирамбы Сталину.

Другая фигура, удостоенная отдельного раздела, – Петр Иванович Рябинин-Андреев, четвертый представитель знаменитой династии былинщиков. В его репертуаре, который стал известен собирателям еще в 1926 г., 10 вариантов полноценных традиционных былин, усвоенных от деда И. Т. Рябинина, отца И. Г. Рябинина-Андреева и сказительницы Н. С. Богдановой. Это и сделало П. И. Рябинина-Андреева известным и послужило началом нового этапа в его исполнительской деятельности, когда он с помощью откомандированной из Москвы М. И. Костровой [Доклад..., 1994], а затем и обласканный наградами и почестями, растиражированными публикациями стал сочинять новины, или, как их называет Базанов, «советские

былины». Их пять: былина о Сталине, былина о Ворошилове, былина о Чапаеве, былина о Тойво Антикайнене и сказ о поездке в Москву [Былины..., 1939]. Анализируя эти тексты и проникая в механизм их создания, Миллер называет их «мозаиками», использующими традиционную сюжетную схему разных былин, общие места, эпические формулы, традиционный язык, который соединяется с языком политических лозунгов. И тогда они приобретают «открыто пропагандистский характер».

Справедливости ради хочу отметить, что карельский материал в книге Миллера занимает преобладающее место. Целый раздел посвящен новинам Н. В. Кигачева, Е. С. Журавлевой, А. М. Пашковой и М. К. Рябинина. Тексты первых трех содержатся в известном и значимом сборнике «Былины Пудожского края» [1940], где после текстов традиционных былин помещены былины-новины. Отмечая, что все перечисленные исполнители (почему-то обойден И. Т. Фофанов, сочинитель новин о Ворошилове и Чапаеве) были грамотными, Ф. Миллер прослеживает нелепости разного характера (на уровне стиля, метрики), которые обусловлены искусственными, газетными заимствованиями. Это наблюдается и в былине Н. В. Кигачева «Разгром Деникина», изображающей руководящую роль Сталина в борьбе с белогвардейцами, и в былине Е. С. Журавлевой «В боях на озере Хасан» с таким финалом: «Нет таких трудностей, каких бы не преодолели сталинские соколы / Нет таких крепостей, каких бы не разбили сильные советские богатыри». Эклектичная «былина» А. М. Пашковой посвящена полярникам, но главным героем оказывается Сталин: «Со флагами да со красными / Подплывали славные два корабля, / Иосиф Сталин со командою. Папанина...»

Так, о чем бы ни повествовала былина, это всегда панегирик Сталину.

Миллер останавливается на исполнительской деятельности одного из родственников Рябининых по другой линии – Михаиле Кириковиче Рябинине, кстати, хорошего знатока свадебного фольклора [Бахтина, 2003]. Видимо, слава и почет, которым пользовался в то время П. И. Рябинин-Андреев, вызвали у него желание попробовать себя и в сочинении новин, а настойчивость сыграла не последнюю роль в том, что девять его текстов вошли сначала в сборник «Былины о Красной Армии» [1943], а затем в уже упомянутый сборник «Фольклор Советской Карелии» [1947]. Эти сочинения исследователь определяет как «псевдоэпические поэмы», не имеющие никакой связи с традиционной былиной, которой, кстати, он не знал.

Они насыщены «злободневными лозунгами, журналистскими клише», зарифмованными газетными штампами. Миллер приводит мнение фольклориста В. И. Чичерова о новинах М. К. Рябинина: «пародии, дискредитирующие творчество народа». Вот их образцы:

В бой идите вы с заветами-то Ленина,
Да со именем великого-то Сталина.
Да со смелостью героя да Чапаева...

или

Тут садился богатырь да в скороходный ЗИС
Да во ту ли-то машину бронетанковую...

В разделе «Новины, основанные на традиционных плачах» Миллер опирается на сборник-антологию «Русские плачи Карелии» [1940]. Он содержит более 50 традиционных плачей, которые без всяких оговорок могут быть отнесены к достижениям плачевой поэзии XX в. Среди них девять плачей второй по мастерству после Федосовой плакальщицы А. М. Пашковой, плачи М. Ф. Павковой, Е. С. Журавлевой и других талантливых воплениц. Но в этом же сборнике под названием «Плачи и сказы о вождях и героях Советского Союза» помещено еще 28 текстов тех же исполнительниц, оплакивающих государственных деятелей, которых они никогда не видели, а узнавали о них с чужих слов и официальных источников. Об этом красноречиво рассказывают биографические и документальные материалы. Так, отчет А. Н. Париловой содержит информацию о том, как с ее и других наставников-фольклористов помощью сочиняла плачи-новины Е. С. Журавлева, которая посещала институт культуры, где ей рассказывали о жизни и деятельности тов. Сталина, проводили консультации по биографиям Крупской и Жданова [Носители..., 2003. С. 75–82]. Выполняя социальный заказ, пишет Миллер, исполнительницы служили чисто пропагандистским целям, они «скорбят не столько по умершему, сколько сожалеют о том, что он не дожил до нового времени и не смог увидеть, как хорошо живет народ при Сталине». Таков главный лейтмотив плачей-сказов Пашковой «Наше красное ты солнышко» и «Бессмертному Ленину».

Как еще скажу я, беднущка,
Товарищу я Ленину:
По твоему ли повеленьцу,
По твоему ли завещаньцу
Нас ведет ко счастью Сталин наш.

Новина-плач и новина-сказ опять же оказываются панегириком, создающим мифологизированный образ заступника и дарителя счастья товарища Сталина. Плач как явление семейной обрядовости меняет свою природу, утрачивает

жанровые признаки и переходит совсем в иную, официальную плоскость.

Естественное бытование семейно-обрядовой плачевой традиции никогда не прерывалось вплоть до 1960–1980-х гг., и это наблюдали собиратели, в том числе и автор этих строк. И хотя Миллер не наблюдал процесс изнутри, лично не участвовал в экспедициях, глубокое проникновение в материал и пронизательность ученого помогли ему избежать односторонности. Он рассматривает плачевую семейно-бытовую традицию как непрерывную и особо останавливается на возрождении традиции оплакивания в годы Великой Отечественной войны на Русском Севере. Исследуя записи экспедиций В. Г. Базанова 1942 г. в Заонежье, Печорский и Пудожский край*, он пишет: «В этих плачах возобладала старая традиция и темы: смерть и рождение, любовь и утрата близких, восхваление покойника – оставались по-прежнему ведущими...».

В третьей главе книги «Советские сказки» Миллер выбирает из репертуара известных и даже прославленных сказочников (И. Ф. Ковалева из Горьковской области, Г. И. Сороковикова-Магая из Бурятии, А. К. Барышниковой-Куприянихи, сказочников из Карелии – М. М. Коргуева, Ф. А. Конашкова, Ф. П. Господарева) тексты, названия которых говорят сами за себя: «Самое дорогое» Конашкова, где самым дорогим оказываются услышанные колхозниками слова товарища Сталина; «Страна счастливых и честных людей» Коргуева о полных чудес городах, сотворенных «усатым человеком» (Коргуеву же принадлежат сказки «Смерть Чапаева», «Происшествие про женщину и слесаря – о революционном движении»), «Как Игнат помогает Красному войску» Господарева и др. Резюмируя, Миллер пишет: «Таким образом, советские сказки – еще один пример того, как фольклор использовался в 1936–1953 гг. в качестве средства пропаганды правительственной политики в массах. Переноса фантастический волшебный мир традиционных сказок в современную действительность, авторы советских сказок создавали произведения, так же неуклюже сочетающие старинную форму с новым содержанием, как и новины». Как и новины, сказки оказывались панегириком Сталину.

Четвертая глава книги «Судьба псевдофольклора» содержит аналитический обзор дискуссий, начатых еще в 1949 г. главным обра-

* Экспедиции были продолжены, в 1944 г. в них участвовала и А. П. Разумова; отдельные тексты под заголовком «Фольклор Отечественной войны» вошли в уже упоминавшийся сборник «Фольклор Советской Карелии» [1947]. Позже вышло известное издание: «Русская народно-бытовая лирика: Причитания Севера в записях В. Г. Базанова и А. П. Разумовой» [1962].

зом на страницах толстых журналов, в которых «новины» квалифицировались как стилизации, искусственные имитации. Автор книги не оставляет без внимания работы, в которых есть признание компромиссов и уступок, переоценка своих взглядов рядом ученых. Однако ни в одной из них появление фальсификаций не соотносилось с идеологическим диктатом государства и сталинской политикой, во время которой было репрессировано более 150 академических ученых-фольклористов. Книга Миллера обращает нас к еще одному из чудовищных проявлений тоталитарного режима. «Сталинский фольклор» – детище этого режима и этой системы. Таков урок и опыт, который не должен повториться.

Литература

- Бахтина В. А. М. К. Рябинин – свадебный дружка (из архивных материалов) // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера (Материалы IV Междунар. науч. конф. «Рябининские чтения-2003»).* Петрозаводск, 2003. С. 3–5.
- Былины о Красной Армии / Сост. В. Г. Базанов.* Петрозаводск: Госиздат К.-Ф. ССР, 1943. 42 с.
- Былины П. И. Рябинина-Андреева / Подгот. текста ст. и примеч. В. Г. Базанова; под ред. А. М. Астаховой.* Петрозаводск: Каргосиздат, 1939. 143 с.
- Былины Пудожского края / Сост., вступ. ст. Г. Париловой и А. Соймонова; предисл. А. М. Астаховой.* Петрозаводск: Госиздат К.-Ф. ССР, 1940. 512 с.
- Доклад фольклориста М. И. Костровой о работе со сказителями П. И. Рябининым и Ф. А. Конашковым на совещании по вопросам творческой помощи сказителям и народным певцам во Всесоюзном доме народного творчества. 19 декабря 1940 // Фольклор России в документах советского периода 1933–1941 гг. М.: Гос. респ. центр рус. фольклора, 1994. С. 164.*
- Живая старина. 1994. № 2. С. 60–61.
- Иванова Т. Г. О фольклорной и псевдофольклорной природе советского эпоса // Рукописи, которых не было. Подделки в области славянского фольклора / Изд. подгот. А. Л. Топорков, Т. Г. Иванова, Л. П. Лаптева, Е. Е. Левкиевская. М.: Ладомир, 2002. С. 403–431.*
- Иванова Т. Г. История русской фольклористики XX века: 1900 – первая половина 1941 гг. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. 799 с.*
- Маркова Е. И. Творчество сказителей (основные мифологемы 1930-х годов) // История литературы Карелии. 3. Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 2000. С. 94–98.*
- Народное творчество Карело-Финской ССР: записи 1937–1938 / Подгот. текстов, вступ. ст. и примеч. В. Чистова; под ред. А. Н. Лозановой. Петрозаводск: Госиздат К.-Ф. ССР, 1940. 210 с.*
- Носители фольклорных традиций (Пудожский район Карелии) / Изд. подгот. Т. С. Курец. Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 2003. 408 с.*
- Русская народно-бытовая лирика: Причитания Севера в записях В. Г. Базанова и А. П. Разумовой. Л.: Наука, 1962. 598 с.*
- Русские плачи Карелии / Подгот. текстов и примеч. М. М. Михайлова; под ред. М. К. Азадовского. Петрозаводск: Госиздат К.-Ф. ССР, 1940. 321 с.*
- Самое дорогое: Сталин в народном эпосе / Под ред. Ю. М. Соколова. М.: Советский писатель, 1939. 92 с.*
- Смолицкий В. Г. П. И. Рябинин-Андреев в работе над «советскими» былинами // Рябининские чтения-95: Сб. докл. Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 1997. С. 58–63.*
- Творчество народов СССР. М.: Правда, 1937. 594 с.*
- Фольклор России в документах советского периода 1933–1941 гг. М.: Гос. респ. центр рус. фольклора, 1994. 253 с.*
- Фольклор Советской Карелии / Подгот. текстов и примеч. А. Беловановой и А. Разумовой; вступ. ст. В. Г. Базанова; под ред. А. Астаховой и В. Базанова. Петрозаводск: Госиздат К.-Ф. ССР, 1947. 135 с.*
- Фольклористика Карелии. Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 1991. 167 с.*

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(требования к работам, представляемым к публикации
в «Трудах Карельского научного центра Российской академии наук»)

«Труды Карельского научного центра Российской академии наук» (далее – Труды КарНЦ РАН) публикуют результаты завершённых оригинальных исследований в различных областях современной науки: теоретические и обзорные статьи, сообщения, материалы о научных мероприятиях (симпозиумах, конференциях и др.), персоналии (юбилеи и даты, потери науки), статьи по истории науки. Представляемые работы должны содержать новые, ранее не публиковавшиеся данные.

Статьи проходят обязательное рецензирование. Решение о публикации принимается редакционной коллегией серии или тематического выпуска Трудов КарНЦ РАН после рецензирования, с учётом научной значимости и актуальности представленных материалов. Редколлегия серий и отдельных выпусков Трудов КарНЦ РАН оставляет за собой право возвращать без регистрации рукописи, не отвечающие настоящим правилам.

При получении редакцией рукопись регистрируется (в случае выполнения авторами основных правил её оформления) и направляется на отзыв рецензентам. Отзыв состоит из ответов на типовые вопросы «Анкеты» и может содержать дополнительные расширенные комментарии. Кроме того, рецензент может вносить замечания и правки в текст рукописи. Авторам высылаётся электронная версия «Анкеты» и комментарии рецензентов. Доработанный экземпляр автор должен вернуть в редакцию вместе с первоначальным экземпляром и ответом на все вопросы рецензента не позднее, чем через месяц после получения рецензии. Перед сдачей в печать авторам высылаётся распечатанная версия статьи, которая вычитывается, подписывается авторами и возвращается в редакцию.

Почтовый адрес редакции: 185910, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11, КарНЦ РАН, редакция Трудов КарНЦ РАН. Телефон: (8142) 780109.

Содержание номеров Трудов КарНЦ РАН и другая полезная информация, включая настоящие Правила, доступна на сайте <http://transactions.krc.karelia.ru>.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСИ

Статьи публикуются на русском или английском языке. Рукописи должны быть тщательно выверены и отредактированы авторами.

Статьи должны быть подписаны всеми авторами.

Объём рукописи (включая таблицы, список литературы, подписи к рисункам, рисунки) не должен превышать: для обзорных статей – 30 страниц, для оригинальных – 25, для сообщений – 15, для хроники и рецензий – 5–6. Объём рисунков не должен превышать 1/4 объёма статьи. Рукописи большего объёма (в исключительных случаях) принимаются при достаточном обосновании по согласованию с ответственным редактором.

Рукописи присылаются в электронном виде, а также в двух экземплярах, напечатанных на одной стороне листа формата А4 в одну колонку через 1,5 интервала (12 пунктов шрифта типа Times New Roman). Размер полей: сверху, снизу – 2,5 см, справа, слева – 2,5 см. Все страницы, включая список литературы и подписи к рисункам, должны иметь сплошную нумерацию в нижнем правом углу. Страницы с рисунками не нумеруются.

ОБЩИЙ ПОРЯДОК РАСПОЛОЖЕНИЯ ЧАСТЕЙ СТАТЬИ

Элементы статьи должны располагаться в следующем порядке: *УДК* курсивом на первой странице, в левом верхнем углу; заглавие статьи на русском языке заглавными буквами полужирным шрифтом; инициалы, фамилии всех авторов на русском языке полужирным шрифтом; полное название организации – место работы каждого автора в именительном падеже на русском языке курсивом (если авторов несколько и работают они в разных учреждениях, то следует отметить арабскими цифрами соответствие фамилий авторов учреждениям, в которых они работают; если все авторы статьи работают в одном учреждении, можно не указывать место работы каждого автора отдельно); аннотация на русском языке; ключевые слова на русском языке; инициалы, фамилии всех авторов на английском языке полужирным шрифтом; название статьи на английском языке заглавными буквами полужирным шрифтом; аннотация на английском языке; ключевые слова на английском языке; текст статьи (статьи экспериментального характера, как правило, должны иметь разделы: ВВЕДЕНИЕ. МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ. ВЫВОДЫ. ЛИТЕРАТУРА); благодарности; литература (с новой страницы); таблицы (на отдельном листе); рисунки (на отдельном листе); подписи к рисункам (на отдельном листе).

На отдельном листе дополнительные сведения об авторах: фамилия, имя, отчество всех авторов полностью на русском и английском языках; полный почтовый адрес каждой организации (страна, город) на русском и английском языках; должности авторов; адрес электронной почты для каждого автора; телефон для контактов с авторами статьи (можно один на всех авторов).

ЗАГЛАВИЕ СТАТЬИ должно точно отражать содержание статьи* и содержать не более 8–10 значащих слов.

АННОТАЦИЯ должна быть лишена вводных фраз, содержать только главную информацию статьи, не превышать объем – 15 строк.

Отдельной строкой приводится перечень **КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ**. Ключевые слова или словосочетания отделяются друг от друга запятой, в конце фразы ставится точка.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ должны содержать сведения об объекте исследования с обязательным указанием латинских названий и сводок, по которым они приводятся, авторов классификаций и пр. Транскрипция географических названий должна соответствовать атласу последнего года издания. Единицы физических величин приводятся по Международной системе СИ. Желательно статистическая обработка всех количественных данных. Необходимо возможно точнее обозначать местонахождения (в идеале – с точным указанием географических координат).

ИЗЛОЖЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ должно заключаться не в пересказе содержания таблиц и графиков, а в выявлении следующих из них закономерностей. Автор должен сравнить полученную им информацию с имеющейся в литературе и показать, в чем заключается ее новизна. Для фаунистических и флористических работ следует указывать место хранения коллекционных образцов. Если в статье приводятся сведения о новых для исследованной территории таксонах, то желательно и процитировать этикетку. Следует ссылаться на табличный и иллюстративный материал так: на рисунки, фотографии и таблицы в тексте (рис. 1, рис. 2, табл. 1, табл. 2 и т. д.), фотографии, помещаемые на вклейках (рис. I, рис. II). Обсуждение завершается формулировкой основного вывода, которая должна содержать конкретный ответ на вопрос, поставленный во Введении. Ссылки на литературу в тексте даются фамилиями, например: Карху, 1990 (один автор); Раменская, Андреева, 1982 (два автора); Крутов и др., 2008 (три автора или более), и заключаются в квадратные скобки. При перечислении нескольких источников работы располагаются в хронологическом порядке, например: [Иванов, Топоров, 1965; Успенский, 1982; Erwin et al., 1989; Рыбаков, 1994; Longman, 2001]. Ссылки на архивные материалы в тексте: [НА КарНЦ РАН, ф. 1, оп. 6, д. 404, л. 167].

ТАБЛИЦЫ нумеруются в порядке упоминания их в тексте, каждая таблица имеет свой заголовок. На полях рукописи (слева) карандашом указываются места расположения таблиц при первом упоминании их в тексте. Диаграммы и графики не должны дублировать таблицы. Материал таблиц должен быть понятен без дополнительного обращения к тексту. Все сокращения, использованные в таблице, должны быть пояснены в Примечании, расположенном под ней. При повторении цифр в столбцах нужно их повторять, при повторении слов – в столбцах ставить кавычки. Таблицы могут быть книжной или альбомной ориентации (при соблюдении вышеуказанных параметров страницы).

РИСУНКИ представляются отдельными файлами с расширением TIF (* .TIF) или JPG (не встраивать в Word). Графические материалы должны быть снабжены распечатками с указанием желательного размера рисунка в книге, пожеланий и требований к конкретным иллюстрациям. На каждый рисунок должна быть как минимум одна ссылка в тексте. Иллюстрации объектов, исследованных с помощью фотосъемки, микроскопа (оптического, электронного трансмиссионного и сканирующего), должны сопровождаться масштабными линейками, причем в подрисовочных подписях надо указать длину линейки. Приводить данные о кратности увеличения необязательно, поскольку при публикации рисунков размеры изменятся. Крупномасштабные карты желательно приводить с координатной сеткой, обозначениями населенных пунктов и/или названиями физико-географических объектов и разной фактурой для воды и суши. В углу карты желательна врезка с мелкомасштабной картой, где был бы указан участок, увеличенный в крупном масштабе в виде основной карты.

ПОДПИСИ К РИСУНКАМ должны содержать достаточно полную информацию, для того чтобы приводимые данные могли быть понятны без обращения к тексту (если эта информация уже не дана в другой иллюстрации). Аббревиации расшифровываются в подрисовочных подписях.

ЛАТИНСКИЕ НАЗВАНИЯ. В расширенных латинских названиях таксонов не ставится запятая между фамилией авторов и годом, чтобы была понятна разница между полным названием таксона и ссылкой на публикацию в списке литературы. Названия таксонов рода и вида печатаются курсивом. Вписывать латинские названия в текст от руки недопустимо. Для флористических, фаунистических и таксономических работ при первом упоминании в тексте и таблицах приводится русское название вида (если такое название имеется) и полностью – латинское, с автором и, желательно, с годом, например: водяной ослик (*Asellus aquaticus* (L. 1758)). В дальнейшем можно употреблять только русское название или сокращенное латинское без фамилии автора и года опубликования, например, для брюхоногого моллюска *Margarites groenlandicus* (Gmelin 1790) – *M. groenlandicus* или для подвигда *M. g. umbilicalis*.

СОКРАЩЕНИЯ. Разрешаются лишь общепринятые сокращения – названия мер, физических, химических и математических величин и терминов и т. п. Все сокращения должны быть расшифрованы, за исключением небольшого числа общеупотребительных.

* Названия видов приводятся на латинском языке **КУРСИВОМ**, в скобках указываются высшие таксоны (семейства), к которым относятся объекты исследования.

БЛАГОДАРНОСТИ. В этой рубрике выражается признательность частным лицам, сотрудникам учреждений и фондам, оказавшим содействие в проведении исследований и подготовке статьи, а также указываются источники финансирования работы.

ЛИТЕРАТУРА. Пристатейные ссылки и/или списки пристатейной литературы следует оформлять по ГОСТ Р 7.0.5-2008. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления (http://www.bookchamber.ru/GOST_P_7.0.5.-2008). Список работ представляется в алфавитном порядке. Все ссылки даются на языке оригинала (названия на японском, китайском и других языках, использующих нелатинский шрифт, пишутся в русской транскрипции). Сначала приводится список работ на русском языке и на языках с близким алфавитом (украинский, болгарский и др.), а затем – работы на языках с латинским алфавитом. В списке литературы между инициалами ставится пробел.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ 1-Й СТРАНИЦЫ

УДК 631.53.027.32 : 635.63

ВЛИЯНИЕ РАЗЛИЧНЫХ РЕЖИМОВ ПРЕДПОСЕВНОГО ЗАКАЛИВАНИЯ СЕМЯН НА ХОЛОДОУСТОЙЧИВОСТЬ РАСТЕНИЙ ОГУРЦА

Е. Г. Шерудило¹, М. И. Сысоева¹, Г. Н. Алексейчук², Е. Ф. Марковская¹

¹ Институт биологии Карельского научного центра РАН

² Институт экспериментальной ботаники НАН Республики Беларусь им. В. Ф. Купревича

Аннотация на русском языке

Ключевые слова: *Cucumis sativus* L., кратковременное снижение температуры, устойчивость.

E. G. Sherudilo, M. I. Sysoeva, G. N. Alekseiichuk, E. F. Markovskaya. EFFECTS OF DIFFERENT REGIMES OF SEED HARDENING ON COLD RESISTANCE IN CUCUMBER PLANTS

Аннотация на английском языке

Key words: *Cucumis sativus* L., temperature drop, resistance.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ ТАБЛИЦЫ

Таблица 2

Частота встречаемости видов нематод в исследованных биотопах

Биотоп (площадка)	Кол-во видов	Встречаемость видов нематод в 5 повторностях				
		100 %	80 %	60 %	40 %	20 %
1Н	26	8	4	1	5	8
2Н	13	2	1	1	0	9
3Н	34	13	6	3	6	6
4Н	28	10	5	2	2	9
5Н	37	4	10	4	7	12

Примечание. Здесь и в табл. 3–4: биотоп 1Н – территория, заливаемая в сильные приливы; 2Н – постоянно заливаемый луг; 3Н – редко заливаемый луг; 4Н – незаливаемая территория; 5Н – периодически заливаемый луг.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ ПОДПИСИ К РИСУНКУ

Рис. 1. Северный точильщик (*Hadrobregmus confuses* Kraaz.)

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ

Ссылки на книги

Вольф Г. Н. Дисперсия оптического вращения и круговой дихроизм в органической химии / ред. Г. Снатцке. М.: Мир, 1970. С. 348–350.

Илиел Э. Стереохимия соединений углерода / пер. с англ. М.: Мир, 1965. 210 с.

Несис К. Н. Океанические головоногие моллюски: распространение, жизненные формы, эволюция. М.: Наука, 1985. 285 с.

Knorre D. G., Laric O. L. Theory and practice in affinity techniques / Eds. P. V. Sundaram, F. L. Eckstein. N. Y., San Francisco: Acad. Press, 1978. P. 169–188.

Ссылки на статьи

Викторов Г. А. Межвидовая конкуренция и сосуществование экологических гомологов у паразитических перепончатокрылых // Журн. общ. биол. 1970. Т. 31, № 2. С. 247–255.

Grove D. J., Loisides L., Nott J. Satiation amount, frequency of feeding and emptying rate in *Salmo gairdneri* // J. Fish. Biol. 1978. Vol. 12, N 4. P. 507–516.

Ссылки на материалы конференций

Марьинских Д. М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) // Экология ландшафта и планирование землепользования: тезисы докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11–12 сент. 2000 г.). Новосибирск, 2000. С. 125–128.

Ссылки на авторефераты диссертаций

Шефтель Б. И. Экологические аспекты пространственно-временных межвидовых взаимоотношений землероек Средней Сибири: автореф. дис. ...канд. биол. наук. М., 1985. 23 с.

Ссылки на диссертации

Шефтель Б. И. Экологические аспекты пространственно-временных межвидовых взаимоотношений землероек Средней Сибири: дис. ...канд. биол. наук. М., 1985. С. 21–46.

Ссылки на патенты

Патент РФ № 2000130511/28, 04.12.2000.

Еськов Д. Н., Серегин А. Г. Оптико-электронный аппарат // Патент России № 2122745. 1998. Бюл. № 33.

Ссылки на архивные материалы

Гребенщиков Я. П. К небольшому курсу по библиографии : материалы и заметки, 26 февр. – 10 марта 1924 г. // ОР РНБ. Ф. 41. Ед. хр. 45. Л. 1–10.

Ссылки на Интернет-ресурсы

Паринов С. И., Ляпунов В. М., Пузырев Р. Л. Система Соционет как платформа для разработки научных информационных ресурсов и онлайн-сервисов // Электрон. б-ки. 2003. Т. 6, вып. 1. URL: <http://www.elbib.ru/index.phtml?page=elbib/rus/journal/2003/part1/PLP/> (дата обращения: 25.11.2006).

Ссылки на электронные ресурсы на CD-ROM

Государственная Дума, 1999-2003 [Электронный ресурс]: электронная энциклопедия/Аппарат Гос. Думы Федер. Собрания Рос. Федерации. М., 2004. 1 CD-ROM.

CONTENTS

From editor	3
METHODS AND APPROACHES IN THE HUMANITIES	
N. V. Lobanova. PROBLEMS OF DOCUMENTING ROCK ART IN KARELIA	4
N. V. Eniosova, S. I. Kochkurkina. OLD KARELIAN NON-FERROUS AND PRECIOUS METAL JEWELLERY OF THE 10 th –15 th CENTURIES: DISTRIBUTION, CHRONOLOGY AND CHEMICAL COMPOSITION	24
N. G. Zaitseva. BALTO-FENNIC LANGUAGES AS MIRRORED BY LINGUISTIC GEOGRAPHY	34
E. I. Markova. PRINCIPLES OF BUILDING ARTISTIC GENEALOGY IN THE WORKS OF NIKOLAI KLYUEV	48
HISTORY AND CULTURE OF THE RUSSIAN EUROPEAN NORTH	
A. Yu. Tarasov, A. Kriiska, Yu. Kirs. EVIDENCES OF EXCHANGE BETWEEN INHABITANTS OF KARELIA AND ESTONIA IN THE FINAL STONE AGE: BASING ON ARCHAEOLOGICAL AND PETROGRAPHICAL STUDY OF WOOD-CHOOPING TOOLS OF THE RUSSIAN-KARELIAN TYPE FROM THE TERRITORY OF ESTONIA	56
I. Yu. Vinokurova. WATER IN VEPSIAN MYTHOLOGICAL IDEAS OF LIFE AND DEATH	66
N. A. Krinichnaya. TREE MAN: ON THE PROBLEM OF SYNCRETISM AND DIFFERENTIATION OF THE PHYTO-ANTHROPOMORPHIC IMAGE (BASED ON NARRATIVE FOLKLORE MATERIALS FROM KARELIA)	78
U. S. Konkka, A. P. Konkka. ARHIPPA PERTTUNEN AND ELIAS LÖNNROT: THE MAKING OF «KALEVALA»	87
M. V. Pulkin. DAILY PAROCHIAL LIFE, AND KARELIAN EPIC SONGS	98
HISTORY OF SCIENCE	
S. N. Filimontchik. ROLE OF SCIENTIFIC RESEARCH INSTITUTES IN KARELIA IN THE DEVELOPMENT OF THE HUMANITIES DURING THE 1930s	104
T. G. Ivanova. ROLE OF SCHOLARS FROM LENINGRAD IN ESTABLISHMENT OF FOLKLORE STUDIES IN KARELIAN RESEARCH INSTITUTE	116
Tapio Hämynen. 40 YEARS OF STUDIES OF KARELIA AND RUSSIA AT THE UNIVERSITY OF JOENSUU FACULTY OF HUMANITIES	124
I. Yu. Vinokurova, K. K. Loginov. R. F. NIKOL'SKAYA AND FOUNDER OF ETHNOGRAPHIC SCIENCE IN KARELIA	133
DATES AND ANNIVERSARIES	
Yu. A. Savateev. Grigorii Pankrushev and archaeology in Karelia	142
E. Stepanova. Alexandra Stepanova (on the 80 th anniversary)	146
REVIEWS AND BIBLIOGRAPHY	
A. V. Golubev. Concepts of the history of Soviet Karelia in the 1920s–1930s in studies by M. Kangaspuro and N. Baron	150
S. M. Lojter. Panegyric bylina, panegyric lamentation, panegyric fairytale	155
INSTRUCTION FOR AUTHORS	159

Научное издание

**Труды Карельского научного центра
Российской академии наук**

№ 4, 2010

Серия ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ. Вып. 1

*Печатается по решению
Президиума Карельского научного центра РАН*

Редактор Л. В. Кабанова
Оригинал-макет Г. А. Тимонен

Подписано в печать 06.09.2010. Формат 60x84¹/₈.
Гарнитура Pragmatica. Печать офсетная. Уч.-изд. л. 15,8. Усл. печ. л. 19,0.
Тираж 500 экз. Изд. № 119. Заказ 894.

Карельский научный центр РАН
Редакционно-издательский отдел
185003, г. Петрозаводск, пр. А. Невского, 50